

ISSN 2073-0101

ВЕСТНИК АРХИВИСТА

www.vestarchive.ru

---

www.arhivemagazine.com

4 / 2011

Российский журнал «ВЕСТНИК АРХИВИСТА»

Российский историко-архивоведческий журнал «Вестник архивиста» публикует статьи по следующим направлениям:
документалистика, документоведение, архивоведение – **05.25.02**;
историография, источниковедение и методы исторического исследования – **07.00.09**;
отечественная история – **07.00.02**;
всеобщая история – **07.00.03**.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и Перечень ВАК

Журнал осуществляет информационное и методическое обеспечение организационной и научно-исследовательской деятельности Российского общества историков-архивистов (РОИА) и Росархива. Публикации материалов преследуют цели ведомственного и профессионального объединения сотрудников архивов, музеев, библиотек, научных институтов, профессорско-преподавательского состава университетов, гуманитарных факультетов высших учебных заведений, историков, архивистов, ученых, учителей и преподавателей школ и средних специальных учебных заведений, краеведов, экскурсоводов, а также распространения историко-архивоведческих знаний посредством публикации исторических источников и введения их в научный оборот.

Акты Росархива, признанные Министром РФ не нуждающимися в государственной регистрации, подлежат опубликованию в ежеквартальном журнале «Вестник архивиста» (Приказ Федерального архивного агентства № 30 от 2.07.2008 г.).

Редакция принимает материалы по адресу:
E-mail: info@vestarchive.ru

Почтовый адрес редакции:
117393 Москва, ул. Профсоюзная, 82. РОИА. Редакция журнала «Вестник архивиста»
Тел. для справок: **8-499-724-30-13** (пн, ср, чт: 14.00 – 16.00)

Редакционная коллегия журнала «Вестник архивиста» знакомится с присланной статьей и принимает решение. Редакция информирует автора о решении редакционной коллегии, оставляя за собой право не вступать в обсуждение достоинств и недостатков статьи. Рецензии членов редакционной коллегии автору не высылаются. Рукописи не возвращаются.

Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения авторов. Ответственность за достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы.

Присланные в редакцию материалы, в том числе аспирантов, получившие положительные рецензии и одобренные редакционной коллегией, публикуются бесплатно.

Приложения – сетевые журналы:
www.vestarchive.ru, www.arhivemagazine.com

Журнал распространяется только по подписке. Условия подписки – на 4-й стр. обложки.
Журнал «Вестник архивиста» выходит один раз в три месяца (4 номера в год) объемом 20 п.л.; 320 стр.
После опубликования статьи автор получает в редакции по предварительной договоренности 1 экземпляр журнала бесплатно.

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста журнала «Вестник архивиста» в любой форме и любым способом не допускается без письменного разрешения редакции.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32230 от 7 июня 2008 г.

**ВЕСТНИК
АРХИВИСТА**

ISSN 2073-0101

2011

№ 4 (116)

ОКТАБРЬ – ДЕКАБРЬ

Основан в 1991 г.

www.vestarchive.ru

---

www.arhivemagazine.com

В 2011 году выходит 4 номера журнала

В ближайших номерах:

Моделирование как метод построения
комплексной системы защиты архивных документов

Архивные источники по проблемам истории взаимоотношений
СССР и государств Индокитая в 1940–1970 гг.

Документы Государственного архива Российской Федерации
об отмене религиозного образования и введении
антирелигиозного воспитания в советской России. 1917–1929 гг.

Жалобы в органы власти как источник изучения
советской повседневности

Письма братьев Ардашевых в Вятскую ученую архивную комиссию

Источники о ревизии Смоленской епархии 1907 г.
и отставке епископа Смоленского Петра (Другова)

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки журнал «Вестник архивиста» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-АРХИВИСТОВ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

И. А. Анфертьев, кандидат исторических наук,
заслуженный работник культуры РФ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. Н. Артизов, доктор исторических наук

М. Д. Афанасьев, кандидат педагогических наук,
заслуженный работник культуры РФ

В. Ю. Афиани, кандидат исторических наук, доцент

А. Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор

Т. М. Булавкина

С. Р. Долгова, кандидат филологических наук,
заслуженный работник культуры РФ

З. П. Иноземцева, заместитель главного редактора,
кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ

В. П. Козлов, член-корреспондент Российской академии наук

М. В. Ларин, доктор исторических наук, профессор,
заслуженный работник культуры РФ

С. В. Мироненко, доктор исторических наук

О. В. Наумов, кандидат исторических наук

Е. И. Пивовар, член-корреспондент Российской академии наук

Ю. С. Пивоваров, академик Российской академии наук

В. П. Тарасов

Е. А. Тюрина, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ

Т. И. Хорхордина, доктор исторических наук, профессор

В. А. Черных, кандидат исторических наук

А. А. Чернобаев, доктор исторических наук, профессор

А. О. Чубарьян, академик Российской академии наук

А. С. Шапошников, кандидат технических наук

С. О. Шмидт, академик Российской академии образования

РЕДАКЦИЯ:

В. В. Борисов (редактор приложений – сетевых журналов www.vestarchive.ru, www.arhivemagazine.com); **Н. В. Глишинская** (дизайн и верстка); **В. Б. Прозорова**, кандидат исторических наук (руководитель представительства журнала в Европе, Париж, Франция); **Д. В. Савин** (ведущий научный редактор); **М. Н. Селезнев** (редактор приложений – сетевых журналов www.vestarchive.ru, www.arhivemagazine.com); **О. Н. Солдатова**, кандидат исторических наук (руководитель представительства журнала в Приволжском федеральном округе, г. Самара); **М. С. Исакова**, кандидат исторических наук (руководитель представительства журнала в Республике Узбекистан, Ташкент)

**ПРОБЛЕМЫ АРХИВОВЕДЕНИЯ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ,
ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ, АРХЕОГРАФИИ**

Т.Е. ШАБАНОВА, Г.А. ХАБИБУЛИНА

**О РАБОТЕ ФЕДЕРАЛЬНЫХ
АРХИВНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
ПО СОЗДАНИЮ И ОРГАНИЗАЦИИ
ХРАНЕНИЯ СТРАХОВОГО ФОНДА
КОПИЙ УНИКАЛЬНЫХ
И ОСОБО ЦЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ
АРХИВНОГО ФОНДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

***Shabanova T.E., Habibulina G.A. About work
of federal archival establishments on storage
creation and organization of insurance fund
of copies unique and especially important
documents of Russian Federation archival fund***

Аннотация / Annotation

Статья посвящена актуальным вопросам страхового копирования уникальных и особо ценных архивных документов Архивного фонда Российской Федерации. Ретроспективный подход к рассмотрению нормативно-методических, теоретических и практических решений страхового копирования в федеральных архивах Российской Федерации позволил авторам всесторонне осветить проблему и поставить ряд актуальных вопросов, связанных с обоснованием критериев отбора архивных документов для страхового копирования.

This article is devoted to actual questions of insurance copying of unique and especially valuable archival documents of Archival fund of the Russian Federation. The retrospective approach to consideration of methodical, theoretical and practical decisions of insurance copying in federal archives of the Russian Federation has allowed authors to cover comprehensively a problem and to put a number of the actual questions connected with a substantiation of criteria of selection of archival documents for insurance copying.

Ключевые слова / Keywords

Страховое копирование, особо ценный архивный документ, уникальный архивный документ, критерии отнесения архивного документа к категории уникальных и особо ценных, федеральные государственные архивы, единый российский страховой фонд документации (ЕРСФД). Insurance copying, especially valuable archival document, unique archival document, criteria of reference of the archival document to a category unique and especially valuable, federal state archives, united Russian insurance fund of the documentation (ERSFD).

В системе мер по повышению безопасности и обеспечению сохранности документов Архивного фонда Российской Федерации особое место занимает страховое копирование. Законодательной основой проведения этой работы является п. 3 ст. 17 Федерального закона от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации», в соответствии с которым на уникальные и особо ценные документы создаются их страховые копии. Согласно п. 4 названной статьи, порядок их создания и хранения определяется специально уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти. Указанная законодательная норма реализована в соответствующих разделах «Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук», утвержденных приказом Минкультуры России от 18.01.2007 № 19 (зарегистрирован Минюстом России, регистрационный № 9059 от 06.03.2007), устанавливающих нормативные требования по страховому копированию документов Архивного фонда Российской Федерации.

Повышению статуса страхового фонда копий уникальных и особо ценных документов Архивного фонда Российской Федерации способствовало его включение в состав единого российского страхового фонда документации (ЕРСФД), что обусловило также возможность разработки с участием НИИ Репрографии (головная организация по научно-методическому и научно-техническому обеспечению работ по созданию ЕРСФД) и утверждения в установленном порядке комплекса ГОСТов в рамках общегосударственного гостирования этой деятельности. Подготовлены и введены в действие приказами Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии:

ГОСТ Р 33.505-2003 «ЕРСФД. Порядок создания страхового фонда документации, являющейся национальным научным, культурным и историческим наследием»;

ГОСТ Р 13.1.107-2005 «Репрография. Микрография. Микроформы архивных документов. Общие технические условия»;

ГОСТ Р 33.3.02-2008 «ЕРСФД. Страховые копии документации, являющейся национальным научным, культурным и историческим наследием. Общие технические условия»;

ГОСТ Р 33.1.02-2008 ЕРСФД «Страховые копии кинодокументов и фотодокументов. Общие технические условия»;

ГОСТ Р 33.3.02-2008 ЕРСФД «Страховые копии документации, являющейся национальным научным, культурным и историческим наследием. Общие требования к условиям хранения».

Главная заслуга в подготовке ГОСТов принадлежит специалистам РГАНТД, которые по представлению Росархива являлись постоянными членами Технического комитета по стандартизации ЕРСФД Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии.

Начало работы по страховому копированию документов в государственных архивах России относится к концу 1950-х гг., когда реставрационно-переплетные мастерские государственных архивов стали оснащаться микрофильмирующим оборудованием (УДМ, АКМ) и были преобразованы в лаборатории. С 1960-х гг. ведут отсчет своей деятельности и Лаборатория микрофильмирования и реставрации документов федеральных архивов в г. Москве и Центр по обеспечению сохранности документов в г. Санкт-Петербурге.

В этот же период начато строительство комплекса хранилищ для уникальных фондов и страховых копий, которое было завершено в 1975 г.

Вплоть до 1990 г. для этого направления характерно наращивание объемов работ. Однако в конце 1990-х гг., ввиду резкого ухудшения финансового положения федеральных архивных учреждений, создание страхового фонда в федеральных архивах было практически прекращено. В 1998 г. ликвидированы как самостоятельные организации Лаборатория микрофильмирования и реставрации документов федеральных архивов в Москве и Центр по обеспечению сохранности документов в Санкт-Петербурге, которые включены

в состав соответственно РГАНТД и РГИА на правах структурных подразделений.

Сформировавшаяся в тот период сеть лабораторий федеральных архивов, ведущих страховое копирование документов на бумажной основе, за прошедшее время не претерпела изменений. Работы по страховому копированию ведут Лаборатория микрофильмирования и реставрации документов (ЛМРД) РГАНТД, выполняющая отраслевые функции (обслуживает ГАРФ, РГАЭ, РГАДА, РГВИА, РГВА, РГАЛИ, РГАНИ), Лаборатория микрофильмирования и реставрации документов РГИА (обслуживает РГАВМФ). Помимо этого, изготовление страховых копий осуществляют Отдел репродукации, консервации и реставрации документов РГАСПИ, Отдел создания страхового фонда и реставрации документов ГАРФ, Отдел реставрации и микрофильмирования документов филиала РГАНТД в г. Самаре.

Новый этап в организации работ по страховому копированию связан с реализацией с 2001 г. федеральных целевых программ. Программное финансирование позволило в плановом порядке возобновить работы по созданию страхового фонда и фонда пользования, приступить к переоснащению лабораторий.

Особое внимание уделялось лаборатории РГАНТД, для которой закуплено 3 съемочных аппарата, 2 проявочных машины, установка по очистке стоков от проявочных машин. Новый микрофильмирующий аппарат получил РГАСПИ.

Переоснащение лаборатории РГИА решалось, в основном, в рамках введения в эксплуатацию нового комплекса зданий архива.

В 2010 г. в связи с завершением строительства нового лабораторного корпуса ЦХСФ приобретено современное оборудование для лаборатории Центра.

Всего за период с 2001 г. в федеральные архивы поставлено около 40 единиц оборудования для изготовления страхового фонда и фонда пользования, контроля их технического состояния, консервационно-профилактической обработки.

Наряду с выделением программных средств на производство работ, улучшение технического оснащения лабораторий позволило за период с 2006 г. изготовить свыше 8,6 млн кадров страховых копий с документов на бумажной основе. Страховой фонд пополняется также

в ходе реализации международных договоров. Особенно активно в этом направлении ведет работу ГАРФ.

За последнее 10-летие на 20% – с 2,5 млн ед. хр. до почти 3,0 млн ед. хр. – возросло количество особо ценных дел, на которые создан страховой фонд, Его объем только на документы на бумажной основе составляет свыше 370,0 млн кадров. Однако в процентном отношении страховые копии имеют лишь 32% особо ценных дел.

Имеющийся в федеральных архивах парк микрофильмирующей техники мог бы обеспечить гораздо больший объем работ. По данным федеральных архивов годовая расчетная производительность имеющегося оборудования составляет почти 3,6 млн кадров, в то время как в 2010 г. было изготовлено 1,7 млн кадров.

Причина такого положения дел – ограниченность средств на приобретение расходных материалов, стоимость которых возрастает.

Несмотря на проведенную работу, проблема переоснащения лабораторий федеральных архивов микрофильмирующей техникой еще не решена в полном объеме.

Нуждается в модернизации лаборатория ГАРФ, основное оснащение которой составляет микрофильмирующее оборудование, полученное в начале 1990-х гг. в ходе реализации Гуверовского проекта; лаборатория филиала РГАНТД в г. Самаре, в которой поддерживается в рабочем состоянии Пентакта выпуска 1989 г.

Следует отметить также, что в лабораториях имеется значительный парк техники в неудовлетворительном техническом состоянии. Нуждаются в ремонте и не эксплуатируются 11 микрофильмирующих установок, а еще 3 – подлежат списанию.

Определенные позитивные сдвиги имеют место в проведении работ по страховому копированию аудиовизуальных документов. Количество фотодокументов, на которые создан страховой фонд, на 27% превышает общее количество особо ценных документов, учтенных в паспортах. Страховой фонд создан на 63% особо ценных фонодокументов. В РГАФД копии изготовлены на все дореволюционные звукозаписи (2,515 тыс. ед. хр.).

Наиболее сложная ситуация складывается в части страхового копирования особо ценных кинодокументов (17%) из-за высокой стоимости работ. В рамках федеральных целевых программ

удалось решить проблему страхового копирования только для особо ценных кинодокументов, хранящихся в РГАНТД.

В РГАКФД за последние годы изготовлены копии на 148 ед. хр. особо ценных кинодокументов и 4,6 тыс. ед. хр. фотодокументов на стеклянной основе. Настоятельной необходимостью для этого архива является приобретение комплекса оборудования для оцифровки кинодокументов.

Эффективность проводимых работ находится в прямой зависимости от обеспечения сохранности созданных страховых копий.

За последние 5 лет в действующий в системе Росархива Центр хранения страхового фонда передано свыше 6,4 млн кадров страховых копий. Все они прошли проверку технического состояния и, при необходимости, консервационно-профилактическую обработку с учетом требований соответствующих ГОСТов и «Рекомендаций по проведению оценки физико-химического состояния страхового фонда», подготовленных РГАНТД. Справки по итогам этой работы представлены в Росархив и в соответствующие федеральные архивы. Как показывают результаты проверок, качество фотографического изображения микроформ удовлетворительное, дефектов биологического и химического происхождения не выявлено.

На основе подготовленных РГАНТД с участием РГАКФД специальных рекомендаций Центр осуществляет контроль за состоянием страховых копий в части выявления так называемого «укусного синдрома» – разложения триацетатной пленки с появлением запаха уксусной кислоты. В настоящее время даже в самых ранних копиях производства 1950-х гг. прошлого века процесс хоть и имеет место, но не активный, единицы хранения не нуждаются в перекопировании.

Задача сохранения созданного страхового фонда решается на основе укрепления материально-технической базы ЦХСФ. За последние годы в хранилищах страхового фонда модернизированы электросети, установлена новая система кондиционирования воздуха. Весь комплекс ЦХСФ оснащен современной охранно-пожарной сигнализацией, введена в строй новая котельная.

Важнейшим шагом в развитии инфраструктуры не только ЦХСФ, но и всех федеральных архивов, явилось завершение в апреле 2011 г. строительства нового лабораторного корпуса, оснащенного современным оборудованием для контроля качества микроформ и

изготовления копий фонда пользования на пленочных и электронных носителях. Перед ЦХСФ стоит задача освоения нового оборудования.

По-прежнему актуальным остается качество отбора документов для страхового копирования. История вопроса такова. Вплоть до конца 1970-х гг. проводилось в основном сплошное микрофильмирование фондов, в результате чего страховые копии создавались на дублетные, поглощенные, а иногда и малоценные документы. Например, в одном из государственных архивов в каждом из фондов уездных исполкомов микрофильмировались типографские экземпляры протоколов заседаний губисполкома, подлинники которых также хранились в этом архиве и были смикрофильмированы.

В 1978 г. приказом Главархива РСФСР был определен круг фондов, документы которых подлежали обязательному и первоочередному микрофильмированию как особо ценные. Наряду с фондами военно-революционных комитетов, к числу особо ценных предлагалось относить документы органов государственной власти и управления автономных республик, краев и областей, органов народнохозяйственного учета и статистики, а также уникальные документы других фондов, в том числе дореволюционного периода.

Вместе с тем, архивным органам предоставлялось право по предложениям госархивов, согласованным с ЭПК, расширять или сужать круг фондов и видов документов, подлежащих микрофильмированию с целью создания страхового фонда, исходя из характера и значения хранящихся в госархивах фондов. В целях устранения непроизводительных затрат на микрофильмирование дублетных документов организационно-распорядительного характера (постановлений, решений, распоряжений и др.), было рекомендовано относить к числу особо ценных только документы организаций-фондообразователей. В 1980 г. вышла в свет «Инструкция о выявлении, учете, описании и хранении особо ценных документов», в которой были сформулированы критерии отнесения документов к этой категории. Их шесть: значение фондообразователя; авторство документов; время создания документов; ценность содержащейся в документах информации; юридическая сила, подлинность документов; наличие художественных, палеографических особенностей документов.

Практически без изменений эти критерии вошли в подготовленные в 2006 г. ВНИИДАД новые методические рекомендации по ра-

боте с особо ценными документами, которые написаны на очень обширном материале с анкетированием государственных архивов. При этом уточнена лишь значимость критериев, из которых первыми по степени важности определены: время создания документа и ценность содержащейся в документах информации.

Критерий «значение фондообразователя» с первого места переместился на четвертое.

Указанные критерии нередко подвергаются критике, в том числе со стороны архивистов-практиков, но при этом не предлагается ничего нового. Такая критика, по мнению специалистов ВНИИДАД, связана со стремлением практиков получить однозначный инструментарий в области определения особо ценных документов, что, на наш взгляд, не состоятельно.

До начала 1990-х гг. работа по выявлению особо ценных документов не могла не носить идеологического характера. С современных позиций об этом говорить несложно, но совершенно очевидно другое: с изменением политической обстановки в стране изменились и взгляды на определение того, что может являться для общества особо ценным. В этой связи не сами критерии, а их толкование должно быть объективным.

Задача нелегкая. С учетом этого, критический анализ состава документов, ранее отнесенных к особо ценным, тщательный, поединичный отбор документов для страхового копирования, с коллегиальным обсуждением – обязательное условие качественной работы.

Настораживает также имеющее место мнение о необходимости первоочередного микрофильмирования наиболее используемых фондов, не отнесенных к категории особо ценных. Следует учитывать, что интенсивность использования тех или иных документов – лишь одно из проявлений политической, экономической и социальной конъюнктуры. Интенсивность использования документов не может являться самостоятельным критерием.

Уменьшение объема выдачи дел из хранилищ – это очень важная, но вторичная задача страхового копирования, тем более, что в настоящее время появилась возможность целевым порядком создавать фонд пользования на цифровых носителях. Следует напомнить, что страховой фонд создается в целях сохранения документной информации на случай утраты или повреждения подлинников уникальных

и особо ценных документов. В соответствии с п. 5 ст. 3 Федерального закона от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» особо ценный документ – документ Архивного фонда Российской Федерации, который имеет непреходящую культурно-историческую ценность, особую важность для общества и государства.

По данным последней паспортизации, в целом по федеральным архивам к особо ценным документам отнесено 22% от общего объема хранящихся документов. В субъектах Российской Федерации этот показатель стабильно составляет 2%. Наибольшее число дел отнесено к составу особо ценных в РГАДА (74%) и РГИА (69%). Не умаляя значимости документов, хранящихся в этих двух крупнейших исторических архивах России, представляется маловероятным, что все документы, отнесенные к категории особо ценных, отвечают указанной норме.

Развитие рассматриваемой сферы архивной деятельности связано с внедрением в практику федеральных архивов современных электронно-микрографических технологий.

Как известно, для создания страхового фонда и фонда пользования могут применяться:

СОМ-системы, с использованием которых изготавливаются электронные копии документов, с которых затем производятся микрофильмы;

гибридные системы, позволяющие одновременно изготавливать страховые копии на пленочном носителе и электронный образ документа в качестве фонда пользования;

оптическое микрофильмирование документов в сочетании со сканированием изготовленных копий.

На данном этапе наиболее оптимальным для федеральных архивов является стандартное изготовление страховых копий с документов на бумажной основе и последующее их сканирование для создания электронного фонда пользования. Применение этой технологии позволяет продолжить работу по созданию страхового фонда на пленочных носителях в соответствии с нормативными требованиями и в полной мере использовать имеющееся микрофильмирующее оборудование.

Для массовой оцифровки микрофильмов уже создана определенная техническая база: в 2010 г. в рамках федеральной целевой про-

граммы «Культура России (2006–2011 годы)» приобретен для ЛМРД РГАНТД специальный высокопроизводительный сканер, позволяющий оцифровывать несколько 300-метровых рулонов микрофильмов в смену, и устройство для хранения оцифрованных копий. Сканирующим оборудованием для 30-метровых рулонов микрофильмов располагает ЦХСФ. Сканеры микроформ имеются также в РГИА, РГАДА, РГАСПИ, РГАНИ, РГАЛИ.

Однако для того, чтобы организовать внедрение электронно-микрографической технологии в практическую деятельность федеральных архивов, необходимо организационно и методически проработать эти вопросы, в том числе определить порядок создания, хранения, учета и использования цифровых копий. В нормативном закреплении нуждается уже сложившаяся практика изготовления цифровых копий аудиовизуальных документов.

Создание цифрового фонда пользования в рамках страхового копирования предполагается вести параллельно с целевой оцифровкой документов, что предусмотрено проектом Программы информатизации Федерального архивного агентства на 2011–2020 гг., одобренной коллегией Росархива 22 февраля 2011 г. Указанная программа и федеральная целевая программа «Культура России (2012–2016 годы)», формирование которой завершается в настоящее время, явятся основным источником финансирования работ.

Определяя оптическое микрофильмирование в сочетании со сканированием негативных микроформ в целях создания цифровых копий фонда пользования в качестве приоритетного направления, представляется нецелесообразным на данном этапе отказываться и от создания фонда пользования на пленочных носителях.

Названные и другие вопросы стали предметом обсуждения на состоявшемся 26 мая 2011 г. заседании коллегии Росархива. Положительно оценив работу федеральных архивных учреждений по созданию и организации хранения страхового фонда копий уникальных и особо ценных документов Архивного фонда Российской Федерации, коллегия определила приоритетное направление ее дальнейшего совершенствования и развития, в основе которого – применение современных электронно-микрографических технологий, сочетающих оптическое микрофильмирование со сканированием изготовленных страховых копий.

Коллегия поручила соответствующим структурным подразделениям Росархива при распределении средств в рамках реализации государственной программы «Культура России (2012–2016 годы)» обеспечить увеличение финансирования по страховому копированию архивных документов, предусмотреть выделение средств на соответствующие научные исследования в области создания страхового фонда, в том числе с использованием цифровых технологий, а также организовать подготовку дополнений к «Правилам организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук» в части определения состава страховых копий и копий фонда пользования аудиовизуальных документов на традиционных и электронных носителях.

Директорам федеральных архивов поручено разработать и утвердить планы создания страхового фонда на 2012–2016 гг., исходя из объемов работ, на 30% превышающих выполненные в 2006–2010 гг. При этом особое внимание предлагается обратить на состав документов, планируемых к страховому копированию, имея в виду создание страхового фонда только на уникальные и особо ценные документы.

Перед РГАНТД поставлена задача: организовать в 2012 г. подготовку технологического регламента изготовления цифровых копий фонда пользования методом сканирования микроформ страхового фонда и его экспериментальное апробирование на базе ЛМРД РГАНТД и ЦХСФ, а также подготовить требования и ориентировочные нормативы по созданию, хранению, учету и использованию фонда пользования фото- и фонодокументов на цифровых носителях и устройствах.

В качестве важнейшей задачи для ЦХСФ на ближайшую перспективу определен пуск в эксплуатацию и освоение оборудования, полученного в рамках строительства нового лабораторного корпуса Центра.

Федеральные архивные учреждения приступили к работе по реализации решения коллегии Росархива.

П.К. ЧУРЛАНОВА

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОКУМЕНТОВ АРХИВНОГО ФОНДА РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

**Churlanova P.K. Documents use
in the Dagestan Republic archival fund**

Аннотация / Annotation

В статье рассматриваются основные направления использования документов Архивного фонда Республики Дагестан в 1990–2010 гг., система научно-справочного аппарата, кадровая и другие проблемы развития архивного дела в республике, пути их решения.

This article is devoted to analysis of the basic directions of the use of the Dagestan Republic Archival fund in 1990–2010, creation of finding aids system for the records, the basic problems arising in the work of the republican archival institutions, a way of their solving.

Ключевые слова / Keywords

Архивный фонд Республики Дагестан, ЦГА Республики Дагестан, Республиканский государственный архив документов по личному составу, муниципальные архивы, использование архивных документов, научно-справочный аппарат. The Archival fund of Dagestan Republic, the Central state archives of the Dagestan Republic, the Republican state archives of the staff records, municipal archives, use of archival records, inquiries, search of records information, finding aids system for records.

Одним из первых важных шагов перестройки деятельности архивных учреждений Республики Дагестан в постсоветский период явилась их переориентация на нужды человека. Документальное наследие, хранящееся в двух государственных и 52-х муниципальных архивах, а это более 2 млн ед. хр., востребовано обществом в самых разных целях. В связи с этим приоритетным в работе архивистов в последние два десятилетия стало использование документов, с тем, чтобы отраженная в документах социальная память как можно полнее служила интересам граждан и всего общества.

Многочисленное возрастание обращений в архивы по всем видам использования документной информации в 1990-е гг. потребовало активизации практически всех форм использования архивных документов по исполнению запросов социально-правового характера, подготовке информационных материалов и тематических обзоров, публикаций и подборок в СМИ, проведении документальных выставок, экспозиций

и научно-практических конференций, издания сборников документов. Информирование органов государственной власти, учреждений и организаций, которое проводится, в основном, по согласованным с потребителями информации планам, стало при этом одним из главных показателей эффективности работы архивов. Наиболее часты обращения с их стороны по вопросам законопроектной деятельности, внесения изменений в территориальные и земельные границы между административными делениями и хозяйствующими субъектами, проведения строительных работ, реконструкции объектов и памятников культуры. По запросам Президента и Правительства Республики Дагестан (РД) были подготовлены копии соглашений и информации по водоразделу между Азербайджаном и Дагестаном по реке Самур и строительству Самур-Девичи канала (к встрече президентов республик), по истории создания канала им. Октябрьской революции (к его реконструкции), по образованию населенных пунктов и отводу под эти и другие цели земель. С расширением доступа к архивной информации возросло количество обращений заинтересованных организаций по истории создания предприятий различных отраслей народного хозяйства (в основном, в связи с юбилейными датами).

Архивными учреждениями Республики Дагестан за 2001–2009 гг. исполнено 4 377 тематических запроса, что в семь раз больше, чем за 1991–2000 гг. Заметно усилилась в последнее десятилетие работа по инициативному информированию, в том числе в связи с событиями, имеющими международное, общероссийское и республиканское значение. Архивными учреждениями к юбилейным датам было подготовлено большое количество тематических подборок документов по истории городов и районов, о жизни и деятельности выдающихся государственных и общественных деятелей: «Выдающиеся сыны Дагестана» (о А.Д. Даниялове и М-С.И. Умаханове); «Расул Гамзатов – душа и сердце Дагестана». К юбилеям районов подготовлены буклеты о первых руководителях Гунибского и Сулейман-Стальского районов.

Особенно широко развернулась эта работа в период подготовки к 60-летию победы в Великой Отечественной войне. Руководителям муниципальных образований, учреждений и организаций Комитет Правительства РД по делам архивов направил информационные письма с приложением списков участников Великой Отечественной войны и

других военных конфликтов, награжденных почетными грамотами Президиума Верховного Совета ДАССР, списков добровольцев, ополченцев, мобилизованных в армию и на трудовой фронт. Архивисты подготовили «Перечень документов по истории Великой Отечественной войны в фондах предприятий промышленности», отражающий патриотическую помощь тыла фронту. К 60-летию Победы был подготовлен также цикл радиопередач «Хроника Победы»: ежедневно по республиканскому радио шла передача о военных событиях на фронтах и трудовых буднях в тылу в суровые военные годы. Всего прозвучали 182 передачи на русском и национальных языках, было опубликовано 67 статей о героизме воинов-дагестанцев и о труженниках тыла. Подготовлен сборник документов «Промышленность, сельское хозяйство и культура Дагестана в годы войны». Стали традиционными проводимые ко дню Победы совместно с органами народного образования республиканские конкурсы сочинений школьников: «Они сражались за Родину», «Дети о дедах», «Фронтовые треугольники», конкурсы детского творчества «Детство без границ», краеведческие олимпиады и другие.

Работа ученика 9 класса Левашинской средней школы № 2 М.З. Мусаева (руководитель – зав. архивным отделом МО «Левашинский район» Ф.И. Хариева) отмечена в числе лучших на Всероссийском конкурсе исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия – XX век». В период подготовки и празднования 10-летия разгрома бандформирований, вторгшихся в Дагестан в 1999 г., архивами совместно с учреждениями культуры также проведены круглые столы, тематические вечера, теле- и радиопередачи, выставки документов и фотовыставки, оформлены фотоальбомы, лучшие из которых были представлены на республиканской выставке. С использованием архивных документов только Администрацией Ботлихского района (авторы: заведующая архивным отделом П.Б. Алиева и начальник отдела образования А.И. Измайлов) изданы книги «Этот праздник со слезами на глазах», «Ботлихский – мой район», «Разум сильнее оружия», «Учитель, перед именем твоим». Архивные документы широко использовались при подготовке и издании «Книги памяти» и «Солдаты Отечества» (об участниках Второй мировой войны и других военных конфликтов), вызвавшие огромный интерес не только жителей республики, но и далеко за ее пределами

(издано соответственно 10 и 12 томов). Получены сотни откликов из-за пределов республики, из разных уголков мира, в том числе с просьбами получить издания.

Выставочная деятельность архивов стала действенным средством патриотического воспитания граждан. Если за 1991–2000 гг. ЦГА РД было проведено всего 7 экспозиций документов, то только в одном 2003 г. архивными учреждениями республики документальных выставок было проведено в десять раз больше. Всего за 2001–2009 гг. подготовлено и проведено 193 документальные выставки. Наибольший интерес вызвали выставки «Документальное наследие Победы», «Патриотическая помощь дагестанцев фронту и семьям фронтовиков», «Роль женщины в достижении Победы», «Расул Гамзатов – гражданин и человек», «Становление архивного дела Дагестана». В читальном зале ЦГА РД экспонируется постоянно действующая выставка: «Дагестанцы – Герои Советского Союза» и выставка книжных изданий и публикаций о Великой Отечественной войне. Растущая популярность выставок объясняется тем, что архивы стали экспонировать, делая публичным достоянием, неизвестные и малоизвестные документы. Муниципальные архивы из-за отсутствия соответствующих помещений проводят выставки в школах, библиотеках, музеях, в зданиях администраций. Документальные и фото-выставки помогают молодому поколению глубже познать историю Дагестана с ее героическими и трагическими страницами.

Архивные документы широко используются в научных целях. Большой общественный резонанс получили научно-практические конференции: «Архивы на службе общества и государства», «Архивный фонд как информационный ресурс общественно-политического, экономического и культурного развития республики» и проведенные совместно с Институтом истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН научные конференции «Россия и Дагестан: история многовековых взаимоотношений и единения», посвященная 150-летию окончательного присоединения Дагестана к России и окончанию Кавказской войны.

В ходе подготовки конференций впервые в научный оборот введены рассекреченные в последние годы документы досоветских фондов и снятые с ограниченного доступа фонды городских и районных военкоматов; традиционным стало проведение документальных вы-

ставок по теме конференций. С использованием архивных документов только за последнее десятилетие написаны десятки монографий, защищены кандидатские и докторские диссертации, подготовлены и изданы десятки сборников документов. В их числе подарочное издание сборника документов «Административно-территориальное деление Дагестана 1921–2008 гг.», а также книги «Архивы Дагестана» и «Хроника архивного строительства в Дагестане 1921–2008-е гг.» и подготовленный архивистами, изданный при финансовой поддержке Администрации города Махачкалы сборник документов «Махачкала 1947–2007 гг.».

Важнейшим направлением использования архивных документов является исполнение социально-правовых запросов, обеспечение законных прав и интересов граждан. В связи с внесением изменений и дополнений в пенсионное законодательство и реализацией Федерального закона «О реабилитации жертв политических репрессий»¹, наибольшее количество обращений граждан в архивы наблюдалось в начале 1990-х гг. Архивными учреждениями в 1993 г. было выдано 12 700 справок. Тысячи репрессированных, члены их семей, пострадавшие от нацистских преследований, в т.ч. бывшие граждане республики, проживающие за ее пределами и за рубежом, благодаря архивным справкам, получили право на реабилитацию, материальные выплаты и денежные компенсации. В последующие годы вплоть до 2005 г. наблюдалось сокращение запросов.

С 2005 г. в связи с принятием Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»², а также Указа Госсовета РД «Об утверждении Положения и условиях присвоения звания «Ветеран труда»³ и постановления Госсовета РД «О внесении изменений в постановление Госсовета РД от 21.03.2003 г. № 30 «О дополнительном материальном обеспечении неработающих пенсионеров, имеющих особые заслуги перед Республикой Дагестан»⁴, с новой силой возросло количество обращений в архивы и объем справочной работы значительно увеличился.

В последующие годы в архивы ежегодно стало поступать более 17 тыс. социально-правовых запросов, усложнился характер запросов. Справки по стажу работы запрашиваются, к примеру, за 10–15 лет и более, сложны для исполнения справки по имущественным, наследственным, земельным отношениям. Архивными учреждениями

за 2001–2009 гг. выдано 87 тыс. справок социально-правового характера: по вопросам реабилитации репрессированных, судимости, о выселении и переселении, конфискации имущества и домовладений, лишении избирательных прав, нахождении в плену, награждении орденами и медалями, присвоении почетных званий, по нотариальным действиям и другим вопросам. При исполнении запросов граждан архивные учреждения работают в тесном контакте с органами социальной защиты и Пенсионным фондом. По запросам Министерства труда и социального развития, к примеру, ЦГА РД ежегодно проводится перепроверка подлинности представляемых в министерство более чем 300 справок по присвоению звания «Ветеран труда». В связи с постоянными изменениями в пенсионном законодательстве все больше становится проверок со стороны Пенсионного фонда по исполнению социально-правовых запросов граждан архивными учреждениями, хотя смысл проведения этих проверок не совсем понятен.

Другим важным видом работы является предоставление услуг через читальные залы архивов. Для удобства пользователей и в целях лучшей организации использования документов в обоих зданиях ЦГА РД созданы и функционируют два читальных зала, которые оснащены всем необходимым оборудованием и научно-справочным аппаратом; организовано консультирование пользователей опытными архивистами, оказываются дополнительные услуги по ксерокопированию документов и другие. В читальных залах вывешены: перечень платных услуг и прейскуранты на все услуги. Ветеранам Великой Отечественной войны и другим заслуженным людям услуги оказываются бесплатно. Рассмотрев вопрос организации работы читального зала в соответствии с Правилами работы читальных залов государственных архивов, утвержденных Росархивом в 1998 г., коллегией Комитета было решено для удобства пользователей и в целях обеспечения сохранности документов в двухэтажном здании, где расположены дореволюционные фонды, открыть второй читальный зал. В итоге число пользователей в читальных залах архива возросло. Если в 1991–2000 гг. в среднем число посещений составляло 1–2, то за 2001–2009 гг. через читальный зал обслуживается по 5–6 пользователей ежедневно, причем в последние три года ежегодно оформляется по 150 и более новых пользователей. Таким образом, читальные залы ЦГА РД в последние десять лет обслужили более 11 тыс. поль-

зователей, что в пять раз больше, чем в 1991–2000 гг. Это ученые – историки, аспиранты, студенты, краеведы, журналисты, работники органов государственной власти и местного самоуправления, граждане, занимающиеся исследованиями в собственных интересах (поисками сведений о своем роде), т.е. генеалогическими изысканиями, хотя необходимо отметить, что в нашей республике пока бума по генеалогии, подобного другим регионам, не наблюдается. В некоторых муниципальных архивах также оборудованы места для работы пользователей, однако, во многих муниципальных архивах отсутствие условий является основной причиной малодоступности архивных документов для граждан.

Основой эффективного использования документов, как известно, является система научно-справочного аппарата к документам Архивного фонда государства. В связи с резким возрастанием количества потребителей информации, числа запросов, информационного обеспечения органов власти, необходимым становится повышение качества описательных статей и их унификации для различных типов архивных справочников, как в традиционном, так и в автоматизированном вариантах, внедрение стандартизированных форматов описания архивных документов для основных типов и видов архивных справочников. В ЦГА РД подготовлен Путеводитель по фондам и межфондовые указатели, систематический, тематический, именной каталоги, каталог по истории госучреждений, фотокаталог, каталоги НТД и АТД, а также картотека по награжденным орденами и медалями Союза ССР, РСФСР.

Вместе с тем, одной из главных проблем остается недостаточная удовлетворенность потребителей архивной информации. Зачастую это связано со слабой работой по рассекречиванию документов. Не соответствуют современным требованиям и темпы внедрения в практику архивной работы автоматизированных систем и других новейших архивных технологий. Из-за отсутствия финансовых средств на приобретение оборудования в течение нескольких лет была приостановлена работа по созданию фонда пользования, в том числе и в электронном виде. Существует проблема создания в короткие сроки электронных аналогов наиболее важной и используемой части НСА (описей, каталогов, указателей и др.), предоставления их пользователям в читальном зале и на архивном сайте, создания оцифрованных

копий архивных документов, содержащих наиболее востребованные ретроспективные сведения с целью обеспечения доступа широкого круга пользователей к электронным аналогам НСА в режиме удаленного доступа (в читальном зале, сети Интернет).

Для решения этих проблем необходимы кадры, способные на основе современных научных знаний решать задачи повышения эффективности и качества информационно-справочной деятельности архивов. В настоящее время такие кадры отсутствуют. Этот вопрос стоит крайне остро, так как готовить кадры на базе РГУ из-за отсутствия финансовых средств не представляется возможным, а в высших учебных заведениях республики такая специальность не введена вообще.

Республиканская целевая программа «Развитие архивного дела в Республике Дагестан на 2008–2010 гг.» по реализации государственной политики по развитию отрасли архивного дела в числе мер предусматривает значительные финансовые средства по популяризации документальных богатств архивов. Эти меры, а также поручение постановлением Правительства РД руководству Дагестанского государственного университета рассмотреть вопрос открытия специальности по подготовке кадров для архивных учреждений на историческом факультете, позволяют надеяться на решение поставленных стратегических задач, в том числе по удовлетворению растущих потребностей граждан и общества в ретроспективной информации.

Примечания

¹ Закон РСФСР от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1428 (с изменениями и дополнениями, внесенными от 22 декабря 1992 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1993. № 1. Ст. 21).

² Федеральный закон № 59-ФЗ от 02.05.2006 г. «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

³ Указ Госсовета РД от 17.02.2005 г. № 27 «Об утверждении Положения и условиях присвоения звания «Ветеран труда».

⁴ Постановление Госсовета РД от 21.10.2005 г. № 95 «О внесении изменений в постановление Госсовета РД от 21.03.2003 г. № 30 «О дополнительном материальном обеспечении неработающих пенсионеров, имеющих особые заслуги перед Республикой Дагестан».

⁵ Постановление Правительства Республики Дагестан «О республиканской целевой программе «Развитие архивного дела в Республике Дагестан на 2008–2010 годы» № 246 от 18.07.2008 г. СЗ РД.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДОКУМЕНТА. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

**Dvoenosova G.A. The socio-political analysis
of the document. The problem statement.**

Аннотация / Annotation

В статье рассматривается в качестве новой методологии социально-политический анализ документа в контексте отношений «документ и общество», «документ и власть», «документ и личность». Автор приходит к выводу, что социально-политический анализ позволяет расширить научные представления о документе, сформировавшиеся в рамках информационной парадигмы.

In the article are considered the problem of the socio-political analysis of the document as a new methodology of study. The aim of the socio-political analysis is considering the essence of the document as a socio-political phenomenon and identifying of its social role in relationships between document and society, document and authority, document and individual. The socio-political analysis will make it possible to broaden scientific notion of the document which has been formed within the limits of information paradigm.

Ключевые слова / Keywords

Документ, социально-политический анализ документа, социальная роль документа, статус документа, политический документ, рынок документов. Document, the socio-political analysis of the document, the social role of the document, the status of the document, a political document, the market of documents.

Учение о документе занимает центральное место в теории документоведения¹. Документ одновременно представляет собой и универсальный инструмент, и продукт, и объект социальных практик. Поэтому он привлекает к себе внимание специалистов из различных областей научного знания. Имеющиеся в настоящее время исследования по теории документа основаны на информационном, коммуникационном, историческом и правовом подходах к изучению его происхождения, признаков, свойств, функций, классификации. Наибольшее развитие получил информационный подход, в основе которого – понимание сущности документа через его информационную природу. Информационный подход связан с теорией информации, которая акцентирует внимание на количественных параметрах информации. С появлением кибернетики, изучающей качественное

многообразии информации и ее роль в управлении, информационный подход приобретает статус общенаучного².

В информационной парадигме документ рассматривается как зафиксированная на материальном носителе информация с точки зрения способов ее создания, фиксации, передачи, хранения и потребления. В исследовании документа на информационный подход опирались Г.Г. Воробьев, В.Н. Автократов, В.Д. Банасюкевич, А.Н. Сокова, М.П. Илюшенко, М.В. Ларин и др. На основе данного подхода Г.Г. Воробьевым была разработана информационная теория документа – методологическая основа документалистики³.

Идеи о связанной, свободной, актуальной и «мертвой» информации применительно к документу получили развитие в трудах В.Н. Автократова⁴. В работе, посвященной основным направлениям развития документоведения, В.Н. Автократов, В.Д. Банасюкевич, А.Н. Сокова связывали документ с теорией информации, поскольку она исследует общие свойства социальной информации, носителем которой является документ⁵.

Понятие социальной информации приобрело особое значение для теоретического знания о документе⁶. В документоведении задачи классификации документов и их функционального анализа решались на основе классификации социальной информации⁷. Под влиянием информационного подхода произошел перенос смысловой нагрузки в определении документа с материальной составляющей на информационную⁸.

В последнее время в рамках информационного подхода развивается идея информационного пространства – инфосферы – как элемента ноосферы⁹.

Информационный подход, безусловно, способствовал развитию теории документа. Однако еще 1970-х гг. В.Г. Афанасьев и А.Д. Урсул указывали на ограниченность информационного подхода. Они отмечали, что учение об информации нельзя сводить к одним только идеям и формализмам теории информации и кибернетики. Кибернетика, изучая общие закономерности процессов информационной связи и управления, не в состоянии раскрыть особенности социальной информации. Они находятся за пределами кибернетического анализа¹⁰. Центральная идея информационного подхода состоит в изучении «предельно разных объектов как информационных

феноменов, как разновидностей и конкретных проявлений единой и общей сущности информации»¹¹. Из этого следует, что информационный подход не может рассматриваться как исчерпывающий в вопросе о сущности одного из таких феноменов – документа.

Ограниченность информационного подхода, на наш взгляд, состоит еще и в том, что он не выделяет документ из множества других объектов с зафиксированной на материальном носителе информацией, нивелирует его феноменальность, исключительность, «самодостаточность». Информационный подход больше служит методологическим обоснованием «широкой» книговедческой трактовки понятия «документ», нежели теоретической платформой «собственно документа» в его понимании «классическим» документоведением и архивоведением. За рамками исследований на основе информационного подхода остается социальная роль документа в контексте таких отношений как «документ и общество», «документ и власть», «документ и личность». Решение этих проблем – задача социально-политического анализа документа, методология которого может выстраиваться на использовании других подходов, содержательно дополняющих информационный подход в научном познании документа.

Целью социально-политического анализа ставится изучение документа не как документированной информации, а как исторически сложившейся специфичной формы ее объективации, организации и актуализации, предназначенной для осуществления социального действия. Документ изучается не «в состоянии покоя», не в процессе обработки, переработки и потребления документированной информации, а в процессе действия¹². Цель социально-политического анализа – определение роли документа в социальном, политическом и личностном пространстве. В паспорте научной специальности 05. 25. 02 – «Документалистика, документоведение, архивоведение» социальная роль документа почему-то ограничена только сферой воспитания, образования и обучения. Между тем, документ является универсальным социальным инструментом, и в первую очередь политическим.

Интерес к связи между документом и областью «политического» возникает на фоне происходящих перемен в глобальном мире, изменений в политической системе общества, повышения политической активности населения. Однако социологи и политологи подходят к

исследованию документа с чисто утилитарной точки зрения¹³, а российские документоведы ограничились лишь дополнением функций документа еще одной – политической¹⁴.

Социально-политический анализ документа имеет смысл начинать с рассмотрения его как объекта научного познания. Решению этой задачи способствует обзор развития теоретического знания о документе, которое сформировалось, преимущественно, под влиянием информационного подхода. Социально-политический анализ документа выстраивается на новой для документоведения методологии, в основе которой – теории, подходы, принципы и методы, заимствованные из арсенала общественных наук. Использование такого исследовательского инструментария позволит расширить наши представления о документе как о социально-политическом феномене¹⁵. Особое значение имеет философский подход, раскрывающий сущность документа через основные категории философии, используемые в качестве его познавательных координат¹⁶.

В свете новой методологии научного познания документа существенно расширяются представления о причинах его происхождения, способах создания, признаках, свойствах и функциях, сформировавшиеся под влиянием информационной парадигмы. Главное предназначение документа – не в передаче информации во времени и пространстве в целях хранения и использования. Период устной коммуникации в истории человечества был гораздо более длительным, чем вся письменная история. Появление документа вызвано больше политическими, чем информационными причинами. Документ создается для того, чтобы служить инструментом в социальном процессе¹⁷. Документ содержит первичную информацию, как правило, нормативную или фактическую. При этом его роль не ограничивается рамками управления организацией. Документ служит инструментом, регулирующим отношения во всех сферах жизни общества.

Определенного внимания заслуживает вопрос о способах создания документа в связи с выделением новых способов документирования информации, в частности биометрического, результатом которого является биометрический документ¹⁸.

Недостаточно проработан, на наш взгляд, и вопрос о признаках и свойствах документа. В теории документоведения нет четких представлений по этому вопросу. Одни и те же характеристики до-

кумента разные исследователи относят и к его признакам, и к его свойствам. В решении этого вопроса также преобладает информационный подход. Рассматривать свойства документа только через свойства информации, на наш взгляд, не совсем продуктивно. Документ являет собой единство носителя, информации и формы (структуры) ее записи, которая определяет цель создания документа, его назначение и дальнейшее функционирование. Поэтому признаки и свойства документа надо изучать как целостного объекта: информационного, материального, структурного. При рассмотрении вопроса о свойствах документа необходимо различать свойства материального носителя, свойства информации и свойства формы (формуляра) документа. Эти свойства проявляются в зависимости от целевых, системных, пространственно-временных и иных отношений функционирования документа. В то же время рядом неизменных свойств документ обладает как целостный информационный и вещественный объект. К ним относятся: феноменальность, причинность, целесообразность, предметность, структурность, унификация, фактичность, актуальность, нормативность, неизменность, темпоральность, символичность, конвенциональность¹⁹.

Для более глубокого понимания сущности документа целесообразно ввести в понятийный аппарат документоведения понятие «статус документа» в связи с тем, что этот статус не является неизменным. Статус документа – состояние информационного объекта, при котором он обладает свойством юридической силы. Юридическая сила, как известно, это – атрибутивное свойство документа, которое обеспечивается его формой (формуляром). Разные информационные объекты в зависимости от обстоятельств их бытования могут приобретать и утрачивать этот статус. Например, такой объект как «произведение» обладает статусом документа на стадии автографической рукописи или подписанного в печать макета, являясь единственным документальным подтверждением факта подлинности произведения и его авторства. Прошедшее редакционно-издательскую обработку произведение теряет форму документа и, следовательно, утрачивает документальный статус.

Дискуссионным является вопрос и о функциях документа. «Классическое» документоведение выделяет информационную, социальную, коммуникативную, культурную, управленческую,

правовую, учетную и историческую функции документа, подразделяя их на общие и специальные²⁰. Однако с такой классификацией согласны не все специалисты. Так, А.Н. Сокова считает, что основными функциями документа являются: фиксация, сохранение и многократное транслирование зафиксированной информации; материализация, осуществление каких-либо действий, процессов, которые находят выражение только в документе; доказательство наличия того или иного действия, события²¹. К «исходным социальным функциям» документа Е.В. Алексеева относит коммуникативную, регулятивную, мнемоническую²². Мы полагаем, что все функции документа являются социальными и нет оснований для выделения социальной функции как самостоятельной. Атрибутивными функциями документа являются информационная и инструментальная. Информационная функция выражается через объективацию информации о социальной реальности (явлениях, событиях, фактах) и ее замещение в форме документа. Инструментальная функция документа проявляется, прежде всего, в том, что документ используется как средство доказательства явлений, событий, фактов, а также как средство замещения и осуществления действия (коммуникативного, управленческого, политического). Эти функции являются общими для всех документов. Они позволяют документу служить доказательством явлений, событий, фактов объективной действительности, инструментом регулирования социальных отношений, социального проектирования и социальных технологий. Все остальные («специальные») функции являются производными от этих основных в зависимости от контекста функционирования или использования документа.

Сформировавшиеся в теории документоведения представления о сущности документа нашли отражение в многочисленных формулировках понятия «документ». В связи с этим целесообразно провести селективный отбор этого понятия с позиций осмысления документа как социально-политического феномена и философского подхода к вопросу о его сущности²³.

Несмотря на то, что документ является древнейшим продуктом человеческой деятельности и объектом исследования достаточно широкого круга наук, его социальная роль ограничивается, в основном, рамками управленческих задач организации при «узком» понимании

документа, или задач коммуникации в его «широкой» трактовке. В свете социально-политической парадигмы документ выступает как инструмент социального проектирования и конструирования, инструмент права и объект правового регулирования, инструмент власти и социальных технологий²⁴, политической и социальной коммуникации²⁵. Однако социальная значимость документа не ограничивается его инструментальной ролью. Так, документ исторически являлся объектом купли-продажи, хищения и фальсификации²⁶. В современном российском обществе сложился криминальный рынок оперативных документов, который существует совершенно открыто в местах массового скопления людей (метро, вокзалы и др.) и сети Интернет. Оперативный документ как объект купли-продажи и рынок оперативных документов – совершенно новая исследовательская задача.

Не менее актуальной представляется проблема изучения документа в системе отношений власти. В этом контексте документ рассматривается как инструмент власти, инструмент конструирования политического пространства, политической системы и политических отношений, антикоррупционный инструмент, инструмент политической социализации и коммуникации²⁷.

Особый интерес вызывает такой феномен как политический документ, который определяется политологами как «акт нормативного или рекомендательного характера, регулирующий деятельность субъектов политики и их взаимоотношения между собой или с обществом»²⁸. К политическим документам относят все правовые акты, принятые органами государственной власти. Помимо правовых актов, закрепляющих политические решения, существует множество других видов документов, предназначенных для воздействия на сознание и поведение политических субъектов: программа, манифест, декларация и др.

Статус политического документа могут получить любые документы, в том числе и те, которые не создавались специально для решения «вопроса о власти». Например, при определенных обстоятельствах политическим может стать генеалогический документ. Документ может играть роль политического символа. В этом смысле отдельного рассмотрения в статусе политического документа заслуживает российский паспорт²⁹. Актуальной задачей является дальнейшее кон-

струирование понятия «политический документ» и определение границ системы политической документации.

В системе отношений «Документ и личность» документ выступает, прежде всего, как инструмент обеспечения и защиты прав личности. Актуальной является проблема документирования социальных статусов. Исследование этого вопроса особенно интересно в историческом контексте. Связь документоведческого понятия «документирование» и социологического «социальный статус» рассматривается впервые и представляет научную новизну. В документоведческом аспекте исследуется проблема идентификации личности³⁰, которая включает выявление документов социальной идентификации, ретроспективный анализ развития их состава и форм³¹. Особый интерес вызывает изменение идентификационных признаков, которые документально выражены в виде реквизитов³².

В контексте глобализации актуальной представляется проблема развития документов, удостоверяющих личность. Перспектива видится в их межгосударственной унификации. Символом глобализации можно считать паспорт гражданина мира³³.

Отдельную неисследованную проблему составляет фальсификация документов, удостоверяющих личность, включая исторический и территориальный аспекты проблемы, социальные причины данного явления, статистику преступлений.

Научную новизну представляют также такие проблемы как виртуализация личности в документах и личность без документа, информационная безопасность личности, мобильное документирование, тотальное видеодокументирование, организация и защита личных информационных ресурсов.

Таким образом, социально-политический анализ документа представляется перспективным научным направлением, которое позволит существенно дополнить положения теории документоведения, сформировавшиеся в рамках информационной парадигмы.

Примечания

¹ Селезнев М.С. Значение марксистско-ленинской методологии для развития документоведения // Тезисы докладов и сообщений к теоретическому семинару «Теоретические проблемы документоведения». М.: ВНИИДАД, 1975.

² Семенюк Э.П. Информационный подход к познанию в современной науке и информатика // НТИ, 1977. Сер. 3. № 5. С. 2.

³ Воробьев Г.Г. Современная документалистика и ее связи с другими дисциплинами // Актуальные проблемы архивоведения и документоведения в свете решения XXVI съезда КПСС. Сборник научных трудов. М., 1984. С. 51–54.

⁴ Жуков Н.И. Философский анализ понятия «информация» // Вопросы философии. 1974. № 12. С. 90–96; Автократов В.Н. К проблеме вовлечения информационных категорий в архивоведение // Труды ВНИИДАД. М., 1973. Т. 3; Он же. Некоторые аспекты объекта и предмета архивоведения // Труды ВНИИДАД. Т. 6. Ч. 1. М., 1976; Он же. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001.

⁵ Автократов В.Н., Банасюкевич В.Д., Сокова А.Н. Основные направления развития документоведения // Тезисы докладов и сообщений к теоретическому семинару «Теоретические проблемы документоведения». М.: ВНИИДАД, 1975. С. 39.

⁶ Афанасьев В.Г., Урсул А.Д. Социальная информация // Вопросы философии. 1974. № 10. С. 61–74.

⁷ Илюшенко М.П. Свойства документной информации // Секретарское дело. 1999. № 1. С. 9–13.

⁸ Ларин М.В. Управление документацией в организациях. М.: Научная книга, 2002. С. 29.

⁹ Юсупов Р.М., Заболотский В.П., Иванов В.П. Человек в информационном пространстве // Проблемы информатизации. 1996. Вып. 4. С. 3–7; Гельман-Виноградов К.Г. Пространственная одиссея документов как глобальное явление // Отечественные архивы. 1992. № 6. С. 24–29.

¹⁰ Афанасьев В.Г., Урсул А.Д. Указ. соч. С. 61–74.

¹¹ Семенюк Э.П. Указ. соч. С. 171.

¹² Двоеносова Г.А. Новый взгляд на теорию документа // Документ. Архив. История. Современность. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 21–22 октября 2010 г. Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2010. С. 331–335.

¹³ Бонзак Р. Документальный метод. Теория и практика интерпретации с позиций социологии знания // Методические подходы политологического исследования и метаэпистемические основы политической теории. Комментарированное введение / Сост. Н. Конеген, К. Шуберт. М.: РОССПЭН, 2004. С. 180–198; Орлова Г.А. Бюрократическое письмо как механизм господства // Полис. 1999. № 5. С. 76–82.

¹⁴ Илюшенко М.П. Функциональный анализ документа // Делопроизводство. 1999. № 2; Там же. 2000. № 1.

¹⁵ Двоеносова Г.А. Деятельностный подход в научном познании документа // Документ в контексте универсальных практик: сборник статей по материалам Второй Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Т.Н. Кондратьевой. Тюмень, 2010. С. 108–112.

¹⁶ Двоеносова Г.А. Категории философии в научном познании документа // Отечественные архивы. 2011. № 1. С. 8–16.

¹⁷ Двоеносова Г.А. Вопросы теории документоведения сквозь призму подготовки специалиста // Документация в информационном обществе: современные технологии документооборота: Доклады и сообщения на XIII Межд. науч.-практ. конф. 22–23 ноября 2006 г. / Росархив, ВНИИДАД. М., 2007. С. 251.

¹⁸ Двоеносова Г.А., Двоеносова М.В. Биометрия как наука, метод и способ документирования // Управление персоналом, 2009. № 11. С. 82–86.

¹⁹ Двоеносова Г.А. Категории философии в научном познании документа // Отечественные архивы. 2011. № 1. С. 8–16.

²⁰ *Илюшенко М.П., Кузнецова Т.В., Лившиц Я.З.* Документоведение. Документ и системы документации. Учеб. пособие. М.: МГИАИ, 1977. С. 14.

²¹ *Сокова А.Н.* Некоторые психологические аспекты документоведения // Секретарское дело. 2001. № 2. С. 25–29.

²² *Алексеева Е.В.* Социальные функции документов // Документ в системе социальных коммуникаций: Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Томск: Томский гос. ун-т, 2008. С. 61–64.

²³ *Двоеносова Г.А.* Категории философии в научном познании документа // Отечественные архивы. 2011. № 1. С. 8–16.

²⁴ *Двоеносова Г.А., Залева Д.Р.* Графологический анализ как инструмент социальных технологий // Делопроизводство. 2006. № 3. С. 110–116; № 4. С. 97–105.

²⁵ *Двоеносова Г.А.* Документ как средство политической и социальной коммуникации // Известия вузов. Проблемы энергетики. 2002. № 7–8. С. 123–131.

²⁶ *Каптанов С.М.* О наказании фальсификаторов в средние века и раннее новое время на Западе и в России // Россия и мировая цивилизация. М., 2000. С. 105–122; *Львова Е., Макаров А.* Официальный документ как предмет преступления // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 19.

²⁷ *Двоеносова Г.А.* Тенденции и перспектива развития послевузовского образования по направлению «Документоведение и архивоведение» // Подготовка специалистов в сфере документационного обеспечения управления и историко-архивоведения: актуальные вопросы. Сборник научных трудов. Саратов: ПАГС, 2008. С. 35–38.

²⁸ *Гудименко Д.В.* Документ политический // Политическая энциклопедия. Том 1. М.: «Мысль», 1999. С. 365.

²⁹ *Двоеносова Г.А.* Российский паспорт как отражение проблемы гражданской, национальной, этнической и религиозной идентичности // Архивоведение и историко-архивоведение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе: доклады и сообщения на Шестой Всероссийской научной конференции 16–17 июня 2009 г. / Росархив, ВНИИДАД. М., 2009. С. 325–334.

³⁰ *Двоеносова Г.А.* Социально-политическая идентификация личности: документоведческий аспект // Материалы Всероссийской научной конференции (10–11 декабря 2003 г.) «Перспективы развития современного общества». Часть 2. Казань: изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2004. С. 224–227.

³¹ *Двоеносова Г.А.* Документы социальной идентификации XIX – начала XX в. // Материалы докладов межрегиональной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы ввода в научный оборот архивных документов по истории культуры народов Среднего Поволжья (XIX – начало XX в.)» Казань: ГАУ при КМ РТ, 2003. С. 46–47.

³² *Двоеносова Г.А.* Идентификационные технологии: от особых примет к биометрическим показателям // Актуальные проблемы государственной инновационной политики (региональный аспект). Материалы республиканской научно-практической конференции (Казань, 22 июня 2005 г.). Казань: Центр инновационных технологий, 2005. С. 98–103.

³³ *Двоеносова Г.А.* Глобализация: переход к новым технологиям идентификации личности // «Восток и Запад: глобализация и культурная идентичность». Международный конгресс, посвященный 1000-летию г. Казани. 23–25 мая 2005 года // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2005. № 2. Специальный выпуск. Часть 2. С. 70–72.

ПОСТРОЕНИЕ СИСТЕМЫ ХРАНЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВОГО ХОЛДИНГА

Romanchenko E. V. The system of documents storage construction in the conditions of financial holding

Аннотация / Annotation

Статья посвящена вопросам построения системы хранения документов на бумажных и электронных носителях в финансовых холдингах. Анализируются нормы действующей законодательной, правовой, методической базы, причины их нарушения в холдинговых компаниях.

The article is devoted to a questions of the system of documents storage construction on paper and electronic medium in financial holdings. In this article are analyzed norms of actual legislative, legal, methodical base, the reason of their infringement in the holding companies.

Ключевые слова / Keywords

Финансовый холдинг, документ, хранение документов, доступ к информации, номенклатура дел. Financial holding, document, documents storage, access to the information, the nomenclature of affairs.

В условиях ускоренного развития процессов автоматизации управления в холдинговых компаниях проблема правильного хранения документов, большая часть которых все еще создается на бумажных носителях, по-прежнему остается актуальной¹. Однако вопросы создания и внедрения системы хранения документов, в частности, финансового холдинга, являются практически не изученными, публикаций и научных работ на данную тему практически нет. Между тем, с развитием холдинговых компаний отмечается существенный рост объемов документов, возрастает потребность безопасного и не противоречащего законодательным нормам размещения этих документов на хранение².

Целью статьи является освещение научной проблемы построения системы хранения документов в финансовых холдингах с применением новейших информационных технологий с учетом требований

действующего законодательства. Рассмотрение этих вопросов отвечает потребностям повышения эффективности, снижения себестоимости и рисков при организации хранения документации на бумажном носителе, упорядочения документальной среды в сфере управления российских финансовых корпораций.

В работах А.Н. Артизова, Е.В. Старостина, М.В. Ларина, В.Д. Банасюкевича, Н.И. Химиной, В.П. Козлова и других ведущих ученых и специалистов в области документоведения и архивного дела довольно глубоко освещаются вопросы теории и практики организации работы архивов³, обеспечения сохранности документов, организации доступа к документам на бумажных и электронных носителях⁴, раскрывается методология оценки физического состояния документов⁵, даются рекомендации по систематизации документов организаций⁶, использованию информационных технологий в работе государственных архивов⁷ и архивов организаций, внедрению электронных архивов⁸. Ряд публикаций в журнале «Современные технологии делопроизводства и документооборота» посвящены вопросам создания электронного архива в компаниях⁹, корпоративного хранилища документов¹⁰. В журнале «Банковские технологии» получили отражение последние решения ЦБ РФ в области работы с документами по бухгалтерскому учету кредитных организаций¹¹, предложены интересные практические решения в рассматриваемой области¹². Информация об электронных архивах представлена на сайтах компаний, рекламирующих IT-услуги в этой области, в частности, корпорации ЭЛАР, компаний АйТи, ИнтерТраст, ЕМС и других.

Законодательная база, регулирующая вопросы организации архивного хранения документов, является обязательной для всех организаций вне зависимости от их организационно-правовой формы¹³. Поэтому финансовые холдинги стремятся выполнять задачи по организации обработки и хранению документов в части, проверяемой регуляторами. Вместе с тем, по причине отсутствия компетентных кадров в области документоведения и архивного дела, из желания снизить издержки на организацию хранения документов и риски утраты документов, встречаются случаи, когда компании действуют по своему усмотрению в выборе способов организации и мест архивного хранения документов.

Так, документы компаний передаются на хранение на договорной основе в государственные архивы, в муниципальные архивы¹⁴, а иногда и в негосударственные архивы, которые построили свой бизнес на организации преархивной обработки, внеофисного хранения, систематизации документов организаций, создании электронных архивов документов, уничтожении документов, и предоставлении других услуг¹⁵. В судебной практике уже есть прецеденты, когда в ходе проверок выносилось решение об устранении несоответствий выполнения федерального закона «Об акционерных обществах» в части, касающейся места хранения документов¹⁶.

Система хранения документов для финансовых холдингов – это комплекс организационных, технических и технологических мер и мероприятий, обеспечивающих соблюдение законодательных, нормативных и методических требований, направленных на повышение эффективности, снижение себестоимости и рисков при организации работы с документами на бумажных и электронных носителях в условиях территориальной распределенности.

Построение системы хранения документов в комплексе с вопросами автоматизации управления документами позволит в условиях современного финансового холдинга сделать процессы работы с документами сквозными, упорядочить и систематизировать работу с документами, обеспечить их надежное хранение, доступность, а также решить вопросы управления доступом к информации.

Прежде чем приступать к построению системы хранения документов, в финансовом холдинге проводится работа по систематизации документов, определению состава и сроков хранения документов каждого юридического лица. Составляются номенклатуры дел для каждой из компаний холдинга за текущий и предыдущие годы¹⁷. С 2011 г. разработка номенклатур дел компаний, входящих в состав финансовых холдингов, ведется с использованием «Перечня типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков хранения», поскольку нормативно-методический документ, устанавливающий сроки хранения документов финансовых компаний, находится в стадии разработки¹⁸.

В ходе работы по систематизации и описанию, определению объемов хранящихся документов составляются сводные номенклатуры дел для каждого из юридических лиц холдинговой компании, согласованные в порядке, установленном локальными актами финансового холдинга. При этом выделяются группы документов, подлежащие архивному хранению (срок хранения 10 лет и более), оперативному хранению (срок хранения менее 10 лет), выделяются документы для хранения с привлечением сервисной компании (если это не противоречит требованиям законодательной базы). При выработке решений относительно сроков и мест хранения документов важно учитывать мнение специалистов ключевых подразделений и в особенности подразделения, занимающегося вопросами информационной безопасности, относительно возможности передачи их для хранения на аутсорсинге, в частности, клиентских досье. Особого внимания требуют документы, имеющие историческую ценность, которые общество обязано хранить самостоятельно, вне зависимости от желания акционера и наличия у него на текущий момент площадей.

Федеральный закон «Об акционерных обществах» предписывает хранить по месту нахождения исполнительного органа следующие документов: «договор о создании общества; устав общества и внесенные в него изменения и дополнения, которые зарегистрированы в установленном порядке, решение о создании общества, документ о государственной регистрации общества; документы, подтверждающие право общества на имущество, находящееся на его балансе; внутренние документы общества; годовые отчеты; документы бухгалтерского учета; документы бухгалтерской отчетности; протоколы общих собраний акционеров (решения акционера, являющегося владельцем всех голосующих акций общества), заседаний совета директоров (наблюдательного совета) общества, ревизионной комиссии (ревизора) общества и коллегиального исполнительного органа общества (правления, дирекции); бюллетени для голосования, а также доверенности (копии доверенностей) на участие в общем собрании акционеров; отчеты независимых оценщиков; списки аффилированных лиц общества»¹⁹.

К сожалению, названный законодательный акт и комментарии к нему не содержат разъяснения, что можно считать местом нахожде-

ния исполнительного органа, что порождает разные толкования. Поскольку исполнительным органом является генеральный директор общества, а возглавляемая им организация по юридическому адресу своего нахождения далеко не всегда имеет возможность хранения документов, можно трактовать данное положение акта, как указание на необходимость хранить документы в том же населенном пункте, где фактически находится организация. При этом необходимо учесть, что акционерное общество обязано «обеспечить акционерам доступ к документам, предусмотренным пунктом 1 статьи 89»²⁰.

Совершенно очевидно, что по причине малочисленности персонала подразделения документационного обеспечения управления, вся эта трудоемкая работа не может быть выполнена в полном объеме и качественно без привлечения специалистов других подразделений с закреплением за ними делопроизводственной функции.

Знание объемов и сроков хранения документов позволяет сделать расчеты по планируемым площадям и количеству персонала, стоимости услуг сервисных компаний. Если акционерное общество (юридическое лицо финансового холдинга) является кредитной организацией, то оно подпадает под действие нормативных документов Центрального банка России, например, Положения № 302-П ЦБ РФ, в котором прямо указывается на то, что: «сформированные и сброшюрованные бухгалтерские документы на бумажном носителе за каждый операционный день передаются на архивное хранение не реже одного раза в месяц (не позднее десятого рабочего дня следующего месяца). До истечения указанного срока они хранятся в бухгалтерском подразделении в условиях, исключающих несанкционированный доступ к ним»²¹.

Учитывая, что объем документов данной группы (в месяц небольшой банк может формировать десятки томов дел), а также то, что требования ЦБ РФ позволяют ряд документов перевести в электронный вид, целесообразно организовать хранение этих документов на электронных носителях, а оперативное предоставление отчетов и информации производить на отчуждаемых электронных носителях²².

При построении системы хранения финансового холдинга в целом следует учитывать, что при организации хранения документов кредитной организации в электронном виде (ДЭВ), долж-

ны соблюдаться следующие требования: «помещения для хранения фонда единиц хранения (ЕХ) и их резервных копий должны быть оборудованы средствами их сохранности, обеспечивающими уровень защиты фонда ЕХ не ниже уровня защиты, применяемого кредитной организацией при архивном хранении документов на бумажном носителе». В целях организации сохранности документов, оригинал документа и его резервная копия (минимум одна) должны храниться в разных местах. Поэтому необходимы как минимум два подготовленных должным образом помещения. При организации хранения документов кредитных организаций учитываются также положения Федерального закона «О банках и банковской деятельности»²³ и Гражданский Кодекс РФ²⁴.

Вне зависимости от того, за каким подразделением или за конкретными сотрудниками будут закреплены функции по организации хранения документов в электронном виде (ДЭВ), ответственность за организацию хранения ДЭВ возлагается на руководителя кредитной организации²⁵.

Кроме кредитных организаций (банков) в финансовые холдинги могут входить брокерские компании, страховые компании, управляющие компании, специализированные депозитарии, удостоверяющие центры и другие организации, занимающиеся финансовой деятельностью, каждая из которых регулируется специальным законодательством, что требуется учитывать при определении места хранения документов. Так, для документов удостоверяющих центров определяющим в этих вопросах будет соблюдение требований Федерального закона «Об электронной цифровой подписи»²⁶, для документов управляющих компаний и специализированных депозитариев – требования Федерального закона «Об инвестиционных фондах».

На базе проведенного изучения с учетом специфики построения внутренних бизнес-процессов компаний холдинга в системе хранения документов возможно предусмотреть:

а) офисы в точках присутствия для документов, образующихся в деятельности обособленных структурных подразделений (правоустанавливающие документы, должностные инструкции и положения о подразделении, копии распорядительных документов, переписка, договоры по административно-хозяйственным вопросам и проч.), а также оперативные документы по основной деятельности (например,

реестры поручений, поручения на сделку, поручения на вывод/перевод денежных средств), если для них не определено иное место хранения и если позволяют информационные технологии, применяемые в компании, площади и квалификация персонала;

б) хранилища сервисных компаний в точках присутствия обособленных структурных подразделений юридических лиц холдинга для документов по основной деятельности;

в) централизованное оперативное хранилище для документов компаний холдинга, срок хранения которых менее 10 лет (при соответствующем построении внутренних бизнес-процессов компаний холдинга, а также наличии достаточных площадей и оборудования для организации хранения и обработки всего массива документации; при условии оформления юридической стороны вопроса (заключение соответствующих договоров), наличия электронной версии документа в информационных системах компании на момент отправки документа в централизованное хранилище, наличия персонала соответствующей квалификации, решения вопроса с разграничением прав доступа к электронным и бумажным документам, и так далее);

г) централизованный архив для документов компаний холдинга, срок хранения которых 10 лет и более (при условии оформления юридической стороны вопроса (заключения соответствующих договоров), наличия достаточного места и оборудования для организации хранения и обработки всего массива документации, наличия электронной версии документа в информационных системах компании на момент отправки документа в централизованное хранилище, наличия персонала соответствующей квалификации, решения вопроса с разграничением прав доступа к электронным и бумажным документам, и т.д.);

д) подразделения компаний холдинга для документов, срок хранения которых менее 10 лет, при условии незначительного количества документов, наличия площадей и оборудования для организации хранения, а также соответствующей квалификации персонала подразделения;

е) оперативные хранилища документов в каждом из юридических лиц холдинга для документов, срок хранения которых менее 10 лет (при условии наличия выделенных помещений, оборудования и сотрудников соответствующей квалификации).

Если ряд документов (например, учредительные или иные правоустанавливающие документы) имеет высокую значимость для компаний холдинга, может быть принято решение об организации отдельного хранения таких документов, где будет решен вопрос о минимальном доступе, а персонал пройдет дополнительную подготовку по работе с данными документами.

При выборе вариантов хранения документов немаловажную роль рекомендуется уделять анализу экономической эффективности. Так, при организации хранения документов с привлечением сервисных компаний в точках присутствия, холдинг, благодаря объемам передаваемых на хранение документов, получает оптимальный по стоимости и безопасности способ хранения, так как в стоимость хранения не будет входить пересылка документов в централизованное хранилище, аренда помещения под свое хранилище, оборудование для документов (стеллажи, средства пожаротушения, сигнализация и т.д.), оборудование рабочих мест специалистов и затраты на оплату труда персонала. Стоимость хранения снижается почти в 30 раз. Единственное условие достижения такого экономического эффекта – передача на удаленное хранение законченных делопроизводством дел с минимальным к ним обращением, так как каждое обращение значительно увеличивает стоимость хранения. Если холдинг имеет большую филиальную сеть, то при организации удаленного хранения документов с привлечением сервисной компании могут возникнуть проблемы из-за отсутствия в конкретном регионе офисов подразделений сервисных компаний, оказывающих услуги архивного и оперативного хранения документов. Информация о регионах покрытия размещена на сайтах сервисных компаний ARON MOUNTAIN и OSG RM.

Изучив предложения сервисных компаний по организации удаленного хранения документов, можно говорить о вариативности предлагаемых услуг, в том числе о предложении (в случае отсутствия хранилища в районе присутствия компании холдинга) транспортировки документов в соседние регионы. Однако перемещение документов на значительные расстояния влечет дополнительные риски (возможность утраты или недоступности документа при транспортировке, невозможность быстро получить документ при необходимости), а также приводит к удорожанию хранения за счет транспортировки. Таким образом, если в ряде регионов, где есть точки присутствия хол-

динга, отсутствует возможность организации хранения документов у сервисной компании, необходимо предусмотреть, либо хранение документов на территории обособленного подразделения (выделить помещение, оборудовать его, назначить ответственных и пр.), либо организовать централизованное хранение.

Централизованное хранение таких документов по оперативному обслуживанию клиентов, как поручения на сделку, реестры поручений и прочее, видится менее целесообразным с точки зрения стоимостных показателей такого хранения, а также возможных рисков при транспортировке документов. Точно так же обстоят дела и с вопросом организации хранения клиентских досье: проще и экономически выгодно формировать дела в точках присутствия, а на централизованное хранение пересылать только закрытые досье. Параллельно на основе применения информационных технологий при учете и обработке документов решаются вопросы оперативного предоставления любой информации проверяющим, контролирующим организациям и судебным органам.

При выборе варианта хранения можно сделать детальные расчеты и представить варианты в виде сравнительной таблицы с конечными стоимостными показателями. В сравнительные таблицы предлагается включать следующие показатели: объем документов на текущий год и на среднесрочную перспективу (5 лет), с разбивкой по годам; наличие документов в электронном виде; необходимая площадь для организации хранения документов с учетом среднесрочной перспективы (так как большая часть документов хранится менее 10 лет); средняя стоимость аренды площади для хранилища с учетом инфляции (в зависимости от региона); количество и стоимость (руб.) оборудования (стеллажи, средства пожаротушения, сигнализация и другие) с учетом среднесрочной перспективы; количество необходимого персонала (на каждый год) и средний уровень затрат на его содержание (включая оплату труда (в зависимости от региона), все налоги и организацию рабочих мест); стоимость пересылки объема документов (за каждый год); стоимость организации хранения с привлечением сервисной компании (за каждый год, в зависимости от объема документов), без учета предоставления документов по запросу; итоговая стоимость организации хранения (в зависимости от выбранного варианта).

Значительно снизить издержки (для организации потокового ввода и распознавания документов чаще всего используются программные продукты FineReader 10 (ABBYY), Kofax Capture (Prae), Captiva (EMC²); разработать и внедрить соответствующие локальные нормативные акты; провести обучение и аттестацию персонала, задействованного в процессе работы с документами; организовать контроль правильности обработки, сроков пересылки документов, а также правильности комплектования и размещения дел в местах хранения позволят инновационные технологии.

При построении системы хранения документов холдинга необходимо предусмотреть те или иные действия с документами в случае ликвидации или реорганизации юридических лиц, например, передачу документов компании-правопреемнику или в государственный или муниципальный архив (при отсутствии правопреемника)²⁷. В целом система хранения документов компаний финансового холдинга в формализованном виде может выглядеть следующим образом (см. табл. на с. 42).

В систему хранения могут быть включены также документы по трудовым отношениям и кадровому обеспечению, документы по текущему планированию деятельности, документы по правовому обеспечению деятельности, документы о праве владения недвижимостью и сделок с ней и т.д.

Для организации централизованного хранения документов холдинга недостаточно разработки локальных нормативных актов. Необходимо разработать и оформить договорную документацию по аренде помещения (если такого помещения нет в собственности), решить вопрос с персоналом (сколько и в каком юридическом лице холдинга должно быть специалистов, осуществляющих работу с документами в хранилище). По согласованию с юристами и специалистами подразделения по работе с персоналом, часть работников может быть устроена в некоторые компании холдинга по совместительству (при условии, что отсутствует запрет с точки зрения законодательной базы, но есть необходимость для организации процесса хранения (малое количество размещаемых на хранение документов, в связи с чем экономически неэффективно держать выделенного сотрудника).

Если в финансовом холдинге отсутствуют специалисты по работе с архивными документами и документами оперативного хранения не-

Наименование юридического лица	Возможность заключения договора с сервисной компанией	Документы по бухгалтерскому учету и отчетности			Права устанавливающие документы (в т.ч. уставные документы)	Договорные документы по адм.-хоз. деятельности		Организационно-распорядительная документация		Оперативные документы по основной деятельности	
		До проведения налоговой проверки	Срок хранения менее 10 лет	Срок хранения более 10 лет		До момента исполнения	Исполненные/расторгнутые	Основная деятельность	Адм.-хоз. деятельность	Текущие	Закрытые
ООО «Спец. депозитарий XXX»	Нет	S1	S2	S3	S1	S1	S1	S1	S1	S1	S2
ОАО «Банк XXX»	Нет	S3	S2	S3	S1	S1	S1	S1	S1	S1	S2
ООО «Удостоверяющий центр XXX»	Нет	S1	S2	S3	S1	S1	S1	S1	S1	S1	S2
ООО «XXX»	Да	S1	S2	S3	S1	S1	S1	S1	S1	S1	S4
...	...										

Прим.: S1 – оперативное хранение документов в подразделении; S2 – оперативное хранение документов компании холдинга; S3 – централизованный архив холдинга; S4 – хранилище сервисной компании; документы о государственной регистрации юридического лица, устав, протоколы собраний акционеров и другие, относящиеся в Перечне к разделу 1.2. Организационные основы управления²⁸.

обходимого уровня подготовки, то таких специалистов можно пригласить из сервисных компаний, заключив соответствующий договор. Но такой подход к организации работы с документами не должен противоречить требованиям информационной безопасности компании (руководство многих компаний категорически против предоставления какой-либо информации по клиентской базе третьим лицам). В таком случае выходом для решения кадровой проблемы могут быть организационно-штатные мероприятия, включающие изменение штатного расписания подразделения, подбор, прием, обучение, аттестация персонала. Оптимальным решением будет приглашение на работу выпускников вузов, выпускающих специалистов в области документоведения и архивного дела²⁹.

Таким образом, для создания системы хранения документов в финансовой компании холдингового типа необходимо провести ряд предварительных мероприятий, направленных на изучение законодательной и нормативно-методической базы, провести расчет объемов хранимых документов и стоимости организации альтернативных вариантов хранения, провести автоматизацию учета и обработки документов и подготовку персонала, что позволит не только исключить претензии по работе с документами со стороны проверяющих и контролирующих организаций, но и построить систему хранения с учетом внутренних бизнес-процессов и политики руководства холдинга, минимизировать риски и исключить необоснованные расходы при реализации проекта.

Примечания

¹ Указ Президента РФ от 16.11.2002 (ред. от 26.03.2003, с изм. от 15.09.2008) «О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий» (вместе с «Временным положением о холдинговых компаниях, создаваемых при преобразовании государственных предприятий в акционерные общества») // Российская газета. 1992. 20 ноября. № 251.

² Федеральный закон от 03.02.1996 г. № 17-ФЗ «О банках и банковской деятельности» // Российская газета. 1996. 10 февраля. № 27.

³ *Артизов А.Н.* Передача государственных полномочий в сфере архивного дела // Отечественные архивы. 2008. № 6. С. 23.

⁴ Обеспечение доступа пользователей к документам государственных и муниципальных архивов Российской Федерации и организация пользования ими. М.: Федеральное архивное агентство, ВНИИДАД, 2009.

⁵ *Привалов В.Ф.* Оценка физического состояния документов // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 19.

⁶ Методические рекомендации по разработке примерных номенклатур дел. М.: Росархив, ВНИИДАД, 2008.

⁷ *Нигматуллин С.Х.* Автоматизация работы современного архивиста организации // Вестник архивиста. 2010. № 4. С. 289.

⁸ *Харченко О.А., Климова А.Ф., Курпияшева Н.К.* Плюсы и минусы организации электронного архива // Отечественные архивы. 2009. № 6. С. 48.

⁹ *Алеев В.А.* Оптимизация работы с документами: опыт создания электронного архива в компании // Современные технологии делопроизводства и документооборота. 2010. № 0. С. 51.

¹⁰ *Мейнер А.П.* Корпоративные хранилища документов // Современные технологии делопроизводства и документооборота. 2011. № 1. С. 35; Там же. 2011. № 2. С. 35.

¹¹ Указание Банка России от 25.11.2009 № 2346-У «О хранении в кредитной организации в электронном виде отдельных документов, связанных с оформлением бухгалтерских, расчетных и кассовых операций при организации работ по ведению бухгалтерского учета» // Вестник Банка России. 2009. 30 декабря. № 78.

¹² *Каиштанов П.* Автоматизация документооборота в банках // Банковские технологии. 2010. № 4. С.34.

¹³ Федеральный закон от 22.10.2004 № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» (ред. 27.07.2010 № 227-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. 25 ноября. № 43. Ст. 4169; Федеральный закон от 22.10.2004 № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» (ред. от 27.07.2010 № 227-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. 02 августа. № 31. Ст. 4196; Приказ Минкультуры РФ от 18.01.2007 (ред. от 16.02.2009) «Об утверждении Правил хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. 14 мая. № 20.

¹⁴ Приказ Минкультуры РФ от 18.01.2007 (ред. от 16.02.2009) «Об утверждении Правил хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. 14 мая. № 20.

¹⁵ Федеральный закон от 25.09.1998 № 158-ФЗ (ред. от 29.12.2000) «О лицензировании некоторых видов деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. 28 сентября. № 39. Ст. 4857.

¹⁶ Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. 01 января. № 1. Глава XIII. Ст. 89.

¹⁷ Методические рекомендации по разработке примерных номенклатур дел. М.: Росархив, ВНИИДАД, 2008.

¹⁸ Приказ Минкультуры РФ от 25.08.2010 «Об утверждении «Перечня типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков хранения» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. 20 сентября. № 38.

¹⁹ Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. 01 января. № 1. Глава XIII. Ст. 89. Хранение документов общества, п. 1.

²⁰ Там же. Ст. 91. Предоставление обществом информации акционерам, п. 1.

²¹ «Положение о правилах ведения бухгалтерского учета в кредитных организациях, расположенных на территории Российской Федерации» № 302-П от 26 марта 2007 года (в ред. Указаний ЦБ РФ от 11.10.2007 № 1893-У, от 08.10.2008 № 2090-У, от 06.11.2008 № 2120-У, от 12.12.2008 № 2149-У, от 25.11.2009 № 2343-У, от 11.12.2009 № 2358-У, от 06.07.2010 № 2477-У, от 28.09.2010 № 2500-У, от 08.11.2010 № 2514-У, с изменениями, внесенными Указанием ЦБ РФ от 29.12.2010 № 2553-У) // Вестник Банка России. 2007. 16 апреля. № 20-21.

²² Указание Банка России от 25.11.2009 № 2346-У «О хранении в кредитной организации в электронном виде отдельных документов, связанных с оформлением бухгалтерских, расчетных и кассовых операций при организации работ по ведению бухгалтерского учета» // Вестник Банка России. 2009. 30 декабря. № 78.

²³ Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (ред. от 15.11.2010, с изм. 07.02.2011) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. 05 февраля. № 6. Ст. 492.

²⁴ Гражданский кодекс РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. 05 декабря. № 32. Ст. 3301.

²⁵ Федеральный закон от 21 ноября 1996 года N 129-ФЗ «О бухгалтерском учете». Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 48. Ст. 5369; 1998. № 30, Ст. 3619; 2002. № 13. Ст. 1179; 2003. № 1. Ст. 2; Ст. 6; № 2. Ст. 160; № 22. Ст. 2066; № 27. Ст. 2700; 2006. № 45. Ст. 4635.

²⁶ Федеральный закон от 10.01.2002 № 1-ФЗ (в ред. от 08.11.2007 № 258-ФЗ) «Об электронной цифровой подписи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. 14 января. № 2. Ст. 127. С. 725.

²⁷ Основные правила работы ведомственных архивов (утв. Приказом Росархива СССР от 05.09.1985 № 263). Ст. 14.2. Передача документов при реорганизации или ликвидации организации. [Информационный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=31742;dst=0;ts=8A20D625A4098F0C162AA035A465D1C4/>

²⁸ Приказ Минкультуры РФ от 25.08.2010 «Об утверждении “Перечня типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков хранения”» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. 20 сентября. № 38.

²⁹ ГОСТ Р 51141-98. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. Б.м.: ИПК Издательство стандартов, 1998.

ИЗ ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИИ И ИЗУЧЕНИЯ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ М.В. ЛОМОНОСОВА

К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.В. ЛОМОНОСОВА

***Afiani V. Yu. From publication and studying
of the scientific heritage history of M.V. Lomonosov.
To the 300th anniversary of M.V. Lomonosov***

Аннотация / Annotation

В статье исследуются проблемы публикации документов и материалов, связанных с жизнью и деятельностью М.В. Ломоносова, от первых прижизненных до фундаментальных академических изданий – полных собраний сочинений.

In the article are investigated problems of the publication of documents and the materials connected with life and activity of M.V. Lomonosov, from the first lifetime to fundamental academic publications – complete works.

Ключевые слова / Keywords

Ломоносов М.В., археография ученого-энциклопедиста, историография ломоносовианы, академические традиции. Lomonosov M.V., archaeography of the scientist-encyclopaedist, historiography of lomonosoviana, the academic traditions.

Гениальному русскому ученому-энциклопедисту Михаилу Васильевичу Ломоносову 8(19) ноября 2011 г. исполнилось 300 лет. Его жизни и деятельности посвящена огромная литература и этот юбилей только умножит количество трудов, ему посвященных. Продолжают переиздаваться и труды ученого. Однако вопросы историографии ломоносовианы и археографии его трудов пока еще недостаточно разработаны.

Труды Ломоносова публиковались при жизни ученого, в их издании, как и в изучение его биографии, его деятельности и научного наследия, Академия наук вносила основной вклад на протяжении всех прошедших трех столетий.

Первое собрание сочинений М.В. Ломоносова начало издаваться при его жизни. Ученый успел получить первый том своего двухтом-

ного собрания сочинений, вышедший в 1751 г.¹ Второе собрание сочинений было издано несколько лет спустя Московским университетом при участии Академии наук с некоторыми дополнениями². В нем публиковались исключительно литературно-художественные произведения.

В 1778 г. вышло неакадемическое собрание сочинений под редакцией ректора Славяно-греко-латинской академии архимандрита Дамаскина (Д.Е. Семенова-Руднева)³. Это была первая попытка научного издания трудов ученого, редактор ставил задачу собрать не только ранее напечатанные сочинения, но «и рукописные, сколько их отыскать мог»⁴. В нем удалось напечатать несколько работ, не включавшихся в ранее вышедшие собрания сочинений, среди них научные работы: «Рассуждение о большей точности морского пути», «Явление Венеры на Солнце», «Рассуждение о твердости и жидкости тел», «Письмо о правилах российского стихотворства» и др. Это издание занимает заметное место в истории археографии в России. Впервые в отечественной издательской практике в собрании сочинений публиковались в примечаниях варианты текстов произведений, относящихся не к далекой древности, а к недавнему времени⁵.

В конце XVIII в. Императорская Академия наук, «почитая себя обязанною воздавать по мере сил своих достодолжную честь бывшим своим сочленам», вновь озаботилась задачей издания «самого полного» собрания сочинений Ломоносова, в шести частях, «с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений», а также писем. Первая часть вышла в свет в 1784 г.⁶ Объявлялось и о задаче доставить публике «и такие сочинения, которые прежде сего и совсем напечатаны не были»⁷.

Подготовка его была поручена советнику Канцелярии Академии наук и члену Российской академии О.П. Козодавлеву, которому помогали академики С.Я. Румовский, И.И. Лепехин, Н.Я. Озерецковский. Печатаением сочинений ведал племянник ученого, адъютант М.Е. Головин⁸. Издание было осуществлено в 6-ти томах⁹. Здесь впервые были опубликованы письма Ломоносова И.И. Шувалову, ряд стихотворений и шуточных посланий¹⁰. Первая часть сочинений вышла с биографией ученого, написанной по поручению княгини Е.Р. Дашковой, директора Императорской Академии наук и президента Российской Академии, литератором и переводчиком членом-корреспондентом

Академии наук и членом Российской академии М.И. Веревкиным. Фактически это была первая печатная биография Ломоносова, основанная на разысканных автором архивных материалах и собранных устных свидетельствах современников Ломоносова. Это издание, пятое по порядку, стало первым собственно научным изданием сочинений Ломоносова, было напечатано в 1784–1787 гг. Второе издание того же собрания сочинений появилось в 1794 г.; третье – в 1803–1804 гг.¹¹

В этот период начался сбор фактических сведений о жизни и деятельности Ломоносова. Академики И.И. Лепехин и Н.Я. Озерцовский в ходе путешествия по Русскому Северу в 1768–1772 гг., интересовались на родине Ломоносова его родословной, детскими годами, выявили и опубликовали ряд документов¹². В 1791 г. писатель, секунд-майор П.И. Челищев побывал на Курострове, записал воспоминания поморов о юности М.В. Ломоносова и поставил там первый деревянный памятник ученому¹³.

ВXVIII – начале XIX в. высоко ценились литературно-художественные произведения Ломоносова, он был признан «основателем русской поэзии», а его произведения включались в школьную программу. Творчество Ломоносова вызывало интерес крупнейших русских писателей XVIII–начала XIX в. Г.Р. Державин лучше всех, в выражениях своей эпохи, выразил в прочувствованных строках эти мнения:

*Се Пиндар, Цицерон, Вергилий – слава Россов,
Неподражаемый, бессмертный Ломоносов.
В восторгах жарких он где раз взмахнул пером –
От пламенных картин доселе слышен гром*

Значение естественнонаучного наследия М.В. Ломоносова длительное время недооценивалось, хотя начало его изучению положил в начале XIX в. последователь его геологических идей академик В.М. Севергин¹⁴, но его начинание не получило систематического продолжения.

В конце XVIII – начале XIX в. в журналах «Лекарство от скуки и забот», «Друг просвещения», позднее – «Московский телеграф», «Москвитянин» публиковались отдельные ранее неизвестные документы, касающиеся Ломоносова.

Собрание сочинений (седьмое), изданное Российской академией в 1803–1804 гг., в трех частях, включавшее стихотворные произведения, похвальные слова и избранные речи, почти не внесло ничего нового, наоборот, ряд работ ученого был издан с искажениями. Оно было вновь переиздано в 1840 г. в трех частях, критически встреченное В.Г. Белинским¹⁵.

В 1840-е гг. комплекс новых документов Ломоносова из портфеля с официальными и деловыми документами Ломоносова о его научно-организационной деятельности в Академии наук, был опубликован в «Очерках России» А.Ф. Вельтманом и В.В. Пасеком, однако, достаточно небрежно и далеко не полностью. Эти документы были учтены в восьмом (неакадемическом) издании в трех томах, осуществленном в 1847 г. книгопродавцем А.Ф. Смирдиным.

100-летие со дня смерти Ломоносова стало первой датой, которая отмечалась в 1865 году научной и широкой общественностью. С приближением этой даты ученого, личность и его наследие вызвали волну исследований и публикаций также в связи со столетием Московского университета, основателем которого был великий ученый. Знаменательную дату отмечали в Москве, Санкт-Петербурге, Архангельске, Иркутске, Казани, Нарве, Нижнем Новгороде, Полтаве, Риге и других городах России. Помимо торжественных мероприятий и речей, публикации статей и стихов в его память, Академией наук было принято решение об учреждении Ломоносовской премии.

Обобщенную характеристику состояния изучения трудов и биографии Ломоносова, отражавшую общее мнение, дал академик Я.К. Грот в своей речи на юбилейном заседании Академии наук: «Со славою Ломоносова, с удивлением, которое питали к нему современники и сохраняет потомство, в реальном противоречии скудость того, что сделано в сто лет для его изучения. После смерти его осталось довольно большое число неизданных сочинений; некоторые из них впоследствии были напечатаны, но значительная часть не дошла до нас»¹⁶.

Первый широко отмеченный юбилей ученого – 100-летие со дня смерти в 1865 г., обозначил и важный этап в изучении и публикации научного наследия Ломоносова. К этому времени была проведена большая работа по собиранию и изучению рукописей Ломоносова. И

здесь тон первоначально задавали филологи, исследователь древнерусского языка, академик П.С. Билярский, еще в 1840-е гг. заинтересовавшись языком сочинений Ломоносова, предпринял архивные разыскания, включая материалы для биографии ученого в Архиве Академии наук. С тех пор он начал свою собирательскую деятельность опубликованных и копий неопубликованных ломоносовских документов, собирая их из фондов академических архивов, из портфеля Ломоносова, частично опубликованного в «Очерках России» и тогда еще неопубликованного собрания писем академика Н.С. Тихонова¹⁷.

В опубликованных П.С. Билярским к юбилею материалах были помещены и ранее неизвестные документы Ломоносова, в т.ч. естественнонаучные, документы из фонда Канцелярии Академии наук¹⁸. Возникла даже своего рода конкуренция между исследователями, критически относившимися к публикаторской деятельности друг друга. Новые документы по сравнению с опубликованными содержат работы А.А. Куника и В.И. Ламанского¹⁹.

Академик, математик и астроном Д.М. Перевощиков был одним из немногих, кто в те годы начал изучать и популяризировать естественнонаучное наследие М.В. Ломоносова, им опубликованы труды ученого по физике и физической географии²⁰.

Столетие памяти Ломоносова ознаменовалось появлением подробных исследований биографии ученого, выполненных и другими членами Академии – Я.К. Гротом, А.А. Куником, Н.А. Лавровским, П.П. Пекарским, а также другими исследователями²¹. П.П. Пекарский обстоятельно изучил в Архиве АН фонд Канцелярии Академии наук, где почерпнул много новых документов, а также сборник документов (портфель) Ломоносова из собрания Орловых и подготовил подробнейшую биографию ученого, занимающую большую часть тома в его фундаментальном труде по истории Академии наук²². В 1880-х гг. в Архиве Академии продолжилась работа по выявлению ломоносовских документов в связи с подготовкой собрания сочинений Ломоносова.

Усилиями исследователей второй половины XIX в. изучение наследия Ломоносова стало превращаться в самостоятельную научную дисциплину – ломоносоведение.

Следующий этап в ломоносоведении приходится на конец XIX – начало XX вв. Императорская Академия наук задумалась о необходимости подготовки нового полного собрания сочинений Ломоносова, за эту работу взялся академик М.И. Сухомлинов по специальной программе, которая предусматривала издание всех сочинений и писем Ломоносова, с биографией и комментарием. Отделение русского языка и словесности опубликовало соответствующее объявление, обращаясь ко всем, в чьих руках могли находиться документы Ломоносова. Сухомлинов разослал письма многим специалистам по русской литературе XVIII в. и известным к тому времени владельцам ломоносовских рукописей, предпринял также широкие поиски в различных государственных архивах и получил значительный комплекс документов. Ему, в частности, поступили документы от частных лиц – письма Ломоносова к И.И. Шувалову – от И.Н. Толстого, два переплетенных тома бумаг от Е.Н. Орловой и др.

Выявленные документы публиковались в новом восьмитомном собрании сочинений ученого. Это было девятое по счету (второе научное) издание, выход в свет которого начался в 1891 г. Первые пять томов его вышли в свет под редакцией академика М.И. Сухомлинова²³. Проведена большая археографическая и текстологическая работа: тексты сочинений сверены с рукописями и первыми изданиями, переводы и подражания – с подлинниками, в обстоятельных комментариях, подготовленных М.И. Сухомлиновым, приводились варианты сочинений. Издание прервалось сначала из-за смерти М.И. Сухомлинова, а затем из-за социально-политических катаклизмов в стране, и растянулось более чем на полвека.

Длительное время труды Ломоносова-естествоиспытателя не вызывали аналогичного интереса. В первых трудах о Ломоносове, появившихся с середины XIX в. присутствовала явная недооценка его естественнонаучных исследований. Только в конце XIX – начале XX в., в связи с более глубоким изучением научного наследия ученого, эти взгляды стали пересматриваться. Оказалось, что многие, считавшиеся устаревшими, теории Ломоносова (о кинетической причине теплоты, волновой природе света) и т.п., стали понятнее в свете новейших представлений в физике и химии.

Среди тех, кто переосмыслил научное наследие ученого, был великий русский естествоиспытатель академик В.И. Вернадский, пи-

савший о проникновении Ломоносова «далеко в глубь научной мысли последующих поколений»: «...мы видим в нем предшественника современной химии, одного из многих лиц, в руках которых были в то время точные приемы геологической мысли, первоклассного физика, ученого, стоявшего в действительности в первых рядах ученых первой половины XVIII столетия и своей личностью проникавшего далеко вглубь научной мысли последующих поколений»²⁴.

Накануне празднования 150-летнего юбилея, в 1900 г., Вернадский возглавил Комиссию Академии наук по изучению наследия Ломоносова. Ему принадлежат несколько работ, посвященных трудам и научным идеям М.В. Ломоносова, о его судьбе и роли в мировой и отечественной культуре. Самая ранняя из них – «О значении трудов М.В. Ломоносова в минералогии и геологии» – написана по предложению Московского общества испытателей природы в 1900 г. В цикл статей В.И. Вернадского, опубликованных в периодической печати в 1911 г., вошли: «Несколько слов о работах Ломоносова по минералогии и геологии», «Об открытии крокоита», «Общественное значение Ломоносовского дня» и «Памяти М.В. Ломоносова»²⁵.

К 200-летию юбилею ученого начали готовиться академические издания, сборники статей и материалов: «Ломоносовский сборник. Материалы для истории развития химии в России» (СПб., 1901); «Труды Ломоносова в области естественно-исторических наук» (СПб., 1911). Здесь опубликованы статьи В.И. Вернадского, Б.Н. Меншуткина, Ю.М. Шокальского.

Почитателями и пропагандистами научных идей нашего великого соотечественника стали многие ученые: академики Д.М. Перишников, М.А. Максимович, В.И. Вернадский, профессора И.А. Двигубский, А.Л. Ловецкий, Н.М. Любимов, Г.Е. Шуровский и др. Естественно-научное творчество Ломоносова впервые в полном объеме начал изучать Б.Н. Меншуткин, привлекая документы из академического Архива о деятельности Химической лаборатории, созданной Ломоносовым²⁶. Профессиональный химик и историк науки, он по достоинству мог оценить вклад ученого в химию, отмечал его роль в развитии идеи о сохранении массы вещества, выявлял публикации ученого в редких изданиях, переводил его труды с латыни. Б.Н. Меншуткин продолжил свои труды в советский период.

Следующая юбилейная дата была отмечена торжественным заседанием Академии наук 8 ноября 1911 г. Речи, прочитанные на нем академиком П.И. Вальдена, В.И. Вернадского, профессора В.В. Курилова, Б.Н. Меншуткина, В.Н. Перетца и др., были опубликованы в очередном «Ломоносовском сборнике»²⁷.

Несмотря на перерыв в публикации полного собрания сочинений после революции, изучение трудов Ломоносова не прерывалось. Более того, С.Н. Чернов в конце 1920-х – начале 1930-х гг. разработал обширную программу поисков документов Ломоносова для продолжения публикации сочинений: в Академии наук, в фондах государственных учреждений XVIII в. (Синода, Адмиралтейств-коллегии, Берг-коллегии и др.), а также в государственных и провинциальных архивах, в личных архивах потомков Ломоносова и в западноевропейских архивах²⁸.

В 1934 г. Г.А. Князевым и Б.Н. Меншуткиным было возобновлено издание собрания сочинений Ломоносова, завершённое восьмым томом в 1948 г., вышедшим под редакцией академика С.И. Вавилова с комментариями Л.Б. Модзалевского.

По сравнению со всеми предыдущими изданиями это собрание сочинений было наиболее полным и подготовлено на высоком научном уровне. Фундаментальные комментарии к этому изданию внесли заметный вклад в изучение биографии и научного творчества Ломоносова. Но и в нем имелся ряд недочетов, о которых писалось в предисловии к десятому изданию²⁹. В него не был включен ряд работ ученого, его заметки, автобиографические документы и служебные бумаги, труды по физике и химии, опубликованные на латинском языке, публиковались без перевода и без примечаний.

Заметным явлением в ломоносовиане стало издание в 1937 г. Архивом АН СССР научного описания всех хранящихся в его фондах рукописей Ломоносова, впервые предпринятого Л.Б. Модзалевским³⁰. Актуальность этой работы подкреплялась подходившим 225-летием со дня рождения ученого. В приложении к описанию были впервые опубликованы 54 рукописи ученого.

Большой интерес к научному наследию Ломоносова еще в предвоенные годы проявлял будущий президент АН СССР С.И. Вавилов, отмечавший, что «изучение научного и литературного наследия Ломоносова является одной из первоочередных задач истории

отечественной науки»³¹. По инициативе и под редакцией академика С.И. Вавилова Комиссией по истории Академии наук СССР в 1940 г. было возобновлено издание сборника «Ломоносов», прерванное войной, оно было продолжено в 1946 г. Изданные девять томов сборника занимают важное место в изучении жизни и творчества ученого, представляя новые материалы о его деятельности³². К 300-летию М.В. Ломоносова готовится десятый том сборника³³.

В 1949 г. по его инициативе и под его главной редакцией была начата подготовка к изданию сочинений Ломоносова в десяти томах, продолжившее редакцию академических изданий. Оно было закончено в 1957 г., завершённое в преддверии юбилея Академии наук³⁴. В 1983 г. вышел дополнительный, XI том со справочными материалами к изданию, в нем помещены также и некоторые стихотворения, приписываемые Ломоносову. К подготовке томов после смерти Л.Б. Модзалевского был привлечен другой знаток XVIII в. и археограф – А.И. Андреев, также проводивший большую работу по выявлению ломоносовских рукописей.

В 1950–1970-е гг. внимание исследователей привлекает судьба библиотеки и архива Ломоносова, появляются исследования и монографии, посвященные этой теме³⁵.

К 300-летию М.В. Ломоносова Российская академия наук усилиями Института истории естествознания и техники РАН и его Санкт-Петербургский филиал приступили к новой фундаментальной публикации – полному собранию сочинений Ломоносова. Академические традиции по изучению и публикации научного наследия гениального ученого-энциклопедиста успешно продолжают.

Примечания

¹ *Ломоносов М.В.* Собрание разных сочинений в стихах и прозе Михайло Ломоносова. Кн. 1–2. СПб, 1751–1768.

² *Ломоносов М.В.* Собрание разных сочинений в стихах и прозе Михайло Ломоносова. Кн. 1–2. СПб, 1757–1765.

³ *Ломоносов М.В.* Покойного статского советника и профессора Михайлы Ломоносова собрание разных сочинений в стихах и прозе. Кн. 1–3. М., 1778.

⁴ Древняя российская вивлиофика. 1791. Ч. XV. С. 104–105.

⁵ «Покойного статского советника и профессора Михайлы Васильевича Ломоносова собрание разных сочинений в стихах и прозе» – было выпущено Вольным российским собранием при Московском университете в трех книгах в 1776–1778 гг.

⁶ Полное собрание сочинений Михаила Васильевича Ломоносова с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений, часть первая, в Санктпетербурге изданием императорской Академии наук 1784.

⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1783. № 2; Ломоносовский сборник. СПб., 1911. С. 277.

⁸ История Академии наук СССР. Т. 1. 1724–1803. М.-Л., 1958. С. 415.

⁹ Полное собрание сочинений Михаила Васильевича Ломоносова: с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений. Ч. 1–6. СПб., 1784–1787.

¹⁰ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений Михаила Васильевича Ломоносова. Ч. 1–6. СПб., 1784–1787.

¹¹ Шестое издание – «новое исправленное, с присовокуплением обстоятельного описания сочинительской жизни, взятого из Московского и Академического издания», было напечатано в типографии Шнора, в С.-Петербурге в 1803 г. в трех частях.

¹² Лепёхин И.И. Продолжение Дневных записок путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства. СПб., 1805. Часть 4 издана посмертно, составлена Н.Я. Озерецковским.

¹³ Путешествие по северу России в 1791 году. Дневник П.И. Челищева, издан под наблюдением Л.Н. Майкова. СПб., 1886.

¹⁴ Севергин В.М. Первые основания минералогии или естественной истории ископаемых тел. В двух книгах. СПб., 1798; *Он же*. Опыт минералогического землеописания Российского государства. СПб., 1809.

¹⁵ Белинский В.Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах. Т. 3. Статьи, рецензии и заметки. Февраль 1840 – февраль 1841. М.: Художественная литература, 1976.

¹⁶ Грот Я.К. Очерк академической деятельности Ломоносова. СПб., 1865. С. 6.

¹⁷ СПФ АРАН. Ф. 332. Оп. 1. Д 29; Кулябко Е.С., Бешенковский Е.Б. Судьба библиотеки и архива Ломоносова. Л., 1975. С. 16.

¹⁸ Билярский П.С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865; *Он же*. М.В. Ломоносов как натуралист и филолог, с приложениями, содержащими материалы для объяснения его сочинений по теории языка и словесности. СПб., 1865; *Он же*. Ломоносов как писатель. Сборник материалов для рассмотрения авторской деятельности Ломоносова. СПб., 1871.

¹⁹ Куник А.А. Сборник материалов для истории Императорской Академии Наук в XVIII веке. СПб., 1985; Ламанский В.И. М.В. Ломоносов и Петербургская Академия наук. М., 1865.

²⁰ Перевошикова Д.М. труды Ломоносова по физике и физической географии. СПб., 1865.

²¹ Грот Я.К. Очерк академической деятельности Ломоносова. СПб., 1865; Лавровский Н.А. О Ломоносове по новым материалам. Харьков, 1865.

²² Пекарский П.П. История Имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. I. С. 259–1042.

²³ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. СПб.; М.-Л.: Изд. Акад. Наук, 1891–1948. Т. I–VIII. Первые пять томов вышли в 1891–1902 гг. Шестой том вышел в 1934 г. под редакцией Г.А. Князева и Б.Н. Меншуткина, седьмой – под редакцией Б.Н. Меншуткина в 1934 г.

²⁴ Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. М., 1988. С. 222.

²⁵ Впервые все они собраны вместе в 1988 г.: Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. М., 1988.

- ²⁶ Меншуткин Б.Н. Ломоносов как физико-химик // Известия СПб. Политехнического института. 1904. Т. 1; *Он же*. Михаил Васильевич Ломоносов. Жизнеописание. СПб., 1911. В расширенном и значительно дополненном виде Б.Н. Меншуткин опубликовал свои труды уже в советское время: Меншуткин Б.Н. Труды Ломоносова по физике и химии. М.-Л., 1936; *Он же*. Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова. Изд. 3-е. М.-Л., 1947.
- ²⁷ Ломоносовский сборник: 1711–1911. СПб., 1911.
- ²⁸ Кулябко Е.С., Бешенковский Е.Б. Судьба библиотеки и архива Ломоносова. Л., 1975. С. 23–24. Итогом исследований С.Н. Чернова стала его статья. См.: Чернов С.Н. Литературное наследство М.В. Ломоносова // Литературное наследство. 1933. Кн. 9/10. С. 327–339.
- ²⁹ Ломоносов М.В. ПСС. М.-Л. Т. I.
- ³⁰ Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР. Научное описание / Под ред. Г.А. Князева. Сост. Л.Б. Модзалевский, предисл. Б.Н. Меншуткин. Л.; М.: Изд. АН СССР. 1937. Л.Б. Модзалевский начал эту работу еще в связи с выставкой «Ломоносов и Елизаветинское время», в каталоге которого опубликован первый перечень выявленных ломоносовских документов: Ломоносов и Елизаветинское время. Отд. VII. Ломоносов. Академия наук. Московский университет. 2-е изд. СПб, 1912. Еще раньше П.П. Пекарский в приложении ко второму тому своего труда поместил «Описание ломоносовских бумаг из собрания, принадлежащего Н.М. Орлову».
- ³¹ Ломоносов. Сборник статей. Т. II. М.-Л., 1946. С. 4.
- ³² Демаков И.С. Сборник «Ломоносов» в историографии жизни и творчества М.В. Ломоносова // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. XXV. СПб.: Наука, 2009. С. 104–105.
- ³³ Музеем М.В. Ломоносова было составлено справочное издание «М.В. Ломоносов: Энциклопедический словарь» как дополнение к основным томам сборника.
- ³⁴ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. В 10 т. М.-Л.: Изд. АН СССР. 1950–1957; *Он же*. Полн. собр. соч. Т. 11. М.-Л.: Наука, 1983.
- ³⁵ Коровин Г.М. Библиотека Ломоносова. М.-Л., 1961; Моисеева Г.Н. Ломоносов в работе над древнерусскими рукописями // Рус. литература. 1962. № 1; *Она же*. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971; Кулябко Е.С., Бешенковский Е.Б. Судьба библиотеки и архива Ломоносова. Л., 1975.

ОТРАЖЕНИЕ РАСПОРЯДИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ XVIII в. В ДОКУМЕНТАХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ДРЕВНИХ АКТОВ

**Glotova S.A. Reflection of the administrative activity
of the state structures in 18th century in documents
of Russian state archive of ancient documents**

Аннотация / Annotation

В статье на примере архивных документов Российского государственного архива древних актов анализируется процесс реализации распорядительной деятельности органов государственной власти и управления XVIII в. Учитывая коллегиальный способ принятия управленческого решения в XVIII в., особое внимание уделено процедуре трансформации коллегиальной воли в конкретное административное предписание. Отмечена важная тенденция документирования распорядительной деятельности в этот период, которая заключалась в доведении распоряжений высшей и верховной власти до низовых уровней посредством промежуточных указов Сената или коллегий, повторяющих содержательную часть инициативных документов. В настоящее время данная функция органов государственной власти и управления является традиционной и отражает процесс распорядительной деятельности «во-исполнение». В статье показано, что данная процедура начинает закладываться в XVIII в.

In the article is analyzed the process of realization of administrative activity of higher structures of power in 18th century on an example of the various funds' documents of the Russian state archive of ancient documents. Considering the way of making the administrative decision in 18th century, the special attention is given to procedure of transformation of joint will in the concrete administrative instruction. This procedure included the documents fixing a course of making the joint decision, and also the administrative documents which were leading up these decisions to the executors. The first was protocols and journals. The second group was consisted of decrees. The examples of these documents and also the order of their adoption are shown in the article. Other important tendency of documenting of administrative activity in it this period consisted in delivering the orders of the higher and Supreme power to local levels by means of the intermediate decrees of the Senate or the other joint organs of power. These decrees literally repeated a substantial part of initiative documents. Now this function of state authorities is traditional and reflects the process of administrative activity «in-execution». In the article it is shown that thins procedure starts to develop in 18th century.

Ключевые слова / Keywords

Архивный документ, РГАДА, распорядительная деятельность, коллегиальное решение, высшие органы власти, указ, протокол, журнал. Archival document, RGADA, administrative activity, joint decision, the higher organs of power, the decree, the protocol, the journal.

ВXVIII в. в России происходят процессы становления и укрепления абсолютизма, интенсивного реформирования и создания новых органов государственной власти, укоренения коллегиального принципа управления и регламентации функционирования государственного аппарата. В рамках этих процессов распорядительная деятельность органов государственной власти и управления в XVIII в. начинает строиться по определенным, общим для всех уровней управления принципам и оформляться с помощью ряда документов, использование которых закреплялось на нормативном уровне.

В силу особенностей принятия управленческого решения в этот период в схемы реализации распорядительной деятельности вписывались как непосредственно распорядительные документы, так и документы, фиксирующие коллегиальное решение.

При этом каждый управленческий уровень, за исключением верховной власти, наряду с инициативной распорядительной деятельностью, также выполнял функции последовательного доведения распоряжений вышестоящей власти до низовых уровней управления.

Данная функция является традиционной для современных органов государственной власти и управления, однако именно в XVIII в. начинается процесс выработки порядка реализации этой деятельности и фиксации ее с помощью определенного вида документов.

Для лучшего понимания этого процесса следует обратиться к архивным материалам, с помощью которых можно проследить – какие государственные органы с помощью каких видов документов реализовывали функции управления.

Архивная делопроизводственная документация в этом отношении является ценным источником, поскольку представляет собой систему документов, как созданных в канцелярии, так и не созданных в ней, но в ней отложившихся¹. Таким образом, в одном деле могут быть собраны входящие, копии или отпуски исходящих и внутренние распорядительные документы по одному вопросу.

Изучение этих документов в соответствии с логикой делопроизводства рассматриваемого органа власти позволяет выявить схемы движения распорядительных документов, с учетом особенностей инициативной распорядительной деятельности и распорядительной деятельности «во-исполнение».

Схема передачи управленческих решений по властной вертикали или другими словами схема распорядительной деятельности «во-исполнение» имела следующий вид:

Высшим уровнем управления в государстве в XVIII в. являлись императоры или императрицы. От них исходила законодательная инициатива, а также инициатива в решении наиболее важных государственных вопросов.

Императоры или императрицы издавали указы, которые подписывали собственноручно или объявляли через каких-либо должностных лиц за их подписанием.

И собственноручные именные указы, и объявленные через третьих лиц по характеру распоряжения разделялись на «временные» и «в постановление новых дел»² или «во установление разных дел»³. Таким образом, эти документы в XVIII в. могли носить как характер общих установлений:

«Всепресветлейший Державнейший, ПЕТР Великий, Император и Самодержец Всероссийский УКАЗАЛ

В Секретари не из Шляхетства не определять, дабы по тому могли в Ассесоры, Советники, и выше происходить ... Также в дополнение генерального регламента тритцать шестой главы, о коллегии юнкоров, да бы их по Коллегиям обучать, так как подъячих, с самых нижних дел приказных, и сего смотреть в Коллегиях накрепко, да бы в том маны небыло, и подвидом учения гулянья, за что будут члены Коллежские жестоко наказаны, ежели по сему исполнять не будут. Петр ...»⁴;

так и характер распорядительных документов по частным вопросам⁵:

«Указ нашему Сенату. Вице канцлеру Нашему князю Александру Голицыну повелеваем выдать из Статс-Канторы сверх определенного ему годового жалования столовых денег по три тысячи рублей на год»⁶.

Адресовались именные указы в большинстве случаев Сенату, который выполнял функцию доведения этих указов до центральных властей.

Во времена умаления значения Сената различными Советами при императорских особах, последние являлись промежуточным звеном между верховной властью и Сенатом:

«Указ ея императорского величества Самодержицы всероссийской из Высокого Сената Берг Коллегии: по присланному ея императорского величества указу из Верховного тайного совета в котором объявлено: ведомо ея императорскому величеству учинилось, что на монетных дворах никакой серебряной монеты не делают... ея Императорское величество указала ... И по тому ея императорского величества указу Высокий Сенат приказали о исполнении потому ея императорского величества указу во всем непременно послать в Берг коллегию указ и Берг коллегии учинить о том по сему ея императорского величества указу Обер секретарь Матвей Козмин Секретарь Иван Богданов Канцелярист Иван Керской Февраля 16 дня 1727 году»⁷.

Таким образом, императорский указ, прежде чем попасть в Сенат, а потом из него в коллегии, проходил промежуточную стадию Совета, через который они объявлялись.

Оригинал именного указа, собственноручно подписанного императором, или объявленного через соответствующий Совет, оставался в Сенате на хранение.

Распоряжения, содержащиеся в нем, передавались на последующие уровни управления с помощью промежуточных указов Сената.

Решение о подготовке сенатских указов и отправки их подчиненным инстанциям принималось на заседании Сената и фиксировалось в протоколах⁸, а со второй четверти XVIII в. еще и в журналах⁹.

Главной функцией протоколов и журналов в этот период была функция фиксации решений, выработанных коллегиальными органами государственной власти и управления. Исходящие распорядительные документы в XVIII в. за исключением уровня императорской власти готовились не иначе как на основании названных видов документов. Поэтому и журналы, и протоколы играли в XVIII в. важную роль в механизме трансформации коллегиального управленческого решения в распоряжение конкретному исполнителю или подчиненному органу.

Такие протоколы и журналы можно встретить в 248 фонде Сената, включающем целый ряд книг, названных «протоколы Правительствующего Сената»¹⁰, «Журналы и протоколы Правительствующего Сената»¹¹.

Решения об отправке указов в подчиненные органы записывались в журналах и протоколах с помощью следующих формулировок: «крепил приговоры ... об учинении указа в юстиц коллегию»¹², «приказали ... в военную коллегию послать указ»¹³.

Указы Сената, изданные на основе именных указов, могли быть двух типов:

Указы первого типа дословно передавали текст императорского указа и не содержали никаких дополнительных распоряжений Сената о порядке выполнения распоряжений, в них содержащихся. Смысл распорядительной части таких указов заключался в традиционной формулировке: «ведать и чинить в соответствии с именными указами».

Указы второго типа помимо дословной передачи распоряжений, содержащихся в инициативном именованном указе, также включали самостоятельные предписания Сената относительно порядка выполнения указов высшей власти.

Сенатские указы обоих типов именовали себя «Указами Его Величества Императора»¹⁴, подписывались должностными лицами Сената и направлялись в коллегии или другие нижестоящие инстанции.

Например, указ Сената, дословно передающий распоряжение именованного указа:

«Указ Его Величества Императора и Самодержца Всероссийского из Сената Берг коллегии, каковы Его Императорского Величества Указы за подписанием собственныя его императорского величества руки в Сенате состоялись, а именно в ныннешнем 1724 году генваря 20 дня, первое, что все подчиненные у камандиров своих были в послушании..., второе..., шестое, ... и берг коллегии о вышепомянутом ведать и чинить по вышеписанному его императорского величества указу а в другие коллегии и в канцелярии и в губернии и в провинции о том же указы из Сената посланы; обер Секретарь Аникий Маслов, Секретарь Иван Ларионов, Под канцелярист Максим Тухаринов»¹⁵.

Или указ Сената, содержащий также его самостоятельные распоряжения по выполнению именованного указа:

«Указ Его Величества Императора и Самодержца Всероссийского из Сената Берг коллегии Всепресветлейший Державнейший ПЕТР Великий, Император и Самодержец Всероссийский. Будучи в зимнем доме, Генваря 13 дня, 1724 году указал о делах, которые тайности подлежат... в партикулярных письмах ни к кому не писать... И сей указ всякому писать в инструкциях и Берг коллегии о том

ведать, и чинить по сему Его Императорского Величества указу. Обер секретарь Аникий Маслов, Секретарь Иван Лирин, Канцелярист Никита Никитин»¹⁶.

И в первом, и во втором случае к сенатским указам в виде печатных копий прикладывались инициативные именные указы, которые специально изготавливались в количестве, необходимом для рассылки во все заинтересованные подчиненные инстанции. Такие копии содержали печатное обозначение имени императора и изображение печати с буквами МП в центре. Кроме того в указах содержалась информация, когда и где они были напечатаны: «печатан в Санктпитебурхе при Сенате, января 20 дня, 1724 Году»¹⁷.

В этой схеме сенатский указ становился своего рода сопроводительным документом к именованному указу, который одновременно мог содержать предписание о точном выполнении именованного указа или давать распоряжения о порядке его исполнения.

Указы Сената в первую очередь адресовались коллегиям, что нашло отражение в приговорах Сената:

«По указу Ея Императорского Величества Правительствующий Сенат... ПРИКАЗАЛИ... в военную и прочие коллегии ис канцелярии послать указы А в герольдмейстерскую и речетмейстерскую канторы с сего дать копии и сенатским секретарям объявить с подписями»¹⁸.

Коллегии получали сенатские указы с приложенными копиями именных указов (или без них, если дело инициировалось самостоятельным указом Сената), слушали их на заседании, принимали решение по делу и фиксировали данное решение в протоколах в виде приговора.

В протоколах и приговорах, сохранившихся в фондах различных коллегий, подобные решения фиксировались следующим образом:

«Слушали указу из Сената о пропуске кораблей в порты неиззаповетренных мест с заповедными товарами, определили в санкт питебурхе выставить листы, ...а на котлин остров к майору Юнгеру и в Ригу в нарву в ревелю в выборах к городу архангельску послать указы велеть им чинить по оному присланному из Сената его императорского величества указу...»¹⁹;

«Слушали его императорского величества Печатных ... указов присланных с Правительствующего Сената о разных делах Приговорили согласно в подчиненныя Берг коллегии вовсе команды ...такие же печатные указы а ежели печатные вскоре достати ...немочно то списав с них точные копии разослать

немедленно. При указах повелети поступать по оным указам во всем непременно... а канцелярским служителем как в Берг коллегии так и в подчиненных при оных указах в слышании велети подписаца дабы неведением не отговариваться»²⁰.

На основе протоколов издавались указы коллегий, которые по аналогии с указами Сената, могли в точности повторять инициативные Сенатские указы или содержать самостоятельные распоряжения коллегий относительно исполнения последних.

Второй тип указов на уровне центральной власти был более распространен. По всей вероятности это было связано с тем, что на данном уровне как раз и реализовывались основные властные предписания вышестоящих инстанций, что требовало большей детализации информации об исполнителе, характере предпринимаемых действий, сроках исполнения и т.д.

Например, указ Берг-коллегии:

«Указ его императорского величества самодержца всероссийского из государственной берг коллегии сего февраля 6 дня присланы его императорского величества из Высокоправительствующего Сената в Берг коллегию печатные указы ... Подчиненные берг коллегии во все команды такие же печатные указы разсылать немедленно и велено поступать по оным указам во всем непременно а канцелярским служителем как в берг коллегии так и в подчиненных при тех указах о слышании велено подписаться дабы неведением никто не отговаривался, и потому приговору таковы же печатные его императорского величества указы посылаются...»²¹.

Оформлялись указы коллегий, также как и Сенатские, от имени Императора, но подписывались должностными лицами присутствия коллегии.

Указы коллегий рассылались вместе с копиями именных указов в подчиненные инстанции. Копии печатных указов могли быть изготовлены типографским способом или в точности переписаны.

Состав подчиненных инстанций, получающих указы из коллегий можно установить с помощью протоколов коллегий. В них, в разделе «крепили» фиксировалась информация о содержании указов и их адресате. К примеру:

«Указ в акцизную камору о справке...»²²; «Указ в Москву к советнику Новосильцову о разных делах и о требовании резолюций по поданным в Сенат поношениям»²³ и т.д.

Реализацией указов коллегий занимались местные власти, которые в своей деятельности повторяли общую схему: решение дела записывалось в протоколах и журналах, исполнение осуществлялось с помощью указов, изданных на основе протоколов или приговоров, содержащих помимо распоряжений по рассматриваемому делу, описание обстоятельств дела и законов, на основе которых оно было решено:

«исходящие бумаги изготовленные не иначе как на основании протокола или ... журнала; ... в точной силе постановленного в них решения»²⁴.

Содержание указов местных властей позволяет проследить все фазы решения дела, включая этапы до попадания инициирующих документов в орган – автор указа и этапы после издания данного указа:

«Указ ея императорского величества Самодержицы Всероссийской ис Казанского Губернского Магистрата в Вятский провинциальный магистрат сего декабря 20 дня в полученном Ея Императорского Величества из Главного Магистрата в здешний магистрат указе написано по указу де Ея Императорского Величества слушав присланного во оной от господина Тайного Советника Сенатора Главной соляной канторы с подчиненными ей магистратами главного директора и кавалера Михаила Яковлевича Маслова сообщения коим требовал о подтверждении главного магистрата ведомства онаго магистратам и ратушам дабы от оных непорядочных поступать и в производстве посоли состоящих. В сохранени Ея Императорского Величества интереса и в продовольствии государства онаго распоряжений препятствия главной соляной канторы с подчиненными ей местами в силу законов чинено было немедленное исполнение – Приказали чтоб в магистратах и ратушах что касательно посоляным делам потребованиям главной соляной канторы с подчиненными ей местами в силу законов чинено было немедленно исполнение о том из главного магистрата в губернские а из оных в провинциальные и городовые магистраты и ратуши подтвердить указами с тем что если посему исполнено не будет за то с ними поступлено быть имеет по всей строгости законов. Того ради по указу Ея Императорского Величества и по резолюции здешняго магистрата велено в провинциальные а из них в приписные к ним городовые магистраты и ратуши с прописанием онаго указа подтвердить указами с тем что если по сему исполнено не будет за то с ними поступлено будет по всей строгости законов и вятскому провинциальному магистрату чинить о том по сему ея императорского величества указу»²⁵.

Обрисовав в общих чертах порядок распорядительной деятельности «во исполнение», следует также сказать об инициативной распорядительной деятельности органов государственной власти

и управления XVIII в., которая осуществлялась в соответствии со следующей схемой:

Инициация рассмотрения дела могла идти не только сверху, в виде указов высшей, верховной власти или вышестоящей инстанции, но также и снизу, в виде промеморий от равностоящих учреждений, доношений от подчиненных инстанций и должностных лиц или прошений частных лиц, а также инициироваться самим органом, издающим распорядительный документ.

Если вопрос относился к компетенции коллегиального органа, он рассматривался на заседании, на котором принималось административное решение по существу вопроса. Данное решение вносилось в виде приговора в журнал и протокол. Например,

«Слушали прошения иноземца Самуэля Крыгеля ... определили справясь с акцизною каморою ... дать паспорт»²⁶; «слушали промемории из камор коллегии и доношения и из акцизной каморы о рассмотрении испомоществования в продаже клея приказали согласно камор коллегии обер секретаря и акцизной каморы директора Квашнина Самарина призвать и объявить им что оной клей за оную цену ежели кто выше не даст отдать можно, понеже коллегия признала что та цена нехуда...»²⁷.

На основании этих решений коллегиальный орган изготавливал исходящий документ, который мог быть промеморией, если адресовался равностоящей инстанции или указом, если адресовался подчиненным органам или должностным лицам.

Указы коллегиальных органов составлялись в точном соответствии с приговорами и подписывались на заседании этого или последующих дней.

Например, указ Берг-коллегии:

«Указ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской из государственной Берг коллегии комисару Василью Терпигореву сего ноября 3 дня по ея императорского величества указу в Берг коллегии по доношению екатеринбургских рот фюрьера Якова Кочкина определено для отправления следующего в Москву казенного каравана ... послать тебя комисара Василья Терпигорева... а для записи денег тебе ... Терпигореву... дана из Берг коллегии ... тетрадь, а об отводе тебеж комисару и ему Кочкину ...квартир для выгрузки припасов ... в коломенскую воеводскую канцелярию указ послан и комисару Василью Терпигореву о том ведать и чинить по сему ея императорского величества указу А к фюрьеру Якову Кочкину указ послан ноября 11 дня 1754 году; Иван Новосильцев, секретарь ...канцелярист Леонтий Второй»²⁸.

Если орган не мог самостоятельно решить дело, то направлял доношение в вышестоящую инстанцию (местные власти в коллегии, коллегии в Сенат, Сенат обращался к Императорской власти и Советам при ней), которые в свою очередь давали распоряжение сверху в виде указа, являющегося для коллеги инициативным документом. И в этом случае распорядительная схема строилась аналогично представленной выше распорядительной схеме «во исполнение».

На рассмотрение коллегиальных органов также иногда выносились вопросы их внутреннего управления, решения по которым могли оставаться закрепленными только в протоколах или также дублироваться в изданных на их основании указах:

«Берг коллегии велеть застлати удобные доски на подножии как возможно и деньги за оные заплатити о разсоходу Берг Коллегии из определенных на приказной расход потому и дяку Протасову послати Указы;

В Протоколе закрепа такова

Кирило Свитин, Алексий Зыкин

А подлинный считал актуариус Федор Масин»²⁹.

Хотя не существовало определенных правил оформления подобных распоряжений, само их появление говорило о назревающей объективной необходимости появления внутренних распорядительных документов.

В целом управленческие схемы XVIII в. определили состав документации, оформляющей распорядительную деятельность органов государственной власти и управления.

За исключением уровня царской власти, на котором издавались именные единоличные указы, все остальные управленческие уровни – от Сената до местных властей – строили свою деятельность на основе коллегиально выработанного решения, зафиксированного в протоколах и журналах, и изданных на их основе исходящих распорядительных документов, подписанных всеми членами соответствующих коллегиальных органов.

Подобный механизм трансформации коллегиальной воли в конкретное управленческое действие показывает, что именно в XVIII в. начинает закладываться современная процедура принятия управленческого решения коллегиальным органом и его доведения до исполнителей.

Примечания

¹ Литвак Б. Г. О закономерностях эволюции делопроизводственной документации в XVIII–XIX вв. (К постановке вопроса) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. Статьи и материалы. М.: «Наука», 1984. 280 с.

² Указ Петра I Сенату о разделении именных указов на временные и постоянные, изданные в постановление вечное, и о присоединении последних к регламентам и уставам, от 29 апреля 1720 г. // Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. Т. 1. Акты о высших государственных установлениях. М., 1945. С. 85.

³ Указ Правит. Сената о представлении ему Госуд. Коллегиями и Канцеляриями для записи именных указов, данных Петром I // Там же. С. 93.

⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 271. Оп. 1. Кн. 4. № 35. Л. 140.

⁵ Глотова С. А. Развитие распорядительной документации в XVIII веке // Делопроизводство. 2009. № 1. С. 84.

⁶ РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. № 247. Л. 115.

⁷ Там же. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 7. № 18. Л. 32.

⁸ Ведения протоколов в Сенате было регламентировано в ряде законодательных актов, в том числе в Указе Петра I от 4 апреля 1714 г. Об обязательности ведения протоколов при решении дел в Сенате, в войсках и губерниях, о коллегиальном решении дел и о подписании протоколов и указов; в Должности Сената.

⁹ Предположительно, в делопроизводстве Сената различие между журналами и протоколами было введено лишь после Петра Великого, а именно с уничтожением Верховного Тайного Совета и с восстановлением – по манифесту 4 марта 1730 г. – власти и значения Правительствующего Сената. См.: Филиппов А. Н. Журналы Правительствующего Сената за 1737 г. Часть 1. (журналы за январь–июнь 1737 г.) М., 1910. С. 1–2.

¹⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Кн. 1900, 2148 и др.

¹¹ Там же. Кн. 1888.

¹² Там же. Л. 83.

¹³ Там же. Л. 472 об.

¹⁴ Там же. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 7. № 97. Л. 172.

¹⁵ Там же. Кн. 4. № 15. Л. 63.

¹⁶ Там же. Л. 26.

¹⁷ Там же. Л. 65–69.

¹⁸ Там же. Ф. 248. Кн. 2148. № 121. Л. 245–245 об.

¹⁹ Там же. Ф. 276. Оп. 1. Ч. 2. № 3042. Л. 46–48.

²⁰ Там же. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 4. № 15. Л. 71.

²¹ Там же. Л. 73–74.

²² Там же. Ф. 276. Оп. 1. Ч. 2. № 3042. Л. 21 об.

²³ Там же. Л. 22.

²⁴ Общее губернское учреждение // Свод законов Российской империи. Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 2. Учреждения губернские. Спб., 1842. С. 23.

²⁵ РГАДА. Ф. 817. Оп. 1. № 200. Л. 15–15 об.

²⁶ Там же. Ф. 276. Оп. 1. Ч. 2. № 3042. Л. 46.

²⁷ Там же. Л. 47–48.

²⁸ Там же. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 7. № 35. Л. 142.

²⁹ Там же. Л. 71.

А.М. САФРОНОВА

СЧЕТА ЗА КНИГИ, ПРИБРЕТЕННЫЕ В ЕКАТЕРИНБУРГСКУЮ БИБЛИОТЕКУ ГОРНОГО ВЕДОМСТВА, КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ЕЕ СОСТАВА. 1734–1739 гг.

***Safronova A.M. Invoices for books, purchased
for the Ekaterinburg library of mining department,
as the source for reconstruction its structure
(1734–1739)***

Аннотация / Annotation

Счета за книги, приобретенные для Екатеринбургской библиотеки горного ведомства, являются ценными источниками, позволяющими установить точный состав отдельных партий книг и роль В.Н. Татищева в формировании одного из крупнейших провинциальных книжных собраний России первой половины XVIII в. Invoices for books, purchased for the Ekaterinburg library of mining department, are valuable sources, that make possible to identify the structure of separate book batches and Tatischev's contribution in the forming one of the biggest book collection in Russian province in the first half of 18th century.

Ключевые слова / Keywords

Источники, Екатеринбургская библиотека, Горное ведомство, В.Н. Татищев, состав книг, Книжная палата Академии наук. Sources, Ekaterinburg library, mining department, Vasily Tatischev, book composition, Academy of science Book chamber.

Начальник казенных заводов Урала и Сибири В.Н. Татищев в 1734–1739 гг. стал инициатором создания в Екатеринбурге библиотеки, ставшей одним из самых крупных и уникальных собраний российской провинции первой половины XVIII в. Библиотека горного ведомства вобрала в себя лучшие книги, выходившие на русском и иностранных языках в России, и книги западноевропейских стран. Состав этой библиотеки стал известен только в последние годы благодаря выявлению всех списков поступивших книг.

Одним из ценных источников, позволяющих реконструировать состав этого собрания, являются счета на приобретенные издания – финансовые документы, учитывающие, когда, кем, сколько денег было уплачено за всю партию литературы и за каждую книгу в отдельности. В фонде Уральского горного управления Государственного архива Свердловской области выявлено шесть документов подобного рода, в делопроизводстве Генерал-берг-директориума в РГАДА (фонд Берг-коллегии) – четыре. В отличие от списков книг, готовящихся к отправке из Книжной палаты Академии наук, они являются наиболее достоверным источником для реконструкции состава библиотеки, т. к. некоторые издания, фигурировавшие в промемориях Академии наук как отданные в переплет для отправки на Урал, в действительности туда отосланы не были. Существует список книг Екатеринбургской библиотеки, составленный в сентябре 1739 г. для Генерал-берг-директориума, но он далеко не полон: включает не все партии полученных книг и не все книги из учтенных в нем партий. Правда, он имеет преимущество по сравнению с денежными счетами: названия книг в нем приведены на языке издания и в основном с указанием места и года издания. В денежных же счетах выходные данные отсутствуют, а названия в основном даются в русской транскрипции.

Первый денежный счет был обнаружен нами случайно – в его названии указание на книги отсутствовало. При просмотре дел в ГАСО наше внимание привлек счет, отправленный В.Н. Татищевым в июне 1735 г. в Кабинет министров о казенных деньгах, израсходованных им по пути на Урал. В этом документе подробно расписывалось, когда, где, какие предметы, на какую сумму были приобретены новым начальником заводов на полученные деньги. Счет был окончательно составлен через восемь с половиной месяцев после прибытия Татищева с командой в Екатеринбург. Из чистого любопытства пролистывая этот объемный документ, среди многочисленных покупок, совершенных в Москве в мае – июне 1734 г., мы обнаружили и список книг¹.

Документ переворачивает наши представления о начале формирования Екатеринбургской библиотеки. Во-первых, он доказывает, что именно Татищев озаботился приобретением книг, которые нужны были как для решения дел в Канцелярии Главного заводов правления (законодательные акты), так и специалистам горнозаводского дела,

медикам, переводчикам. Во-вторых, позволяет утверждать, что основание Екатеринбургской библиотеке было положено не в 1735 г., как утверждалось ранее в литературе, а в 1734 г.

В список приобретенных книг вошли 44 издания по меньшей мере 22-х авторов на сумму 85 руб. 12 коп. Они были четко разбиты на 4 тематические группы: «1. Книг к заводским делам», «В лабораторию 2. Аптекарю», «3. Для переводу и разумению языков», «Указных книг указов печатных». Описание включало фамилию автора и название книги в русской транскрипции, число томов или составных частей конволюта (книг, объединенных в одном переплете), цену.

Среди книг, приобретенных к заводским делам, – две работы по горному законодательству: «Спан. Устав горный. Гертвиг. Права горные»; 8 книг по механике: 7-томное собрание Я. Леопольда «Машины всякия» и «Механика верная» Боклера. Шесть книг характеризовали полезные ископаемые, горные породы, рудники и организацию работ на них: «Волкман. Сленские подземности», «Мильня. Саксонские подземности», «Описания серебряной Салберской», «Бутнер. Подземны[й] лес, тажож и о угольях каменных», «Генкель. Описание колчедана», «Лейнес. Описание горных работ». Три книги содержали

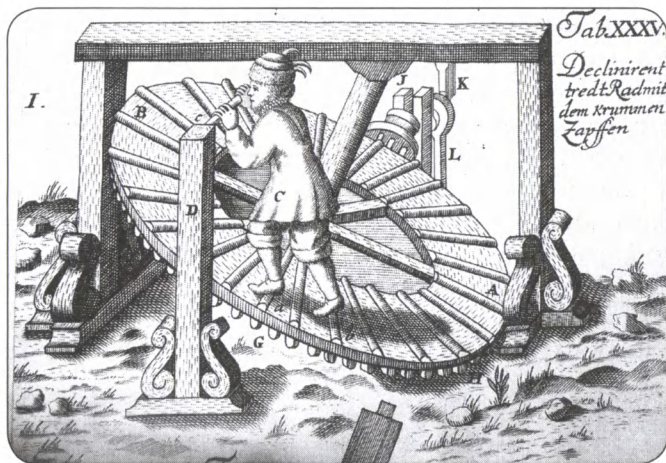

Иллюстрация из 7-томного труда «Theatri machinarum» Я. Леопольда, переданного В.Н. Татищевым в пользу заводов в 1734 г. По этим книгам обучался механике будущий создатель первой паровой машины в России Иван Ползунов

сведения о пробе металлов: «Эркер. Великая пробовальная», «Келнер. Плавильные пробы», «Крертерман. О разделении золота и серебра от других металей».

Среди лексиконов – латино-немецкий, польско-латинский, французско-немецкий, французско-латино-немецкий, немецко-латино-русский. Последнюю группу приобретенных в пользу заводов изданий составило новейшее законодательство России за последние 20 лет, 1714–1734 гг.

Благодаря включению 24 книг этой первой партии, положившей начало Екатеринбургской библиотеке, в список книг Екатеринбургской библиотеки, составленный в 1739 г. по запросу Генерал-берг-директориума с указанием полных выходных данных, а также выявлению 25 книг в библиотеках Петербурга и Екатеринбурга, удалось реконструировать все издания этой первой партии, за исключением одного («Описания серебряной Салберской»)². Оказалось, что значительная часть иностранных книг, приобретенных якобы 29 мая на книжных рынках Москвы, на деле являлась книгами из личной библиотеки Татищева с его владельческими записями, в том числе, приобретенными в Данциге (1717), Москве (1720), Стокгольме (1725), т.е. Татищев передал в пользу заводов часть своего личного книжного собрания с возмещением затрат.

Особое значение для реконструкции состава Екатеринбургской библиотеки имеет счет, присланный Академией наук в Генерал-берг-директориум при промемории от 14 апреля 1738 г. в связи с задолженностью за книги, выданные на руки из Книжной палаты доверенному лицу уральского начальства гитенмейстеру И.Г. Улиху и юношам из Екатеринбурга, учившимся в гимназии Академии наук. Генерал-берг-директориум переадресовал копию этого счета уральской канцелярии³.

В счет вошла литература, выданная из академической Книжной палаты в пользу заводов, начиная с апреля 1735 г. по февраль 1738 г. на сумму 271 руб. 73 коп. В апреле 1735 г. Улих внес за учебные книги, подобранные для иноязычных школ, лишь 100 руб., остальные 171 руб. 73 коп. продолжали числиться на уральских заводах в качестве долга. На левом поле счета имеются пометы о выдаче Улиху литературы в апреле 1735 г. и феврале 1736 г. Выдача нескольких изданий в феврале, июле, октябре 1736 г. зарегистрирована без указания

адресата и далее перечислены книги, выдававшиеся юношам из Екатеринбурга, учившимся в гимназии Академии наук, в разных числах и месяцах 1737 и февраля 1738 гг.

Описание книг в документе дано в двух-трех словах в русской транскрипции, с искажением фамилий авторов, например: «1 Воитс Шац камер в переплете» «1 Соммертови. Лексикон в переплете», в отношении 10 книг автор не указывался, из-за этого затруднительно понять, какая книга и какого автора имелась в виду, например, «Голландишер гертнер...», «Вояже летармария...». В двух правых колонках указывалась цена книг в рублях и копейках. Число томов в счете не оговаривалось, за исключением одного случая: «Скриферс Зелен сац 2 в переплетах», в отношении других изданий употреблялся термин: «в переплете», но он использован формально, как и число «1» перед названием книги: как оказалось, среди них были издания и в двух-трех томах.

Уникальность этого документа заключается в том, что на книги, выданные Улиху, Академия наук официальных промеморий с приложением списков книг на Урал не отправляла. Книги вручались в Книжной палате на руки Улиху, он организовывал их пересылку в Екатеринбург с уральцами, прибывшими по делам в столицу. Исключением стала только первая партия учебной литературы, предназначенная для немецкой и латинской школ Екатеринбурга, по поводу которой сам президент Академии И.А. Корф отправил промеморию в 1735 г. с приложением реестра подготовленных книг⁴. В течение нескольких лет Улих не возвращался на Урал, выполняя различные поручения столичных властей, поэтому не подавал отчета о потраченных средствах по приезде, как это обычно бывало. При поступлении в Екатеринбург в 1736 г. книги были распределены среди различных учреждений, попали, видимо, в пробирную лабораторию, госпиталь, а затем и в аптеку, школы. Часть книг «осела» на полках казенной библиотеки. Возможно, некоторые издания оказались на руках у Татищева. Эти книги перестали попадать в поле зрения властей и учитываться в последующих списках книг, лишь 5 из них оказались включенными в список 1739 г.

Наряду со 187 экземплярами учебной литературы, предназначенными для иноязычных школ, в счете фигурируют новейшие издания типографии Академии наук, и большая партия книг

на иностранных языках, о которых не было известно в нашей литературе. Этот документ позволяет раскрыть еще одну совершенно неизвестную страницу начального этапа формирования Екатеринбургской библиотеки, проливает свет на состав книг, полученных из академической Книжной палаты для уральских специалистов. Причем, по реестру, составленному лично Татищевым, отсутствующему как в деле об отправке Улиха в Петербург, так и в делах канцелярии Академии наук. Нами была проведена работа по идентификации литературы, упоминаемой в этом счете, часть ее сохранилась, несохранившиеся издания разыскивались на основе электронных каталогов библиотек Германии, Великобритании, Конгресса США⁵.

Среди новинок академической типографии числились «Брюкнера описание универсальных солнечных часов», Генеральный регламент и Артикул воинский, «Трактат о дружбе и коммерции, между Российской империею и короною Великобританскою», «немецкий календарь», «россииские речи», под которыми подразумевалась речь о чистоте русского языка, произнесенная В. Третьяковым 14 марта 1735 г. во время первого заседания Российского собрания, первый российский атлас с картами 1734 г., «рисовальная книга» Прейслера и др.

Значительную часть западноевропейской литературы составили труды по медицине и химии, изданные в Германии в начале XVIII в. Это работы французского химика и фармацевта Н. Лемери «Материальный лексикон» и «Совершенный химист»; «Лексикон фармацевтико-химический латино-немецкий и немецко-латинский» И.К. Зоммергофа; книга И.Я. Войта «*Gazophylacium Medico-Physicum*», в которой характеризовались предметы медицины; книга Краутермана «Аптекарь»; «Основания химии» голландца Г. Бургаве в двух томах на латинском, в которых систематизировались химические знания того времени (Лейден, 1732), и перевод этого труда в сжатом виде на немецком языке (Хальберштадт, 1734); известный труд Ф. Рот-Шольца «*Deutsches Theatrum chemicum*» и др.

Книги по химии, необходимые для проведения проб руд, дополняла литература по горному делу: «Новая и полная горная книга» К. Гертвига; «Маркшейдерское искусство» Н. Войгтеля, «*Vulcanus Famulanus*» И.Г. Лейтмана, в которой характеризовалось устройство различных печей, предназначенных для плавки руды, очищения и

других операций. Самым дорогим изданием, стоившим 21 руб., был трехтомный труд шведского ученого Э. Сведенборга «Философские и минералогические сочинения» (Дрезден; Лейпциг, 1734).

Была отправлена на Урал «Экспериментальная физика» выдающегося немецкого ученого Х. Вольфа. Из книг по архитектуре и рисованию посланы труды известных итальянских архитекторов эпохи Возрождения В. Скамоцци и С. Серлио. Впервые поступали в Екатеринбургскую библиотеку книги по ведению делового письма, о содержании и лечении лошадей, разведении садов и уходе за растениями, ведении домашнего хозяйства, западноевропейская литература, касавшаяся проблем нравственности. Всего, согласно счету, в 1735–1736 гг. Книжной палатой Академии наук было передано в пользу уральцев более 250 изданий, не считая комплектов «Санктпетербургских ведомостей» и «Примечаний» к ним на русском и немецком языках.

С 1737 г. книги из Академии наук начали пересылаться в Екатеринбург через Генерал-берг-директориум. Счет на книги составлялся в академической Книжной палате книгопродавцем Г. Кланером, прилагался к промемории Академии наук и вместе с книгами передавался в директориум. Последний выдавал деньги копиисту, доставившему книги, а копию счета вместе с изданиями отсылал при указе в Екатеринбург.

В счете на первую партию литературы, отправленную в директориум из Академии при промемории 8 июня 1737 г., названия иностранных книг переданы в русской транскрипции («Шетген деоригинисус», «Колуцки. Промтуар легис польская» и т.д.)⁶. Книги не нумерованы, и только благодаря указанию на число переплетов – «в двух переплетах», «в трех переплетах» ясно, что среди них были двух и трехтомные издания. Всего было отправлено 35 книг 25 названий. Очень оперативно, при указе Генерал-берг-директориума от 13 июня книги были переправлены на Урал с солдатом Ф. Кузнецовым и через месяц с небольшим, 23 июля, прибыли в Екатеринбург⁷.

На вторую партию книг, отправленных из Академии наук в Генерал-берг-директориум 31 июля 1737 г., счет был составлен Книжной палатой в двух вариантах: на немецком языке с указанием названий книг на языке издания и на русском языке, где названия приводились в русской транскрипции. Причем отдельно указывалась

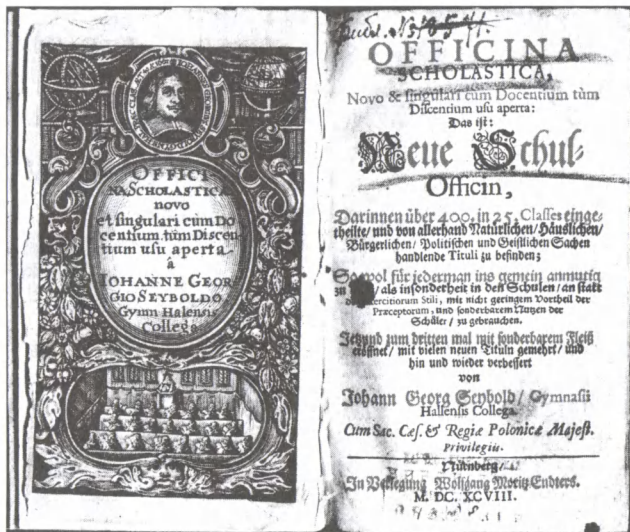

цена за книгу и ее переплет. Всего высылалось 17 книг 10 названий⁸. Указ директориума, подписанный В. Райзером, об уплате денег Академии наук и отправке книг на Урал датирован 16 августа⁹. Но этот указ вместе с книгами почти три месяца пролежал в Генерал-берг-директориуме: видимо, не с кем было переслать их на Урал. Только 20 октября 1737 г. последовал второй указ директориума об отправлении в Екатеринбург капрала Г. Мясникова с тремя солдатами, доставившими в столицу 1 000 пудов меди, им и поручили доставку книг¹⁰. Из-за ожидания «первого зимнего пути» книги прибыли в Екатеринбург лишь 5 декабря 1737 г.¹¹

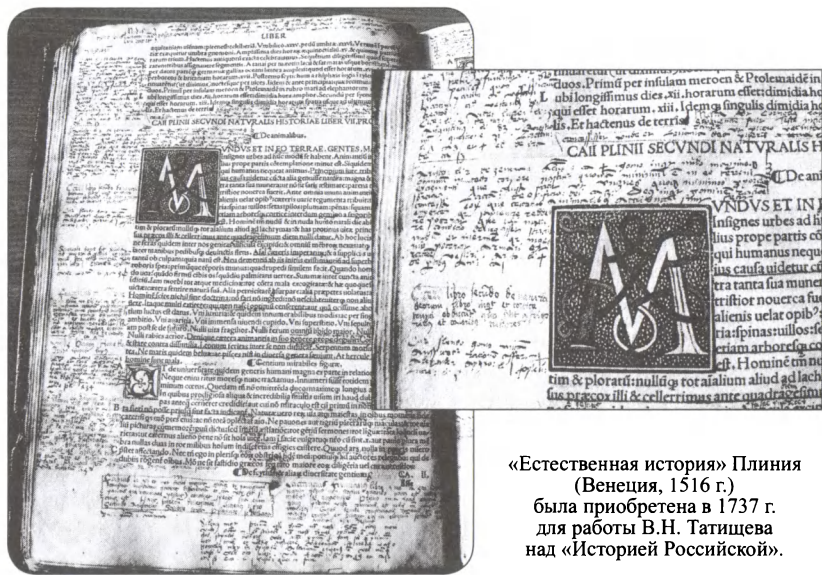
В составе двух этих партий в 1737 г. в Екатеринбургскую библиотеку поступил основной комплекс исторической литературы, заказанной за казенный счет для работы Татищева над «Историей Российской»: книги Гомера, Геродота, Иосифа Флавия, Цицерона, Плиния, Плутарха, Марко Поло, С. Герберштейна; Х. Шетгена, К. Целлария, польских историков – И. Петриция, П. Пясецкого, Я. Квяткевича, А. Колудского, С. Кобержицкого, С. Старовольского. Прибыли труды по математике, выписанные для библиотеки: сочинения Евклида, И. Штурма, Х. Вольфа; из книг по медицине – трехтомник француза Гроиссанта де Гаренгеота «Chirurgia Practica» и книга о болезнях Г.Э. Шталя; основы фармацевтики И.И. Розенстенгеля, описание трав французского ботаника Ж.П. де Турнефора в трех томах, «Orega Chymica» И. Глаубера, дополнительная литература для учащихся немецкой и латинской школ.

Все книги, поступившие в 1737 г. в Екатеринбургскую библиотеку, вошли в список 1739 г., составленный по запросу Генерал-берг-директориума, с указанием выходных данных и благодаря этому были атрибутированы.

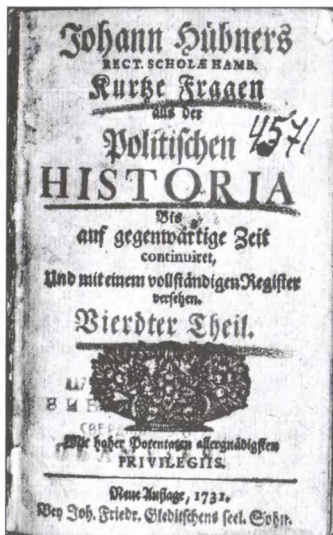
Следующий счет Академии наук за отправленные книги поступил из Генерал-берг-директориума в Канцелярию Главного заводов правления в июле 1739 г. В нем учитывалось 17 книг, приобретенных в академической Книжной палате уральцами, учениками гимназии Г. Клеопиным и А. Степановым, в том числе 10 томов «Политической истории» И. Гюбнера, 5 частей «Суплементов» к ним, «Математический лексикон» Х. Вольфа. Наряду со счетом высылались «Реестр книгам, которые взяты у школьников»¹². В этот реестр помимо вышеперечисленных книг вошли учебники, выданные на руки

Пособие И. Сейболда, высланное Книжной палатой Академии наук в 1737 г. для учащихся немецкой школы Екатеринбурга.

«Естественная история» Плиния (Венеция, 1516 г.) была приобретена в 1737 г. для работы В.Н. Татищева над «Историей Российской».

10 томов этой книги И. Гюбнера прибыли на Урал с уральцами, выпускниками гимназии Академии наук в 1739 г.

Учебник, поступивший в той же партии 1739 г. В библиотеках мира сохранилась всего несколько экземпляров этого пособия других лет издания.

четырем гимназистам во время обучения – 28 книг, которые переходили в собственность уральского горного ведомства. Перечень книг в обоих документах давался в русской транскрипции, часть их удалось выявить в отделе фондов Свердловского областного краеведческого музея, причем с записями пользователей.

В целом счета на поступившие в Екатеринбургскую библиотеку книги являются наиболее достоверным источником, характеризующим состав ее изданий и дающим ключ к дальнейшему их поиску в хранилищах Екатеринбурга и Петербурга, куда часть книг была отправлена для Горного училища в 1775 г. (ныне Санкт-Петербургский горный институт).

Часть состава Екатеринбургской библиотеки реконструирована нами по спискам имущества, передаваемого от одного ответственного за его хранение лица другому. На основе этих списков удалось установить состав литературы, приобретенной в 1735 г. по поручению Татищева на 100 руб., поднесенных ему кунгурскими посадски-

ми людьми; состав второй партии книг, приобретенных в том же году для немецкой и латинской школ; партии, переданной Татищевым из собственной библиотеки в пользу заводов за плату в январе 1736 г.¹³

Примечания

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 562. Л. 153–155.

² См.: Сафронова А.М. Передача Татищевым книг в пользу Уральских заводов в 1734 г. // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманит. науки. Екатеринбург, 2009. С. 197–209.

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 271. Оп. 1. Д. 1074. Л. 535–537; ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 41. Л. 541–543.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 561. Л. 248.

⁵ См.: Сафронова А.М. Поступления новейших изданий Академии наук и иностранной литературы в Библиотеку Екатеринбурга в 1736 г. как важный этап ее комплектования Татищевым // Документ. Архив. История. Современность. Сб. науч. тр. Вып. 9. Екатеринбург, 2008. С. 56–83.

⁶ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 775. Л. 612; ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 40. Л. 305.

⁷ ГАСО. Оп. 1. Д. 693. Л. 131.

⁸ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 775. Л. 620–621; ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 40. Л. 512, 513.

⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 40. Л. 510–511.

¹⁰ Там же. Л. 508–509.

¹¹ Там же. Л. 508.

¹² Там же. Д. 43. Л. 285–286.

¹³ См.: Сафронова А.М. Книжное собрание первой немецкой школы Урала (1735–1787 гг.: пути его формирования, состав, использование // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.): Материалы науч. конф. «Германия–Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI–XX вв.». Екатеринбург, 2001. С. 184–205; Она же. Формирование книжного собрания первой латинской школы Екатеринбурга (1735–1737 гг.) // Библиотеки Урала XVII–XX вв. Вып. 1. Екатеринбург, 2002. С. 131–146; Белобородов С.А., Сафронова А.М. В.Н. Татищев как заказчик литературы для екатеринбургского духовенства и горно-заводских школ (1735 г.) // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 4. Екатеринбург, 2004. С. 100–118; Сафронова А.М. Вклад В.Н. Татищева в формирование собраний законодательных актов уральских заводов в 1734–1737 гг. // Там же. Вып. 5. Екатеринбург, 2005. С. 60–76.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ДВОРЯНСКОМ, ЗЕМСКОМ И ГОРОДСКОМ САМОУПРАВЛЕНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв. В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

***Chvikalov A.I. Archival sources
about noble, rural and urban self-government
in second half 19th – early 20th centuries in the central
Chernozem region: organizational and social aspects***

Аннотация / Annotation

В статье представлен анализ документов, хранящихся в государственных архивах Санкт-Петербурга и Москвы, Воронежской, Курской, Тамбовской и Орловской областей, в которых затронуты проблемы дворянского, земского и городского самоуправления в контексте организационной и социальной деятельности органов сословного и местного самоуправления. Дана систематизация указанных документов, выявлено общее и особенное в их характере. Отмечены причины малочисленности или отсутствия отдельных их видов в ряде областных архивов Черноземья.

In the article presents the analysis of the documents, stored in state archives in St. Petersburg and Moscow, Voronezh, Kursk, Tambov, Orel, and the areas in which problems of the nobility affected rural and urban self-government in the context of organizational and social activity of birth and local governments. These documents are classified, identified general and specific in their nature. Causes marked paucity or absence of species in some regional archives Chemozem.

Ключевые слова / Keywords

Источники, сословное и местное самоуправление, центральные и местные государственные архивы, архивные документы. Sources, estate and local government, central and local government archives and archival documents.

Изучение истории самоуправленческих структур в переломный для России период, когда осуществлялись радикальные реформы, начало которым было положено в 1861 г., невозможно без привлечения широкого круга источников, хранящихся в централь-

ных и местных архивах. Документы в указанных архивах позволяют воссоздать как синергетический потенциал взаимодействия различных видов самоуправлений, так и специфику каждого из них в решении организационных задач по укреплению их внутренней структуры, выявить формы и методы решения ими социальных проблем на основе общественной самодеятельности за рамками политической сферы.

При исследовании истории организационного укрепления самоуправленческих структур, их социальной деятельности было выявлено, что особо значимый материал хранится в фондах Российского государственного исторического архива.

Документы архива показывают, что процесс становления и развития самоуправлений был трудным и длительным. Дворянству одному из первых удалось создать и развить цивилизованные самоуправленческие структуры. Но и оно на втором столетии своей самоуправленческой деятельности испытывало большие затруднения в налаживании ритмичной работы самоуправлений, дисциплинированности членов дворянских собраний, овладения ими навыками согласованных действий.

Одной из причин разобщенных действий членов самоуправленческих структур являлся недостаточный у них уровень социокультурных навыков в самоуправленческой деятельности, дефицит организационных начал. В связи с этим актуализировалась проблема государственного надзора над самоуправлениями.

Наиболее информативными в этом плане по дворянскому виду самоуправления явились дела Канцелярии министра внутренних дел, отложившиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА. Ф. 1282). Поступавшие сюда документы регистрировались и оставались на хранении в виде подлинников либо копий. Их группировка показывает, что из общего числа дел, которые непосредственно касались дворянского самоуправления в центрально-черноземных губерниях, 11 дел были связаны с рассмотрением жалоб участников дворянских собраний на нарушение процедуры выборов в органы самоуправления (всплески жалоб наблюдались в начале 1860-х – в конце 1890-х и в начале 1910-х гг.). 7 дел затрагивали вопросы, связанные с поощрением или привлечением к дисциплинарной ответственности уездных предводителей дворянства, в том числе

за формальное отношение их к своим обязанностям по службе в земских учреждениях, 8 дел касались вопросов работы опеки, одно дело было связано со строительством приюта для детей-сирот.

Тонкости и детали юридических аспектов самоуправления, как с точки зрения организационных структур, так и механизма деятельности целого ряда внутрисамоуправленческих социальных учреждений (опека, различные формы социальной взаимопомощи) прошли проверку в дворянском виде самоуправления. Документы, раскрывающие данный аспект самоуправления, сосредоточены прежде всего в фонде Министерства юстиции (Ф. 1405)¹.

В отличие от дворянского самоуправления, документальная база городского и земского самоуправления в наибольшей степени представлена в фонде Хозяйственного департамента (Ф. 1287), преемником которого с 1904 г. становится Главное управление по делам местного хозяйства (Ф. 1288). В фонде Хозяйственного департамента содержится более 40 дел, в которых в той или иной степени затрагиваются проблемы городского и земского самоуправления центрально-черноземных губерний.

Указанные материалы являются основой для определения характера и стиля взаимодействия имперского центра и органов городского и земского видов самоуправления, позволяют определить реперные точки зарождения и развития муниципального хозяйственного комплекса, выявить проблемы, которые пришлось решать самоуправлениям при строительстве крупных муниципальных сооружений (водопроводов, трамвайных линий, объектов социального назначения: детских приютов, рабочих домов, учебных и других заведений).

Характер подобных документов свидетельствует, что с ходатайствами к центральной имперской власти обращались прежде всего те руководители городских самоуправлений, кто обладал необходимой политической и юридической культурой, кто знал свои права и возможности и активно их использовал для освобождения своего города от некоторых обязательных расходов, предоставления рассрочек и сложения налога с недвижимых имуществ в связи со стихийными бедствиями, предоставления городу различных займов, в том числе в связи с крахом городского общественного банка, получения разрешений на дополнительный сбор с отдельных промыслов, предостав-

ления различных предпочтений при строительстве городскими самоуправлениями разного рода сооружений.

На количество обращений за помощью влияли и личные связи руководства городского самоуправления. Чаще за помощью обращались те, кто был «вхож» в высшие структуры власти. Из губерний Центрального Черноземья наиболее часто за помощью в Хозяйственный департамент обращались города Курской губернии, в том числе такой город как Короча, который с 1875 по 1907 г. обращался и получал помощь от Центра не менее трех раз².

Анализ подобных дел, поиск которых в местных архивах затруднен, позволил выявить мотивы действий правительственных структур, определить механизм получения такой помощи, определить, насколько он был защищен от противоправных действий.

В меньшей степени, чем городской вид самоуправления, в фонде Хозяйственного департамента представлено земское самоуправление. Характерной особенностью земских документов данного фонда явилась, во-первых, их, условно говоря, медицинская направленность и, во-вторых, то, что в целом ряде случаев подобные дела представлены в одном блоке с городским видом самоуправления, что наиболее часто встречалось в том случае, если земские и городские учреждения выступали совместно при проведении различных акций, например, совместного строительства больниц, школ, других учреждений социального назначения, а также в случае формирования общих средств для оплаты труда врачей и учителей³.

В этом фонде выявлен документ, свидетельствующий, что земские учреждения не только сами стремились организовать всеохватную систему медицинской помощи, но и старались привлечь к решению этой задачи фабрикантов и заводчиков⁴. Довольно обстоятельно здесь представлена социальная деятельность земских учреждений. В частности, в фонде Хозяйственного департамента имеются уникальные обобщенные поездные данные благотворительной деятельности Курского земства за период с 1865 по 1892 г.⁵

Социальная деятельность дворянского, земского и городского видов самоуправлений представлена в целом ряде фондов РГИА. Это связано с тем, что заключение по различным ходатайствам институтов самоуправления, как правило, выносили разные инстанции, вплоть до «Высочайшего разрешения». Поэтому, например,

документы об окончательном решении о предоставлении городам займов на удовлетворение их материальных нужд наиболее полно встречаются в фонде 1-го Департамента Сената (Ф. 1341)⁶. Необходимыми ступенями к окончательному решению вопросов кредитования местных органов самоуправления являлись такие инстанции как Общая канцелярия Министерства финансов (Ф. 560), Главное управление неокладных сборов Министерства финансов (Ф. 575) и Особая канцелярия по кредитной части (Ф. 583). И в указанных фондах сохранились материалы, позволяющие определить роль местной элиты в лоббировании региональных интересов. Показательно в этом плане дело, в котором представлены предложения сенатора князя Долгорукова об улучшении состояния Курской губернии. Деятельность Орловского городского головы Д.С. Волкова по спасению города Орла от финансовой катастрофы также нашла обстоятельное отражение в делах указанных фондов⁷. Материалы фонда Особой канцелярии по кредитной части позволили выявить, что правительство для решения социальных задач в период стихийных бедствий координировало взаимодействие разных видов самоуправления. В частности, в 1892 г. оно предоставило городским общественным банкам право выдавать ссуду земствам⁸.

Социальная направленность в деятельности самоуправлений в сфере образования наиболее четко представлена в фонде Департамента народного просвещения (Ф. 733). Его материалы позволяют выявить степень участия самоуправлений в финансировании нужд просвещения. Именно здесь, при определении доли участия самоуправления и государства (особенно это касалось дворянского самоуправления) наиболее часто возникали конфликты⁹. Здесь же обнаружен важный материал об участии Орловского городского самоуправления в организации приюта для бедных детей-сирот в начале 1880-х гг. Отметим, что материал о социальной помощи городских самоуправлений детям-сиротам фрагментарно разбросан по целому ряду фондов, в том числе, в фонде Канцелярии Синода (Ф. 796), где выявлено дело об открытии в 1879 г. местной епархией Курского сиротского приюта¹⁰, фонде Канцелярии императрицы Александры Федоровны (Ф. 525) содержатся данные о дневных приютах-яслях для детей бедных работниц, открытых в г. Воронеже в 1909 г. В фонде Департамента общих дел (Ф. 1282) имеется аналогичный материал об учреж-

дении в г. Моршанске в 1884 г. Александровского детского приюта¹¹. В личном фонде Шереметевых (Ф. 1088) обнаружена записка Е. Звезгинцева графу П.С. Шереметеву, которая дает представление о быте мелкопоместного дворянства в Белгородском уезде в конце XIX в.¹² Большой интерес в фонде Кауфманов представляет письмо курского земского врача Долженкова генералу Анненкову, в котором излагаются новые подходы к организации земского медицинского обслуживания в Курской губернии¹³.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) привлекают внимание материалы 102-го фонда (Департамент полиции Министерства внутренних дел), в котором содержатся сведения, позволившие выявить проблемы взаимоотношений структур дворянского самоуправления с населением, в том числе конфликты, которые возникали между дворянами-землевладельцами и крестьянами. Документы позволили выявить фон, на котором приходилось действовать в сельской местности дворянскому и земскому видам самоуправления в начале XX в., когда на все феномены жизнедеятельности и сельского, и городского социумов свой отпечаток стал накладывать политический аспект, связанный прежде всего с аграрными выступлениями в 1905–1907 гг. Характер данных документов представлен в виде многочисленных донесений, поступавших в форме докладов от губернаторов, составленных в свою очередь на основе донесений земских начальников, полицейских чинов, других лиц¹⁴.

Эти сведения являются особенно ценными не только из-за своего регулярно-обзорного и периодического характера, но и ввиду специфики содержащихся в них фактов, в которых представлен особый спектр динамики взаимоотношений институтов самоуправления, губернского правления и центральной власти в наиболее драматические периоды социальных взаимоотношений. Здесь содержатся также данные о «неблагонадежности», с точки зрения губернских властей, целого ряда лиц в земской и дворянско-интеллигентской среде, что позволяет определить степень лояльности правительства к самоуправлению, к его социальной политике. В фонде имеются обширные сведения о земских съездах и деятельности политических партий, что также проливает дополнительный свет на содержание социальной политики земских, городских и дворянских видов само-

управления. Оперативные данные об общественно-политических настроениях в губерниях империи, в т.ч. центрально-черноземных, содержатся в документах III отделения Его Императорского Величества Канцелярии (Ф. 109).

Важный материал по рассматриваемым видам самоуправления содержится в местных архивах. Ряд исследователей, например, А.Р. Соколов, автор фундаментальной работы о благотворительности в истории России, справедливо отмечает, что именно здесь сосредоточена основная масса документов, которая позволяет высветить механизм повседневной деятельности общественных структур, направленной на решение социальных проблем¹⁵.

Материалы по проблемам дворянского, земского и городского самоуправления в местных архивах центрально-черноземных губерний отложились неравномерно. В Государственном архиве Воронежской области они наиболее полно представлены по дворянскому самоуправлению. Особую ценность в этом плане представляют фонды «Воронежское дворянское депутатское собрание» (Ф. И-29) и «Воронежский предводитель дворянства» (Ф. И-30), которые, по данным научного сотрудника архива Т.Н. Литвиновой, поступили в 1919 г. на хранение в полной сохранности¹⁶.

В фонде «Воронежское дворянское депутатское собрание», в котором за период с 1786 по 1917 г. отложилось 4 118 дел, содержится богатейшая информация, которая раскрывает различные стороны повседневной жизни дворянского сословия через призму самоуправленческих начал, позволяющая судить о том, насколько влияли стандарты общественного самоуправления на жизнедеятельность сословия. В частности, здесь представлены документы, позволяющие судить об отношении дворян к органам самоуправления, посещаемости ими своих собраний, характере их межличностных отношений с точки зрения конфликтного или толерантного взаимодействия¹⁷.

Здесь же хранится уникальная информация о знаменитом благотворительном фонде А.Н. Сомова, позволяющая структурировать формы взаимодействия жертвователей и самоуправлений в целях создания прозрачного и малозатратного механизма распределения благотворительных средств¹⁸.

Несколько иной по характеру материал отложился за 1785–1916 гг. в фонде «Воронежский предводитель дворянства», в котором насчи-

тывается 2 523 дела. Так как предводитель дворянства в силу своих служебных обязанностей должен был решать не только свои сословные задачи, но и общесословные, то в данном фонде значительное место занимают дела, раскрывающие деятельность уездных предводителей на общесословных поприщах, в том числе в земских учреждениях. Целый ряд документов фонда свидетельствуют о ведущей роли уездных предводителей в организации благотворительной помощи участникам военных действий против Турции (1877–1878 гг.) и Японии (1904–1905 гг.). Сведения такого плана позволяют по-новому взглянуть на роль уездных предводителей как органов сословного самоуправления, решавших не только сословные проблемы¹⁹.

По земскому самоуправлению в Государственном архиве Воронежской области наиболее ценный материал представлен в фонде Губернской земской управы (Ф. И-20), в котором содержится 10 964 единицы хранения, сформировавшиеся в период с 1866 по 1917 г. Особую значимость среди них представляют отчеты губернской земской управы и ее врачебного, секретарского, статистического отделов, бухгалтерские и финансовые документы по налоговым, больничным, продовольственным вопросам, организации помощи экономически несостоятельным лицам²⁰.

Данные по городскому самоуправлению в Воронежском госархиве представлены неравномерно в связи с гибелью документов в период Гражданской и Великой Отечественной войн. Так, если фонд Воронежской городской управы (Ф. И-19) сохранился в полной мере и насчитывает по периоду 1870–1918 гг. более 3 400 дел, то фонд Воронежской городской думы (Ф. И-61) практически утрачен: в нем имеется всего лишь 11 дел. Одной из особенностей документальной базы и земского, и городского самоуправлений являлось то, что, как отмечала одна из исследовательниц земского движения Н.Ф. Королева, источники по земству (и, добавим, по городскому самоуправлению) «не поддаются привычной классификации: опубликованные и неопубликованные. Громадный пласт документов – стенограммы, журналы, доклады очередных и чрезвычайных сессий – несет обширную и полную информацию как в опубликованном, так и в архивном варианте»²¹. Поэтому в данном случае архивный материал если не в полной мере, то частично восполняется опубликованными «Журналами Воронежской городской думы».

В связи с гибелью ряда документов из фондов Воронежского городского самоуправления особую ценность представляют материалы Канцелярии губернатора. Следует отметить, что насыщенность фондов губернских канцелярий документами во многом зависела от стиля деятельности губернатора. Согласно статье 438 § 13 Общих учреждений губернии, все дела, поступающие к губернаторам и не перечисленные в статье 430, должны были рассматриваться в губернском правлении²². Но в восьмом пункте данной статьи указывалось, что дела, требующие по своей экстренности личного распоряжения губернатора, передавались ему лично. По замечанию одного из ревизовавших сенаторов, «признать каждое дело требующим распоряжения губернатора вполне зависит от усмотрения последнего»²³. Как отмечал видный правовед В.М. Гессен, «в то время как в одной губернии редкое дело, возникшее производством в губернаторской канцелярии, передается в губернское правление, в другой – большинство прошений... немедленно по поступлении передается по назначению»²⁴. В 1890-е гг., особенно в период, когда воронежским губернатором стал Е.А. Куровский, бывший боевой генерал, в его канцелярии сосредоточилась значительная масса дел, которые решались им лично.

В целом в Воронежском государственном архиве наиболее полное и адекватное отражение из трех видов самоуправлений получило дворянское. И по объему, и по характеру содержания его материалы наиболее полно отражают историю становления и развития дворянского самоуправления в региональном аспекте.

В этом плане конкуренцию ему может составить лишь Государственный архив Тамбовской области, который по наличию документального материала, раскрывающего механизм деятельности дворянского, земского и городского самоуправлений, их роли в решении социальных проблем находится в наиболее выгодном положении по сравнению с Курским и Орловским. И это не случайно. Тамбовский государственный архив – единственный архив Центрального Черноземья, который не пострадал в период Великой Отечественной войны.

В этом архиве для исследования дворянского самоуправления наибольшую ценность имеют документы, хранящиеся в фонде «Тамбовский губернский предводитель дворянства. Тамбовское губерн-

ское дворянское депутатское собрание» (Ф. 161), в котором с 1785 по 1917 г. было собрано 9 479 единиц хранения. Особую значимость для изучения механизма деятельности дворянского самоуправления представляют журналы заседаний дворянских собраний, отчеты предводителей дворянства, подлинники протоколов, фиксирующих результаты голосования на выборах должностных лиц в структуры дворянского самоуправления.

В указанном фонде, в отличие от других архивов, хорошо сохранились письма, поступавшие на имя губернского и уездных предводителей от людей разного состояния и разных сословий – от обедневших, впавших в нищету дворян, до высокопоставленных персон, обладающих огромным состоянием. Особенность дворянских писем, в отличие от мещанских, купеческих, крестьянских, заключалась в том, что они, как правило, составлялись самими адресатами, а не писались наемными писарями. Авторские письма в большей степени отражали реальное положение адресата и в значительной степени отличались большей валидностью с точки зрения объективного определения положения составителя письма. В то же время письма, написанные за малограмотных «сведущими людьми» или писарями, характеризовались стандартностью и набором шаблонных фраз.

Анализ работы предводителей с письмами позволяет выявить стиль их деятельности, мотивы принятия решений по социальным проблемам. Отложившиеся в хронологическом порядке документы, которые рассматривали предводители, дают возможность определить затраты их времени на принятие решений по тем или иным вопросам.

В связи с тем, что губернский предводитель и губернатор работали, как правило, в тесном взаимодействии, документы данного фонда дают возможность выявить характер распределения обязанностей между ними при решении вопросов о назначении на должности, которые требовали их согласованных действий (например, земских начальников), или совместном лоббировании в правительстве строительства железных дорог на территории губернии, совместных обращениях к вышестоящим особам, в том числе к императору, о предоставлении губернии помощи в периоды стихийных народных бедствий. Материалы данного фонда позволяют проследить этапы общественно-политической, культурной деятельности целого ряда

представителей дворянских родов, в том числе губернских и уездных предводителей дворянства. Среди них дела, содержащие родословные книги и другие документы о знаменитых родах Баратынских, Верстовских, Кондоиди, Плехановых, Рахманиновых, Терпигоревых, Ушаковых, Чолокаевых и других. Деятельность дворянской элиты, как свидетельствуют документы, придавала сословному дворянскому управлению эгалитарный, культурологический аспект, ставило его в ряды образцово-показательных для других видов самоуправления: земского и городского²⁵.

О социальном аспекте поведения дворянской элиты в период отмены крепостного права свидетельствуют материалы фонда «Тамбовского губернского по крестьянским делам присутствия. Тамбовское губернское присутствие» (Ф. 26), в котором за период с 1861 по 1918 г. отложилось 8 350 единиц хранения. В этом фонде содержатся ценные документы, в т.ч. Уставная грамота 1862 г. на выделение земли крестьянам в имении коллежского секретаря И.С. Тургенева в селе Сасово Елатомского уезда, заверенная подпись Тургенева на составление Уставной грамоты, дела о выкупе крестьянами земельных наделов в имениях Тургенева, А.А. Рахманинова, А.А. Андреева, В.А. Минаевой и других.

Земское самоуправление в Тамбовском госархиве представлено в основном в фонде «Тамбовская губернская земская управа» (Ф. 143), который содержит 24 166 дел, собранных за период с 1864 по 1917 г. Особо ценными документами в данном фонде являются статистические данные, позволяющие судить о социальной направленности в политике земских учреждений, осознании ими предельной возможности налогового обложения населения, приоритетности расходной части земского бюджета, которая в ряде случаев зависела от лица, возглавлявшего губернское земское собрание, в данном случае Н.Н. Чолокаева, уделявшего много внимания работе с беспризорными детьми²⁶.

Из фондов уездных земских управ наиболее объемными по количеству дел являются фонды Тамбовской уездной (Ф. 17) – 6 395 дел, Моршанской (Ф. 159) – 1 574 дела, Козловской (Ф. 158) – 1 296 дел. В то же время в других фондах уездных управ количество дел незначительно. Например, в фонде Кирсановской уездной управы (Ф. 150) сохранилось лишь 25 дел.

Городское самоуправление в Тамбовском госархиве представлено значительно лучше, чем в Воронежском: здесь хорошо сохранился фонд Тамбовской городской думы, в котором насчитывается 1 711 дел, собранных за 1816–1917 гг. Зато дела, содержащиеся в фонде городской думы, не отличаются особым разнообразием. Это, как правило, журналы и протоколы заседаний, распоряжения городских голов, доклады управ о проделанной работе по благоустройству городов, строительству зданий учебных корпусов, больниц, торговых заведений, муниципальных предприятий. Но в целом они позволяют на основе систематизации и контент-анализа воссоздать повседневную практику этой городской структуры, приоритетные направления в ее деятельности.

Достоинством Тамбовского архивохранилища является то, что в нем наличествует значительный объем документов по городскому самоуправлению в уездных городах. Так, материалы городской управы имеются не только по Тамбову (Ф. 17), где насчитывается 6 625 дел за 1870–1916 гг., но и по Козлову (Ф. 158) – 949 дел за 1870–1918 гг., по Моршанску (Ф. 159) – 593 дела за 1864–1916 гг.

Следует еще раз подчеркнуть, что ценность провинциальных архивов, особенно таких как Тамбовский, в том, что в них в массовом количестве сохранились в первоизданном виде заявления, прошения, письма, записки, которые позволяют непосредственно проследить за диалогом органов местных управляющих структур с обществом, и тем самым понять, как воспринимались населением новые для него институты самоуправления, какие надежды оно возлагало на них с точки зрения решения своих социальных проблем. Анализ подобных документов – это, с известной долей допущения, социологическое исследование, в основе которого содержится реакция, отклики населения на ту или иную социальную проблему, выраженные в массовых документах в перечисленной выше форме. Достоверность в данном случае достигается на основе репрезентативной выборки.

Одним из наиболее пострадавших в годы Великой Отечественной войны является Государственный архив Курской области. В нем практически полностью утрачен фонд губернского дворянского собрания (Ф. 1436). В фонде сохранилось только два дела, связанных с финансовой деятельностью дворянского самоуправления²⁷.

Фактически единственным фондом, позволяющим на основе архивных документов выявить историю дворянского самоуправления губернии, является фонд «Рыльского уездного предводителя дворянства» (Ф. 448), в котором собрано 2 046 документа за 1775–1897 гг. Их ценность в том, что здесь содержится информация, касающаяся не только непосредственно Рыльского уездного предводителя, но и его социальных связей с другими учреждениями и организациями, в частности, с благотворительными ведомствами, что позволяет определить степень влияния органов дворянского самоуправления на решение общесословных проблем. Документы данного фонда позволяют воссоздать повседневную деятельность уездного предводителя, которая становилась особенно напряженной в период стихийных бедствий. Переписка уездного предводителя с губернским предводителем, губернатором, другими лицами, распоряжения, циркуляры, предписания дают возможность учесть объем реальной власти уездного предводителя, его компетенцию, которая нередко была значительно шире предписанной в нормативных актах. Документы такого рода позволяют судить об уровне правовой и политической культуры уездных дворянских предводителей²⁸.

Своеобразием отличается фонд Курского губернского статистического комитета (Ф. 4). Именно в этом фонде содержатся ценные данные о благотворительной деятельности представителей различных сословий, в т.ч. дворянства. Важное значение для раскрытия социальной практики дворянского самоуправления имеет фонд «Курская дворянская опека» (Ф. 299), охватывающий период с 1779 по 1912 г. Важно отметить, что именно Курское дворянское самоуправление одним из первых начало практиковать создание при опеках Семейных советов, что позволило придать опекам как казенным учреждениям во многом человеческое измерение²⁹. Документы о материальном положении дворянства и роли сословного самоуправления в оказании помощи обедневшим семьям содержатся в фонде «Курское отделение госбанка» (Ф. 43). Здесь представлены уникальные данные по обследованию дворянских семей с точки зрения их экономического положения. Документы такого рода являются наиболее достоверными, так как обследование проводилось финансовыми агентами губернского отделения госбанка³⁰.

Земское и городское самоуправления в губернском масштабе представлено соответственно в фонде «Курская губернская земская управа» (Ф. 39), а также «Курская городская дума» (Ф. 48) и «Курская городская управа» (Ф. 195). Если в указанных фондах дела носят в большинстве своем однотипный характер и нуждаются в статистической обработке, то дела, представленные в фонде «Курское губернское по городским делам присутствие» (Ф. 1589) и его преемнике, фонде «Курское губернское по земским и городским делам присутствие» (Ф. 54) имеют, как правило, нестандартный феноменалистический характер, так как сюда поступали особые, спорные дела. Сочетание указанных исключений и общепринятых норм позволяет выявить общее и особенное в деятельности земского и городского самоуправления.

Особенностью материала по дворянскому самоуправлению, имеющегося в Орловском архиве, является то, что документы по организационным проблемам самоуправления в нем представлены меньше, чем в Воронежском и Тамбовском. В то же время в нем в значительно большей степени представлены данные о социальной деятельности дворянских органов самоуправления. В Орловском госархиве практически отсутствует фонд губернского предводителя дворянства (Ф. 710), в котором за период с 1775 по 1917 г. сохранилось всего 4 единицы хранения. Такая же ситуация с фондами уездных предводителей дворянства. В фонде Ливенского предводителя (Ф. 911) за 1787–1789 гг. сохранилось одно дело, Болховского (Ф. 725) – 10 дел. Восстановить содержание утраченного частично удастся по делам фонда «Канцелярия Орловского губернатора» (Ф. 580)³¹.

В то же время документы Орловского госархива позволяют в значительно большей степени, чем материалы других архивов центрально-черноземных губерний определить роль дворянских, земских и городских видов самоуправления в решении социальных вопросов, в том числе посредством благотворительности. Сведения об участии различных видов самоуправления и персонально отдельных лиц в благотворительных мероприятиях представлены в фонде «Орловский благотворительный комитет» (Ф. 514), где хранятся документы за 1892–1904 гг. В частности, здесь содержатся материалы, косвенно характеризующие роль П.А. Столыпина в организации бла-

готовительной помощи в период голода начала 1890-х гг., когда он, будучи дворянским предводителем в Ковенской губернии, способствовал сбору и пересылке зерна из своей губернии в Орловскую. Очевидно, это было не случайно: в 1879 г. он учился в Орловской гимназии, получил здесь в 1881 г. аттестат зрелости. В фонде содержатся заявления лиц, нуждающихся в помощи, и резолюции на них попечителей и других персон, распределяющих пожертвованные средства, переписка руководителей самоуправлений с Особым комитетом по борьбе с холерой, ведомости Особого губернского совещания по благотворительности о денежных пожертвованиях, духовные завещания благотворителей. Указанные материалы позволяют выявить мотивы и предпочтения действий жертвователей – представителей разных сословий: дворян, купцов, мещан³². В отмеченном выше контексте важное значение приобретают материалы Орловского архива, в которых представлена роль самоуправлений в деятельности таких учреждений как «Орловское местное управление Российского Общества Красного Креста» (Ф. 656) и «Болховского уездного Комитета общества Красного Креста» (Ф. 717). В них содержатся документы, раскрывающие роль самоуправлений, прежде всего дворянского, в организации деятельности РОКК, переписка с его Главным управлением о сборе средств в помощь семьям моряков, погибших на броненосце «Русалка», списки жертвователей в пользу пострадавших от землетрясения в Андижане и др. Эти первичные данные носят уникальный характер, так как раскрывают роль общественности и органов самоуправления в стимулировании таких благородных акций. Этой же цели служат материалы фонда «Орловское губернское попечительство детских приютов» (Ф. 17), в котором хранятся документы за 1887–1909 гг.³³

Вместе с тем следует отметить, что в Орловском госархиве довольно слабо представлен организационный аспект городского и особенно земского самоуправления. Основным архивным источником для их изучения служит документация Орловской городской управы и Орловской городской думы (Ф. 593), а также фонд «Орловское губернское по земским и городским делам присутствие» (Ф. 2).

Значительный интерес для нашего исследования представляет фонд «Орловское губернское попечительство детских приютов»

(1886–1909 гг.). Его материалы позволяют выявить формы и методы сотрудничества земских и городских видов самоуправлений с этой влиятельной общественно-благотворительной организацией, в том числе по обеспечению призрения покинутых младенцев³⁴.

Таким образом, информация о различных видах самоуправления в областных государственных архивах распределена в значительной степени неравномерно. Все виды самоуправления наиболее оптимально представлены в Воронежском и Тамбовском госархивах. В то же время в Курском и Орловском госархивах, как в наибольшей степени пострадавших во время Великой Отечественной войны, ряд фондов, в том числе по дворянскому и земскому самоуправлению, или утрачены, или в значительной степени пострадали. В совокупности весь комплекс документов по дворянскому, земскому и городскому самоуправлениям позволяет выявить объективную картину роли и значимости местных структур самоуправления в провинциальной жизни Центрального Черноземья России.

Примечания

- 1 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 64. Д. 5796. Л. 28; Оп. 75. Д. 4201. Л. 15.
- 2 Там же. Ф. 1287. Оп. 33. Д. 1308. Л. 7; Д. 863. Л. 15, 44; Д. 262. Л. 1.
- 3 Там же. Ф. 1287. Оп. 14. Д. 1097. Л. 12; Оп. 15. Д. 1237. Л. 15.
- 4 Там же. Ф. 1287. Оп. 15. Д. 433. Л. 3.
- 5 Там же. Ф. 1287. Оп. 18. Д. 290.
- 6 Там же. Ф. 1341. Оп. 169. Д. 62. Л. 43; Оп. 171. Д. 33. Л. 12.
- 7 Там же. Ф. 560. Оп. 1. Д. 565; Оп. 35. Д. 842. Л. 12; Ф. 583. Оп. 4. Д. 293. Л. 225–228.
- 8 Там же. Ф. 583. Оп. 4. Д. 309. Л. 160–161.
- 9 Там же. Ф. 733. Оп. 123. Д. 2. Л. 41–42.
- 10 Там же. Ф. 796. Оп. 160. Д. 1007. Л. 7.
- 11 Там же. Ф. 1284. Оп. 2. Д. 2110. Л. 10.
- 12 Там же. Ф. 1088. Оп. 2. Д. 567. Л. 24–25.
- 13 Там же. Ф. 954. Оп. 1. Д. 234. Л. 18–92.
- 14 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 1897. Д. 571; Оп. 1904. Д. 1250; Оп. 1907. Д. 4, 11, 14.
- 15 Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX вв.). СПб., 2006. С. 40.
- 16 Литвинова Т.Н. Организация и деятельность дворянских сословных учреждений Воронежской губернии последней четверти XVIII – первой половины XIX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005. С. 12.

- ¹⁷ *Чвикалов А.И.* Структура и социальная деятельность дворянского самоуправления во второй половине XIX – начале XX вв. в Центрально-Черноземных губерниях. Воронеж, 2009. С. 16–17.
- ¹⁸ *Чвикалов И.М.* Общественное призрение в дворянском сословии в начале XX века // Воронежский вестник архивиста. 2006. Вып. 4. С. 108–116.
- ¹⁹ Государственный архив Воронежской области. (ГАВО). Ф. И–30. Оп. 1. Д. 2365, 2424, 2496, 2497.
- ²⁰ Там же. Ф. И–20. Оп. 1. Д. 132, 178, 195, 2511.
- ²¹ *Королева Н.Г.* Земство на переломе. М., 1995. С. 15.
- ²² Свод законов Российской империи. Т. II. Ч. 1. СПб., 1892.
- ²³ Цит. по: *Гессен В.М.* Вопросы местного управления. СПб., 1904. С. 49.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 161. Оп. 1. Д. 7465, 7515, 7815, 7862, 8860.
- ²⁶ Там же. Ф. 143. Оп. 1. Д. 4100, 4114, 4115, 4119.
- ²⁷ *Шаповалов В.А.* Дворянство Центрально-Черноземного региона России в преформенный период. М.-Белгород, 2002. С. 24.
- ²⁸ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 448. Оп. 14. Д. 2; Оп. 18. Д. 1845, 1848, 1880, 1891.
- ²⁹ Там же. Ф. 448. Оп. 18. Д. 1848. Л. 146, 151.
- ³⁰ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 50.
- ³¹ Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 580. Оп. 2 (стол 2). Д. 802, 1074, 2397, 2454, 3182.
- ³² ГАВО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 2, 10, 11, 12.
- ³³ ГАОО. Ф. 717. Оп. 1, д. 1, 5, 6.
- ³⁴ *Чвикалов А.И.* Деятельность земства Центрально-Черноземных губерний по обеспечению призрения покинутых младенцев // Российская история. 2010. № 1. С. 123–130.

ДОКУМЕНТЫ КОМИССИЙ ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ И ПАРТИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

НА МАТЕРИАЛАХ ИСТПАРТОВ АРХАНГЕЛЬСКОЙ И ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИЙ

***Troshina T.I. Documents of commissions
on the history of the Revolution and the communist
party as a historical source. According to materials
of "Istpart" in Arkhangelsk and Vologda regions***

Аннотация / Annotation

В статье рассмотрены формы работы Вологодской и Архангельской комиссий по истории революции и партии, проанализированы воспоминания активных участников установления советской власти и Гражданской войны, собранные этими комиссиями и представляющие большой исследовательский интерес, поскольку являются примером массового комплектования материалов «устной истории». Исследуемые материалы также являются ценным историческим источником для изучения пассионарности «революционного поколения».

The article is devoted to the form of work of the regional (the Vologda and Arkhangelsk) commissions on the history of the Revolution and the communist party. Memories of the active participants of the Soviet government and the civil war that has been collected by the commissions, has the great interest for research. These memories are an example of the mass acquisition of materials by «oral history». And also are a valuable historical source for studying the causes of manifestations of the Revolutionaries examples of heroism.

Ключевые слова / Keywords

Мемуары, исторический источник, революционное поколение, локальная история, устная история, историко-антропологические исследования. Memoirs, historical source, the revolutionary generation, local history, oral history, historical and anthropological research.

Интерес к историко-антропологическим исследованиям в полной мере позволяет современному историку оценить научный подвиг сотрудников комиссий по изучению истории революции¹. Активисты Истпартов приложили титанические усилия для того, чтобы

не только выявить и сохранить архивы политических партий и жандармских учреждений, но и собрать огромную коллекцию воспоминаний современников и участников событий первой четверти XX в. В результате у историков есть огромный по количеству и охвату событий материал, который по формальным признакам можно отнести к массовым источникам. Этот «радостный крик людей, глянувших из сырой задыхающей могилы»², как объяснил общее для той эпохи стремление к литературному творчеству А.С. Серафимович, позволяет выявить предпосылки формирования пассионарности целого поколения, потому что собранные истпартами воспоминания предоставляют историку совершенно уникальный шанс – изучать личные впечатления о пережитом и конкретные жизненные истории большого количества людей, которые в другие эпохи остаются «молчаливым большинством». «Народная» мемуарная литература дает интереснейший материал для изучения историко-антропологического аспекта революционной эпохи, который очень сложно получить из обычных архивных источников.

Чтобы выяснить репрезентативные возможности этого вида источников, следует изучить сам процесс их собирания, что и будет сделано в предлагаемой читателю статье, на примере деятельности Архангельского и Вологодского истпартов.

Законодательно комиссия по истории Октябрьской революции и истории РКП (б) была оформлена постановлением СНК РСФСР 21 сентября 1920 г. и Положениями об Истпартоотделе ЦК РКП (б)–ВКП (б) 1923 и 1927 гг. В этих документах определялись главные задачи комиссии: организация сбора документальных материалов, их систематизация, публикация, а также осуществление общего руководства работой региональных истпартоотделов и участие в идеологической работе, проводимой партией, сбор и издание материалов по истории Октябрьской революции и РКП (б).

Историки-постмодернисты обращают внимание на память как на способ манипуляции общественным мнением. Безусловно, и сбор воспоминаний, предпринятый Истпартом, и сами авторы воспоминаний имели перед собой главным образом воспитательные цели. Это был своего рода ответ на «вызов потомков», которые вопрошали, кто же были участники революции и Гражданской войны, чем они руководствовались в своих действиях, нередко производящих впечатле-

ние саможертвенности ради неких иллюзорных целей, которые вдруг именно для представителей «революционного» поколения приобрели актуальность.

В какой-то степени, создание Истпарта было реакцией на появление в эмигрантской прессе потока воспоминаний. Действительно, пока «победители» были заняты вопросами переустройства своих завоеваний, «побежденные» рефлексировали по поводу произошедшего и пытались оправдаться перед собой, перед современниками и перед потомками; уже весной 1920 года появляются первые публикации воспоминаний. В Берлине начинает издаваться «Архив русской революции»; в 1922 г. по инициативе генерала Миллера начинается подготовка «Очерка истории Северной области»³. «Мы стоим у истока реки, которая обещает быть полноводной, – реки воспоминаний. ... Все ... спешат излить на бумаге повести своих надежд и разочарований. Уже в настоящее время мемуарная литература о Великой Русской революции может быть исчислена десятками книг и брошюр»⁴, – писал в 1922 г. В. Полонский. Уже современники обращали внимание на специфику подобных мемуаров – написанных не «на склоне лет», а под впечатлениями недавнего прошлого: «Авторы их в той или иной мере исповедуются перед воображаемым читателем. ... Рассказывая о пережитом, они вольно или невольно возвращаются к самим себе, говорят не столько о событиях, происходивших вокруг них, сколько о том, как они эти события воспринимали. Такой характер мемуаров лишает их крупного исторического значения; ... но зато придает им большую психологическую ценность»⁵.

Довольно быстро количество мемуарной литературы за рубежом стало переходить в качество, появляются обобщающие работы, написанные под впечатлением личных воспоминаний участников событий. Пролетарский историк М.Н. Покровский резко отреагировал на появление в 1921 г. книги П.Н. Милюкова «Противоречия русской революции». В частности, он предложил переориентировать деятельность Истпарта с изучения истории партии на изучение русской революции во всех ее ракурсах, «поскольку если большевики ее не напишут, то представление о ней будет складываться по книгам Милюкова», поэтому, как бы не было трудно, «для Истпарта должны найтись деньги, люди, типография и бумага»⁶.

«Победителей» мотивировать на написание мемуаров было сложнее, чем «побежденных»; и причина не только в том, что они были менее образованны, не склонны к рефлексированию; немаловажным было и то, что вчерашние красноармейцы и партийцы воспринимали недавние героические события как небольшой эпизод своей биографии, занятые выполнением созидательных задач. «Оглядываться назад» они не могли и не хотели. Поэтому комиссиям испарта пришлось использовать некоторые рычаги влияния на потенциальных мемуаристов.

На местные комиссии Испарта возлагались задачи сбора, обработки, систематизации и изучения материалов, связанных с историей становления советской власти на местах и историей местных коммунистических организаций партии, в соответствии с инструкциями, разработанными центральным Испартом. Местные комиссии должны были также заниматься розыском и приведением в должный порядок архивов жандармских отделений, губернских и уездных архивов, архивов местных партийных организаций, составлением их описей, установлением единообразного порядка сбора, хранения и использования документов. Наверное, мы должны быть благодарны испартам за сохранение архивных документов, не только связанных с историей предреволюционного и революционного периодов, но и за сохранение региональных архивов вообще.

Центральным Испартом была разработана программа сбора материалов, на места направлены инструкции о выявлении необходимых материалов в архивах и библиотеках, распоряжения записывать воспоминания участников событий, для чего устраивать вечера воспоминаний, чтобы совместно участники событий выявляли истину, поправляя и дополняя друг друга; иногда зачитывались написанные воспоминания и обсуждались, с уточнением деталей. Впоследствии практиковалось обсуждение опубликованных или подготовленных к публикации воспоминаний, в результате которых происходила их корректировка и дополнение. Безусловно, в «горячие» дни революционных преобразований и Гражданской войны немногие задумывались, что «творят историю»; многие факты, даты, имена запомнились очевидцами по-разному, и подобное рецензирование и тщательно запротоколированные работниками Испарта обсуждения позволяют максимально приблизиться к реальным событиям.

Были разработаны вопросники для сбора воспоминаний по конкретным темам: это была целая схема, включающая вопросы, касающиеся, например, событий, предшествующих революционной эпохе, предлагалось собирать сведения, которые сохранила память информантов, о событиях и условиях жизни в начале XX в. Вопросники были тщательно детализированы, чтобы будировать память человека, подтолкнуть его на рассказ об условиях, в котором протекало его детство; заставить вспомнить, когда, с чьей помощью в нем проснулось классовое сознание; охарактеризовать экономическую ситуацию того населенного пункта, того социального слоя, в котором происходило его взросление. Разумеется, основные вопросы касались участия опрашиваемого в революции и событиях Гражданской войны. Но в целом, предложенный вопросник был той путеводной нитью, которая вела человека «по волнам» его памяти и позволяла человеку, обладающему определенным интеллектом, раскрыться и оставить полноценные воспоминания о времени и о себе.

Авторы таких воспоминаний – искренние, не очень грамотные и не страдающие рефлексией люди, которые рассказывали о событиях так, как они их увидели и поняли. Историография революции и Гражданской войны в те годы еще не оформилась, поэтому оценки и интерпретация событий в этих воспоминаниях вполне самобытны. Следует отметить, что написаны воспоминания довольно часто хорошим, образным языком. Это особенно удивительно, потому что авторы – в лучшем случае выпускники церковно-приходских школ. Не все из них «дружили» с грамматикой и орфографией, но им удавалось на редкость своеобразно, ярко, образно описывать события и передавать собственные ощущения. Возможно, это является проявлением освобождения той громадной по силе социально-преобразующей энергии, которая оказалась накоплена в этом поколении и освобождена революционными событиями.

К сбору воспоминаний северные истпарты отнеслись особенно серьезно, поскольку в силу обстоятельств многие архивы погибли, как это случилось во время двух стихийных эвакуаций из Архангельска. В Вологде, несмотря на то, что здесь не было смены власти, в связи с опасением захвата города белыми в 1918 г., партийные документы 1917–1918 гг. были почти полностью уничтожены⁷. Поэтому у местных пропагандистов было стремление восстановить

утраченные документы с помощью воспоминаний участников событий, а также, собрать в партийный архив имеющиеся у них на руках личные документы, фотографии и любые документальные свидетельства, касающиеся событий революции и Гражданской войны в крае.

Финансирование региональных истпарта, которые стали открываться в 1922 г., было весьма скудным, что вскоре привело к сокращению их численности и уменьшению объемов выполняемой работы. Например, в 1923 г. по причине сокращения финансирования истпартов Северо-Двинской губернии и Республики Коми, сбором материалов, касающихся этих территорий, было предложено заняться Вологодскому истпарту⁸.

Следует отметить, что деятельность региональных истпартов держалась на энтузиазме отдельных людей. Например, в Архангельске в первый период работы комиссии в ней сотрудничали люди, многие из которых впоследствии стали историками партии, крупными партийными журналистами⁹, в частности, Я.Я. Спрингис-Шипов, И.В. Боговой, В.П. Чувев и другие, оставившие заметный след как в общесоюзной, так и в краеведческой исторической науке. К сожалению, вскоре самые активные сотрудники были отозваны из Архангельска, что привело к замедлению темпов работы истпарта.

В Вологде партийное руководство было недоволено работой сотрудников партийной комиссии, обвиняя их в безынициативности и обращаясь с просьбами в ЦК прислать «более подготовленного человека»¹⁰. Сотрудники Вологодского истпарта объясняли свои неудачи низкой активностью местных партийцев, в отношении которых «к испартовской деятельности ... по прежнему остается что-то непонятное, шутовое; цели и задачи [этой деятельности им] почему-то не ясны»¹¹. Отмечалась также трудность работы «с местами», откуда получают в основном отписки¹².

Работники Архангельского истпарта действовали более решительно. В частности, они стремились подтолкнуть участников событий к собственноручным записям воспоминаний, которые затем оценивались на предмет имеющейся информации, а в случае подготовки к публикации подвергались литературной обработке. По инициативе истпарта, Архангельский губернский комитет стал настоятельно требовать от членов партии сдавать личные документы, фотографии,

другие материалы, имеющие ценность для истории. При местной со-впартшколе был создан исторический кружок, благодаря чему ист-парт получил большое количество подготовленных помощников, которые занимались организацией сбора воспоминаний в отдаленных городах и волостях, куда их направляли на практику. Поскольку в процессе реализации поставленной задачи собирались самые разные материалы, в том числе фотографии и вещи, появилась возможность создать губернский музей Октябрьской революции. Сотрудники «истпарта» так вели работу с каждым отдельным участником событий, чтобы он назвал еще несколько своих товарищей, в результате создавались группы, которые могли составлять коллективные воспоминания по наиболее важным событиям. Были налажены связи с административными образованиями, входившими в период революции и Гражданской войны в состав Архангельской губернии – с Мурманским краем и Республикой Карелия.

Архангельские истпартовцы не только обращались через местную печать к партийным и беспартийным товарищам с просьбой присылать свои воспоминания и другие материалы. Учитывая, что многие участники событий не решаются прислать воспоминания, стесняясь своей малограмотности или незначительности, как им казалось, своей деятельности, уездным комитетам было рекомендовано вручать этим людям личные письма, составленные по определенному образцу и подписанные секретарем губернского партийного комитета, в которых, в частности, говорилось: «Как бы ни были скудны воспоминания и материалы, истпарт примет их с благодарностью!»¹³. В письмах были перечислены все интересующие истпарт вопросы, а также изложена просьба сообщить фамилии лиц, которые могли бы дополнить полученную таким образом информацию. Также к работе по фиксации и сохранению любых материалов исторического значения были привлечены уездные комитеты партии, волостные партийные и комсомольские ячейки, уездные и волостные исполкомы, уполномоченные ГПУ, начальники местных отделов милиции. Поскольку если не все, то большинство руководителей этих учреждений были членами партии, к этой работе они привлекались на основании подчинения партийной дисциплине.

С целью расширить источниковую базу для составления будущего локального варианта истории революции, Истпартотделы направили в соседние города, а также в столицы обращения к тем, кто участвовал или просто был свидетелем революционных и военных событий, откликнуться и написать свои воспоминания. Архангельский истпарт, в частности, активно работал с «землячествами» в Москве, которые, не без нажима со стороны ЦК, организовались в «кружок содействия Архангельскому истпарту»¹⁴. От москвичей требовались не только воспоминания, но и работа в архивах по выявлению нужной для региональной истории информации.

Архангельский истпарт осуществлял фотографирование всех мест, связанных с революционными или боевыми событиями, восстанавливал моменты работы подпольщиков и партизан, которые, в силу специфики, не оставили документов, сохранившись только в памяти участников или свидетелей. Вступили в переговоры с профсоюзами, чтобы те тоже подключились к составлению истории своего движения. В связи с этим, в архангельском фонде воспоминаний хранится значительный пласт воспоминаний, касающихся профсоюзного движения в губернии в 1905–1920 гг. В Вологде особенно полно были собраны материалы по истории комсомольского движения на всех уровнях – от губернской организации до ячейки.

Немалое значение истпарта и в том, что они сохранили и другие архивы, ценность которых в первый послереволюционный период не осознавалась. Так, в Архангельске истпарт настаивал на нормальном состоянии хранения губернского архива, поскольку там отсутствовали описи, без которых было невозможно выявить нужные для истории партии документы. Проводилась большая работа по выявлению интересующих краеведческих материалов, оказавшихся в центральных архивах¹⁵. Вологодский истпарт оказал помощь губернскому архиву, который пытались выселить «неизвестно куда» из специально выстроенного для него в начале XX в. здания¹⁶.

Истпарт имел свой печатный орган – журнал «Пролетарская революция»; подобные издания были и в губерниях, например, в Архангельске выходил журнал «Большевистская мысль», в котором публиковались очерки по истории региональной партийной организации, подготовленные на архивных документах и источниках личного происхождения; подборки документов; отдельные воспоми-

нения. Выходили тематические сборники воспоминаний – в 1925 г. повсеместно вышли подборки воспоминания о Первой русской революции; в 1927 г. – издания к 10-летию Октябрьской революции. Однако средств выделялось все меньше; энтузиазм работников и активистов испарта также постепенно ослабевал; не хватало средств и бумаги на издание воспоминаний. Но в отношении общественного восприятия революционных событий главное было сделано: сформировалась нужная власти идеология. Региональная специфика исторических событий перестала быть актуальной.

Однако даже после снижения активности по сбору воспоминаний, они продолжали поступать. Мотивация их авторов была разная: например, в связи с предоставлением в 1930-е гг. льгот «красным партизанам», участники неформальных формирований начали активно и подробно писать свои воспоминания. Дело в том, что только знанием массы подробностей о деятельности отряда они могли подтвердить свое действительно в них участие. В 1950-е гг. появилось много воспоминаний, написанных в связи с ходатайством о назначении персональных пенсий. Сведения, указанные в них, перепроверялись архивными справками, либо справками свидетелей. В этом – определенная гарантия точности информации (в отличие, например, от других форм мемуаров). С другой стороны, они содержат много штампов, идеологизированных положений, притянутых «за уши» фактов. В 1960–1970-е гг. постаревшие, вышедшие на заслуженный отдых ветераны захотели вспомнить свое боевое прошлое, освежить память перед устраиваемыми «встречами с пионерами»; на желание написать мемуары повлияла и политическая «оттепель».

Как бы то ни было, благодаря деятельности испартов, партархивов, краеведческих музеев в СССР проводилась грандиозная работа по комплектованию источников того, что позднее в западной науке назовут устной историей. Правда, западный ученый П. Томпсон называл эти материалы «пародией на устную историю», которая собиралась для создания «пропагандистского жанра» оптимистических советских исследований¹⁷. Однако на пафос, присущий этим воспоминаниям, можно посмотреть и с другой стороны. Открылся клапан, сдерживавший накопленную социальную энергию, и русский народ, полный бодрости, жизнестойкости, оказался перед выбором своего будущего. Воспоминания, собранные Испартом, написанные «про-

стыми» людьми, показывают то чувство ответственности перед настоящим и будущим, которым обладало общество. Конечно, разговор идет о наиболее активной его части, имевшей и некоторые обобщающие черты: принадлежность к одному поколению, определенный уровень образования, приобщение, не всегда удачное, к новым образцам культуры, определенный опыт активной деятельности (как правило, в армии и после Февральской революции), некоторые маргинальные черты (неудачные попытки перейти в другую социальную страту). К тому же, не все участники и свидетели революционных событий откликнулись на призыв Истпарта и написали свои воспоминания; в основном это были люди, склонные к образному мышлению, стремившиеся поделиться своими мыслями, чувствами с современниками, а главное, с потомками.

В фондах воспоминаний региональных партархивов хранятся сотни и тысячи рукописных авторских текстов. Даже если они были опубликованы, такие рукописи представляют исследовательский интерес. Иногда фрагменты, не внесенные в опубликованный вариант, содержат интересную, личную по отношению к автору информацию. К тому же палеографический анализ этих текстов, несмотря на то, что они составлены не раньше второй четверти XX в., дает информацию об авторе, которая отсутствует в самом тексте: например, почерк, т.к. по нему можно сделать вывод об уровне грамотности и даже о форме получения грамотности. При отсутствии в архивном деле датировки текста ее можно определить по бумаге, по орфографии.

Особый интерес представляют воспоминания, забракованные для публикации. В них обычно содержится больше личной информации.

Многие рукописи были перепечатаны уже при поступлении в архив, и хранятся в одном деле. Несмотря на то, что почерк, которым написаны воспоминания, нередко очень плохо читается, для исследователя предпочтительно ознакомиться именно с черновиками (рукописями), которые нередко хранят следы совместной работы над текстом автора, редактора и рецензентов; содержат важные пометки на полях. Особый интерес представляют случаи, когда в архиве хранится несколько разновременных вариантов воспоминаний одного человека; сравнивая их, можно выявить степень наложения на воспоминания различных внешних влияний.

Настоящий бум публикаций мемуаров участников установления советской власти был в 1970-е гг., в связи с 60-летием революции. В последние годы чаще издаются воспоминания участников белого движения. В связи с этим заметным событием стало издание мурманскими историками в 2006 г. сборника воспоминаний и документов «Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев»¹⁸. Составители его дали своего рода ответ на вал публикаций сторонников белого движения, который пришелся на смену потоку воспоминаний участников установления советской власти. В сборнике помещены воспоминания как «белых», так и «красных», при этом отмечается, что «уровень грамотности многих участников революционных событий был невысок, поэтому им не всегда удавалось правильно, логично и последовательно изложить основные мысли воспоминаний письменно». На этом основании такие воспоминания предложено рассматривать не как самостоятельный источник, а лишь как дополнительный, иллюстрирующий полученные другим путем факты. Трудно с этим согласиться, поскольку даже язык, которым составлен текст, может дать информацию, если правильно «сформулировать вопрос» к источнику, ведь «тексты ..., внешне даже самые ясные и податливые, говорят лишь тогда, когда умеешь их спрашивать... Другими словами, всякое историческое изыскание с первых же шагов предполагает, что опрос ведется в определенном направлении»¹⁹.

О том, что мемуары чаще всего используют как «резервуары» фактических сведений о прошлом, как носителей информации об отраженной в них эпохе, говорил признанный авторитет в вопросе использования этого исторического источника А.Г. Тартаковский. При этом он рекомендует учитывать, что «создание мемуаров есть результат особой, осознанно-целеустремленной деятельности личности по закреплению и сохранению доступной ей и преломленной через ее индивидуальный жизненный опыт информации о прошлом», при этом «потребность личности в историческом самосознании возникает лишь в определенных исторических условиях и соответствует относительно высокому уровню общественного самосознания». Следовательно, мемуары можно изучать как «остатки» породившей их социально-психологической среды, как памятники идейного движения и общественно-исторической мысли эпохи своего создания, вне

которых сама эта эпоха не может быть понята. Сам историк предлагал использовать оба подхода, «ибо, чем глубже и всесторонне мы познаем мемуары в их собственной сущности и генезисе, тем эффективнее раскроется значение заключенной в них информации об отдельных событиях прошлого»²⁰.

Историки, литературоведы и искусствоведы, использовавшие мемуары в качестве источника, чаще всего имели дело с авторским текстом – в том смысле, что автор мемуаров был вполне узнаваемой личностью, и его биография известна также по другим источникам – в результате от исследователя не ускользает любая неточность или фальшь. Авторы подобных мемуаров писали их на склоне лет, когда им приходилось выбирать между искренностью и тем «социальным обликом», который они успели приобрести.

Воспоминания, собранные истпартами – достаточно анонимный источник, в том смысле, что дополнительные сведения об их авторах получить очень сложно, а иногда и невозможно. Случается, что рукопись подписана одной фамилией, без инициалов; отсутствует личная информация, которую многие из скромности стремились скрыть. В таком случае только тщательный анализ текста, включая его формальные признаки, может дать дополнительную информацию об авторе: его возрасте, уровне образования, социальном и имущественном положении.

Таким образом, методы сбора личной информации и формы ее сохранения обеспечили историка качественным, обладающим, несмотря на присущий этому виду источников субъективизм, большими репрезентативными возможностями, эмпирическим материалом.

Примечания

¹ Истпарт — Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП (б), научно-исследовательское учреждение, занимался собиранием, хранением, научной обработкой и изданием материалов по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции. Как самостоятельное учреждение Истпарт действовал в 1920–1928 гг., а его региональные отделения до 1939 г.

² *Серафимович А.С.* Соч. в 4-х тт.: Т. 4. М.: «Правда», 1988. С. 388.

³ Часть архива была вывезена в 1945 г. в СССР. См.: ГАРФ. Ф. Р-5867 – Общество северян.

⁴ *Полонский Вяч.* Искатели «объективной» истины // Интеллигенция и революция. Сб. статей. М., 1922. С. 33.

- ⁵ *Полонский Вяч.* Русский обыватель в эпоху великой революции // Интеллигенция и революция. Сб. статей. М., 1922. С. 162.
- ⁶ *Покровский М.Н.* Противоречия г. Милюкова // Интеллигенция и революция. Сб. статей. М., 1922. С. 5–32.
- ⁷ Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 3837. Оп. 1. Д. 43. Л. 48.
- ⁸ Там же. Д. 6.
- ⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 70. Оп. 2. Д. 36. Л. 1а–6.
- ¹⁰ Там же. Д. 83. Л. 2.
- ¹¹ Там же. Л. 22 об.
- ¹² ВОАНПИ. Ф. 3837. Оп. 1. Д. 43. Л. 113–120.
- ¹³ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 36. Л. 12.
- ¹⁴ Там же. Д. 39. Л. 8.
- ¹⁵ Там же. Д. 36. Л. 9–10; Д. 39. Л. 1.
- ¹⁶ Там же. Д. 83. Л. 23.
- ¹⁷ *Томпсон П.* Голос прошлого: Устная история. М., 2003. С. 74.
- ¹⁸ Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев: Сб. воспоминаний и документов. Мурманск, 2006. 340 с., илл.
- ¹⁹ *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 38–39.
- ²⁰ *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого анализа. М.: Наука, 1980. С. 4, 9, 24.

АРХИВНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ РЕКЛАМНЫХ МАТЕРИАЛОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ XX ВЕКА

ВОПРОСЫ ВЫЯВЛЕНИЯ, КЛАССИФИКАЦИИ, ИНФОРМАЦИОННОГО АНАЛИЗА

Nikolaev N.N. Archival collections of advertizing materials as a source of history of the Russian abroad of 20th centuries. Questions of detection, classification, the information analysis

Аннотация / Annotation

В статье проводится источниковедческий анализ рекламных материалов российского зарубежья, что позволяет показать возможности их использования в процессе исследования историко-культурного феномена зарубежной России XX века в целом, а также его отдельных территориальных и социальных компонентов.

In the article presents the source study analysis of advertising materials of the Russian abroad that allows to show possibilities of their use in the course of research of a historical and cultural phenomenon of foreign Russia the 20th centuries as a whole, and also its separate territorial and social components

Ключевые слова / Keywords

Источники, источниковедческий анализ, российское зарубежье, эмигрантские рекламные материалы, архивные фонды. Sources, the source study analysis, of the Russian abroad, emigrant advertising materials, archival funds.

Стратегическая задача вхождения современной России в мировое экономическое пространство придает актуальность историческому опыту развития предпринимательства в российском зарубежье XX века. В системе зарубежной России в начале 1920-х гг. был создан разнообразный спектр торговых и посреднических фирм, финансово-кредитных учреждений, структур промышленного производства, ремесел, предприятий сферы услуг и т.п. Институционализация эмигрантского предпринимательства сопровождалась широким

развитием коммерческой рекламы, при создании которой учитывался как дореволюционный российский опыт, так и необходимость выдерживать конкуренцию на рынках стран-реципиентов.

Самостоятельной сферой использования рекламы в российском зарубежье явилось предпринимательство в творческой и интеллектуальной сферах: театрально-концертной деятельности, книгоиздательском деле и т.п., обусловившей, в т.ч. возникновение высокохудожественной рекламной продукции (плакатов, афиш, фотографий и т.п.), которая не только стала частью истории предпринимательства, но и обогатила мировую культуру.

Большинство направлений коммерческой, общественно-политической и творческой деятельности российской эмиграции, требовавших использования рекламы, продолжало развиваться на протяжении всего XX столетия. Изучение эмигрантских рекламных материалов является необходимым компонентом процесса дальнейшего историографического освоения проблем истории и культуры российского зарубежья XX в. При этом возникает и ряд прикладных исследовательских задач, связанных с выявлением и анализом эмигрантской рекламы¹.

Различные виды рекламных материалов представлены в собрании Русского заграничного исторического архива (РЗИА), хранящегося в составе Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). В частности, в документах ряда российских зарубежных коммерческих объединений – Русского кооперативного товарищества в Эстонии (Ф. Р-6056), Лондонской конторы Центросоюза (Ф. Р-5905) и др. содержатся письма и объявления торговых фирм, образцы редких изданий коммерческого профиля («Русский кооператор», Бюллетень Шанхайского агентства Союза сибирских кооперативных союзов) и т.п. Различные образцы рекламной продукции, буклеты промышленных выставок, фотографии торговых улиц и магазинов русского Харбина представлены в фонде Управления КВЖД (Ф. Р-6081). Данный комплекс представляет значительный интерес, прежде всего, наличием визуальных источников, которые не только демонстрируют конкретные названия и имена владельцев коммерческих предприятий, но и раскрывают место рекламы в реальном пространстве эмигрантских кварталов и улиц, ее значение как элемента повседневной культуры российских общин.

Газетные вырезки и подборки печатных изданий, содержащих публикации рекламного характера, отложились в составе личных архивов российских экономистов, общественных деятелей и других представителей российского зарубежья. В частности, заслуживают внимания печатные материалы из коллекции П.А. Бурышкина (Ф. Р-5885). Информация о развитии рекламного дела в российском зарубежье отражена в дневниковых записях, коллекции газетных вырезок и фотографий, хранящихся в составе фонда генерала А.А. фон Лампе (Ф. Р-5853).

Ценный в информационном отношении материал для изучения печатной рекламы российского зарубежья 1920-х – 1930-х гг. представлен в собрании научной библиотеки ГАРФ, в состав которой вошли комплекты и отдельные номера периодических изданий из коллекции РЗИА и ряда других эмигрантских собраний, в том числе периода 1950-х – 1980-х гг. Как правило, коммерческая реклама публиковалась в ежедневных газетах и популярных еженедельниках российского зарубежья, а также в изданиях делового и развлекательного характера. Многие из них сохранились в виде разрозненных комплектов или единичных экземпляров, имеющих в ГАРФ: «Вечерняя пресса» (Константинополь), «Наша жизнь» (София), «Экономические ведомости» (Харбин), «Колонист» (Прага), «Землемерное дело» (Белград), «Наука и жизнь» (Нью-Йорк), «Экран и сцена» (Харбин), «Голубой бриллиант» (Шанхай) и др.

Афиши, плакаты, объявления, отражающие использование рекламы в книгоиздательском деле, художественно-выставочной, театрально-музыкальной сфере зарубежной России, вошли в состав фондов объединений творческой интеллигенции и культурно-просветительных организаций – Комитета «Дня русской культуры» в Чехословакии (Ф. Р-5850), Русского культурного комитета в Белграде (Ф. Р-6793) и др. Аналогичные материалы хранятся в ряде фондов Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). Так, например, среди документов Донского казачьего хора под управлением С.А. Жарова (Ф. 2477) сохранились афиши, программы концертов, буклеты и брошюры, посвященные данному творческому коллективу. Представляют интерес также афиши и программы спектаклей Русского камерного театра в Праге начала 1920-х гг. (Ф. 2478), афиши литературных и музыкальных вечеров, прово-

дившихся Союзом русских писателей и журналистов в Югославии (Ф. 2482) и др.

Исследование рекламных материалов российского зарубежья предполагает, с одной стороны, анализ рекламных объявлений, афиш, плакатов и других видов рекламы с точки зрения современного источниковедения письменных и визуальных источников, с другой – их оценку как результата коммерческой и культурной деятельности эмиграции.

Изучение рекламы как самостоятельной темы в рамках источниковедения представляет собой одно из новых, формирующихся направлений в отечественной исторической науке. Информационное значение рекламы в контексте исторических и историко-экономических исследований отмечалось еще в начале XX в. Так, например, Г. Циперович писал: «Если бы над современным строем разразилась катастрофа, уничтожившая все признаки его, за исключением рекламы, по этому детищу капиталистической культуры можно было бы восстановить много существенных черт, свойственных современному укладу»². Использование рекламного материала в качестве исторического источника и иллюстративного материалы осуществлялось в той или иной степени в рамках работ по истории народного хозяйства, купечества, торговли, как в советской историографии, так и в публикациях 1990-х – 2000-х гг.

Значительное развитие конкретно-исторических и теоретических исследований по проблемам развития отечественного бизнеса и предпринимательства послужило стимулом для выявления и изучения нетрадиционных видов исторических источников, отражающих эволюцию российской экономики, деловой и повседневной культуры. Современная историческая наука «все пристальнее обращается к архивным материалам, позволяющим по-новому взглянуть на, казалось бы, хорошо изученные процессы»³.

Основное внимание исследователей привлекает печатная реклама, прежде всего, газетная и журнальная, как наиболее распространенный в XX в. тип рекламной продукции. К настоящему времени исследователями данной проблемы были выявлены основные черты, характеризующие данный вид источника. Следует подчеркнуть, что большинство авторов придерживаются точки зрения, что реклама представляет собой самостоятельный вид исторического

источника, обладающий признаками специфичности и значимости выполняемых ею социальных функций, обслуживания особого типа деятельности⁴. Реклама обладает единством происхождения, содержания, назначения и внутренней формы данной группы источников⁵.

Прежде всего, печатная реклама, несмотря на специфичность и уникальность ее отдельных образцов, может рассматриваться как массовый источник, благодаря тиражности, повторяемости ее информационного ряда и визуальных образов. Соответственно, это дает возможность применения при изучении рекламных материалов как общенаучных и общеисторических методов, так и методов естественных и точных наук. Кроме того, при работе с газетной рекламой как с массовым источником, «нет необходимости изучать все единицы наблюдения, а достаточно рассмотреть лишь выборочную совокупность»⁶. Г.А. Арышева предлагает использовать при изучении рекламных текстов совокупность историко-сравнительного и историко-типологического методов, а также метод контент-анализа, который заключается в выделении смысловых единиц в тексте с последующей статистической обработкой в виде определения количественного соотношения. Данная методика позволяет осуществлять количественный подсчет рекламных публикаций в различных газетах, сопоставление доли различных товаров и услуг в рекламных публикациях, подсчет по различным рекламодателям (конкретным именам и предприятиям)⁷. Другой особенностью рекламы, как исторического источника, является наличие во многих ее образцах сочетания текстовой и визуальной информации, причем к отдельным видам рекламной продукции (плакат, афиша, этикетка и др.) применим не только источниковедческий, но и искусствоведческий анализ.

Первоначальную задачу в процессе исследования русской зарубежной рекламы составляет выявление и классификация существующих рекламных материалов по видам материальных носителей, тематическим группам и пр.

При изучении рекламных материалов необходимо учитывать то обстоятельство, что они в большинстве своем «встроены» в другие источники – средства массовой информации, а также видовые и жанровые фотографии. Данная особенность в большей степени характерна именно для эмигрантской рекламы 1920–1980-х гг., поскольку такие виды рекламной продукции, как открытки, красочные упаковки

и этикетки достаточно редко использовались российскими предпринимателями за рубежом.

Изучение обстоятельств и условий выпуска газет и журналов, в которых размещалась рекламная информация, их тиража, жанровой принадлежности, специфики читательской аудитории является необходимым компонентом научного анализа российской зарубежной рекламы. Преимуществом газетной и журнальной рекламы с точки зрения источниковедческого анализа является наличие данных о месте и времени размещения той или иной рекламной информации, а также о масштабах ее потенциального распространения в зависимости от тиража издания и характера читательской аудитории.

По материалам ведущих эмигрантских газет и журналов («Последние новости», «Новое русское слово», «Иллюстрированная Россия», «Сегодня», «Русская мысль», «Панорама» и др.) можно проследить динамику численности рекламных объявлений в целом и по отдельным группам товаров и услуг, конкретным рекламодателям, рассмотреть эволюцию структуры и содержания рекламной информации в течение достаточно длительного периода (10 лет и более), осуществить сравнительный анализ особенностей эмигрантской рекламы в разных странах и регионах мира.

Определенные сложности при изучении эмигрантской печатной продукции возникают из-за неполной сохранности (некомплектности) печатных изданий, особенно тех, которые выходили малыми тиражами в отдаленных уголках зарубежной России. Именно такие издания нередко можно обнаружить в составе личных архивных фондов российской эмиграции, а также в коллекции периодических изданий ГАРФ. К рекламным материалам, встречающимся в редких зарубежных изданиях, не применимы методы историко-статистического анализа. В то же время, они дают нередко уникальные фактические данные, отражающие процесс социально-экономической адаптации российских беженцев в той или иной стране, их попытки начать собственное дело, заявить о себе в деловом мире диаспоры и страны проживания.

При использовании фотографических материалов, на которых запечатлены витрины и вывески магазинов, мастерских и других коммерческих предприятий, создававшихся российскими эмигрантами в различных странах мира, нередко возникает проблема атрибуции и

датировки снимков, определения страны (города), где была сделана та или иная фотография⁸.

Далеко не всегда возможно точно датировать образцы рекламных листовок, буклетов и т.п., которые выпускались в российском зарубежье по случаю открытия магазинов и ресторанов, устройства распродаж, коммерческих выставок и т.п. Кроме того, изучению подобных рекламных форм предшествует задача их выявления в составе документального фонда российского зарубежья в ГАРФ и других архивных собраниях по истории российской эмиграции. Если до-революционная коммерческая реклама, особенно в виде открыток и этикеток, была достаточно распространенным предметом коллекционирования в силу своей атрактивности и разнообразия, то в российском зарубежье включение типовой рекламной продукции в состав архивных собраний носило в значительной степени случайный характер. Рекламные объявления сохранились в составе некоторых эмигрантских коллекций газетных вырезок, например, в дневниках генерала А.А. фон Лампе, в подборках материалов русской прессы, посвященных проведению Дня русской культуры⁹ и др. Большое количество разного рода объявлений, обращений, афиш издавалось в 1920–1930-е гг. Правлением КВЖД¹⁰.

В частные коллекции документов, фотографий и произведений искусства по тематике российской эмиграции вошла художественная реклама – авторские афиши, плакаты, программы и меню работы известных художников зарубежной России (А. Бенуа, К. Коровина, С. Судейкина и др.). Ее образцы представлены, в частности, в собраниях Ренэ Герра и Н.Д. Лобанова-Ростовского¹¹. Подборка каталогов художественных и документальных выставок, устраивавшихся российскими эмигрантами в 1920-е – 1930-е гг., сохранилась в коллекции Русского культурно-исторического музея в Праге¹².

Реклама явилась одним из проявлений субкультуры российского эмигрантского предпринимательства и менталитета различных социальных групп российского зарубежья, взаимодействовавших в плоскости товарно-денежных отношений. Анализ текстовых сообщений и изобразительных элементов эмигрантских реклам не только предоставляет возможность воссоздания особенностей коммерческой деятельности эмиграции и многих элементов ее повседневной жизни: питания, одежды, досуга, но и в известной степени отражает

уровень жизни русскоговорящей диаспоры и степень ее культурной и языковой ассимиляции. Так, например, рекламные объявления в эмигрантской прессе Парижа, Берлина, Шанхая 1920-х – 1930-х гг. достаточно четко разделяются на несколько групп, адресованных потребителям с различным уровнем доходов: предложения распродаж одежды и белья по сниженным ценам, дешевых обедов, услуг ломбардов и т.п. соседствуют с приглашениями в дорогие рестораны, ювелирные магазины, автомобильные салоны, что свидетельствует о значительном социальном расслоении российского эмигрантского сообщества.

В рекламном пространстве зарубежной России, особенно в крупных городах, постоянно присутствует также сегмент иностранной рекламы различной тематики, в том числе, на русском языке. Данное явление показывает, что рекламодатели Европы, Америки, Китая и Японии были заинтересованы в завоевании российских потребителей. Некоторые рекламы иностранных фирм и компаний размещались в русских газетах с учетом конкретных запросов эмиграции, например, информация о трансатлантических пароходных рейсах, обмене валют и т.п., другие являлись частью тотальных рекламных компаний, рассчитанных на массового потребителя. Например, серия иллюстрированных рекламных объявлений косметической фирмы «Nivea» в рижских газетах 1930-х гг., распространилась и на русскоязычную прессу (в России ее продукция была известна с 1904 г.).

В ряде случаев определение принадлежности того или иного рекламодателя к эмигрантскому деловому сообществу требует привлечения дополнительных источников информации; с другой стороны, популярность «русского стиля» широко использовалась в русскоязычной зарубежной рекламе для привлечения клиентов из числа эмигрантов, в большей степени доверявших своим соотечественникам и предпочитавшим общение на родном языке.

Центральным объектом источниковедческого анализа российской зарубежной рекламы является содержание рекламных текстов, которое включает формально объективную информацию и рекламные предложения и слоганы. Рекламные объявления в российской эмигрантской прессе характеризуются различной степенью информативности. Некоторые из них включают сведения о названии предприятия-рекламодателя, его правовом статусе, типе собственно-

сти (акционерное общество, семейный бизнес и пр.), характере деятельности (производство, торговля, услуги), нередко – о персоналиях владельца (компаньонов). Другие ограничиваются наименованием товара (услуги) и указанием адреса и телефона (при наличии последнего). Лаконичная реклама в ряде случаев использовалась для известных брендов (чай Перлова и т.п.).

Следует отметить, что возможность дополнительной проверки достоверности сведений о рекламодателях существенно ограничена неполнотой источниковой базы истории российского предпринимательства в целом. Как правило, именно реклама является единственным источником информации о коммерческой деятельности российских эмигрантов. В ряде случаев она дополняется мемуарной литературой, эпистолярными источниками и дневниковыми записями, упоминанием рекламодателей в эмигрантской и иностранной прессе в качестве участников каких-либо деловых или культурных мероприятий, благотворительных акций.

В силу сущностной специфики любой рекламы, направленной на манипулирование общественным мнением, коммерческие рекламные предложения в российской эмигрантской прессе требуют критического анализа с точки зрения достоверности тех фактов, которые отражают процесс становления и деятельности предпринимательских структур. В частности, такие достаточно типичные характеристики эмигрантских коммерческих предприятий, как «единственная русская газета», «старейший русский ресторан», «первый русский магазин», нередко оказываются не соответствующими действительности.

Изучение рекламных текстов и приемов, бытовавших в российском зарубежье, позволяет выделить ряд типологических особенностей, характерных для различных групп рекламных предложений, а также региональные особенности рекламного дела российских диаспор в Европе, США, Латинской Америке и т.п. Перечни товаров и услуг, нередко входившие в текст рекламных объявлений, также представляют интерес, прежде всего, с точки зрения, истории повседневной жизни эмиграции, поскольку отражают структуру покупательского спроса.

Самостоятельное научное значение имеет лингвистический анализ текстовой рекламы российского зарубежья, который предполагает рассмотрение вопроса не только с точки зрения ис-

пользования языка страны проживания, но и выявление неологизмов, связанных с пребыванием в иноязычной среде, а также примеров применения архаичной (дореволюционной) лексики, фразеологии и правописания или, напротив, тяготение к советским языковым стандартам. Все эти нюансы, достаточно ярко проявившиеся в эмигрантской рекламе, дополняют и иллюстрируют сложившиеся к настоящему времени научные представления о специфике ассимиляционных процессов в среде российского зарубежья в различных странах и на разных этапах его исторического развития.

Об успехе рекламных компаний российских предпринимателей в эмиграции в 1920-х – 1980-х гг. можно судить лишь косвенно. По всей видимости, прибыльность промышленного и финансового эмигрантского бизнеса в большей степени зависела от общей ситуации на рынке страны проживания и социально-экономического положения конкретной эмигрантской диаспоры, чем от рекламы в русской прессе. Гораздо важнее для интеграции в иностранное деловое пространство был выход в рекламно-информационное поле страны проживания. Напротив, мелкий и средний бизнес в сфере торговли и услуг должен был рекламировать себя внутри российской диаспоры, используя возможности прессы и наглядной рекламы. Наличие рекламы конкретной фирмы или компании в различных изданиях, ее качество, формат, повторяемость позволяет сделать вывод о характере развития данного предприятия, степени его коммерческого успеха, рекламной политике.

С появлением электронных СМИ происходит не только качественная и количественная трансформация русскоязычной зарубежной рекламы, которая становится полноправной частью мирового информационного, коммерческого и культурного пространства, но и принципиальное обновление источниковой базы изучаемой проблемы. Основной массив печатной рекламной продукции, отражающей развитие предпринимательской деятельности в российском зарубежье середины 1990-х – 2000-х гг., переходит на страницы электронных СМИ (в том числе, интернет-версии ведущих газет и журналов, что существенно облегчает доступ к информации). В распоряжении исследователей находятся также материалы структур сетевого рекламного бизнеса, ориентированного на русскоговорящие сообщества в различных странах мира. При этом возникает необходи-

мость источниковедческой критики документов на электронных носителях, которые имеют свою специфику определения целостности и достоверности информации¹³.

Изучение деятельности российской эмиграции в области коммерческой и других видов рекламы предполагает осмысление поставленной проблемы в контексте нескольких направлений современной исторической науки. Так, реклама российского зарубежья представляет интерес с точки зрения социальной истории¹⁴. Те социальные деформации, которые происходили в жизни огромного большинства беженцев, в ряде случаев, не только приобретали публичность, но и использовались в качестве рекламных приемов, сохранявших свое значение в течение десятилетий. Например, княжеский титул администратора ресторана или манекенщицы (профессий, унижительных для знати в условиях дореволюционной России) в мире рекламы выдвигался в качестве конкурентного преимущества. Если в старой России рекламодатели нередко заявляли о том, что прибыли из Парижа или Лондона, чтобы подчеркнуть европейский уровень своих товаров и услуг, то в российском зарубежье они указывали уже российские города («такой-то из Петербурга», «из Москвы», «из Одессы» и т.п.).

Для эмигрантской рекламы 1920-х – 1930-х гг. были характерны также указания на прежнее служебное положение, наличие научных степеней и других утраченных в изгнании социальных атрибутов. Сообщалось и о коммерческой деятельности рекламодателя в дореволюционный период: «ветеринарная лечебница профессора зоологии Н.А. Ильина, бывшего придворного ветеринарного врача»¹⁵, «ювелир Василевский, эмигрант из Севастополя»¹⁶ и т.п. Данные упоминания, с одной стороны, являются важным источником, отражающим психологию создателей и потребителей рекламы в российском зарубежье, с другой – позволяют расширить зону исследовательского поиска путем выявления дополнительных биографических сведений о предпринимателях российского зарубежья.

Развитие рекламного дела в российском зарубежье явилось отражением достаточно сложных социально-экономических и культурных процессов, происходивших в российских диаспорах в различных странах мира. В том числе, история эмигрантской рекламы может рассматриваться в контексте новой экономической исто-

рии, которая в центр исследования поставила человека, в данном случае – российского эмигранта, который стремится найти свое место в деловом пространстве страны-реципиента¹⁷.

Таким образом, рекламные материалы составляют часть источниковой базы истории общественно-политической, культурно-просветительной и благотворительной деятельности российской эмиграции XX в. в различных странах мира.

Рекламное наследие российского зарубежья 1920-х – первой половины 1990-х гг. представляет собой комплекс документальных (печатных и в отдельных случаях рукописных) и изобразительных источников на различных материальных носителях, основной массив которого составляют материалы периодической печати, а также плакаты и афиши различной тематики. Значительная часть данного источникового материала хранится в составе архивных фондов РЗИА, РГАЛИ, Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына и других архивохранилищах и требует дальнейшего выявления и изучения.

Для исследования новейшего периода истории русскоязычной зарубежной рекламы важнейшее значение приобретают тексты и визуальные объекты, размещенные в глобальной сети¹⁸.

Источниковедческий анализ данных материалов позволяет выявить ряд типовых особенностей, свойственных содержанию и визуальным образам эмигрантской рекламы, показать возможности их использования в процессе исследования историко-культурного феномена зарубежной России XX века в целом, а также его отдельных территориальных и социальных компонентов.

Информационная нагрузка, которую несет рекламная продукция российского зарубежья, не может обеспечить полных, исчерпывающих представлений о деловой среде зарубежной России, но, тем не менее, использование рекламных материалов существенно дополняет и расширяет картину социально-экономической и культурной эволюции мира российского зарубежья на протяжении XX в.

Примечания

¹ Пивовар Е.И., Грибенчикова О.А. Реклама российского бизнеса как источник по истории зарубежной России 20–30-х гг. // Проблемы экономической истории: человек и общество в мировой экономике. К XIII Международному конгрессу историков (Буэнос-Айрес, 2002). / Под ред. М.В. Бибикова. М., 2002.

² Цит. по: *Галанин С.Ф.* Газетная реклама как исторический источник: По материалам казанских газет второй половины XIX века. Автореферат диссертации... кандидата исторических наук. Казань, 2009. С. 2.

³ *Бибииков М.В.* Архивы экономической истории // Проблемы экономической истории: человек и общество в мировой экономике. К XIII Международному конгрессу историков (Буэнос-Айрес, 2002). М., 2002. С. 10–11.

⁴ *Медушевская О.М.* Теоретические проблемы источниковедения. М., 1977. С. 74–75; *Тартаковский А.Г.* О социальной функции исторических источников // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах. М., 1979. С. 54.

⁵ *Галанин С.Ф.* Указ. соч. С. 4.

⁶ *Арышева Г.А.* Газетная реклама как исторический источник (по материалам томских газет второй половины XIX в.) // Актуальные вопросы истории Сибири: Пятое научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: Сборник научных трудов / Под ред. В.А. Скубневского и Ю.М. Гончарова. Барнаул, 2005.

⁷ Там же.

⁸ Подробнее см.: *Волкова Г.В.* Фотография в общественно-политической и культурной жизни Российского зарубежья (1920–1930-е гг.) // Новый исторический вестник. 2007. № 2 (16). С. 252–265.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–292; Д. 24. Л. 1–215; Д. 25. Л. 1–111 и др.

¹⁰ Там же. Ф. Р-6081. Оп. 1. Д. 161. Л. 3–15.

¹¹ Они унесли с собой Россию... Русские художники-эмигранты во Франции. 1920-е – 1970-е. Из собрания Ренэ Герра: Каталог выставки. М., 1995; *Боулт Д.* Художники русского театра. 1880–1930: Собрание Никиты и Нины Лобановых-Ростовских. М., 1990 и др.

¹² ГАРФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 145. Л. 1-34.

¹³ *Давлетшина Н.В.* Массивы материалов СМИ как исторический источник по российской истории новейшего времени // Круг идей: историческая информатика в информационном обществе. М., 2001. С. 290–319; *Юшин И.Ф.* Электронные документы как исторический источник // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики. Труды VIII конференции Ассоциации «История и компьютер». М.; Барнаул, 2003. С. 38–39 и др.

¹⁴ *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008. С. 30–31.

¹⁵ Россия – Париж. 1930. № 1. С. 31.

¹⁶ Мир и искусство (Париж). 1930. № 4–6. С. 2.

¹⁷ Россия: Ежемесячный иллюстрированный журнал. Париж, 1930. № 1. С. 31.

¹⁸ *Юшин И.Ф.* Указ. соч. С. 38–39.

Игумен ДАМАСКИН (ОРЛОВСКИЙ)

ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВОПРОСЫ КАНОНИЗАЦИИ СВЯТЫХ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Hegumen Damaskin (Orlovskiy). State and church relations and questions of sacred canonization of Russian orthodox church during the Post-Soviet period of the Russian history

Аннотация / Annotation

В статье рассматриваются вопросы установления и развития, начиная с 1990-х гг., церковно-государственных отношений по вопросам доступа к исследованию архивных материалов, которые положены в основу принятия решений о канонизации святых XX в. Автор поднимает проблемные вопросы изучения архивных материалов по истории Русской Православной Церкви и государства на современном этапе. The article is devoted to state and church relations concerning access to research of archival materials which are taken as a principle decision-making on sacred canonization of 20th century. Author brings up problem questions of studying of archival materials on stories of Russian Orthodox Church and the state at the present stage.

Ключевые слова / Keywords

Русская Православная Церковь, канонизация святых, государственные архивы, доступ к архивной информации, архивный документ. The Russian Orthodox Church, sacred canonization, state archives, access to archival materials, archival document.

Наступившие в 1990-е гг. изменения государственно-общественного климата в стране положительно сказались на церковно-государственных отношениях. Впервые после революции 1917 г. Русская Православная Церковь и государство могли приступить к соработничеству в части сохранения и использования историко-культурного наследия России, введению в научный оборот архивов, относящихся к РПЦ и государственным структурам, определявшим проводившуюся в XX в. антирелигиозную политику власти.

Развитие этих отношений осуществлялось в рамках нового правового поля, регулируемого принятыми в этот период законодательными и нормативными актами и методическими пособиями.

Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 19.06.1992. № 3088-1 «О временном порядке доступа к архивным документам и их использования» снимало все ограничения на выдачу архивных материалов за исключением содержащих сведения, «составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну, на срок 30 лет со времени их создания, если иное не установлено законом»¹.

Вопросы доступа к использованию архивных документов регламентировались также Указом Президента Российской Федерации от 14 января 1992 г. № 20 «О защите государственных секретов Российской Федерации», Постановлением Правительства Российской Федерации от 02.04.1992. № 220 «Вопросы организации защиты государственных секретов Российской Федерации», утвержденным Росархивом 15 июня 1992 г. Временным положением «О порядке доступа к архивным документам и правилах их использования»², а также указом Президента Российской Федерации «О снятии ограничительных грифов законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека»³.

Названные и другие нормативные и методические документы исходили из конституционных принципов, гарантирующих гражданам право «свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом»⁴. Общедоступность документов российских архивов стимулировала развитие исследовательских работ в изучении проблем истории РПЦ как составной и неотъемлемой части истории народа России на протяжении всей истории Государства Российского, не исключая и период XX столетия.

Определяющей вехой в развитии церковно-государственных отношений явился круглый стол на тему «Участие архивов и Церкви в сохранении и использовании историко-культурного наследия России»⁵, проведенный в 1992 г. по инициативе председателя Российского общества историков-архивистов, член-корреспондента Академии наук Я.Н. Шапова и директора музея «Библия», заместителя главного редактора «Журнала Московской Патриархии» архимандрита Инно-

кентия (Просвирнина). Впервые проблема сохранения и использования документального наследия РПЦ, включенного в состав Архивного фонда РФ, получила всестороннее раскрытие в выступлениях руководящих работников и специалистов архивов, библиотек, музеев, депутатов Верховного Совета РФ, Московского патриархата. Участники круглого стола в принятых рекомендациях изложили свое видение проблем, подлежащих решению на церковно-государственном уровне. Было заявлено о «желательности оказывать представителям Русской Православной Церкви содействия в работе с документами и фондами церковного происхождения, хранящимися в государственных архивах и, в частности, предоставлять им возможность не на коммерческой основе в копировании документов для создания копий архивов и собраний рукописей книг восстанавливаемых монастырей»⁶.

Сотрудничество в области совместного изучения истории РПЦ и государственно-церковных отношений в России в сфере совместной издательской и выставочной деятельности получило плодотворное развитие в рамках заключенного 18 декабря 2002 г. Соглашения о сотрудничестве Московской патриархии и Федеральной архивной службы России⁷. Договаривающиеся стороны, «руководствуясь государственной политикой в области архивного дела, учитывая необходимость объективного исследования роли и значения религии и духовных традиций в истории и современности, признавая особую роль Православия в истории становления государственности, формирования культуры России», имели в виду необходимость «духовного возрождения российского общества, объективного изучения исторической роли Православия в развитии российской государственности и культуры» и определяли формы содействия формированию эффективных государственно-церковных отношений и введения в научный оборот новых исторических архивных документов⁸. Сотрудничество РПЦ и государства в освоении историко-культурного наследия России оказалось исключительно плодотворным.

Результаты соработничества РПЦ и государства, выразились в акте огромного исторического значения — канонизации святых РПЦ XX столетия. Итоги этого события подвел в своем докладе Святейший патриарх Московский и всея Руси Кирилл на состоявшемся 4 февраля 2011 г. Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви⁹. Он сообщил, что со времени начала в 2000 г. процесса прославления

новомучеников и исповедников XX века было причислено поименно к лику святых более 1 770 подвижников. Принятию решений об их канонизации предшествовала многолетняя предварительная работа по собиранию и изучению сведений о репрессированных лицах духовного звания и мирянах, пострадавших за веру в период антирелигиозных гонений.

Предварительное изучение репрессий против духовенства и мирян в советской России началось с конца 1970-х гг., когда некоторые исследователи предприняли работу по собиранию источников устной истории: воспоминаний очевидцев событий, чудом уцелевших в личных архивах фотографий, писем, рукописей, книг. Уже на этом этапе были составлены жизнеописания подвижников, к изданию которых удалось приступить только с начала 1990-х гг.¹⁰

В 1990-е гг. исследование целей, форм и методов антирелигиозной политики в России XX столетия, восстановление биографических данных репрессированных священнослужителей и мирян, за веру пострадавших, продолжились на документальной источниковой базе архивов. В фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ), десятков государственных архивов субъектов РФ, в фондах бывших архивов КПСС, Архива Президента Российской Федерации (АП РФ), Центрального архива Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ) и др. были выявлены и изучены материалы об исповедническом подвиге многих и многих новомучеников, совершенном в эпоху гонений на веру.

В числе документов, используемых в качестве исторических источников по изучаемой проблеме, особое место заняли архивно-следственные дела, содержащие уникальную информацию о нравственном облике человека, за которым сомкнулись двери тюрьмы и который часто оказывался перед угрозой смерти. Эта информация явилась определяющей для канонизации святых XX века, поскольку в отличие от древних христиан, погибавших как христиане на глазах тысяч людей, бывших свидетелями их мученической гибели, антирелигиозные гонения в советской России были завуалированы под политические преступления с обвинениями церковных людей в контрреволюционной деятельности, а сами страдания арестованных

были скрыты от каких бы то ни было посторонних свидетелей. Как отметил Патриарх Кирилл: «многолетняя практика работы Комиссии по канонизации святых Русской Православной Церкви показала, что в годы гонений поведение заключенных во время следствия, на допросах, в тюрьмах и лагерях было очень разным, и не всегда оно позволяет сегодня канонизировать человека. Лишь при полном ознакомлении с материалами архивного фонда можно выяснить отношение человека к многочисленным расколам, бывшим в то время, определить, не был ли человек доносителем, не выступил ли в качестве лжесвидетеля против себя и ближних. Без прояснения этих вопросов невозможно принять решение о канонизации, которое не может основываться на одном факте насильственной смерти от рук безбожных гонителей в силу формальной принадлежности к духовному сословию»¹¹.

Архивные материалы, полученные в необходимой полноте и подвергнутые всестороннему анализу, легли в основу принятия решений о причислении к лику святых каждого отдельно взятого лица, пострадавшего за Христа. Особое значение в комплексе собранных источников имели документы, содержащие информацию о поступках христианина в условиях чрезвычайных внешних обстоятельств, и насколько они соотносятся с определениями и критериями святости, выработанными Священным синодом РПЦ¹².

Приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации и Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 25 июля 2006 г. «О порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел»¹³ были внесены изменения в сложившийся порядок использования этой категории дел. Введенные ограничения на доступ к названным документам затормозили и практически приостановили процесс канонизации святых, поскольку без полного предоставления копий архивно-следственных дел, получение которых стало невозможным в рамках действующего законодательства, обоснованное решение о канонизации становится невозможным.

К сожалению, законодательно установленные ограничения остаются не вполне поняты отдельными епархиальными иерархами и

исследователями, полагающими возможным принятие решений о канонизации лиц без изучения полного комплекса документов о них. Между тем такой подход принятия решений о канонизации того или иного репрессированного священнослужителя или мирянина, делал бы возможным массовые ошибки в принятии решения о канонизации.

В сложившихся условиях архивные изыскания в области истории РПЦ в XX столетии целесообразно сосредоточить на полном выявлении источниковой базы и глубоком изучении предреволюционного периода конца XIX – начала XX в., когда кризис синодального церковного управления достиг своего апогея и во многом предопределил развитие разрушительных событий в России XX столетия. Именно в этот период происходили смуты в монастырях, отстранения и ссылки их настоятелей, рост влияния светских салонов и высокопоставленных лиц и их вмешательство в дела РПЦ. Именно в этот период духовно возрастало поколение тех, кто мужественно встретил испытания XX в. Исследование этого все еще мало изученного периода истории России позволило бы существенно расширить информационное пространство и углубить представление о новомучениках и исповедниках Российских XX столетия, их документальном наследии, которое в настоящее время возвращается современному читателю практически из небытия. Исключительно актуальным периодом для изучения в ближайшей перспективе остается история РПЦ в России второй половины XX в., поскольку многие архивные комплексы все еще остаются на закрытом хранении.

В частности, по-прежнему нет доступа ко многим документам, содержащим информацию об организационной, идеологической, антирелигиозной, воспитательной работе советских государственных органов, общественных организаций, КПСС. На закрытом хранении остаются многие документы партийных органов, которые являются важнейшим по своей достоверности источником, характеризующим исторически значимые факты, явления, тенденции XX века. Не полностью переведен на открытый доступ комплекс фондов Совета по делам религии при Совете Министров СССР и его уполномоченных на местах и др. Представляется, что применительно к названным архивным комплексам могла быть без ущерба для государственных интересов новой России применена статья 13, раздела 4 Закона РФ о государственной тайне, предусматривающая возможность рассекре-

чивания в связи с «изменением объективных обстоятельств, вследствие чего дальнейшая защита сведений, составляющих государственную тайну, является нецелесообразной»¹⁴.

Действуют также ограничения на доступ к документам сроком на 75 лет со дня их создания, содержащим сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, а также сведения, создающие угрозу для его безопасности¹⁵. При этом, что есть «личная, частная, семейная тайна» в правовом толковании, пожалуй, сегодня не разъяснит никто. Поэтому в архивах, решая проблемы доступа, вынужденно прибегают к таким терминам как «персональная», «конфиденциальная» информация, почерпнутым из законодательных актов, регулирующих вопросы защиты персональной информации на электронных носителях и не распространяющихся на архивные документы на текстовых носителях¹⁶.

Все это не может не затруднять проведение объективных исследований исторического процесса и приводит к тому, что история России XX столетия по-прежнему может изучаться лишь на уровне макро-процессов, без учета человеческого фактора, раскрывающего механизмы социальной деформации, ставшие исходной причиной краха советской власти. В этой связи РПЦ, как и вся научная общественность, возлагает большие надежды на активизацию деятельности архивов по рассекречиванию архивных документов. «Обращение к обществу и президенту накануне Дня репрессированных», опубликованное на страницах «Новой газеты»¹⁷, заставляет вновь серьезно задуматься, почему все-таки по истечении двух десятилетий после падения советской власти документы советского периода остаются в значительной мере недоступны для исторических исследований, создавая питательную среду для фальсификации отечественной истории XX столетия?

Известно, что итоги пятнадцатилетней деятельности Межведомственной комиссии по защите государственной тайны (МАК) и подобных комиссий регионального уровня по «архивному рассекречиванию» оказались крайне неэффективны и не раз подвергались публичной общественной критике.

Совершенно очевидно, что сокрытие реальной истории страны и ее народа открывает широкий простор мифологизации и деформации общественного сознания, расшатывает устои гражданского общества.

Примечания

¹ Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 19.06.1992. № 3088-1 «О временном порядке доступа к архивным документам и их использованию» // Вестник архивиста. 1992. № 4. С. 6.

² Там же. С. 21–31.

³ Генеральная прокуратура РФ. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Часть 1. Курск, 1999. С. 5.

⁴ Конституция Российской Федерации. Ст. 29, п. 4. М., 1994.

⁵ Архивы и Церковь – пути к сотрудничеству // Вестник архивиста. 1992. № 4. С. 42–85; Участие архивов и Церкви в сохранении и использовании историко-культурного наследия России // Там же. 1992. № 5. С. 43–61.

⁶ Рекомендации круглого стола на тему «Участие архивов и Церкви в сохранении и использовании историко-культурного наследия России», проведенного Российским обществом историков-архивистов совместно с другими организациями 1 июля 1992 г. // Вестник архивиста. 1992. № 4. С. 46–48.

⁷ Официальные сайты: «Архивы России», «Православная энциклопедия».

⁸ Документы Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. Специальный выпуск. Март. 2011. № 3. 96 с.

⁹ Доклад Святейшего патриарха Московского и всея Руси Кирилла // Журнал Московской Патриархии. Специальный выпуск. Март. 2011. № 3. С. 9–38.

¹⁰ Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Кн.: Январь. 2005. 558 с.; Кн.: Февраль. 2006. 503 с.; Кн.: Март. 2006. 285 с.; Кн.: Апрель. 2006. 318 с.; Кн.: Май. 2007. 447 с.; Кн.: Июнь. 2008. 710 с. (Тверь: Изд-во «Булат»); Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним / Сост. иеромонах Дамаскин (Орловский). В 7 книгах. Тверь: Изд-во «Булат», 1992–2003 гг.; Жития новомучеников и исповедников Оптиной Пустыни, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Письма преподобноисповедника Рафаила. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная Пустынь, 2008. 494 с. и др.

¹¹ Документы Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. Специальный выпуск. Март. 2011. № 3. С. 24.

¹² Канонизация святых в XX веке. М., 1998. 246 с.

¹³ Base.garant.ru 195387/ копия.

¹⁴ Закон РФ от 06.11.2010. № 5485-1 «О государственной тайне». Раздел 4. Ст. 13. Первоначальный текст документа опубликован в изданиях «Российская газета», № 182. 21.09.1993; «Собрание законодательства Российской Федерации. 13.10.1997. № 41.

¹⁵ Федеральный закон Российской Федерации от 22.10.2004. № 125-ФЗ (с изменениями на 04.12.2006) «Об архивном деле в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 43. Ст. 4169. (Ст. 25).

¹⁶ Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ. «О персональных данных». Названные законы опубликованы: Российская газета. 2006. 29 июля. Федеральный выпуск № 4131.

¹⁷ Новая газета. 2010. 20 октября. № 117; Там же. 2010. 27 октября. № 120.

А.В. МАТИСОН

БРАЧНЫЕ СОЮЗЫ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА УЕЗДНЫХ ГОРОДОВ РОССИИ В КОНЦЕ XVIII в.: РЖЕВ И ОСТАШКОВ

***Matison A. V. Orthodox clergy matrimony
of local Russian towns in the end of 18th century:
Rzhev and Ostashkov***

Аннотация / Annotation

В статье рассматриваются особенности матримониальных отношений клириков уездных городов Тверской епархии, межсословные связи, влияние брачных союзов на наследование приходских должностей и проводится сравнение с аналогичными процессами в кафедральном центре епархии – городе Твери.

In article contains matrimony peculiarities of Tver eparchy local town clergy, cross estate marriage, matrimony influence on parish offices succession, in comparison with the same matters taken part in Tver – eparchy cathedral center.

Ключевые слова / Keywords

Православное духовенство, матримониальные связи, Тверская епархия, генеалогия.
Orthodox clergy, matrimony, Tver eparchy, genealogy.

Исследование матримониальных связей населения России в разные хронологические периоды является важным направлением в изучении различных сословий и социальных групп, в том числе и духовенства. Чрезвычайно значимым источником, способствующим рассмотрению этих процессов, являются ревизские сказки второй половины XVIII в., в которые включались сведения о брачных союзах. Информация о матримониальных связях священно-церковнослужителей вошла в документы 5-й ревизии (1795 г.) и включает данные о браках, заключенных членами семей клириков со времени 4-й ревизии (1782 г.), то есть за тринадцать лет. Этот пери-

од весьма важен в истории православного духовенства России, так как именно тогда завершалось оформление духовенства как единого сословия.

Ранее матримониальные связи священно-церковнослужителей кафедрального центра одной из епархий центральной России – города Твери были рассмотрены в отдельной работе¹. Вместе с тем, нам уже приходилось отмечать, что выводы, сделанные на основе изучения одной из групп клириков, нельзя распространить на все духовенство, так как положение священно-церковнослужителей в столицах, губернских центрах, уездных городах и на селе существенно различалось, хотя, к сожалению, в большинстве работ принято рассматривать православное духовенство России как единую категорию, совершенно не уделяя внимание существовавшим различиям².

В настоящей работе рассматриваются матримониальные связи священно-церковнослужителей двух уездных городов Тверской епархии – Ржева и Осташкова – в период между 4-й и 5-й ревизиями и сравниваются с данными о духовенстве Твери.

Ржев и Осташков естественно являлись гораздо более мелкими городами, нежели Тверь, по всем показателям, в том числе по количеству храмов и клириков. В Твери во время проведения 5-й ревизии было 28 церквей, при которых служили 112 священно-церковнослужителей, относившихся к белому духовенству³. В тот же период в Ржеве было 8 храмов и при них состояли 45 человек⁴. В свою очередь, в Осташкове, который только в 1770 г. получил статус города, было 4 церкви и при них служили 38 клириков⁵.

Прежде чем перейти к анализу матримониальных связей священно-церковнослужителей Ржева и Осташкова, напомним, что представляли в этот период брачные связи духовенства Твери. Общее число брачных союзов, между 1782 и 1795 гг., равнялось 93. Из них 57 (или 61,3 %) были заключены между представителями семей тверского духовенства, 4 (4,3 %) – с архиерейскими, монастырскими служителями и певчими, 19 (20,4 %) – с купцами и мещанами, 5 (5,4 %) – с приказными, 3 (3,2 %) – с крестьянами, 5 (5,4 %) – с разночинцами (сержантом гвардии, солдатами, девицей «светского состояния») ⁶.

Матримониальные союзы, заключенные представителями семей ржевского духовенства между 4-й и 5-й ревизиями, выглядят следующим образом:

Брачные союзы	Количество	%
Браки между представителями семей духовенства	14	33,3
Браки с купцами и мещанами	21	50
Браки с ямщиками	2	4,8
Браки с дворянами	2	4,8
Браки с приказными	2	4,8
Браки с крестьянами	1	2,3
Всего	42	100

Обращает на себя внимание, что браки между представителями семей духовенства в Ржеве составляют только около одной трети от общего числа, что почти вдвое меньше, чем в Твери. В уездном городе большинство брачных союзов представители семей городского духовенства заключали с купцами и мещанами (все они также были жителями Ржева). К ним близки, по своей сословной составляющей, браки, заключенные с жителями «Ржевского яму»: женой ямщика стала дочь диакона Преображенской церкви Алексея Михайлова, на дочери ямщика женился пономарь той же церкви Василий Семенов⁷.

Выделяются своим значением два брака с представителями дворянского сословия, или лицами, имевшими право на дворянское звание: священник Успенского собора Лаврентий Никифоров был женат на дочери прапорщика «штатной команды» Зубцова Фомы Васильевича Соколова (после смерти священника она вышла замуж за отставного подпоручика Поликарпа Тарасова), а ее родная сестра стала супругой Ивана Михайлова, рукоположенного в сан диакона Преображенской церкви⁸.

В числе прочих матримониальных союзов с иносословными были два брака с приказными (дочь священника церкви святого митрополита Петра Ионы Никифорова была выдана за канцеляриста города Могилева (?) (в документе – «Мигилева») Никифора Степановича Сафонова, а дочь диакона той же церкви Ермила Афанасьева – за канцеляриста Ржевского нижнего суда Ивана Лукина⁹), а также брак с помещичьим крестьянином Ржевского уезда – Ларионом Антоновым, за которого вышла замуж дочь умершего дьячка Богородицерождественской церкви Симона Федорова¹⁰.

Из числа 14 браков между представителями семей духовенства только 5 связывали исключительно семьи ржевских клириков, осталь-

ные были заключены с членами семей священно-церковнослужителей других уездов Тверской епархии. Пономарь Успенского собора Василий Деомидов, пономарь Покровской церкви Яков Яковлев, священник Преображенской церкви Иван Иосифов, дьячок Преображенской церкви Иван Иванов, пономарь той же церкви Василий Васильев, пономарь Богородицерождественской церкви Илья Алексеев были женаты на дочерях клириков Ржевского уезда¹¹. Пономарь Троицкого собора Петр Леонтьев взял в жены дочь священника Зубцова, пономарь Петровской церкви Михаил Никитин – дочь священника Зубцовского уезда, а дьячок той же церкви Василий Федоров – дочь диакона Старицкого уезда¹².

Матримониальные союзы, заключенные в этот период представителями семей духовенства Осташкова, были еще более однородны, нежели в Ржеве:

Брачные союзы	Количество	%
Браки между представителями семей духовенства	9	29
Браки с купцами и мещанами	22	71
Всего	31	100

Число браков с представителями семей духовенства, как видно из таблицы, было еще ниже, чем в Ржеве, а все остальные брачные союзы были заключены только с купцами и мещанами. При этом последние были представителями осташковского городского общества, кроме одной девицы, являвшейся дочерью тверского купца – на ней был женат священник Преображенской церкви Матвей Дмитриев, переведенный в Осташков из диаконов Мироносицкой церкви Твери¹³.

Необходимо отметить, что, в отличие от Ржева, все «внутрисословные» браки также оказались заключены именно между членами «духовных» семей Осташкова, за одним исключением: дочь умершего соборного протоиерея Осташкова Семена Иванова была выдана за Дмитрия Федорова, ставшего протоиереем в Кашине¹⁴.

Исследуя матримониальные связи духовенства Твери мы отмечаем, что при заключении браков с иносословными только в немногих случаях представительницы этих социальных групп стали супругами клириков. Как правило, за иносословных выходили замуж дочери причетников, а сами церковнослужители и кандидаты в священнослужители заключали матримониальные

союзы преимущественно с дочерьми духовенства. Анализ происхождения жен клириков, определенных к приходским местам между 4-й и 5-й ревизиями, показал, что в Твери только 14% из них относились к иносословным. Кроме того, было установлено что 48% (24 священно-церковнослужителя из 50) заняли приходские места по принципу наследования – на основании брака с дочерью клирика служившего здесь ранее (14 человек) или получили должность при храме после своих отцов или других родственников по мужской линии (10 человек).

В Ржеве мы наблюдаем несколько иную картину:

Происхождение жен священно-церковнослужителей	Количество	%
Дочери священно-церковнослужителей	14	70
Дочери иносословных	6	30
Всего	20	100

Количество браков с иносословными, как мы видим, более чем вдвое превышает подобный показатель в Твери. Что касается наследования приходских мест, то в Ржеве оно было примерно таким же, как в кафедральном центре, и составляло 45%. Однако, только 3 священно-церковнослужительские должности были получены после заключения брачного союза: рукоположенный в сан диакона к Покровской церкви Илларион Петров женился на дочери священника той же церкви; ставший священником Петровской церкви Иван Матвеев был женат на дочери священника той же церкви; ставший диаконом Петровской церкви Петр Яковлев женился на дочери диакона той же церкви¹⁵. Еще 6 приходских мест были получены кандидатами, благодаря службе при тех же храмах их отцов: священник Преображенской церкви Иван Иосифов был сыном диакона той же церкви, диакон Преображенской церкви Иван Михайлов – сыном священника той же церкви, пономарь Преображенской церкви Василий Семенов – сыном пономаря той же церкви, другой пономарь (позднее – дьячок) Преображенской церкви Иван Иванов – сыном пономаря той же церкви, пономарь Богородицерождественской церкви Илья Алексеев – сыном священника той же церкви, пономарь Петровской церкви Михаил Никитин – сыном пономаря той же церкви¹⁶.

В большинстве случаев матримониальными союзами в Ржеве были связаны не более двух семей. Материалы 5-й ревизии позволяют

установить только одно исключение: внучка священника Покровской церкви Якова Михайлова была выдана замуж за пономаря Никольской церкви Михаила Петрова – сына священника Покровской церкви Петра Климентова, а дочь последнего вышла замуж за Иллариона Петрова, ставшего диаконом той же Покровской церкви¹⁷. Таким образом, здесь мы можем проследить связь через браки уже трех семей.

В Осташкове ситуация отличается от положения в Ржеве и тем более от ситуации в Твери:

Происхождение жен священно-церковнослужителей	Количество	%
Дочери священно-церковнослужителей	7	46,7
Дочери инословных	8	53,3
Всего	15	100

Количество браков с инословными (все они, как указывалось выше, были представителями местного купеческого и мещанского общества) для занявших в Осташкове места, между 4-й и 5-й ревизиями, было более чем в три с половиной раза выше, чем в Твери, и более чем в полтора раза выше, чем в Ржеве.

В то же время, количество мест, занятых по принципу наследования, составляло 66,7%, существенно превышая этот показатель в Твери и Ржеве. Вместе с тем, только 3 брака, так же, как и в Ржеве, заключенных кандидатами на должности клириков, были связаны с наследованием приходских мест: протопоп Троицкого собора Андрей Николаев был женат на дочери умершего протопопа того же собора, пономарь Знаменского монастыря Егор Васильев (позднее переведен в Троицкий собор) – на дочери умершего пономаря того же монастыря, дьячок Троицкого собора Петр Максимов (позднее рукоположен во диакона к Воскресенской церкви) – на дочери заштатного священника того же собора¹⁸. Существенно больше приходских мест – 7 было наследовано в связи со службой отцов кандидатов на приходские места при тех же храмах: дьячок Троицкого собора Григорий Аникитин был сыном дьячка того же собора, пономарь (позднее – дьячок) Троицкого собора Козьма Васильев – сыном диакона того же собора, священник Преображенской церкви Дмитрий Николаев – сыном священника той же церкви, священник Преображенской церкви Ефим Давыдов – сыном священника той же церкви, пономарь Преображенской церкви Василий Никифоров – сыном дьячка той же церкви, священник Вос-

кресенской церкви Илья Петров – сыном священника той же церкви, диакон Знаменского монастыря Иван Григорьев (ранее – дьячок Троицкого собора) – сыном священника того же монастыря (ранее служившего диаконом Троицкого собора)¹⁹.

Число семей духовенства, соединенных в Осташкове узами родства, также было выше, чем в Ржеве. Согласно сказкам 5-й ревизии, одна из дочерей священника Троицкого собора Николая Игнатъева вышла замуж за дьячка того же собора (позднее – диакона Воскресенской церкви) Петра Максимова, а другая – за Петра Мануйлова сына дьячка Преображенской церкви Мануила Егорова²⁰. Дьячок Троицкого собора Григорий Аникитин был женат на дочери священника Преображенской церкви Давида Макарова, а дочь его родного брата – диакона той же церкви Герасима Макарова была выдана за Василия Феофанова, рукоположенного в сан диакона к Воскресенской церкви²¹.

В каждом из указанных выше случаев речь идет о родстве через браки трех семей. Еще в одном случае матримониальные отношения соединили в Осташкове сразу четыре семьи. Сын священника Преображенской церкви Николая Игнатъева – протоиерей Троицкого собора Андрей был женат на дочери своего предшественника – протоиерея Семена Иванова. Другой сын Николая Игнатъева – священник Преображенской церкви Дмитрий, до рукоположения в сан, женился на дочери дьячка Воскресенской церкви Козьмы Григорьева. В свою очередь, сестра Андрея и Дмитрия Николаевых стала супругой дьячка Троицкого собора Козьмы – сына диакона того же собора Василия Андреева²².

Таким образом, необходимо отметить, что матримониальные связи духовенства уездных городов Тверской епархии существенно отличались от аналогичных союзов в кафедральном центре. Если в Твери большинство браков заключались между членами семей духовенства, то в Ржеве и особенно в Осташкове они составляли меньшую часть, и основное число брачных союзов связывало семьи клириков с представителями местного купечества и мещанства. В то же время, если уровень наследования приходских мест был в Ржеве примерно такой же, как в Твери, а в Осташкове даже превосходил его, то сам характер этого процесса существенно отличался. В кафедральном центре получение священно-церковнослужительской должности

происходило преимущественно после заключения брака, а в уездных городах – наоборот, наследование через браки было весьма невелико и в основном могло состояться после смерти или выхода за штат отца кандидата на приходскую должность.

Все это еще раз подтверждает высказанное ранее мнение, что процессы, происходившие в среде православного духовенства, существенно различались в зависимости от места службы клириков, что, безусловно, требует продолжения отдельного изучения различных групп священно-церковнослужителей России с дальнейшим сравнительным анализом.

Примечания

¹ Матисон А.В. Матримониальные связи православного приходского духовенства в конце XVIII в.: город Тверь // Провинциальное духовенство дореволюционной России: Сборник научных трудов Международной заочной конференции. Тверь, 2008. Вып. 3. С. 58–65.

Вопросы семейно-родственных отношений тверского духовенства на протяжении всего столетия были рассмотрены в отдельной работе. См.: Матисон А.В. Православное духовенство русского города XVIII века: генеалогия священно-церковнослужителей Твери. М., 2009.

² См. подробнее: *Он же*. Православное духовенство... С. 7.

³ *Он же*. Духовенство Тверской епархии XVIII – начала XX веков: Родословные росписи. СПб., 2005. С. 75–76.

⁴ Подсчеты по: Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 312. Оп. 6. Д. 203. Л. 708–737 об.

⁵ Подсчеты по: ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 18325. Л. 1–15.

⁶ Здесь и далее о брачных союзах духовенства Твери см.: Матисон А.В. Матримониальные связи...

⁷ ГАТО. Ф. 312. Оп. 6. Д. 203. Л. 718, 719 об.

⁸ Там же. Л. 708 об., 717 об.

⁹ Там же. Л. 736 об., 737.

¹⁰ Там же. Л. 731 об.

¹¹ Там же. Л. 710, 715, 717–717 об., 719, 730.

¹² Там же. Л. 709 об., 735 об., 736.

¹³ Там же. Ф. 160. Оп. 1. Д. 18325. Л. 10 об.

¹⁴ Там же. Л. 1.

¹⁵ Там же. Ф. 312. Оп. 6. Д. 203. Л. 714, 735, 735 об.

¹⁶ Там же. Л. 717, 717 об., 719, 719 об., 721, 730, 736; Ф. 160. Оп. 1. Д. 16307. Л. 9 об., 30 об.

¹⁷ Там же. Ф. 312. Оп. 6. Д. 203. Л. 713, 713 об., 724.

¹⁸ Там же. Ф. 160. Оп. 1. Д. 18325. Л. 1–1 об., 4 об., 14 об.

¹⁹ Там же. Л. 2 об., 3, 10, 6 об., 10 об., 11–11 об., 13, 13 об.

²⁰ Там же. Л. 3, 4 об., 11.

²¹ Там же. Л. 3–3 об., 7, 10 об., 12.

²² Там же. Л. 1 об., 2 об., 9, 10, 11 об.–12.

К ИСТОРИИ НАЗНАЧЕНИЯ АРХИМАНДРИТА АНТОНИНА (КАПУСТИНА) НАЧАЛЬНИКОМ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ИЕРУСАЛИМЕ

***Vakh K.A. On the history of assignment
of archimandrite Antonin (Kapustin) as a head
of the Russian ecclesiastic mission in Jerusalem***

Аннотация / Annotation

В исследовании на новом архивном материале представлена историческая реконструкция конфликта между Св. Синодом Русской Православной Церкви и Патриархом Иерусалимским, который привел к назначению архимандрита Антонина (Капустина) начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Автор показывает, что вовлеченные в конфликт стороны рассматривали это назначение как единственный приемлемый способ для разрешения конфликта. В силу данных обстоятельств начальник Миссии негласно получил более независимый статус, чем имели его предшественники. Это позволило ему в дальнейшем, используя противоречия между российским МИД, Св. Синодом и Иерусалимской Патриархией, вести собственную церковно-политическую деятельность на святых местах, итогом которой стало создание Русской Палестины.

There is a historical reconstruction of a conflict between the Most Holy Synod of Russian Orthodox Church and Patriarch of Jerusalem which led to the assignment of Archimandrite Antonin (Kapustin) as a head of the Russian Ecclesiastic Mission in Jerusalem, based on new archive materials. The author shows that sides involved in the conflict considered that assignment as the only acceptable way to solve the conflict. That is why the head of the Mission unofficially received more independent status than his predecessors. Later it gave him a chance to use conflicting views of the Russian Foreign Ministry, the Most Holy Synod and the Patriarchate of Jerusalem and to build his own "Antonin's" ecclesiastic and political activity in the Holy Land resulting in the creation of Russian Palestine.

Ключевые слова / Keywords

Ближний Восток, Палестина, Иерусалим, внешняя политика России, Русская Духовная Миссия, Антонин Капустин, Русская Палестина, Министерство иностранных дел, Святейший Синод, Русская Православная Церковь. Middle East, Palestine, Jerusalem, foreign policy of Russia, Russian Ecclesiastic Mission, Antonin Kapustin, Russian Palestine, Ministry of Foreign Affairs, the Most Holy Synod, Orthodox Church.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 11-61-00005а/П.

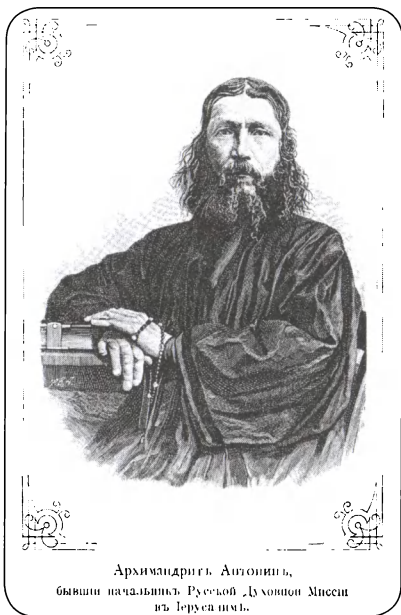

До прибытия в Иерусалим в конце 1865 г. самого известного представителя Русской Церкви на Православном Востоке архимандрита Антонина (Капустина) на Русских постройках Святого Града уже более двух лет шла открытая борьба между двумя ветвями российской власти: светской, которую олицетворял консул, и духовной, которую представлял начальник Миссии.

Внутренний раздор стал поводом для вмешательства Иерусалимского Патриарха Кирилла II, который не только не поддержал начальника Русской Духовной Миссии архимандрита Леонида (Кавелина), но и объявил нежелательным его дальнейшее пребывание в пределах юрисдикции Иерусалимской Церкви. Это действие Патриарха Российский

Синод считал оскорбительным для Русской Церкви. Так конфликт между различными российскими структурами стал началом конфликта между двумя Православными Церквями и привел к фактическому прекращению отношений между Российским Синодом и Иерусалимской Патриархией. Позднее, в исторической литературе, этот период совершенно заслуженно был назван одной из самых мрачных страниц сношений Востока с Россией¹, что сказалось и на перспективе его изучения.

Единственный научный труд, посвященный деятельности архимандрита Леонида (Кавелина), принадлежит перу А.А. Дмитриевского, но при его жизни он не был опубликован². Большая глава другой работы А.А. Дмитриевского посвящена истории Палестинской Комиссии (1864–1887)³, где также затрагивалась проблематика взаимоотношений представителей русских учреждений в Святой Земле.

Архимандритъ Антонинъ,
бывшій начальникъ Русской Духовной Миссии въ Иерусалимѣ.

Архимандрит Антонин (Капустин) – четвертый начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1865–1894).
Литография. 1870-е гг.

Рассуждая о методе работы А.А. Дмитриевского, крупнейший современный исследователь российского духовного присутствия в Палестине Н.Н. Лисовой справедливо говорит, что нашему знаменитому ученому «не хватало ни времени, ни материала, чтобы полностью разобраться в “бермудском треугольнике” Иерусалимского консульства, Духовной Миссии и петербургской Палестинской Комиссии»⁴.

После А.А. Дмитриевского взгляд на начальный период создания Русской Палестины в Святой Земле, на взаимодействие там таких учреждений как российское консульство, Духовная Миссия, Палестинский комитет и Палестинская комиссия с подчиненными ее ведению Русскими постройками, не менялся и почти не подвергался дальнейшей научной проработке⁵. Новая попытка комплексно рассмотреть проблему была совсем недавно предпринята Р.Б. Бутовой. Этому посвящен раздел в одной из глав ее диссертации⁶.

Согласно устоявшимся представлениям, которые встречаются в современных исследованиях, многочисленные конфликты между российскими учреждениями в Святой Земле, проистекали из-за различия ведомственных и корпоративных интересов, а также из-за разнонаправленного влияния августейших покровителей этих учреждений – императрицы Марии Александровны и великого князя Константина Николаевича. Когда ситуация стала неуправляемой, в Иерусалим «в качестве последней меры», «почти случайно, по игре ведомственных амбиций и личных честолюбий»⁷, «как лицо удобное для обоих ведомств»⁸ (Синода и МИД), направляется архимандрит Антонин (Капустин), который «неожиданно для светского начальства» сумел «дать бой»⁹ сложившемуся порядку вещей в системе российского церковно-государственного управления в Святой Земле. Данная характеристика, учитывая фактическую вовлеченность в исследуемый процесс всех вышеперечисленных сторон, оправдана в качестве предварительной обобщающей оценки. Ее наполнение с точки зрения выявления исторического контекста и интерпретации фактов пока еще недостаточно. Так, например, нельзя согласиться с утверждением, что «на кандидатуре Антонина сошлись *параллельные линии* МИДа и Св. Синода»¹⁰. Хотя Антонин и прибыл в Иерусалим, как человек удобный для всех сторон (для МИД, константинопольского посольства, иерусалимского консула, для Св. Синода и Иерусалимского Патриарха), но все же первоначально он был продвинут на это место

именно МИД и лично Н.П. Игнатьевым; митрополит Филарет согласился по необходимости, потому что другого варианта у него просто не существовало.

Напомним краткую историю взаимоотношений Духовной Миссии, российского консульства и Иерусалимского Патриарха до появления в Палестине архимандрита Антонина (Капустина)¹¹. Третий начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1864–1865) архимандрит Леонид (Кавелин), был назначен по протекции митрополита Московского Филарета. Аскетичный и требовательный по своему характеру, он скоро восстановил против себя не только консула и собственных подчиненных, но

Архимандрит Леонид (Кавелин) – третий начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1864–1865). Портрет маслом. Собрание Русской Духовной Миссии РПЦЗ в Спасо-Вознесенском Елеонском монастыре в Иерусалиме.

даже Иерусалимского Патриарха, который 13 апреля 1865 г. направил Российскому Синоду послание с просьбой удалить утратившего его доверие архимандрита из Иерусалима, заменив его «каким-либо другим лицом»¹². Творцом интриги против о. Леонида был иерусалимский консул А.Н. Карцев. Официальный Петербург послание Патриарха застало врасплох. Опасность, которую первым понял митрополит Филарет, состояла в том, что Русская Церковь, вынужденная защищать свои канонические права, поневоле вступала в конфликт с единой ей Иерусалимской Церковью.

Обвинения, сыпавшиеся на о. Леонида со стороны консула и подгреваемых им членов Миссии, ни тогда, ни теперь иначе как абсурдными не назовешь. Но, несмотря на то, что Св. Синод не признал голословных обвинений, а митрополит Филарет лично защищал о. Леонида, министерство почему-то продолжало исправно поставлять жалобы на него в Петербург, а Иерусалимский Патриарх занял выжидательную позицию. Со своей стороны Синод считал для себя невоз-

можным принимать решение под давлением. Ситуация грозила зайти в тупик. Российской стороне нужно было общими усилиями искать приемлемый для достоинства Русской Церкви выход из создавшейся ситуации.

В начале июня 1865 г. российский посланник в Константинополь Н.П. Игнатьев предложил временно отправить служившего настоятелем посольской церкви архимандрита Антонина (Капустина) в Иерусалим для приведения в порядок дел Миссии¹³. Синодальный указ о назначении о. Антонина временно заведующим Русской Духовной Миссией в Иерусалиме был направлен из Петербурга в Константинополь 16 июня 1865 г. Вскоре, в дополнение к этому указу последовал еще один¹⁴, датированный 6 июля, которым Антонину предписывалось отправиться в Иерусалим для личных переговоров с Блаженнейшим Патриархом¹⁵.

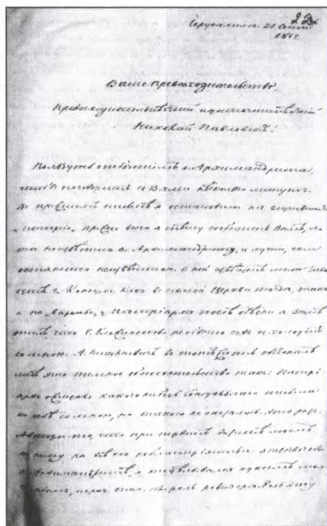
О своем новом назначении архимандрит Антонин узнал от Н.П. Игнатьева 23 июня и, по выражению последнего, «сильно струсил»¹⁶. Опасения Антонина были оправданы. Один из самых влиятельных членов Св. Синода, митрополит Филарет, считал послание Иерусалимского Патриарха прямым вмешательством в дела Русской Церкви и фактически предлагал требовать от Блаженнейшего извинений. По его инициативе Патриарху было направлено послание¹⁷, в котором Синод просил не лишать о. Леонида «милостивого воззрения, доколе дело о нем и его подчиненных получит законную ясность»¹⁸. Это послание по распоряжению начальника Азиатского департамента МИД Н.П. Стремоухова без ведома Синода было задержано в Константинополе, что явилось прямым вмешательством одного ведомства в дела другого¹⁹. Посол Н.П. Игнатьев рассчитывал на скорое удаление из Иерусалима архимандрита Леонида. Тогда неудобное, по его мнению, письмо Синода утратило бы свою остроту.

Понимая, что вынужден искать какой-то компромисс, Игнатьев в середине июля 1865 г. предложил не снимать с архимандрита Леонида звания начальника Миссии официально, а лишь вызвать его в Константинополь, предоставив о. Антонину поле для самостоятельной деятельности²⁰. Митрополит Филарет на это не возражал, но дело все равно не двигалось. В ожидании ответа Патриарха Синод тянул с отозванием о. Леонида из Иерусалима. Поэтому МИД предпринял новый маневр: вопрос о начальнике Русской Духовной Миссии был вы-

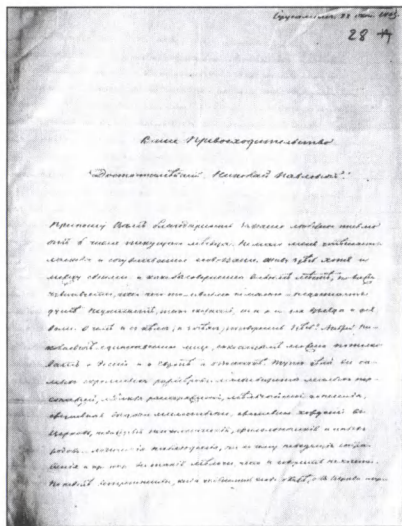

несен на высочайшее рассмотрение. Материалы дела представлялись императору лично А.М. Горчаковым²¹. В итоге проект назначения архимандрита Антонина временно исполняющим обязанности начальника Духовной Миссии в Иерусалиме получил утверждение государя. В конце июля 1865 г. в Синод поступил Императорский указ, в котором архимандриту Антонину предписывалось немедленно отбыть к месту назначения²². С этого момента ничто и никто больше не мог воспрепятствовать его отправлению в Иерусалим. Отъезд из Святого Града о. Леонида после прибытия туда Антонина также был предопределен. Игнатъев надеялся таким образом вернуть ситуацию в пространство позитивного диалога с Иерусалимским Патриархом.

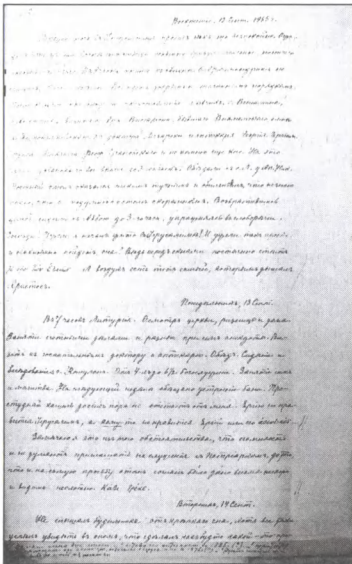
В ответ на действия МИД митрополит Филарет направил 1 сентября 1865 г. официальный запрос о судьбе синодального послания Патриарху лично обер-прокурору Синода графу А.П. Толстому, давая понять что и духовное ведомство на этот раз не собирается отступать перед МИД. По иронии судьбы именно в этот день 1 сен-

Первая страница письма архимандрита Антонина (Капустина) послу в Константинополе Н.П. Игнатъеву от 21 сентября 1865 г. ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2294. Л. 22.

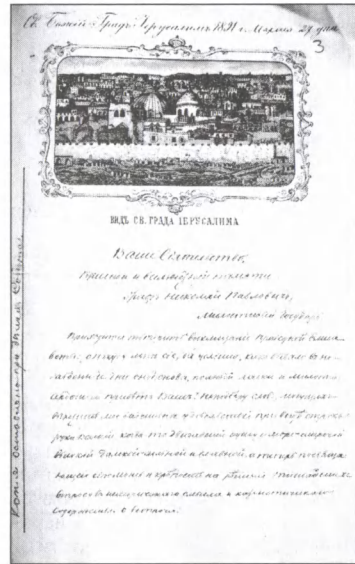

Первая страница письма архимандрита Антонина (Капустина) послу в Константинополе Н.П. Игнатъеву от 22 октября 1865 г. ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2294. Л. 28.

Дневник архимандрита
Антонина (Капустина).
Сентябрь 1865 г.

Писарская копия, выполненная для библиотеки Императорского Православного Палестинского Общества по заказу В.Н. Хитрово. Библиотека ГМИР. Шифр: И.П.П.О. Б. IV. № 853/7. С. 670.

Письмо архимандрита
Антонина (Капустина) Н.П. Игнатьеву
от 27 марта 1891 г.
ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2294. Л. 3.

тября 1865 г., архимандрит Антонин отплыл из Константинополя в Святую Землю. В Иерусалим он прибыл 11 сентября 1865 г.

Святой Град всегда занимал особое место в сердце о. Антонина. «Господи! Ужели я начал жить в Иерусалиме!» записал он в дневнике на следующий день после приезда²³. Несмотря на то, что в письмах к Игнатьеву, и даже в собственном дневнике за 1866 г., Антонин часто высказывает желание поскорее окончить щекотливое поручение, чтобы вернуться в Константинополь²⁴, он с самого начала повел дело очень неторопливо. Вместо донесений Синоду по существу порученного ему расследования он, вместе с архимандритом Леонидом, придумывает проект изменения статуса Миссии и преобразования ее в русский монастырь²⁵. Затем, уже после отъезда о. Леонида, он самостоятельно дорабатывает этот проект и отправляет его в Синод,

волнуется, ждет известий и умоляет Игнатьева договориться с Петербургом, чтобы оттуда телеграфировали о решении Синода²⁶.

Анализ действий отца Антонина в течение первых месяцев «временного» управления им Русской Духовной Миссией, позволяет предположить, что сразу же после прибытия в Святой Град он по собственному произволению включился в сложный и запутанный процесс формирования структуры нового русского присутствия на святых местах.

Деятельность России на Православном Востоке активизировалась еще в 1857 г. и проходила буквально перед глазами у архимандрита Антонина²⁷, который в данном случае не хотел оставаться безучастным наблюдателем. Еще в 1856 г. прошел слух о переводе о. Антонина в Иерусалим²⁸. В мае того же года Афины посетил Б.П. Мансуров, командированный великим князем Константином Николаевичем на Восток для изучения нужд русского паломничества в Палестине²⁹. Ему Антонин передал небольшую записку с пожеланием к МИД «приобрести покупкой занимаемый теперь клиром афинской посольской церкви дом»³⁰, и собственной рекомендацией одного знакомого: киевского иеромонаха Макария «как человека в высшей степени благонадежного и пригодного для Иерусалима»³¹. В сентябре 1857 г. Антонин сам совершает паломничество в Иерусалим, где специально знакомится с Архангельским монастырем, «чтоб иметь понятие частью вообще о поклоннических приютах, в особенности о помещении нашей, пока de facto не существующей Миссии»³². В последний вечер перед отъездом из Иерусалима, состоялся символический разговор Антонина с игуменом Архангельского монастыря Прокопием. В опубликованном очерке греко-болгарин Прокопий заменен фигурой неизвестного русского паломника. Одна фраза, сказанная этим вымышленным персонажем, выделяется из общего контекста разговора: «Миссия миссией, а дела – делами»³³. Не говорил ли устами своего героя сам архимандрит Антонин? Литературно обработанный рассказ о посещении Святой Земли в 1857 г. был опубликован почти десять лет спустя, в 1866 г., как раз когда Антонин пытался при поддержке Н.П. Игнатьева продвигать в Петербурге свой проект преобразования Русской Духовной Миссии³⁴.

Однако неопределенное в начале положение архимандрита Антонина в Святом Граде быстро упрочилось благодаря конкуренции

между собой двух российских ведомств – Св. Синода и МИД. Антонин упорно не вмешивался в конфликт и не принимал на себя роль следователя, никого не обвинял и ни на кого не доносил. Будучи опытным церковным дипломатом, он «трезво выстраивал возможную линию отношений начальника РДМ, консула и греческого Патриарха»³⁵, чтобы самому не стать в этой игре послушным исполнителем чужой воли.

Тем временем МИД и Синод продолжали ожидать извинительный ответ Патриарха, без которого, по мнению обер-прокурора, Св. Синод «поставлен в затруднение сделать какое-либо распоряжение по делу Иерусалимской Миссии»³⁶. В отношении к Н.П. Игнатьеву от 2 декабря 1865 г. начальник Азиатского департамента прямо спрашивал: когда же именно будет получен ответ Патриарха. Ситуация вновь оказалась в тупике. Патриарх наотрез отказывался отвечать, ссылаясь на то, что рассматривает письмо Синода к нему как ответ на его собственное послание, не требующий продолжения переписки³⁷. И тогда иерусалимский консул А.Н. Карцев указал Петербургу возможный выход из положения. Он сообщил, что Патриарх, «если бы был уверен, что Св. Синод исполнит его просьбу, то ходатайствовал бы «об утверждении о. архимандрита Антонина в должности, которую он уже более 4 месяцев исполняет здесь к полной чести Православия»³⁸.

В середине февраля 1866 г. обер-прокурор еще раз обратился в МИД с просьбой надавить на Блаженнейшего Кирилла, представив ему «настоятельность отзыва с его стороны на помянутое письмо для окончательного обсуждения дела об архимандрите Леониде»³⁹. В МИД из Синода даже поступило два варианта ответа Патриарха, которые могли бы удовлетворить Синод⁴⁰. Сложное положение, в котором оказался Св. Синод, к тому времени уже стало очевидным для всех⁴¹. Игнатьев собирался лично отправиться в Иерусалим для переговоров с Блаженнейшим⁴². В этот самый момент 24 апреля 1866 г. Патриарх наконец направляет в Синод новое, уже неожиданное там послание. Составленное, как справедливо догадался митрополит Филарет⁴³, совместно с консулом Карцевым, оно не удовлетворило ожиданий российской стороны, зато содержало уже вполне официальные характеристики архимандрита Антонина. Патриарх назвал его «добрым и действительно добродетельным мужем», «истинно благочестивым», «почтенным по своему образу действий», «мягким»,

«кротким», «мирным», «добродетельным», «богобоязненным», «братолюбивым», «добролюбивым», «которого и мы отечески любим и чтим»⁴⁴. Ответ, составленный московским святителем митрополитом Филаретом, был колким и обличительным, но брошенное А.Н. Карцевым зерно относительно фигуры архимандрита Антонина неожиданно проросло. «Всероссийский Синод, писал Филарет Патриарху, не допустит возвращения в Иерусалим архимандрита Леонида, который имел несчастье лишиться Вашего благоволения, и оставит архимандрита Антонина в Иерусалиме, по крайней мере, до тех пор, когда усмотрен будет другой, соответствующий требованиям тамошнего служения»⁴⁵.

Это послание вызвало резкую критику и даже негодование в МИД. Причем обнаружилось весьма своеобразное воззрение российского внешнеполитического ведомства на самую сущность Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Так, по мнению министерства, «начальник Иерусалимской Духовной Миссии не может быть признаваем за представителя Русской Церкви, которая сама не имеет права представительства»⁴⁶. Такая оценка МИД, перед авторитетом которого, по выражению обер-прокурора Синода «Церковь бессильна», вызвала ответную реакцию со стороны последнего: в качестве крайней меры в назидание всем – закрыть вовсе Духовную Миссию в Иерусалиме⁴⁷. К счастью эту попытку не поддержал митрополит Филарет. Назвав состояние дела «безысходным», он посоветовал оставить Миссию в ее переходном состоянии «в ожидании лучшего времени, так как архимандрит Антонин, хотя не удовлетворивший объяснению по делу, не имеет для себя затруднений ни со стороны консула, ни со стороны Патриарха»⁴⁸. Теперь о назначении Антонина, пусть даже в качестве вынужденной меры, впервые было сказано устами самого влиятельного в восточных делах члена Российского Синода. Тогда же проникательный и хорошо осведомленный посол Н.П. Игнатъев объявил, что Иерусалимский Патриарх «оттягал» у него о. Антонина⁴⁹.

Прошло более года с момента прибытия в Святой Град исполняющего обязанности начальника Миссии. В продолжении этого времени Антонин приобрел уважение Патриарха и не поссорился с консулом. Он справедливо полагал, что время работает на него, позволяя ему закрепиться в Святом Граде. В итоге так и получилось. Для всех вовлеченных в конфликт сторон Антонин в прямом

смысле слова стал незаменимой фигурой. Силою вещей даже Св. Синод пришел однажды к убеждению, что только действительное, а не временное его назначение начальником Миссии позволит развязать клубок иерусалимских противоречий. Таким образом, последней картой в деле нормализации отношений между Российским Синодом и Иерусалимским Патриархом внезапно для Петербурга и вполне ожидаемо для Иерусалима стала карта Антонина. В новом отношении от 12 января 1867 г. к российскому послу в Константинополе Н.П. Игнатьеву директор Азиатского департамента МИД сообщал:

«Вашему Превосходительству конечно не безызвестно, что со времени возникновения беспорядков в Духовной Миссии нашей в Иерусалиме отношения Иерусалимского Патриарха к нашему Св. Синоду изменились и в следствие письма Блаженнейшего Кирилла к митрополиту Исидору сделались крайне натянутыми. Эта натянутость отношений до сего времени продолжается к крайнему сожалению Св. Синода, который с своей стороны выразил готовность прекратить все недоразумения, если только на это последует первое заявление со стороны Блаженнейшего Кирилла.

<...> Это сближение может быть достигнуто в том случае, если Блаженнейший Кирилл обратиться к Св. Синоду с новым посланием, в котором, не касаясь вовсе прошлого, заявит, что продолжительное пребывание в Иерусалиме архимандрита Антонина дало ему возможность удостовериться о благонадежности сего духовного лица для окончательного занятия временно исполняемой им должности и еще более утвердиться в прежде выраженном желании видеть сего архимандрита на помянутой должности»⁵⁰.

А.А. Дмитриевский утверждает что именно кончина митрополита Филарета 19 ноября 1867 г. ослабила остроту «Иерусалимского вопроса»⁵¹. В целом это так, но приведенный выше документ показывает, что компромисс был найден задолго до кончины московского святителя и, скорее всего, не без его участия, а попытки добиться от Иерусалимского Патриарха извинительного письма продолжались и позднее⁵². В целом отношения между Российским Синодом и Иерусалимским Патриархом заметно упростились. Умиротворенный полученной в начале июля 1868 г. через о. Антонина крупной суммой денег⁵³ на нужды Патриархии, Блаженнейший Кирилл согласился с предложением консула и 16 июля 1868 г.⁵⁴ направил необходимое для

возобновления отношений письмо Российскому Синоду. Далее вопрос о назначении нового начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме стал только вопросом времени. При этом сам архимандрит Антонин счел необходимым официально обратиться в Синод с просьбой разрешить ему вернуться в Константинополь. В том же письме Антонин высказывал опасение, что Миссия может утратить свою прежнюю независимость, в то время как ее положение можно, наоборот, упрочить, и намечал конкретные шаги, реализовывать которые, кроме самого Антонина было просто некому⁵⁵.

Св. Синод, получивший послание Патриарха в августе 1868 г., почти девять месяцев спустя⁵⁶, к взыскому удовлетворению обеих сторон, использовал свое право назначать и перемещать подчиненных ему священнослужителей за границей Российской империи. Архимандрит Антонин был утвержден в должности «настоятеля⁵⁷ Православной Русской Миссии при автокефальном престоле Вашего Блаженства»⁵⁸, а архимандрит Леонид был перемещен «на должность настоятеля Ставропигиального, Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря»⁵⁹.

По иронии судьбы, своим назначением в Иерусалим архимандрит Антонин был во многом обязан иерусалимскому консулу Андрею Николаевичу Карцеву, свалившему перед этим двух предыдущих начальников Миссии и учинившему, по сути, ее разгром. Именно Карцев подал идею использовать назначение Антонина для решения сложнейшего конфликта в отношениях между двумя Церквями и затем помогал ее реализации на практике. Однако в 1867 г., еще до утверждения архимандрита Антонина, А.Н. Карцев был назначен генеральным консулом на о. Корфу и навсегда оставил прискучивший ему Иерусалим.

Примечания

¹ Лисовой Н.Н. А.А. Дмитриевский и его труды по истории Русской Палестины // *Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века: 1882–1907*. М., 2008. С. 33. Фраза заимствована Дмитриевским из официального отчета Императорского Православного Палестинского Общества (СИППО. Т. 3. С. 132).

² Впервые опубликован Н.Н. Лисовым в двухтомнике: *Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 2 т. Т. 2*. М., 2000. С. 379–543.

³ *Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество...* С. 79–185.

⁴ *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме / Сост. и автор предисл. Н.Н. Лисовой. М., 2009. С. 16.

⁵ См., например: *Киприан (Керн), архимандрит.* О. Антонин Капустин, архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. (1817–1894). М., 2005. С. 133–155.

⁶ *Бутова Р.Б.* Русское присутствие на Ближнем Востоке в последней трети XIX в. по неизданным материалам и публикациям архимандрита Антонина (Капустина). На правах рукописи. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2010. С. 84–96.

⁷ *Антонин (Капустин), архимандрит.* Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. 1866 - 1891. М., 2010. С. 17.

⁸ *Бутова Р.Б.* Указ. соч. С. 84.

⁹ *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме... С. 8.

¹⁰ *Бутова Р.Б.* Указ. соч. С. 85.

¹¹ Подробнее см.: *Дмитриевский А.А.* Очерк жизни и деятельности архимандрита Леонида (Кавелина), третьего начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и его научные труды по изучению Православного Востока // *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме... С. 284–319.

¹² Там же. С. 308.

¹³ Там же. С. 315.

¹⁴ Там же. С. 317.

¹⁵ АВП РИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 3344. Л. 56 об.

¹⁶ *Дмитриевский А.А.* Очерк жизни и деятельности архимандрита Леонида (Кавелина), третьего начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и его научные труды по изучению Православного Востока // *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме... С. 317.

¹⁷ Текст письма и обстоятельства его передачи Иерусалимскому Патриарху см.: *Дмитриевский А.А.* Очерк жизни и деятельности архимандрита Леонида (Кавелина), третьего начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и его научные труды по изучению Православного Востока // *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме... С. 310–313.

¹⁸ Копия письма с отметками об отправлении, получении в миссии в Константинополе и отправке в Иерусалим хранится в АВП РИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 3344. Л. 53–55. Цитата: Л. 54 об–55.

¹⁹ Тем не менее, чуть позднее сам Н.П. Игнатъев «нашел странным, что Духовное ведомство насильно хочет меня вмешать, как une affaire de discipline ecclesiastique» и указал Св. Синоду на самостоятельность и раздельность каждого ведомства и их служащих. См.: *Дмитриевский А.А.* Очерк жизни и деятельности архимандрита Леонида (Кавелина), третьего начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и его научные труды по изучению Православного Востока // *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме... С. 341.

²⁰ АВП РИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 3344. Л. 56–57 об.

²¹ В следующий раз, в августе 1866 г., к императорскому арбитражу в рамках дела о. Леонида прибег Св. Синод. См.: *Дмитриевский А.А.* Очерк жизни и деятельности архимандрита Леонида (Кавелина), третьего начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и его научные труды по изучению Православного Востока // *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме... С. 350.

²² АВП РИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 3344. Л. 60–61. Сопроводительное письмо Азиатского департамента к этому Указу датировано 26 июля 1865 г.

²³ Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник за 1865 г. Библиотека Государственного музея истории религии. Шифр: И.П.П.О. Б. IV. № 853/7. С. 670. (Воскресенье, 12 сентября 1865 г.).

²⁴ «Вывезли бы с собою и меня отсюда», - пишет Антонин Игнатьеву 22 октября 1856 г., приглашая семейство посланника на поклонение святым местам Палестины. ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2294. Л. 29 об.

²⁵ «Мы сошлись с ним в мысли образовать здесь при заведениях род монастыря. Если не успею с нынешней, то постараюсь непременно с следующей почтой послать, через руки Ваши, донесение в Синод с проектом преобразований здешней Миссии», - из письма архимандрита Антонина к Н.П. Игнатьеву от 21 сентября 1865 г. См.: ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2294. Л. 23 об. Интересно, что саму мысль о монастыре в Иерусалиме впервые высказал о. Антонию ближайший к архимандриту Леониду иеромонах Анатолий, с которым о. Леонид 12 лет совместно прожил в скиту при Оптиной пустыне. При Миссии о. Леонида иеромонах Анатолий состоял на певческой вакансии, но, по-видимому, исполнял должность духовника. См.: *Дмитриевский А.А.* Очерк жизни и деятельности архимандрита Леонида (Кавелина), третьего начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и его научные труды по изучению Православного Востока // *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме... С. 275. В принципе мысль об образовании на месте паломнических приютов в Иерусалиме двух русских монастырей: мужского и женского, высказывалась о. Леонидом в разговоре с Б.П. Мансуровым еще в Петербурге, после официального назначения его новым главою Русской Духовной Миссии. См.: *Дмитриевский А.А.* Указ. соч. С. 245. В дневнике Антонина от 14 сентября 1865 г. сохранилась запись: «Последний [Анатолий] уверяет, что нечто вроде обители здесь легко можно устроить, при том же денежном окладе Миссии. Подумаем». См.: *Антонин (Капустин), архимандрит.* Дневник за 1865 г. Библиотека Государственного музея истории религии. Шифр: И.П.П.О. Б. IV. № 853/7. С. 672.

²⁶ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2294. Л. 30-30 об.

²⁷ Архимандрит Антонин (Капустин) в 1850–1860 гг. занимал должность настоятеля русской посольской церкви в Афинах, а в 1860–1865 гг. служил настоятелем русской посольской церкви в Константинополе.

²⁸ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2294. Л. 20–20 об.

²⁹ Б.П. Мансуров провел в Афинах лишь несколько дней. 6/18 мая 1857 г. он был уже в Константинополе. См.: ГАРФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 32. Л. 84. Письмо Б.П. Мансурова к отцу от 12/24 мая 1857 г.

³⁰ ГАРФ. Ф. 990. Оп. 2. Д. 716. Л. 1. Записка датирована 4 мая 1857 г.

³¹ Там же. Л. 1–1 об.

³² *Антонин Капустин, архимандрит.* Пять дней на Святой Земле и в Иерусалиме в 1857 году. М.: Индик, 2007. С. 53.

³³ Там же. С. 96. В дневнике архимандрита Антонина этот разговор передан следующим образом: «Кончил день на верхней террасе около купола. Пресловутый в поклонническом мире Прокопий, на тот час игумен Архангельского монастыря с речью об иоаннитских развалинах и обо всем позади их пустыре. Говорит, что следует Русским купить его приблизительно за 30 000 рублей. А когда мы посылались купить иоаннитское место, то первые греки внушили католикам заявить на него свою пре-

тензию... Сомнительно, чтобы с вида их было уступить нам и соседний пустырь. О. игумен приглашал меня взглянуть на выстроенный Патриархию для Русской Миссии дом. Что-то вроде злости, гнездившееся в сердце моем, не приняло этой услуги подкупного грека-болгарина». См.: *Антонин (Капустин), архимандрит*. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции... С. 412.

³⁴ Очерк «Пять дней на Святой Земле и в Иерусалиме» во множестве содержит в себе следы собственных воззрений Антонина на устройство русского дела в Палестине в самый ранний период его деятельности в конце 1865 и в 1866 гг.

³⁵ *Бутова Р.Б.* Указ. соч. С. 86.

³⁶ АВП РИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 3344. Л. 100 об.

³⁷ Там же. Л. 105. Интересно, что на копии синодального письма, хранящегося в архиве МИД, стоит дата отправки его для передачи Патриарху Иерусалимскому 29 декабря 1865 г. (АВП РИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 3344. Л. 53–55). Однако в частном письме А.Н. Карцев сообщает Н.П. Игнатьеву, что Патриарх получил письмо митрополита Исидора в исходе августа 1865 г. (См.: *Дмитриевский А.А.* Очерк жизни и деятельности архимандрита Леонида (Кавелина), третьего начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и его научные труды по изучению Православного Востока // *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме... С. 334). Это позволяет предположить, что несмотря на полулегальную остановку послания Синода Российским МИД, его содержание было тем не менее доставлено Блаженнейшему Кириллу консулом Карцевым.

³⁸ *Дмитриевский А.А.* Очерк жизни и деятельности архимандрита Леонида (Кавелина), третьего начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и его научные труды по изучению Православного Востока // *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме... С. 334–335.

³⁹ АВП РИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 3344. Л. 102 об.

⁴⁰ Там же. Л. 104–104 об.

⁴¹ Даже иерусалимский консул сожалел «что не предупредил ссоры, принявшей размеры неожиданные в Иерусалиме». См.: *Дмитриевский А.А.* Очерк жизни и деятельности архимандрита Леонида (Кавелина), третьего начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и его научные труды по изучению Православного Востока // *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме... С. 342.

⁴² АВП РИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 3344. Л. 102 об–103.

⁴³ *Дмитриевский А.А.* Очерк жизни и деятельности архимандрита Леонида (Кавелина), третьего начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и его научные труды по изучению Православного Востока // *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме... С. 345–349.

⁴⁴ Там же. С. 347–348.

⁴⁵ Там же. С. 352.

⁴⁶ Там же. С. 353–354.

⁴⁷ Там же. С. 355.

⁴⁸ Там же. С. 356.

⁴⁹ Там же. С. 357.

⁵⁰ АВП РИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 3344. Л. 107–108 об.

⁵¹ *Дмитриевский А.А.* Очерк жизни и деятельности архимандрита Леонида (Кавелина), третьего начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и его научные труды по изучению Православного Востока // *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме... С. 365.

⁵² В письме от 10 апреля 1868 г. Н.П. Игнатъев сообщал о. Антонину, что его решено оставить в Иерусалиме до тех пор, пока Патриарх не извинится перед Российской Церковью. Антонин в очередной раз отказался убеждать Патриарха. См.: *Дмитриевский А.А.* Очерк жизни и деятельности архимандрита Леонида (Кавелина), третьего начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и его научные труды по изучению Православного Востока // *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме... С. 357-359.

⁵³ Там же. С. 361.

⁵⁴ АВП РИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 3344. Л. 117.

⁵⁵ *Дмитриевский А.А.* Очерк жизни и деятельности архимандрита Леонида (Кавелина), третьего начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и его научные труды по изучению Православного Востока // *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме... С. 364-365.

⁵⁶ Два указа Св. Синода по этому предмету датированы 19 апреля и 27 мая 1869 г. Там же. С. 369.

⁵⁷ Этот странный термин для обозначения должности начальника РДМ, возможно, породил сам архимандрит Антонин. В первом же своем донесении из Иерусалима Св. Синоду от 18.10.1865 г. соглашался быть «настоятелем Миссии». *Дмитриевский А.А.* Очерк жизни и деятельности архимандрита Леонида (Кавелина), третьего начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и его научные труды по изучению Православного Востока // *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме... С. 420. Возможно это была «оговорка по Фрейду» поскольку именно в этот период он наиболее активно занимается проектом преобразования Миссии в монастырь.

⁵⁸ Там же. С. 370.

⁵⁹ АВП РИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 3344. Л. 117 об.

А.А. ИВАНОВ

СОВЕТСКАЯ КОНТРАЗВЕДКА НА СЕВЕРНОМ ФРОНТЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918—1920 гг.): СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

***Ivanov A.A. Soviet counterintelligence
on the northern front of the Civil war (1918–1920):
creation and activities***

Аннотация / Annotation

Статья посвящена истории становления, развития и функционирования органов военной контрразведки в северных губерниях РСФСР. На основе анализа ранее неиспользованных архивных документов рельефно показаны формы участия контрразведки в обеспечении безопасности Красной Армии от вражеской разведывательно-диверсионной деятельности, сделаны выводы относительно уровня ее эффективности.

The article is devoted to the history of the formation, development and functioning of military counterintelligence organs in the northern provinces of RSFSR. On the basis of analysis of previously unused archival documents are vividly shown the forms of counterintelligence's participation in securing the Red Army from intelligence and diversionary activities, the conclusions concern the level of its effectiveness.

Ключевые слова / Keywords

Архивный документ, контрразведка, шпионаж, Гражданская война, Северный фронт.
Archival document, counterintelligence, espionage, Civil war; Northern front.

Гражданская война в России развивалась в соответствии с общими закономерностями, характерными для гражданских войн различных эпох. Одной из ее черт стала бескомпромиссность противоборства советского и антибольшевистского лагерей, когда «вопрос стоял не только о полном уничтожении неприятельских вооруженных сил, но и всей политической и экономической системы»¹. В равной степени это касалось и системы государственной безопасности.

Подобная ситуация во многом является типичной для исторических периодов, сопровождающихся вооруженным внутривнутриполитическим противоборством, к тому же отягощенным отсутствием легитимности пришедших к власти режимов и внешней интервенцией

зарубежных стран. Тем не менее, по словам советского военачальника М.Н. Тухачевского, «план гражданской войны не может быть составлен до ее начала»², поэтому ни один из противников к 1918 г. не имел четкой схемы формирования контрразведок. На эту особенность обращал внимание В.И. Ленин, говоря, что «мы шли от опыта к опыту... нащупывая, пробуя, каким путем при данной обстановке может быть решена задача»³.

Вместе с тем, роль советских спецслужб в противостоянии антибольшевистским силам была велика еще и потому, что контршпионские органы мыслились частью большевистского руководства как аппарат «надзора за армией»⁴, благодаря поддержке которой члены РСДРП (б) и пришли к власти. Как следствие, одной из основополагающих задач советских органов госбезопасности стало пресечение акций неповиновения в вооруженных силах, в том числе инспирированных извне, что и повело спецслужбы по пути сращивания функций контрразведки и политической полиции, то есть передачи контршпионской деятельности в руки Всероссийской Чрезвычайной комиссии. Впрочем, к осени 1918 г., когда на Севере началось вооруженное противостояние между сторонниками большевиков и их противниками, данный процесс еще не вошел в активную фазу.

По утверждению местного губернского исполкома, Вологда к этому моменту «стала центром внимания контрреволюционных сил всех видов», а в Петрозаводске отмечали, что Олонецкая губерния «переполнена шпионами англо-франков»⁵. Действительно, на Севере сбором разведывательной информации и установлением контрактов с антибольшевистскими силами активно занимались сотрудники зарубежных посольств и консульств, благодаря наличию довольно широкой сети атташата в Петрозаводске, Кеми, Вологде и т.д. В обязанности некоторых иностранных агентов входили также подрыв мостов и железнодорожных путей в случае начала боевых действий между РСФСР и антибольшевистскими силами на Севере. Тем не менее, объем контршпионской работы советских спецслужб был крайне низок – к примеру, за весь 1918 г. в Олонецкий революционный трибунал из 158 поступивших дел ни одно не касалось шпионажа⁶.

Причин тому несколько. Во-первых, на начальном этапе Гражданской войны функции противодействия вражеской агентуре были

разделены сразу между несколькими учреждениями, созданными под эгидой ВЧК, Народного комиссариата по военным делам, Высшего Военного Совета и Всероссийского Главного штаба. Подобная разбалансированность порождала множество трудностей административного характера. Во-вторых, становление советских контрразведывательных служб проходило в условиях, когда многие большевики считали, что «политика коммунистической партии должна иметь своей основной целью решительную борьбу с тенденциями копировать... военный механизм феодально-буржуазного и империалистического государства»⁷. Тем самым, методический аппарат советских контрразведчиков был в основном ограничен безагентурными средствами, да и подготовка сотрудников оставляла желать лучшего.

В сложившейся ситуации поддержку северным контрразведчикам оказывал Политический отдел 6-й Красной армии во главе с А.В. Эйдуком. Белогвардейские офицеры приписывали этому человеку более тысячи собственноручно проведенных расстрелов⁸, хотя в реальности объем работы подведомственного ему учреждения был далеко не так велик. Среди достижений Политотдела на ниве борьбы со шпионажем в конце 1918 г. можно выделить поимку белогвардейских агентов С.Г. Луговского и Н. Егорова⁹. Не бездействовали и северные чекисты. Им удалось арестовать бывшего агента контрразведки Временного правительства Ф.Ф. Марчишина-Мышака, прибывшего на Север с поддельными документами ВЦИК Республики и пытавшегося получить оружие из местных arsenалов¹⁰.

Однако несмотря на эти эпизодические успехи антибольшевистское командование продолжало получать разведанные о состоянии советских войск, благодаря помощи иностранных разведчиков. Так, уже 25 сентября 1918 г. британские войска на Севере получили первую разведсводку, в которой указывалось точное количество пулеметов, артиллерийских орудий, траншейных mortир и аэропланов в Вологде, а также на Архангельском, Котласском и Вятском участках фронта¹¹. В дальнейшем такие сводки поступали 19 октября, 16 ноября и 14 декабря, касаясь не только численности 6-й Красной армии, но и ходе мобилизационных мероприятий, боевом духе войск и ближайших резервах¹². Помешать передаче этих сведений советские контршпионские органы не смогли.

Более того, их сотрудникам не удалось заблаговременно добыть информацию и о подготовке Шекснинского восстания в начале декабря 1918 г., спровоцированного агитацией «каких-то неизвестных, говоривших, что у крестьян будет отбираться хлеб и налагаться какие-то усиленные налоги»¹³. Аналогичным образом развивалось и восстание в Тотемском уезде в середине декабря того же года, в ходе которого местными жителями были убиты военный комиссар и работники ЧК¹⁴. Нередко такие восстания провоцировались белогвардейскими «разведочными партиями, которые одновременно вели контрреволюционную работу среди населения». В общей сложности по данным Политотдела 6-й армии за период с октября 1918 г. по март 1919 г., в регионе произошло 103 крестьянских выступления, из которых больше всего – 31 – по причине «контрреволюционной агитации»¹⁵.

Не многим лучше складывалась ситуация и в действующей армии. К примеру, агентам противника «удалось разложить два полка, посланные из Петрограда под Плесецкую»¹⁶, активно развивалось дезертирство, солдаты и служащие различных учреждений нередко «колебались в сторону английской ориентации», а боевой дух был «крайне низкий». Особую опасность в данном ключе представляли ставшие систематическими переходы бывших офицеров на сторону противника, так как известные им сведения о расположении и состоянии советских войск использовались антибольшевистскими силами в ходе наступления. В результате, в первые месяцы боевых действий войска РСФСР на Севере были вынуждены отступать почти на всех направлениях.

Тем самым, низкая продуктивность работы советских органов госбезопасности на начальном этапе Гражданской войны, как и недостаточная боеспособность вооруженных сил, являлись отражением общей неэффективности созданной системы военного управления. Данный период сопровождался поиском организационным форм наиболее оптимального устройства армии и спецслужб, поэтому ошибки и недочеты на данном поприще были неизбежны. Наметившаяся конкуренция между различными звеньями военной администрации РСФСР, о которой уже говорилось выше, не могла не сказаться на уровне взаимодействия созданных под их эгидой контрразведывательных ведомств. Образование единого органа военной контрразведки – Особого отдела ВЧК с подчиненными ему армейскими и

фронтowymi отделами в начале 1919 г. – должно было изменить сложившуюся ситуацию.

Среформой армейских спецслужб совпал и первый крупный успех советских войск на Северном фронте – Шенкурская операция в январе 1919 г., в ходе которой был ликвидирован Важский выступ, представлявший определенную угрозу безопасности тыла советских войск, занят Шенкурск и созданы благоприятные условия для дальнейшего наступления на Архангельск. Конечно, связь между этими событиями была, в лучшем случае, опосредованной, но сам факт повышения активности советских войск на Севере требовал аналогичной активизации контрразведывательных структур.

Между тем, несмотря на изменение структурного положения и нормативной базы, созданная система контрразведывательных органов не была лишена недостатков, к которым может быть отнесен классовый подход к шпионажу, как одной из форм контрреволюции. На практике это означало, что при поиске вражеских агентов сотрудникам особых отделов следовало главным образом сосредоточиться на определении их партийной и классовой принадлежности. При этом не учитывался тот факт, что разведывательно-диверсионная деятельность, особенно в условиях Гражданской войны, строится не только на идеологических мотивах, поэтому шпионом может быть не только бывший офицер или помещик, но и простой рабочий или крестьянин.

При этом меры чекистов по обеспечению лояльности войск и мирного населения советской власти были охарактеризованы главой Вологодского губернского исполкома М.К. Ветошкиным, как «политика дикого террора». Получив очень широкий спектр полномочий (вплоть до вынесения внесудебных приговоров в местностях, объявленных на военном положении) сотрудники особых отделов нередко вели себя вызывающе, а их взаимоотношения с гражданскими и военными учреждениями отличались крайней конфликтностью. Например, начальник Особого отдела 1-й стрелковой дивизии, действовавшей на Мурманском направлении, М. Шафранский высказывался в том плане, что «Особое отделение может обыскивать и арестовывать всех партийных ответственных работников... не ставя никого в известность, но в свою очередь, членов Особого Отделения, хотя бы они и были неправы в своих действиях, никто не имеет права ни обыскать, ни арестовать, не имея предписаний из центра, так как лица

служащие Особого Отделения испытанные и профильтрованные Коммунисты, все без исключения... Особое Отделение с Советскими, Гражданскими и Военными местными учреждениями не считается, имея свои неограниченные права в действиях»¹⁷. Неоднократными были жалобы на самоуправство особистов, непризнание власти Ревтрибунала и Исполкома, немотивированные аресты и даже угрозы оказания вооруженного сопротивления чинам милиции и судебным органам¹⁸. Разбор возникавших на этой почве конфликтов нередко отнимал необходимое время и силы для реального противодействия вражеской агентуре, особенно в период наивысшего напряжения на фронте.

При этом анализ дел, заведенных подчиненными Шафранского в отношении задержанных потенциальных шпионов, демонстрирует неумение вести следствие – в течение 1919 г. как минимум пятеро арестованных за шпионаж были отпущены на свободу без какого-либо разбирательства, хотя в отношении них имелись компрометирующие материалы¹⁹. В этой ситуации естественным следствием недостаточной квалификации контрразведчиков стал рост шпионии среди местного населения. Крестьяне Олонецкой губернии стали самостоятельно задерживать подозрительных лиц, считая их финскими или белогвардейскими шпионами.

Это вносило дополнительный хаос в непростую обстановку на Севере России, поскольку в большинстве случаев такие аресты не имели никаких оснований. Так, 69-летний рыбак Ф. Гурри был взят под стражу своими односельчанами после того, как 5 недель пробыл на территории Финляндии, будучи задержан местными пограничниками²⁰. Красноармеец К.Е. Морозов отстал от своей отступавшей части и несколько дней пребывал за линией фронта, по возвращении был арестован как шпион, хотя юридический отдел ЧК заключил, «что шпионажа тут быть не могло». Машинист Э.О. Завицкий был сочтен агентом интервентов и арестован за то, что во время проезда по Мурманской железной дороге имел при себе револьвер «Наган» и визитную карточку британского вице-консула в Одессе Д.А. Райта²¹. Все эти лица впоследствии были освобождены.

Для Особого отдела 6-й армии в Вологде не были характерны столь негативные тенденции. Во многом это было связано с тем, что активное участие в работе контрразведки принимал коман-

Самойло Александр Александрович,
командующий 6-й Красной армией

Воронцов Иван Александрович,
начальник Особого отдела
6-й Красной армии

дарм, опытный разведчик А.А. Самойло. Большое значение сыграла и фигура 25-летнего начальника Особого отдела армии И.А. Воронцова (будущего начальника Административно-организационного управления ГПУ). Их взаимодействие позволило особистам наладить контакты с различными армейскими структурами. К примеру, благодаря отлаженной связи с юридическим отделом Северо-Двинской флотилии в течение 1919 г. в расположении советских войск были обнаружены 8 шпионов и контрреволюционеров²². Достаточно успешно действовала армейская военно-полевая контрразведка, регулярно задерживавшая белогвардейских агентов, например, лазутчика Н. Туфанова²³.

Немаловажно, что подчиненные Воронцова старались вникать в суть рассматриваемых дел, искать реальные, а не вымышленные факты шпионажа. В случае отсутствия в деле прямых доказательств разведывательно-диверсионных действий обвиняемые нередко освобождались из-под стражи. К примеру, в марте 1919 г. Особым отделом в Вологде был арестован и после допроса отпущен на свободу военнослужащий Славяно-британского легиона Г.Н. Лисаневич²⁴.

Однако вопреки приведенным фактам, эффективность работы Советских спецслужб оставляла желать много лучшего. Сотрудниками Особого отдела практически не использовался радиоперехват, так как армейская радиостанция была и без того перегружена

работой. Много времени отнимала проверка заявлений частных лиц о том, что в некоторых советских учреждениях «нечисто»²⁵.

Серьезные затруднения в борьбе со шпионажем вызывало недостаточное понимание важности этой деятельности командным составом Красной армии и простыми солдатами. Встречались случаи ареста сотрудников ЧК и освобождения задержанных белогвардейских разведчиков командирами красноармейских частей. Чекисты, оставленные в войсковых районах для поимки вражеских шпионов, использовались для непосредственного ведения боевых действий, а из-за невнимательности армейских конвоиров пойманные агенты нередко сбежали из-под стражи²⁶.

После временного ухода А.А. Самойло с поста командующего армией весной 1919 г. сотрудники армейской контрразведки попали под влияние другого видного работника спецслужб – М.С. Кедрова, назначенного в мае того же года уполномоченным Особого отдела ВЧК в Вологде. Под его руководством контршпионская деятельность на Севере стала осуществляться в основном за счет усиления репрессий в отношении контрреволюционных групп населения – в практику вошли массовые аресты и поквартальные облавы в городах, обыски в монастырях и т.д.²⁷

Применение агентурных методов вновь стало редким явлением – основной формой выявления разведчиков противника были «тщательные облавы»²⁸, в ходе которых вражеские шпионы попадались крайне редко. К немногим успехам, достигнутым за счет таких мероприятий, можно причислить арест содержателя явочной квартиры для шпионов К.С. Шурова²⁹. В то же время, только по данным Архангельской областной прокуратуры за годы Гражданской войны подчиненными Воронцова были противоправно осуждены (и впоследствии реабилитированы) минимум 52 человека, среди которых сотрудником белогвардейских спецслужб был лишь один – делопроизводитель Онежского военно-регистрационного бюро Н.М. Фарколин³⁰.

Низкая эффективность контрразведчиков в мае 1919 г. на практике показала, что борьба с профессиональными шпионами исключительно карательными мерами, особенно в условиях Гражданской войны, отягощенной противодействием множества разнородных спецслужб в рамках одного региона, не может в полной мере обеспечивать информационную безопасность вооруженных сил. Этот постулат выра-

В этой связи нет ничего удивительного в том, что боевые действия весны–лета 1919 г. привели к оставлению Красной армией многих важных населенных пунктов на Пинежско-Печорском, Мурманском и ряде других направлений. Советские войска потерпели чувствительные поражения не только в силу численного превосходства белогвардейцев и интервентов, но и из-за того, что агентура своевременно информировала антисоветское командование о передвижениях красноармейских частей, планах противника и малейших акциях неповиновения в войсках по другую сторону фронта³³.

В этих условиях не удивительно, что в июне 1919 г. Военно-революционный комитет принял решение возложить обязанность оберегать советское военное имущество и инфраструктуру на гражданских лиц: «В случае повторения повреждения жел. дор. полотна и обрыва проводов граждане волостей и городов, на территории которых будет произведено то или иное повреждение, будут привлечены к суровой ответственности и понесут наказания вплоть до расстрела»³⁴. Данное постановление может служить косвенным свидетельством неодобрения политики Кедрова по использованию особых отделов лишь в качестве репрессивных органов.

Лишь летом 1919 г., после отъезда Кедрова в Москву, подчиненные Воронцова вновь занялись своими прямыми обязанностями — в июле 1919 г. был раскрыт заговор в 155-м стрелковом полку. Благодаря мятежу белогвардейского 5-го стрелкового полка попал в засаду один из активнейших полевых разведчиков противника прапорщик М. Махнов. Благодаря работе с военнопленными в занятом Чукуеве в руки особистов попали 3 сотрудника местного военно-контрольного пункта, а также штабс-капитан П.Н. Гагарин, руководивший командой пеших разведчиков³⁵.

Стремясь обезопасить прифронтовую полосу от неблагодансных лиц (родственников дезертиров и белогвардейцев, бывших жандармов и т.д.), чекисты стали прибегать к их высылке за пределы зоны боевых действий. Только из Видлицкой волости Олонецкой губернии были высланы более 50 человек. Выселение шло целыми семьями³⁶. В условиях военного времени такие меры были обычным явлением и имели место еще в годы Первой мировой войны, когда из прифронтовой полосы местные власти активно высыла-

ли немцев и евреев, которых считали склонными к сотрудничеству с вражескими спецслужбами.

Причина того, что советские контрразведчики направили свои усилия на улучшение борьбы с полевой, а не агентурной разведкой заключалась в том, что осенью 1919 г. Север стали покидать войска интервентов, чьи спецслужбы обладали наиболее разветвленной и эффективной сетью секретных агентов. Белогвардейская разведка действовала в несоизмеримо меньшем масштабе и не могла столь серьезно угрожать информационной безопасности советских войск. В связи с сокращением числа угроз со стороны вражеских разведорганов особисты получили возможность оптимизировать свою работу, объем которой заметно сократился. Агентурные данные не поступали в распоряжение белогвардейских штабов с 5 сентября 1919-го по 20 января 1920 г.³⁷, а разложение в войсках противника, начавшееся еще весной и продолжавшееся до падения Северного фронта, облегчало задержание вражеских шпионов и диверсантов.

Громким успехом агентов Особого отдела 6-й армии стало задержание в ноябре 1919 г. пятерых белогвардейских агентов в Шахановской волости. Одним из задержанных оказался М. Ракитин — бывший организатор Шенкурского восстания летом 1918 г., удостоенный за ведение разведки во вражеском тылу ордена св. Георгия. Хотя задержал Ракитина особист П. Курочкин, большой интерес к ведению следствия по его делу проявила Архангельская губернская ЧК, вследствие чего между ее сотрудниками и подчиненными Воронцова возник острый конфликт. По словам работников Особого отдела, ЧК «хочет загребать жар чужими руками», «хочет, должно быть, славы, а не работы»³⁸. Этот конфликт был разрешен лишь после личного вмешательства Самойло и в очередной раз продемонстрировал отсутствие единства советских спецслужб в деле обеспечения безопасности армии.

Несмотря на слабую координацию органов государственной безопасности, ставшую в 1918–1920 гг. характерной чертой советской контрразведки, части 6-й Красной армии смогли провести ряд успешных боевых операций. «Белые» были разгромлены на реке Шипилиха, на Селецком и Тарасовском направлениях, в Двинском оборонительном районе. Белая армия утратила стратегическую

инициативу. В дальнейшем, после бунта солдат одного из полков Белой армии фронт был прорван на одном из важнейших участков, что предопределило падение Архангельска. После захвата города советскими войсками наступление было развернуто и на мурманском направлении, в результате чего Мурманск был занят в феврале 1920 г. Это положило конец Гражданской войне на Европейском Севере России.

Подводя итоги развития советских контршпионских органов на Северном фронте, необходимо сделать вывод, что, по сути, политика большевистской партии на начальном этапе войны заключалась в том, чтобы дистанцировать органы по борьбе со шпионажем от вооруженных сил, превратить их из оперативно-следственных органов в органы непосредственной расправы, в результате чего и появилась система особых отделов. Эта система далеко не всегда отличалась высокой эффективностью, но данное обстоятельство не стало серьезным препятствием для окончательной победы советских войск на Севере. Безусловно, регулярное наличие у неприятеля информации о состоянии воинских частей, их боевом составе и даже предстоящих планах существенно осложняло борьбу с антибольшевистскими силами. Однако это преимущество нивелировалось разобщенностью противника, его идеологической нестойкостью, что и предопределило окончательное поражение Белой армии.

Примечания

¹ История военной стратегии России. / Под ред. В.А. Золотарева. М., 2000. С. 126.

² Тухачевский М.Н. Избранные произведения. Т. 1. М., 1964. С. 32.

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 38. М., 1969. С. 138.

⁴ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33987. Оп. 2. Д. 70. Л. 72.

⁵ Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 17. Л. 84.

⁶ Там же. Ф. Р-639. Оп. 1. Д. 15. Л. 15.

⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 70. Л. 473.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5867. Оп. 1. Д. 97. Л. 8.

⁹ РГВА. Ф. 188. Оп. 2. Д. 18. Л. 3, 5, 29.

¹⁰ НАРК. Ф. Р-30. Оп. 3. Д. 747. Л. 28, 46.

¹¹ National Archive of United States (NAUS). Record Group 120. Publication M923. File 69. P. 660. Electronic copy.

- ¹² Ibid. P. 642—643, 601, 563. Electronic copy.
- ¹³ РГВА. Ф. 188. Оп. 2. Д. 9. Л. 11.
- ¹⁴ Там же. Д. 4. Л. 159.
- ¹⁵ *Саблин В.А.* Политические настроения крестьянства Севера Европейской России в годы Гражданской войны // Постигая прошлое и настоящее: межвузовский сборник научных работ. Вып. 3. Саратов, 1994. С. 70.
- ¹⁶ Красная книга ВЧК. В 2-х т. Т. 2. М., 1989. С. 70, 71.
- ¹⁷ НАРК. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 1. Л. 732.
- ¹⁸ Там же. Л. 413, 427, 619.
- ¹⁹ Там же. Ф. Р-639. Оп. 1. Д. 256. Л. 6, 11, 17, 53, 55.
- ²⁰ Там же. Д. 261. Лл. 4, 9, 10 об, 15.
- ²¹ Там же. Д. 227. Л. 2, 14; Д. 177. Л. 1, 14, 26.
- ²² РГА ВМФ. Ф. Р-431. Оп. 1. Д. 679. Л. 1—1 об.
- ²³ Русский Север. 1919. 11 марта.
- ²⁴ *Звягинцев В.Е.* Трибунал для флагманов. М., 2007. С. 205.
- ²⁵ НАРК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.
- ²⁶ Там же. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 1. Л. 184, 335 об.; Ф. Р-30. Оп. 3. Д. 744. Л. 82; РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 391. Л. 35.
- ²⁷ *Axelrod A.* Das wirtschaftliche Ergebnis des Bolschewismus in Rußland. Olten, 1920. Н. 21.
- ²⁸ НАРК. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 1. Л. 158.
- ²⁹ Там же. Ф. Р-30. Оп. 3. Д. 747. Л. 136.
- ³⁰ Подсчитано по: Поморский мемориал: Книга памяти жертв политических репрессий. В 3-х т. Архангельск, 1999.
- ³¹ РГА ВМФ. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 178. Л. 347; Д. 179. Л. 10, 117.
- ³² NAUS. Record Group 120. Publication M924. File 23.1-D. P. 1—14. Electronic copy.
- ³³ NAUS. Record Group 120. Publication M924. File 23.1-G. P. 4, 7. Electronic copy.
- ³⁴ НАРК. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 1. Д. 131.
- ³⁵ РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 86. Л. 1, 90.
- ³⁶ НАРК. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 1. Л. 477 об., 478.
- ³⁷ NAUS. Record Group 120. Publication M924. File 20.22-A. P. 78, 81. Electronic copy.
- ³⁸ Цит. по: *Овсянкин Е.И.* Дело Максима Ракитина // Отечество: краеведческий альманах. 2000. № 19. С. 215—229.

КУНЕЕВСКИЙ ИТЛ: ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ КУЙБЫШЕВСКОГО ГИДРОУЗЛА. 1949–1958 гг.

**Burdin E.A. Kuibyshev hydroknot: problem
of forced labour use on building of Kuibyshev
hydroelectric complex. 1949–1958**

Аннотация / Annotation

В статье с привлечением архивных документов рассматривается проблема применения рабочей силы заключенных Кунеевского исправительно-трудового лагеря (ИТЛ) в сооружении Куйбышевского гидроузла. Выявлены и проанализированы динамика численности спецконтингента, его трудовое использование и степень эксплуатации. В отличие от других гидротехнических объектов этого времени на Волге, заключенные Кунеевллага принимали активное участие в строительстве одного из крупнейших гидроузлов на протяжении всего периода сооружения, их использование помогло ускоренному решению многих производственных задач.

On the basis of an accessible file of archival documents the problem of application of a labour of prisoners Kuneevsky labour camp in a construction of Kuibyshev hydroelectric complex is considered. Its labour use and a rate of exploitation are revealed and analysed dynamics of number prisoners. Unlike other hydraulic engineering objects of this time on Volga, concluded Kuneevlaga took active part in building of one of the largest hydroknots throughout all period of a construction. Despite considerable costs, their application has helped the accelerated decision of many industrial problems.

Ключевые слова / Keywords

Архивный документ, ГУЛАГ, заключенные, Куйбышевский гидроузел, Кунеевский исправительно-трудовой лагерь. Archival documents, GULAG, prisoners, Kuibyshev hydroelectric complex, Kuneevsky labour camp.

Анализ проблем экономического развития СССР в послевоенный период свидетельствует, что основное внимание ученых было сконцентрировано на изучении причин и практического во-

---

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Реализация гидростроительных проектов советского руководства в 1930–1980-х гг.», проект № 11-11-73003 а/В

площения индустриализации как ведущего процесса в экономике советского периода. Исследования в области электрификации как базы крупного промышленного производства сводились к изучению преимущественно технических аспектов энергетического или гидротехнического строительства, при этом главное внимание уделялось технико-экономическим показателям.

В советской историографии технические достижения в области освоения водных ресурсов крупных рек нередко преувеличивались и приписывались только организаторской деятельности партийно-государственного аппарата СССР. С другой стороны, многие аспекты крупномасштабного гидроэнергетического строительства, например, массовое применение в 1930–1950-х гг. принудительного труда заключенных ГУЛАГа, тщательно скрывались. Однако появившиеся в результате активных исторических исследований последнего десятилетия источники позволяют реконструировать изучаемый исторический процесс во всей его сложности и многогранности.

В этой связи большой научный интерес представляет проблема трудового использования заключенных в процессе сооружения Волжского каскада гидроузлов, которую целесообразно рассмотреть на примере функционирования Кунеевского исправительно-трудового лагеря (Кунеевлага) в 1949–1958 гг.

Кунеевский ИТЛ был организован 6 октября 1949 г., а местом расположения его управления стал г. Ставрополь-на-Волге (ныне г. Тольятти) Куйбышевской области¹. Отношения с Куйбышевгидростроем – строительной организацией, занимавшейся возведением Куйбышевского гидроузла, основывались на договорах по выводу заключенных на контрагентские работы (контрагент – одна из сторон договора)².

Спецконтингент Кунеевского ИТЛ использовался преимущественно на строительном-монтажных работах по сооружению гидроузла, а также на строительстве железной дороги Сызрань–Жигулевск, автодороги Куйбышев–Ставрополь, ЛЭП-110 от Сызранской ТЭЦ, 7 бетонных заводов, деревообрабатывающего комбината, ремонтно-механических мастерских, жилищного и коммунально-бытового комплексов и других объектов³.

Как и в других гидротехнических ИТЛ, здесь численность заключенных была различной и зависела от масштаба строительных

работ. Отметим, что резкое нарастание среднегодового количества спецконтингента происходило с 1949 по 1953 г., достигнув пика в 1954 г. Тенденция к его снижению наметилась только после окончания сооружения главных объектов гидроузла в 1954–1955 гг., сохранившись до 1957 г. Минимальная численность осужденных была зафиксирована 1 декабря 1949 г. – 1 253 человек, максимальная 1 января 1954 г. – 46 507 человек⁴.

По подсчетам, общее среднегодовое количество осужденных Кунеевского ИТЛ за 1949–1957 гг. составляло в среднем 2,2% от аналогичного показателя по всем ИТЛ ГУЛАГа за этот же период. В 1954 г., когда в исправительно-трудовом лагере была наибольшая численность спецконтингента, этот показатель равнялся 4,7%. Не вызывает сомнения тот факт, что Кунеевский ИТЛ был одним из крупнейших лагерей Европейской части СССР. Так, по данным на 1 июля 1955 г., по фактическому наличию заключенных он занимал третье место (36,6 тыс. человек, или 15,2%) среди 9 контрагентских лагерей, уступая лишь Севвостлагу и Воркутлагу⁵.

Отметим, что кадровый состав строительства гидроузла состоял не только из заключенных, но и из вольнонаемных работников. По расчетам, общее среднегодовое количество осужденных в 1951–1957 гг. равнялось 60,4% от общего количества кадров, а вольнонаемных – 39,6%. Таким образом, большей частью строителей являлись заключенные.

Состояние источниковой базы не позволяет установить динамику смертности в Кунеевском ИТЛ. В качестве гипотезы выскажем предположение, что в связи с приоритетностью Куйбышевского гидроузла на его строительство руководство ГУЛАГа стремилось направлять физически крепких людей, осужденных за нетяжкие преступления. Поэтому смертность, скорее всего, являлась не выше средней по ГУЛАГу или даже ниже.

В процессе изучения доступных архивных материалов удалось установить показатели трудового использования спецконтингента Кунеевского ИТЛ в 1950–1951 гг. и 1953–1954 гг., то есть за 4 года функционирования лагеря из 8. В эти годы показатели группы «А» (работавшие осужденные) колебались от 80,2% в 1953 г. до 85,2% в 1954 г., составив в среднем 82,9% (план – 85,5%), несколько превысив аналогичный показатель Волжского ИТЛ, строившего в 1936–1941 гг.

Рыбинский и Угличский гидроузлы – 78,1%. По нашему мнению, в среднем трудовое использование заключенных Кунеевского ИТЛ превышало таковое по лагерям ГУЛАГа. Например, по подсчетам, основанным на отчетных сведениях за несколько месяцев 1955–1956 гг., Кунеевлаг постоянно лидировал среди контрагентских ИТЛ по количеству группы «А» – 85–86%, в то время как общий средний показатель не превышал 77%⁶.

Изучение источников показало, что одними из главных причин невыполнения плановых заданий были во многих случаях нерациональная организация труда осужденных и отсутствие действенной помощи и контроля со стороны руководства. Например, в августе 1953 г. на первой партийной конференции Кунеевского ИТЛ высказывались серьезные претензии к центральному аппарату ГУЛАГа, поскольку он медленно и непродуктивно решал ряд вопросов⁷. В итоге на 1 августа Управление ИТЛ не имело утвержденного плана по трудовому использованию заключенных, также не учитывались важность строительства и его территориальное расположение, так как в лагерь часто направлялся спецконтингент, осужденный за особо опасные преступления (измена Родине, уголовно-бандитствующий элемент).

Дезорганизующим фактором деятельности ИТЛ была частая сменяемость руководящих кадров в его подразделениях и ошибки в их подборе и выдвижении. Так, в первом полугодии 1953 г. на должность начальника лагпункта был выдвинут майор Баканов, однако он «...с первого же дня стал пьянствовать, по несколько дней не выходил на работу, за что был уволен»⁸. Таких фактов было много.

Производительность труда осужденных Кунеевского ИТЛ по сравнению с гидротехническими ИТЛ 1930-х гг., например, Волжским и Самарским ИТЛ, была несколько выше. Но поскольку достоверность лагерной документации снижают многочисленные приписки, вероятно, что на самом деле многие показатели являются завышенными. По мнению сотрудника лагеря, проверившего трудовое использование заключенных в первом квартале 1954 г. на работах в районе промышленно-гражданского строительства левого берега, производительность труда «...является нереальной (111%) и безусловно идет за счет всякого рода приписок в нарядах. За январь месяц по району

имеется перерасход заработной платы в размере 188 тыс. руб. или составляет 30% к плановому фонду зарплаты»⁹.

В январе и феврале 1951 г. производительность труда спецконтингента составляла соответственно 86% и 114%, а фактический заработок на один отработанный человеко-день – 10 руб. 64 коп. и 16 руб. 96 коп., или 90,2% и 122,9%¹⁰. Как правило, в холодное время года, в основном зимой, производственные показатели снижались, что было связано с плохими погодными условиями, коротким световым днем, увеличением заболеваемости и т.д. В 1951 г. и первом полугодии 1952 г. средняя выработка на один человеко-день в Кунеевском ИТЛ равнялась соответственно 21 руб. 8 коп. и 22 руб. 73 коп., всего по МВД СССР – 25 руб. 37 коп. и 25 руб. 27 коп.¹¹ Аналогичные показатели в Ахтубинском ИТЛ, заключенные которого в 1950–1953 гг. строили Сталинградский гидроузел, составили 19 руб. 49 коп. и 16 руб. 90 коп., то есть несколько ниже вышеприведенных показателей.

В первом полугодии 1953 г. средняя производительность труда заключенных равнялась 124,2%, причем нормы выработки не выполняли 18,3% личного состава¹². Администрация Куйбышевгидростроя пришла к выводу о плохом применении рабочей силы, так как «лагерные работники не принимают достаточных мер к эффективному использованию заключенных на объектах работ, считая это делом производственников, в результате много ненормальностей... а отсюда приписки объемов невыполненных работ и большие зачеты»¹³. По официальным данным, средняя производительность труда осужденных за 11 месяцев 1953 г. составила 134,9%, а количество не реализовавших нормы – 16,8%, средняя выработка на один отработанный человеко-день – 25 руб. 56 коп. (103,8% от плана)¹⁴. Еще больше эти показатели выросли в 1954 г. и 1955 г. – по производительности труда соответственно 135% и 143%, а выработка в 1955 г. составила 33 руб. (112% от плана)¹⁵.

Остремлении к эффективному использованию принудительного труда заключенных свидетельствуют сводные сведения планового отдела Кунеевского ИТЛ за 11 месяцев 1953 г. Согласно этому документу: всего доходы лагеря составили 232 млн 946 тыс. руб., а расходы – 226 млн 926 тыс. руб., прибыль составила 6 млн 20 тыс. руб., то есть в 1953 г. он окупил себя и работал эффективно¹⁶. Доходы превысили расходы также в 1954 г. и 1955 г.

Рассматривая проблему эффективности экономики ГУЛАГа и гидротехнических ИТЛ в частности в соответствии с принципом историзма, заметим, что в изучаемых документах МВД постоянно ставился вопрос об улучшении трудового использования заключенных, их стимулировании, о прибыльности ИТЛ и т.д. Вместе с тем, как показывала практика, административно-командная экономическая система в первую очередь подчинялась политическим, а не экономическим принципам. И если в 1930-х гг. бесспорным приоритетом были прежде всего мобилизационные возможности принудительного труда осужденных, то в 1950-е гг. наряду с их сохранением в ряде ИТЛ иногда достигалась самоокупаемость, то есть способ ведения хозяйства, при котором расходы покрывались внутренними доходами. Труд заключенных был в определенной мере эффективен хотя бы потому, что с его помощью частично или полностью окупалось их содержание. И все-таки свободный труд в целом был продуктивнее. Например, по авторским подсчетам, в США и Канаде гидроузлы строились примерно в 2,4 раза быстрее, чем в СССР. По данным А.К. Соколова, в конце 1940-х – начале 1950-х гг. производительность труда осужденных в среднем была на уровне 50–60% от соответствующих отраслей¹⁷.

Высокая степень приоритетности сооружения крупнейшего в мире Куйбышевского гидроузла, а также личный контроль И.В. Сталина за этим процессом сделали Кунеевский ИТЛ объектом пристального внимания со стороны центрального аппарата ГУЛАГа и других ведомств, особенно в 1951–1952 гг. Главной целью многочисленных проверок была эффективность трудового использования заключенных, от которой зависело выполнение производственных планов. Например, в мае 1951 г. в ходе проверки комиссией МВД СССР во главе с заместителем начальника ГУЛАГа генерал-лейтенантом А.З. Кобуловым нескольких подразделений ИТЛ выявились многочисленные недостатки в этой сфере, в том числе несвоевременное предоставление производственно-финансовых планов и производство работ отдельными бригадами без нарядов-заданий¹⁸. Имели место случаи, когда при выписке нарядов нормировщики снижали или завышали нормы выработки и расценки, в результате чего только по Жигулевскому стройрайону в апреле недоплаты по выполненным работам составили 3 594 руб. 32 коп., а переплаты – 407 руб. 50 коп., а в Ком-

сомольском стройрайоне уменьшили объемы работ на общую сумму 69 842 руб. 27 коп.¹⁹

Естественно, после проверки администрацией Кунеевского ИТЛ были приняты все возможные меры для устранения недостатков. Поэтому 31 июля 1951 г. начальник Управления МВД Куйбышевской области А. Галкин докладывал А.З. Кобулову: «С усилением режима содержания заключенных улучшилось трудовое использование их; вывод заключенных на производство во II квартале составил 84,3% при плане 82%, а производительность труда 132%. Количество заключенных, не выполняющих нормы выработки, по сравнению с I кварталом, во II квартале уменьшилось на 68%»²⁰.

Злободневной проблемой было большое количество массовых простоев бригад осужденных. Они возникали из-за отсутствия фронта работ, строительных материалов, инструментов, технического руководства, обмундирования, неудовлетворительного планирования и организации подвоза имеющихся стройматериалов к объектам. Отмечалась недостаточная механизация трудоемких, преимущественно погрузочно-разгрузочных работ, а также невнимание к охране труда и технике безопасности²¹. Только в лаготделении № 1 в I квартале 1951 г. было зарегистрировано 11 544 человеко-дней простоев, в том числе в связи с отсутствием транспорта – 2 839 (24,6%), фронта работ – 1 916 (16,6%), конвоев – 1 363 (11,8%), вещевого довольствия – 797 (6,9%), стройматериалов – 512 (4,4%), инструмента – 416 (3,6%)²². Руководство всех уровней постоянно декларировало необходимость жесткой борьбы с простоями, но ситуация практически не улучшалась. Так, за первое полугодие 1953 г. по ИТЛ было зафиксировано 103 270 человеко-дней простоев²³. В этот период ежедневно не работало 2 423 заключенных, в том числе 660 (27,2%) из-за непредоставления работ, 324 (13,4%) – освобождающиеся, 245 (10,1%) – по погодным условиям, 130 (5,4%) – из-за внутрилагерных перемещений. Поэтому ИТЛ не выполнил работ на 8,3 млн руб., а прямой убыток государству составил 5,8 млн руб.²⁴ Подобная практика наблюдалась и позже.

Несмотря на улучшение трудового использования осужденных, оставалось много проблем. Не всегда применялись по прямой специальности инженерно-технические работники и квалифицированная рабочая сила из числа заключенных. Например, во втором квар-

тале 1951 г. таким образом использовалось 53 инженера, 71 техник, 38 экскаваторщиков-машинистов, 208 трактористов и 450 шоферов²⁵.

Вместе с тем подавляющая часть спецконтингента имела низкую квалификацию, что значительно снижало ее ценность в условиях нараставших механизации трудовых процессов и темпов сооружения гидроузла. Поэтому руководство Куйбышевгидростроя предприняло энергичные меры для решения этой проблемы. Как показано в таблице 1, в течение 1950–1954 гг. на курсах первоначальной подготовки всего были обучены различным рабочим профессиям 19 741 человек, а курсы повышения квалификации окончили 7 202 человека из числа заключенных. За это же время прошли обучение на курсах соответственно 12 017 (60,9%) и 6 259 (86,9%) вольнонаемных рабочих.

Таблица 1

**Динамика подготовки рабочих кадров из числа заключённых
Кунеевского ИТЛ и вольнонаёмных Куйбышевгидростроя
в 1950–1954 гг.**

Годы	Первоначальная подготовка	Повышение квалификации	Первоначальная подготовка	Повышение квалификации
	Заключенные		Вольнонаемные	
1950	756	0	44	0
1951	2 634	2 243	260	90
1952	6 283	3 502	1 963	402
1953	5 656	1 457	3 960	1 911
1954	4 412	0	5 790	3 856
Всего	19 741	7 202	12 017	6 259

Таблица составлена по: Управление по делам архивов мэрии городского округа Тольятти. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 316. Л. 11–14.

Сооружение Куйбышевского гидроузла обеспечивалось лагерным спецконтингентом в первую очередь, однако и здесь иногда наблюдался дефицит рабочей силы, в том числе квалифицированной. Так, заместитель министра внутренних дел генерал-полковник И.А. Серов 5 февраля 1952 г. сообщал начальнику Куйбышевгидростроя, что «из Кунеевского ИТЛ ежемесячно освобождается большое количество заключенных специалистов, работавших в период отбы-

вания наказания в качестве шоферов, экскаваторщиков, трактористов, а также на строительно-монтажных работах», поэтому необходимо «...обеспечить максимальное закрепление за строительством Куйбышевской ГЭС специалистов из числа заключенных», причем создать для них надлежащие жилищно-бытовые условия и использовать по специальности²⁶.

Наиболее показательна в этом отношении ситуация, сложившаяся на строительстве после проведения амнистии, объявленной указом Президиума Верховного Совета СССР 27 марта 1953 г. В результате к августу из Кунеевского ИТЛ было освобождено около 30 тыс. человек квалифицированного спецконтингента, взамен которого прибыло всего лишь 16 тыс. человек, причем многие из них являлись рецидивистами, не желавшими работать²⁷. Итогом такой политики стало невыполнение плана строительно-монтажных работ и ухудшение криминогенной обстановки в лагере и на строительных площадках, где стали системой ограбления и террор вольнонаемных сотрудников, драки, убийства и т.д.

Негативно отражались на трудовой деятельности ИТЛ жилищно-бытовая неустроенность. На 1 апреля 1951 г. средняя обеспеченность заключенных жилой площадью равнялась 1,53 м² вместо положенных по норме 2 м² на человека²⁸. В декабре 1951 г. ситуация улучшилась, средняя обеспеченность достигла 2 м². Однако документы свидетельствуют, что дефицит жилых помещений и их антисанитарное состояние в той или иной степени были характерны для всего периода функционирования Кунеевлага. Из-за проблем с размещением спецконтингента в марте 1955 г. норма жилой площади была снижена до 1,5 м² на человека²⁹. Аналогичная проблема стояла и перед вольнонаемными работниками.

Серьезным дестабилизирующим фактором трудовой деятельности ИТЛ являлись нарушения осужденными условий и режима содержания, особенно бандитские проявления, массовые беспорядки, отказы от работ и побеги. Например, 19–20 апреля 1951 г. в связи с совершением группового побега и мобилизацией сотрудников охраны на его пресечение не было выведено на строительные объекты 657 заключенных³⁰. Активизация нарушений в Кунеевском ИТЛ произошла осенью 1952 г. Министр внутренних дел СССР генерал-полковник С.Н. Круглов 31 октября 1952 г. указывал: «Вместо усиления режи-

ма содержания и надежной изоляции контингента за последнее время бандиты активизировали свою преступную деятельность, и перешли к дерзким нападениям на честно работающих заключенных и даже на вольнонаемных сотрудников. Только за время с 15 сентября по 5 октября в лагерных отделениях № 5, 7, 11, 13 Кунеевского ИТЛ имело место шесть бандитских проявлений, в результате которых убито 7 человек и ранено 3, в т.ч. допущено убийство вольнонаемной табельщицы Тинакиной и надзирателя Сытника»³¹.

По неполным официальным данным, представленным в таблице 2, в период с 1951 г. по 1955 г. было совершено 36 бандитских проявлений и 18 массовых беспорядков, в ходе которых убили и ранили более 119 человек, бежало более 278 осужденных, зафиксировано 867 хулиганских проявлений. Отказы от работы в 1951–1953 гг. равнялись 12 895 человеко-дням, а за 10 месяцев 1955 г. – 37 527, или в 2,9 раз больше.

Таблица 2

Динамика нарушений условий и режима содержания заключёнными Кунеевского ИТЛ в 1951–1955 гг.

Вид нарушений и преступлений	Годы				
	1951	1952	1953	1954 (10 мес.)	1955 (10 мес.)
1. Бандитские проявления	2	18	11	0	3
2. Массовые беспорядки	Нет свед.	Нет свед.	15	0	3
По данным случаям убито и ранено	Нет свед.	39	Более 65	0	15
3. Количество заключенных, совершивших побеги	Более 7	32	116	47	76
4. Хулиганские проявления	88	465	215	Нет свед.	99
5. Количество отказов от работы (человеко-дни)	963	6 941	4 991	Нет свед.	37 527
6. Привлечено к уголовной ответственности	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	174	274

Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. Р-9114. Оп. 16. Д. 457. Л. 12, 154. СОГАСПИ. Ф. 7717. Оп. 1. Д. 1. Л. 25. Оп. 5. Д. 1. Л. 19–20, 37. Оп. 6. Д. 1. Л. 17, 24–25, 28.

Немало было нарушений и среди сотрудников отдела охраны ИТЛ. Так, общее политико-моральное состояние и воинская дисциплина в нем по итогам работы за 7 месяцев 1953 г. оценивались как неудовлетворительные, поскольку только за второй квартал было допущено 327 нарушений дисциплины и 28 побегов заключенных³². За указанный период «в результате потери бдительности и ротозейства отдельных сотрудников...» зарегистрировали более 300 случаев связей вольнонаемных работников с заключенными, в том числе проносы спиртных напитков, отправку писем, интимные связи и т.д.³³

Отметим такие широко распространенные в среде сотрудников ИТЛ явления, как профессиональная некомпетентность, пьянство, подбор кадров по семейному признаку и слабую заинтересованность в результатах своего труда.

В делопроизводственной документации Кунеевского ИТЛ, в отличие от Волжского и Самарского ИТЛ, впервые выявлены документы, содержащие сведения о производственном травматизме заключенных. Например, за 9 месяцев 1953 г. травмы получили 2 037 человек, причем из-за тяжелых умер 41 осужденный, а в результате потеряно 27 684 человеко-дня³⁴. Показательно, что кардинальных изменений не произошло и в дальнейшем. За 9 месяцев 1954 г. было зарегистрировано 743 случая производственных травм, из них 35 со смертельным исходом, в итоге потери рабочего времени составили 10 936 человеко-дней³⁵.

Анализ архивных источников показал, что основными стимулами повышения производительности труда для осужденных Кунеевского ИТЛ были зачеты рабочих дней, заработная плата, премии и улучшенные жилищно-бытовые условия. В то же время проверяющие отмечали, что подобные условия для ударников создавались не всегда³⁶. Зачеты для спецконтингента Кунеевлага ввел приказ МВД СССР от 26 мая 1950 г.³⁷ Тем самым восстанавливалась запрещенная в 1939 г. система досрочного освобождения за ударный труд. Заключенному при систематическом выполнении нормы на 100% засчитывался один день наказания за 1,5 дня, на 125% – за два дня, на 150% и выше – за три³⁸. Через два года, в мае 1952 г. зачеты стали применяться и в Ахтубинском ИТЛ.

Зарботная плата для заключенных всех учреждений ГУЛАГа была санкционирована весной 1950 г.³⁹ Среднемесячная зар-

плата в Кунеевском ИТЛ в 1951 г. равнялась 397 руб., в первом полугодии 1952 г. – 375 руб., но фактически на руки выдавалось соответственно 200 руб. и 192 руб.⁴⁰ В Ахтубинском ИТЛ начисленная средняя зарплата за этот же период была несколько меньше – 329 руб. и 275 руб. (на руки – 132 руб. и 107 руб.). В целом по МВД СССР в 1951–1952 гг. она составляла соответственно 349 руб. и 345 руб. (на руки – 122 руб. и 131 руб.), а в 1953 г. – 324 руб. (на руки – 129 руб.)⁴¹. Деньги зарабатывали только работающие осужденные, поэтому на важнейших строительствах зарплату получало большее количество спецконтингента, и она являлась относительно высокой. Однако даже в этом случае она была гораздо ниже оплаты труда вольнонаемных работников. Например, средняя зарплата рабочего на строительномонтажных работах Куйбышевгидростроя в 1953 г. составляла 592 руб. в месяц, а в 1954 г. – 654 руб.⁴² Отметим, что некоторые низкоквалифицированные рабочие зарабатывали не более 150–200 рублей в месяц.

В Кунеевлагере нередкими были случаи уравниловки в оплате труда, когда «...из 27 человек бригады работают, а 7 человек гуляют, ибо знают, что оплата будет произведена на всю бригаду»⁴³. Судя по документам, эффективность применения зачетов и денежных выплат существенно снижалась из-за несвоевременного и неправильного начисления, учета и выдачи, их присвоения другими лицами, например, бригадирами, уравниловки и т.д. Показательно, что из 2 786 заявлений осужденных за 10 месяцев 1954 г. 1 248, или 44,8%, содержали жалобы на несвоевременное подведение зачетов и связанные с этим пересидки⁴⁴.

По мнению администрации Кунеевского ИТЛ, стимулировать производственную активность заключенных также должно было трудовое соревнование. Как правило, по отчетным сведениям в него вовлекалось до 95–96% спецконтингента. Так, в четвертом квартале 1951 г. в лагерном отделении № 5 соревнованием было охвачено 96% осужденных, однако 35 из 95 бригад в декабре не выполнили своих обязательств⁴⁵. Также проводились кустовые слеты передовиков производства, совещания бригадиров, конференции арматурщиков, бетонщиков и т.д. Однако начальник политотдела ИТЛ Урусов в ноябре 1954 г. признал, что «...в постановке соревнования наличествует много формализма, опыт передовиков распространяется плохо,

популяризация передовых методов поставлена слабо, обязательства подчас берутся без учета задач и объемов работ на объектах...»⁴⁶. В дальнейшем положение дел несколько улучшилось. Насаждаемое сверху, директивными методами, без учета реальной экономической ситуации, соревнование не принесло желаемых результатов.

В качестве мер наказания к плохо работающим и злостно нарушающим режим содержания осужденным наиболее часто применялись лишение зачетов рабочих дней, водворение в штрафной изолятор (ШИЗО), отправка в ИТЛ особого режима и привлечение к уголовной ответственности. Так, за 10 месяцев 1954 г. было выявлено 703 человека из числа «уголовно-бандитствующего элемента», из которых 564 перевели на тюремный режим, а 139 отправили за пределы ИТЛ на особый режим⁴⁷. Репрессивные меры к отказчикам от работы в 1951–1952 гг. часто сводились к их помещению в штрафной изолятор, но иногда вместо штрафного пайка они питались из общего котла, поэтому стремились попасть в ШИЗО⁴⁸.

В отличие от других гидротехнических объектов на Волге, например, Горьковского и Сталинградского гидроузлов, с апреля 1953 г. отказавшихся от применения рабочей силы заключенных ГУЛАГа, Кунеевский ИТЛ работал вплоть до окончания строительства Куйбышевского гидроузла и был закрыт 12 марта 1958 г.⁴⁹ Всего он просуществовал 8,5 лет.

Таким образом, заключенные Кунеевского ИТЛ внесли решающий вклад в сооружение Куйбышевского гидроузла, так как их общее среднегодовое количество в 1951–1957 гг. равнялось 60,4% от общей численности личного состава. Выявленные нами показатели подтверждают крупномасштабную хозяйственную деятельность ГУЛАГа в сфере гидротехнического строительства.

Установлено, что динамика численности осужденных отражала интенсивность строительного процесса. Наименьшая наполняемость Кунеевского ИТЛ наблюдалась в подготовительный и завершающий периоды возведения гидротехнических сооружений, а максимальная – в основной. Трудовое использование заключенных в данном случае превышало таковое по другим лагерям, составив в 1950–1954 гг. в среднем 82,9% (по ГУЛАГу – 70–75%).

Приоритетный характер возведения Куйбышевского гидроузла в большой степени способствовал тому, что Кунеевский ИТЛ получал

рабочую силу преимущественно в соответствии со своими потребностями. Тем не менее, ее наличие не всегда гарантировало реализацию планов.

Главными причинами невыполнения плановых заданий были: нерациональная организация труда осужденных, вследствие чего возникали многочисленные простои; отказы от работы; слабое взаимодействие между администрацией ИТЛ и производственных участков и районов; недостаток действенной помощи и контроля со стороны центрального аппарата ГУЛАГа; неудовлетворительные жилищно-бытовые условия, питание, медицинское обслуживание и т.д.; плохое материально-техническое снабжение.

Дезорганизующими факторами деятельности ИТЛ являлись частая сменяемость руководящих кадров в его подразделениях и ошибки в их подборе и выдвижении, а также нарушения заключенными условий и режима содержания, особенно бандитские проявления, массовые беспорядки, отказы от работ и побег. В результате недостаточной механизации трудоемких работ и невнимание к охране труда и технике безопасности обычной практикой был высокий производственный травматизм, в том числе со смертельным исходом.

Примечания

¹ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: 1923–1960: справочник / Сост. М.Б. Смирнов; под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского; общество «Мемориал»; ГАРФ. М.: Звенья, 1998. С. 308.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р–9414. Оп. 1. Д. 495. Л. 36; Письмо директора музея истории Главного управления федеральной службы исполнения наказаний России по Самарской области В.А. Токмакова от 15.07.2004 г. Е.А. Бурдину. С. 4.

³ ГАРФ. Ф. Р–9414. Оп. 1. Д. 495. Л. 36; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 308.

⁴ Там же.

⁵ ГАРФ. Ф. Р–9414. Оп. 1. Д. 1413. Л. 12.

⁶ Там же. Д. 1413. Л. 12, 18. Д. 1418. Л. 13, 29.

⁷ Самарский областной архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 7717. Оп. 1. Д. 1. Л. 27–28.

⁸ Там же. Л. 13.

⁹ Управление по делам архивов мэрии городского округа Тольятти. Ф. Р–18. Оп. 1. Д. 241. Л. 23.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р–9414. Оп. 1. Д. 495. Л. 36.

¹¹ Там же. Ф. Р–9401. Оп. 1. Д. 3821. Л. 191.

¹² СОГАСПИ. Ф. 7717. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

- 13 Там же.
- 14 Там же. Д. 10. Л. 214.
- 15 Там же. Ф. 6567. Оп. 1. Д. 34. Л. 59.
- 16 Там же. Ф. 7717. Оп. 1. Д. 10. Л. 214.
- 17 *Соколов А.К.* Принуждение к труду в советской экономике: 1930-е – середина 1950-х гг. // ГУЛАГ: экономика принудительного труда / Под ред. Л.И. Бородкина, П. Грегори, О.В. Хлевнюка. М.: РОССПЭН, 2005. С. 63.
- 18 ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 457. Л. 23–32.
- 19 Там же. Л. 23–24.
- 20 Там же. Л. 78.
- 21 Там же. Л. 26, 49.
- 22 Там же. Л. 123.
- 23 СОГАСПИ. Ф. 7717. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.
- 24 Там же. Л. 23.
- 25 ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 495. Л. 76.
- 26 Там же. Л. 86.
- 27 СОГАСПИ. Ф. 7717. Оп. 1. Д. 1. Л. 39.
- 28 ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 495. Л. 26.
- 29 Управление по делам архивов мэрии городского округа Тольятти. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 249. Л. 6.
- 30 Там же. Д. 457. Л. 124.
- 31 Там же. Д. 565. Л. 91.
- 32 СОГАСПИ. Ф. 7117. Оп. 1. Д. 1. Л. 14–15.
- 33 Там же. Л. 26.
- 34 Там же. Д. 10. Л. 15.
- 35 Там же. Оп. 5. Д. 1. Л. 14.
- 36 ГАРФ. Ф. Р-9114. Оп. 1. Д. 457. Л. 124.
- 37 Там же. Ф. Р-9401. Оп. 1 а. Д. 342. Л. 174–175.
- 38 СОГАСПИ. Ф. 6567. Оп. 1. Д. 34. Л. 10.
- 39 *Бородкин Л.И., Эртыц С.* Никель в Заполярье: труд заключенных Норильлага // ГУЛАГ: экономика принудительного труда / Под ред. Л.И. Бородкина, П. Грегори, О.В. Хлевнюка. М.: РОССПЭН, 2005. С. 232.
- 40 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 3821. Л. 191.
- 41 Там же. Л. 191; *Соколов А.К.* Принуждение к труду в советской экономике: 1930-е – середина 1950-х гг. // ГУЛАГ: экономика принудительного труда... С. 64.
- 42 Управление по делам архивов мэрии городского округа Тольятти. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 240. Л. 48.
- 43 СОГАСПИ. Ф. 7117. Оп. 1. Д. 1. Л. 62.
- 44 Там же. Оп. 5. Д. 1. Л. 17.
- 45 ГАРФ. Ф. Р-9114. Оп. 1. Д. 457. Л. 90.
- 46 СОГАСПИ. Ф. 7117. Оп. 5. Д. 1. Л. 16.
- 47 Там же. Л. 19.
- 48 ГАРФ. Ф. Р-9114. Оп. 1. Д. 457. Л. 170.
- 49 Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 308.

В.П. ПАШИН, С.В. БОГДАНОВ, Ю.С. БОГДАНОВА

АНТИАЛКОГОЛЬНАЯ КАМПАНИЯ 1985–1987 ГГ. В СССР

ПО СОВЕТСКИМ АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ И РАССЕКРЕЧЕННЫМ МАТЕРИАЛАМ ЦРУ

Pashin V.P., Bogdanov S.V., Bogdanova Yu.S.
Antialcoholic campaign in USSR (1985–1987).
**On the Soviet archival documents and the declassified
materials of CIA**

Аннотация / Annotation

В статье анализируются рассекреченные доклады ЦРУ, посвященные причинам, ходу и последствиям антиалкогольной кампании в СССР 1985–1987 гг. Сведения из этих источников сопоставляются с архивными документами и другими советскими источниками, посвященными данным проблемам.

In the article analyses the CIA declassified documents devoted to the main reasons, development and the consequences of the anti-alcohol campaign in the USSR in 1985–1987. The information from these sources has been compared to the archive documents and other Soviet sources devoted to the following problems.

Ключевые слова / Keywords

Источник, пьянство, алкоголизм, антиалкогольная кампания, преступность. Source, drinking, alcoholism, antialcoholic campaign, crime.

Интерес к «алкогольной» проблематике в России периодически то вспыхивает, то затухает. Во многом причиной тому выступает политическая конъюнктура. Но неизменным остается одно – осознание как политической элитой, так и научным сообществом того непреложного факта, что чрезмерное алкоголеупотребление несет в себе большое количество негативных социальных, экономических и политико-правовых последствий. В этой связи обращение к последнему «полусухому» закону в СССР представляется важным не только с точки зрения исследовательского интереса, но и в прагматическом плане.

Как явствует из подзаголовка настоящей статьи, речь в ней пойдет о том, как причины, механизмы реализации и последствия последне-

го наступления советского государства на алкоголь, инициированного в мае 1985 г. Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым, отразились в секретных документах Центрального разведывательного управления (ЦРУ) США и различных документах советского периода по данной проблематике.

Несколько слов о документах ЦРУ. В 1999 г. ЦРУ сняло грифы секретности и конфиденциальности на большом количестве исторических документов, посвященных различным аспектам жизнедеятельности СССР. Документы ЦРУ из серии «Исторические обзоры» размещены на официальном сайте американского разведывательного ведомства в свободном доступе¹. Общим для всех рассекреченных документов является их тщательная редакция аналитиками ЦРУ с целью не выдать источники информации, если они могут навредить деятельности разведывательной службы США. Такие места в тексте выделены и взяты в квадратные скобки.

Блок документов о перестроечных процессах в Советском Союзе достаточно обширный. Практически ни одна из проблем советского общества второй половины 1980-х гг. не осталась без внимания специалистов из Лэнгли. Действительно, в поле зрения разведслужбы США оказались вопросы экономики, внутренней и внешней политики нового руководства СССР, проблем и противоречий перестройки.

Одной из таких тематик оказалась антиалкогольная кампания в СССР 1985–1987 гг. Среди докладов ЦРУ, посвященных данному вопросу, можно выделить два: «Горбачевская кампания против алкоголя» (“Gorbachev’s Campaign Against Alcohol”²) и «Нелегальная экономика при Горбачеве: рост и воздействие» (“The Illegal Economy Under Gorbachev: Growth and Implications”³).

В этих документах наиболее отчетливо рассмотрен комплекс проблем, связанных с реализацией антиалкогольной кампании, активно реализовывавшейся в СССР в 1985–1987 гг. Попытаемся сопоставить оценку происходивших в Советском Союзе событий разведслужбой США и их отражением в различных советских источниках.

Начнем с исследовательского проекта «Горбачевская кампания против алкоголя» (3 страницы ключевых понятий, 20 страниц основного текста). Разработчики материала предприняли попытку объяснить остроту проблемы алкоголепотребления для советского общества. Этому в докладе уделено значительное внимание.

Необходимо отметить тот факт, что и в СССР научной общественностью неоднократно предпринимались попытки обратить внимание властей и общества на проблемы пьянства и алкоголизма. Резкое наступление на алкоголь, предпринятое руководством страны в мае 1985 г., было не случайным. Высшая партийно-государственная элита страны была хорошо информирована о нараставших губительных последствиях широкого распространения пьянства среди советских граждан. С начала 1980-х гг. проблемы и последствия алкоголеупотребления все чаще становились предметом серьезных научных работ, острых публицистических статей и телевизионных передач.

26 ноября 1981 г. в Киеве состоялась городская конференция «Совершенствование форм и методов работы общественных клубов трезвости». С 8 по 10 декабря 1981 г. в г. Дзержинске Горьковской области была проведена Всесоюзная межведомственная научно-практическая конференция «Профилактика пьянства и алкоголизма в промышленном городе». Так остро на всесоюзном уровне проблемы пьянства и алкоголизма на примере индустриальных центров до этого не ставились. И тем более результаты этого научного форума так широко не оглашались. Видимо, то социальное зло, которое, было тесно связано с пьянством и алкоголизмом, скрыть ни от международной общественности, ни от собственных мыслящих слоев населения, было уже невозможно.

В то же время в докладе ЦРУ «Горбачевская кампания против алкоголя» упоминается 9 источников, из которых эксперты американской разведслужбы почерпнули сведения об алкогольной ситуации в СССР: исследования западных специалистов, занимавшихся данной проблемой; речи руководителей СССР, в которых упоминаются в том или ином контексте проблемы пьянства и алкоголизма в СССР; отчеты должностных лиц о результатах их встреч с общественностью и обсуждаемых вопросов пьянства в стране; результаты изучения общественного мнения относительно пьянства и алкоголизма в Советском Союзе; сведения, которые почерпнуты из лекционных материалов советских специалистов, которые выступали на заседаниях общества «Знание» (причем, в докладе ЦРУ отмечено, что эти материалы имеют большую познавательную ценность, нежели официальная информация из советской массовой печати)⁴.

Таким образом, еще четыре источника информации по вопросам алкогольной ситуации в СССР по-прежнему не подлежат оглашению и в тексте доклада ЦРУ они полностью заретушированы. Остается только предполагать о конфиденциальных источниках информации, которыми располагало разведывательное ведомство США.

В документе ЦРУ приводится график из известной на Западе работы авторитетного специалиста по алкогольной проблеме в СССР Владимира Тремла «Алкоголь в СССР: статистическое исследование»⁵. На нем графически представлена динамика среднелюдянского потребления алкоголя в СССР в возрасте от 15 лет и старше в период 1955–1983 гг. Отмечается рост как общих объемов употребления алкогольной продукции, так и нелегально произведенной в домашних условиях. В СССР по известным соображениям в этот период данная работа не могла быть опубликована.

Было бы серьезным упрощением считать, что в СССР до анти-Алкогольной кампании М.С. Горбачева ничего не говорилось об алкогольных проблемах советского общества. Говорилось много и с больших партийных трибун. Но вот действительная картина с количеством больных алкоголизмом, алкогольными психозами, самоубийствами, «пьяной» преступность оставалась тайной за семью печатями.

В начале 1960-х гг. оснований у государства для беспокойства в отношении прогрессирующей алкоголизации советского общества было предостаточно. 25 апреля 1962 г. был издан приказ Министерства здравоохранения РСФСР № 151 «О мерах по борьбе с алкоголизмом и наркоманиями», в связи с чем Институт им. В.М. Бехтерева провел анализ заболеваемости и масштабах распространения алкоголизма в Северо-западных областях РСФСР.

Результаты оказались очень настораживающими. На 1 января 1965 г. на учете во внебольничной психоневрологической сети Северо-западных областей состояло 75 167 больных, из них с хроническим алкоголизмом и алкогольными психозами 21 054 человека, или 27,9% от общего числа состоящих на учете. За 1964 г. было госпитализировано в психиатрические больницы 13 498 больных, из них с алкогольными психозами и хроническим алкоголизмом 5 265 человек, 39,0% от общего числа больных поступивших в больницы.

Отмечался рост заболеваемости алкогольной этиологии. В 1962 г. во внебольничных учреждениях состояло на учете 33,3% страдающих алкогольными психозами и хроническим алкоголизмом (к общему числу психических больных), в 1963 г. – 38,7%; 1964 г. – 37,5%. Число больных хроническим алкоголизмом и алкогольными психозами, находившихся в психиатрических больницах, в 1956 г. составляло 4,6%; 1962 г. – 7,3%; 1963 г. – 7,8%; 1964 г. – 9,8%⁶.

Пьянство прочно вошло в повседневную бытовую жизнь многих советских граждан. К примеру, в Москве постоянно росло число попавших в медицинские вытрезвители: в 1958 г. туда было доставлено 139 843 чел., в 1959 г. – 171 389, в 1960 г. – 224 674 человека⁷.

В докладе ЦРУ, посвященном антиалкогольной кампании в СССР середины 1980-х гг. говорилось, что пьянство серьезно осложняет ситуацию с трудовой дисциплиной на советских предприятиях. Отмечалось, что согласно сведениям одного из советских исследований, 20% мужчин и 11% женщин употребляли алкоголь на работе⁸.

По мере роста потребления алкоголя с 1,5 литров на душу в 1945 г., до около 10,3 литра в 1985 г., темпы прироста национального дохода упали с 15% в год до 4,3%. В одной только Горьковской области на промышленных предприятиях ежегодно недополучалось продукции из-за прогулов по вине алкоголя на сумму 15–18 млн рублей. Можно предположить, что в целом по стране из-за нарушений дисциплины труда, текучести кадров, брака промышленной продукции недовыпускалось на миллиарды рублей. Пьянство оказывало негативное влияние на производственную дисциплину. Примерно 90% прогулов было связано с пьянством, что даже признавали руководители страны⁹.

В структуре несчастных случаев в Советском Союзе ведущее место занимали травмы производственного характера, очень часто связанные с пьянством. Среди неблагоприятных факторов, влияющих на состояние здоровья населения, выделялось увеличение потребления населением алкогольных напитков и снижение в связи с этим качества здоровья (рост заболеваемости и смертности).

Еще одна грань советской повседневности до 1988 г. была плотно закрыта для научной общественности – статистика преступности. Хотя многочисленные факты преступлений становились достоянием

общественности посредством газетных, журнальных публикаций, художественных фильмов, детективных романов, просто обывательской интерпретации. Но статистические материалы для широкой общественности не предназначались. Не последнюю роль в воспроизводстве преступности в СССР играла прогрессирующая алкоголизация населения и приобщение к спиртному молодежи.

Вот как оценивали в докладе ЦРУ «Горбачевская кампания против алкоголя» влияние пьянства на преступность: «Различные публикации указывают, что 80% грабежей, 75% убийств и изнасилований и 50% краж личной собственности совершаются людьми, которые находились в состоянии алкогольного опьянения»¹⁰.

Статистика преступности в СССР 1950-х – 1985 гг. отразилась в различных ведомственных документах – МВД СССР, Прокуратуры, Верховного Суда. Сопоставление выводов аналитиков ЦРУ и архивных документов советского периода не оставляет сомнений в том, что американская разведслужба в целом в оценках оказалась не далека от реального положения дел, несмотря на строжайшую секретность статистики преступлений и правонарушений в СССР.

Анализ преступности в СССР в начале 1950-х гг. показал, что большинство преступлений, как правило, совершалось лицами в состоянии алкогольного опьянения, гражданами, имевшими низкий образовательный уровень, а также рецидивистами. Проведенной выборочной проверкой было установлено, что на 10 964 осужденных, содержащихся в ИТУ, оказалось 74% неграмотных и малограмотных, 64% совершили преступления в состоянии алкогольного опьянения¹¹.

Широко развернулась в 1960-е гг. борьба с алкоголизмом и пьянством, как реальной причиной большого числа правонарушений. Судебная практика свидетельствовала, что до 90% проявлений хулиганства и 70% умышленных убийств, изнасилований совершались в нетрезвом состоянии.

1984 г., при государственной монополии на производство и торговлю спиртными напитками, был годом наибольшего роста алкоголизма в СССР. Проблемы увеличения алкоголеупотребления во многом усиливались дальнейшим ростом самогонварения. В 1984 г. населением СССР из сахара было изготовлено 160 миллионов декалитров самогона¹². Однако до начала крупномасштабного наступления на алкоголь эти цифры официально не публиковались.

Для нового советского руководства стало очевидно, что начало реформ в стране при сохранении прежней алкогольной ситуации невозможно. Было решено нанести решительный удар по пьянству и алкоголизму. Главным направлением в Постановлении ЦК КПСС от 7 мая 1985 г. «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» было снижение потребления алкоголя посредством уменьшения производства и продажи спиртных напитков и искоренения самогоноварения¹³. Параллельно произошло повышение цен на алкоголь, а также была расширена сеть медицинских учреждений для лечения больных алкоголизмом.

В докладе ЦРУ «Горбачевская кампания против алкоголя» отмечается, что данная кампания оказалась самой значительной в плане борьбы с пьянством и алкоголизмом в России со времен сухого закона, введенного в стране с началом Первой мировой войны¹⁴.

Бывший председатель Госплана СССР Н.К. Байбаков пишет в своих воспоминаниях: «В апреле состоялось заседание секретариата ЦК, на котором обсуждалось решение по сокращению производства спиртных напитков. В плане 1985 года водка занимала 24% в товарообороте, поэтому на заседании я осторожно предупреждал: – Товарищи, не торопитесь – разбалансируем бюджет. Ведь речь идет все-таки о 25 млрд руб. ... – Нет, – заявил Лигачев, – давайте вначале резко сократим производство спиртных напитков, а потом введем сухой закон... На очередном заседании, состоявшемся осенью, секретариат ЦК проанализировал ход выполнения указанного постановления. Отмечали, что определенная работа в этом направлении проводится, но вместе с тем критиковали секретарей крайкомов и обкомов партии за медлительность в снижении темпов производства спиртных напитков. Затем было внесено предложение сократить производство водки наполовину, но не к 1990 году, как намечалось по плану, а к 1987 юбилейному году – к 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. После этого заседания развернулась еще более активная кампания против пьянства и алкоголизма. Резко стали сокращать производство и продажу спиртных напитков, в том числе вин и коньяка»¹⁵.

Последствия стремительной и беспрецедентной со времен сухого закона 1913–1924 гг. антиалкогольной кампании, толчок которой был дан в мае 1985 г., оказались довольно противоречивыми.

По представленным в Совет Министров СССР расчетам председателя Госкомцен Н.Т. Глушкова, мероприятия по борьбе с алкоголизмом предполагали ежегодное сокращение производства и реализации водки и ликеро-водочных изделий на 10%, уменьшение их выпуска за пять лет наполовину. Выпуск плодово-ягодных алкогольных напитков в 1988 г. должен был прекратиться. Уже в 1985–1986 гг. производство алкогольных напитков сократилось более чем в два раза. В начале антиалкогольной кампании советское руководство надеялось, что повышение цен на алкоголь позволит компенсировать примерно 80% потерь бюджета и товарооборота от уменьшения объемов продажи алкогольных напитков в натуре¹⁶.

По сведениям российского историка С.А. Величко, антиалкогольная кампания, общеэкономический ущерб от которой составил 37 млрд рублей, в Сибири выполнялась очень рьяно. В воскресные дни была запрещена продажа спиртных напитков. С 1985 по 1987 гг. продажа водки и ликеро-водочных изделий сократилась более чем в 2 раза, вина – почти в 3 раза, пива – в 2 раза. По отчетам Междуреченского горкома партии (Кемеровская область): в 1986 г. потребление спиртного в городе сократилось на 33%. В г. Красноярске в 1986 г. потребление и реализация спиртных напитков по сравнению с 1984 г. сократилась в 1,5 раза. В Иркутской области объем реализации спиртных напитков в 1987 г. снизился по сравнению с 1986 г. на 25%. В городе Иркутске реализация вино-водочных изделий в первом полугодии 1987 г. по сравнению с этим же периодом 1985 г. сократилась на 60,8%¹⁷.

В средствах массовой информации началась масштабная наступательная антиалкогольная пропаганда. В нее были вовлечены все звенья партийно-государственного идеологического аппарата. Ни одно учреждение, начиная от центрального телевидения и заканчивая самой отдаленной сельской библиотекой, не остались в стороне от проводимых мероприятий.

С конца мая 1985 г. в газетах и журналах практически каждый день стали появляться материалы на антиалкогольную тематику: аналитические заметки о вреде пьянства, из опыта борьбы с пьянством в регионах, исторические очерки и т.д.

В ходе кампании по борьбе с пьянством и алкоголизмом и связанных с ней мероприятий по укреплению дисциплины труда в

1985–1987 гг. сократилось число невыходов на работу, несчастных случаев, снизилась уголовная преступность. Большинство опрошенных в 1986 г. руководителей и специалистов сельского хозяйства Алтая (88%) отметили, что число случаев появления работников на работе в нетрезвом состоянии значительно уменьшилось¹⁸. Количество прогулов в колхозах Западной Сибири в 1985 г. уменьшилось по сравнению с предыдущим годом на 16%, в 1986 г. – на 37%, в 1987 г. – на 25%.

Однако антиалкогольная кампания имела целый ряд негативных последствий, которые серьезно снизили первоначальный положительный эффект от решительного наступления на алкоголь.

Министр торговли СССР К.З. Терех 2 декабря 1987 г. направил в Совет Министров СССР «Информацию о состоянии торговли отдельными товарами». Согласно его сведениям: «... в настоящее время сложилось напряженное положение с обеспечением населения многими видами товаров народного потребления. Одной из причин изменения конъюнктуры торговли и повышения спроса на отдельные товары является резкое сокращение продажи алкогольных напитков... До 1985 г. продажа сахара, спиртосодержащих и других препаратов проходила повсеместно без перебоев. Постоянно и в широком ассортименте в продаже имелись одеколоны, лосьоны, лак для волос, зубная паста, другие товары. Резкое повышение спроса на сахар проявилось, начиная со второй половины 1986 года. В июле–декабре 1986 г. продажа сахара возросла на 22% и в первом полугодии текущего года по сравнению с этим же периодом прошлого года – на 16%. Запасы сахара в розничной торговле сократились в 1986 г. на 625 тыс. т, и в 1987 г. ожидается сокращение еще на 700 тыс. т».

Далее министр обращает внимание на то, что в 1986 г. продажа одеколона в Москве выросла в 1,5 раза, что во всех областях РСФСР установлена норма отпуска спиртосодержащих товаров и зубной пасты, реализация клея выросла более чем на 30%, жидкости для очистки стекол – на 15%¹⁹.

Письмо проникнуто острой критикой по отношению к тем, кто был инициатором антиалкогольной кампании, дестабилизировавшей ситуацию на потребительском рынке, за которую министр нес ответственность.

Массированное вытеснение государственного алкоголя не могло стимулировать подпольное производство спиртных напитков. По оценкам специалистов МВД СССР, в период 1985–1987 гг. объемы реализации спиртных напитков на душу населения через государственную торговлю снизились почти в 3 раза. Однако это снижение было в значительной мере, если не полностью, компенсировано алкогольными суррогатами и подпольно изготовленным самогоном. По расчетам Г.Г. Заиграева, госбюджет ежегодно недополучал минимум 20–25 млрд рублей (по курсу 1991 г.)²⁰

Оценивая последствия антиалкогольной кампании для бюджета страны, государство к 1988 г. недосчиталось более чем 70 млрд руб. Отмечался значительный дефицит сахара, и резко возросло самогонование²¹.

В докладе ЦРУ «Нелегальная экономика при Горбачеве: рост и воздействие» отмечалось следующее: «Так, например, антиалкогольная кампания 1985–1988 гг. привела к резкому увеличению незаконного производства алкоголя и перенаправила доходы от государственного сектора на нелегальных производителей и продавцов алкогольной продукции»²².

Анализ динамики выявленных фактов самогонования в СССР с 1983 по 1990 гг. свидетельствует о том, что наибольшее количество выявленных фактов самогонования в СССР было зарегистрировано в 1986 г. – 175 965 преступлений, что оказалось более чем в 6 раз в сравнении с аналогичным показателем 1984 г. (рис. 1)²³.

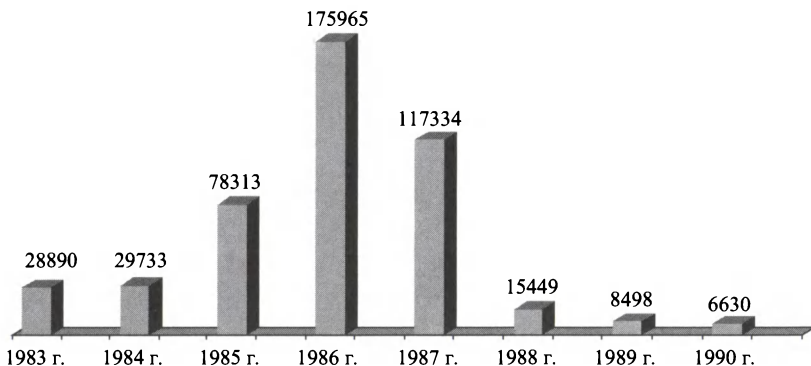

Рис. 1. Количество выявленных фактов самогонования в СССР. 1983–1990 гг.

Как неизбежное следствие скоропалительного наступления на спиртное – практически повсеместный рост спекуляции спиртными напитками, производство и потребление самогона. В этом плане ситуация в Сибири выглядела довольно типичной. Вот данные о привлеченных к ответственности за спекуляцию спиртным в Омской области: 1984 г. – 19 человек, 1985 г. – 79, 1986 г. – 132, 1987 г. – 160 и за самогонование: 1984 г. – 296 человек, 1985 г. – 643, 1986 г. – 1 414, 1987 г. – 2 051 человек.

Массированная атака на алкогольную продукцию привела к серьезным потерям для государственного бюджета. Сокращение продажи водки и бюджетных поступлений от нее было полностью компенсировано ее изготовлением в «теневой» экономике. Однако эти капиталы оказались вне зоны государственного контроля. Миллиарды рублей, ранее поступающие в госбюджет от продажи спиртных напитков, перетекли в карманы самогонщиков и нелегальных производителей суррогатных спиртных напитков.

В начале сентября 1988 г. Председатель Совета Министров СССР Н.И. Рыжков обратился в Политбюро ЦК КПСС с запиской: «Анализ показывает, что за последние три года в торговле очереди возросли более чем наполовину из-за резкого сокращения продажи алкогольных напитков... В связи с экономией средств от сокращения покупок алкогольных напитков значительная часть населения переключила спрос на продукты питания, одежду, обувь, чулочно-носочные изделия, товары культурно-бытового и хозяйственного назначения... Со второй половины 1986 г. повсеместно резко возросла реализация сахара, кондитерских изделий (карамель, пряники), фруктовых соков, томатной пасты и некоторых других продовольственных товаров, используемых для самогонования. Продажа сахара, например, в 1987 г. составила 9 280 тыс. т, по сравнению с 1985 г. увеличилась на 1 430 тыс. т, или на 18%, и в настоящее время почти повсеместно осуществляется по талонам. По данным Госкомстата СССР, в 1987 г. на самогонование израсходовано 1,4 млн тонн сахара, что примерно равно 140–150 млн декалитров самогона и практически компенсировало сокращение продажи водки и ликеро-водочных изделий»²⁴.

Помимо тяжелого удара по государственным финансам это привело к становлению мощной организованной преступности

нового поколения, активно устремившейся в политику. К середине 1980-х гг. в СССР сложился достаточно широкий сектор «теневой» экономики, набрала силу организованная преступность. Она практически ликвидировала государственную торговлю спиртным, «приватизировала» ее и изъяла из госбюджета в свою пользу, по экспертным оценкам, 23 млрд руб. в 1989 г. и 35 млрд руб. в 1990 г.²⁵

Оценка ЦРУ отличается в сторону больших размеров потерь для народного хозяйства в результате антиалкогольной кампании. «Горбачевская антиалкогольная кампания 1985 года, например, стимулировала рост нелегального производства и распространения алкогольной продукции в результате сокращения ее наличия в магазинах. По мере того, как потребители перешли на нелегально производимый самогон, годовые доходы от продаж снизились, а теневая экономика получила значительную прибыль. По словам экономиста Абея Аганбегяна, до того, как антиалкогольная кампания была отменена в 1988 году, государство потеряло 57 млрд рублей за три года, что способствовало росту дефицита бюджета»²⁶.

Негативные последствия тотальной борьбы против пьянства и алкоголизма вынудили государство пойти на не менее быстрое свертывание кампании, чем ее начало. Уже к концу 1987 г. антиалкогольные мероприятия во многих случаях стали пробуксовывать, появился целый ряд негативных побочных последствий, серьезно затруднявших борьбу с пьянством и вызывавших новые и очень сложные проблемы²⁷.

Таким образом, рассекреченные доклады ЦРУ о таком масштабном мероприятии в СССР, как антиалкогольная кампания 1985–1987 гг., позволяют российскому исследователю посмотреть на специфику восприятия происходивших в СССР событий глазами противоборствовавшей на тот момент времени стороны – США.

В то же время необходимо отметить, что выводы и оценки разведывательной службы США в целом корректны и лишены налета тенденциозности. Их отличает взвешенность и опора на самые многообразные источники, ряд из которых продолжают носить конфиденциальный характер.

Примечания

- 1 [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/index.html>
- 2 Gorbachev's Campaign Against Alcohol. A Research Paper / CIA. Sov 86-10019X. April 1986.
- 3 The Illegal Economy Under Gorbachev: Growth and Implications. An Intelligence Assessment / CIA. Sov 90-10020. April 1990.
- 4 Gorbachev's Campaign Against Alcohol. A Research Paper / CIA. Sov 86-10019X. April 1986. P. 2.
- 5 См.: Trembl V.G. Alcohol in the USSR: A statistical Study. Durham: Duke, 1982.
- 6 Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб). Ф. 313. Оп. 1–4. Д. 913. Л. 82–83.
- 7 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 428. Оп. 3. Д. 363. Л. 12.
- 8 Gorbachev's Campaign Against Alcohol. A Research Paper / CIA. Sov 86-10019X. April 1986. P. 4.
- 9 Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 2. Оп. 3. Д. 168. Л. 58.
- 10 Gorbachev's Campaign Against Alcohol. A Research Paper / CIA. Sov 86-10019X. April 1986. P. 5.
- 11 ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 505. Л. 171–193.
- 12 СССР в цифрах в 1988 году. М., 1989. С. 87.
- 13 Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством» от 16.05.85 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1985. № 27. Ст. 480; Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 16.05.85 г. «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения» // Ведомости ВС РСФСР. 1985. № 21. Ст. 738.
- 14 Gorbachev's Campaign Against Alcohol. A Research Paper / CIA. Sov 86-10019X. April 1986. P. III.
- 15 Байбаков Н.К. Сорок лет в правительстве. М., 1993. С. 161.
- 16 ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 147. Д. 374. Л. 32.
- 17 Величко С.А. Общественно-политическая жизнь в Сибири в 1985–1991 гг.: дис. ... докт. ист. наук. Кемерово, 2007. С. 47.
- 18 Калугина З.И. Улучшение социальных качеств работников сельского хозяйства – важнейший резерв повышения трудовой и социальной активности // Социальная активность трудящихся советской сибирской деревни. Новосибирск, 1988. С. 278.
- 19 ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 148. Д. 950. Л. 7, 8.
- 20 Заиграев Г.Г. Общество и алкоголь. М., 1992. С. 126.
- 21 РГАНИ. Ф. 89. Оп. 12. Д. 13. Л. 56.
- 22 The Illegal Economy Under Gorbachev: Growth and Implications. An Intelligence Assessment / CIA. Sov 90-10020. April 1990. P. I.
- 23 Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2005. С. 509.
- 24 О некоторых негативных явлениях в борьбе с пьянством и алкоголизмом // Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 48–50.
- 25 Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., 1991. С. 50.
- 26 The Illegal Economy Under Gorbachev: Growth and Implications. An Intelligence Assessment / CIA. Sov 90-10020. April 1990. P. 1.
- 27 См.: Немцов А.В. Алкогольная ситуация в России. М., 1995; Заиграев Г.Г. Указ. соч. С. 196.

«ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР» В СОВЕТСКО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1980-х гг.

**Raku M.V. "Islamic factor" in Soviet-Iranian relations.
Second half of the 1980th**

Аннотация / Annotation

В ряду проблем современных международных отношений так называемый «исламский фактор» занимает одно из центральных мест. В статье сделана попытка рассмотреть характерные моменты проявления данного феномена в советско-иранских отношениях в период с установившейся в них «оттепели» середины 1980-х гг. до начала процесса эрозии bipolarности в конце 1980-х гг. Автор широко привлекает труднодоступные и ранее не вводившиеся в научный оборот американские, советские и иранские источники.

The "Islamic factor" is a pivotal aspect of modern international relations. The article analyses its different manifestations in Soviet-Iranian relations from the "thaw" in the 1980th till the beginning of the bipolar system erosion process in the late 1980th. The author uses a wide range of rare United States, Soviet and Iranian sources.

Ключевые слова / Keywords

Источник, архивный документ, международные отношения, холодная война, Исламская Республика Иран, СССР, «исламский фактор», «экспорт исламской революции». Source, archival document, international relations, cold war, Islamic Republic of Iran, USSR, "islamic factor", "export of the Islamic revolution".

Продолжавшаяся с июня 1984 г. «оттепель» в советско-иранских отношениях к маю 1986 г. сменилась первыми «заморозками»¹. К этому моменту советской стороне стало ясно, что иранцы не спешат оправдать их ожидания ни в афганском, ни в ирано-иракском конфликте, что было чревато разрастанием «исламской революции» на соседние регионы, в том числе и «мусульманские республики» СССР².

Поэтому в 1985–1986 гг. работа по противодействию исламской угрозе не только не отошла на второй план, но соответствующими ведомствами СССР, в частности, КГБ «большое внимание было уделено мерам по повышению наступательности в борьбе с идеологическими диверсиями»³. Кроме того, «в целях активного раз-

блечения антисоветизма и антикоммунизма иранской реакции, политики воинствующего ислама» в июле 1986 г. общий объем вещания на Иран из Москвы, Баку, Душанбе и Ташкента был увеличен до 9,5 часов⁴. Наконец, 18 августа 1986 г., было принято последнее по содержанию атеистическое постановление советской власти с символическим названием «Об усилении борьбы с влиянием ислама»⁵. По оценкам Академии общественных наук при ЦК КПСС, сделанным в 1990 г., оно «сыграло положительную роль в активизации борьбы с различного рода обычаями и традициями под прикрытием ислама, в ослаблении влияния на население представителей мусульманского духовенства, выступавших с экстремистских и националистических позиций. Это постановление ориентировало организации на разработку комплексных и долговременных мер, направленных на усиление идеологической работы по формированию научно-материалистического мировоззрения трудящихся, борьбы с религиозными предрассудками в регионах традиционного распространения ислама»⁶.

Тем не менее, параллельно продолжались попытки наладить с Ираном взаимовыгодные торгово-экономические связи, чтобы как-то улучшить общий фон двусторонних отношений. В частности, 12 декабря 1986 г. в Тегеране был подписан протокол между СССР и Ираном, предусматривающий расширение сотрудничества в области торговли, транспорта, рыболовства, других областях, а также регулярные контакты между двумя странами на уровне министров⁷.

Однако «развитие ирано-иракского вооруженного конфликта приобретало все более неблагоприятный для Ирака характер с возможной перспективой его военного поражения и установления в этой стране проиранского исламско-фундаменталистского режима»⁸. Кроме того, разразившийся в ноябре 1986 г. за океаном скандал «Ирангейт» подталкивал американцев к более твердой позиции в общем плане, что сказалось, в частности, в отходе от договоренностей в Рейкьявике по поводу ОСВ-2. Теперь, по мнению М.С. Горбачева, для повышения рейтинга среди будущих избирателей, а главное «в угоду правым, военно-промышленному комплексу» администрация Президента США Рейгана «могла пойти на авантюры»⁹.

Все это побудило советское руководство кардинально усилить давление на иранцев, чтобы остановить ирано-иракский конфликт, кото-

рый грозил Советскому Союзу непредсказуемыми последствиями и в случае победы Ирана, и в случае столкновения последнего с США. В январе 1987 г. ЦК КПСС соответствующим постановлением одобрил представленные министром иностранных дел СССР Э.А. Шеварнадзе, председателем КГБ СССР В.М. Чебриковым, министром обороны СССР С.Л. Соколовым, заведующим Международным отделом ЦК КПСС А.Ф. Добрыниным соображения о развитии ситуации в ирано-иракском конфликте и линии СССР в этой связи и обязал МИД СССР, МО СССР, КГБ СССР, МО ЦК КПСС, ГКЭС СССР руководствоваться ими в своих практических действиях¹⁰.

В этом постановлении указывалось, что «до недавнего времени, когда в ирано-иракском конфликте сохранялось примерное равновесие, и ни одна из сторон не могла рассчитывать на победу, продолжение войны при всех своих негативных сторонах не затрагивало непосредственную безопасность СССР. Более того, война с Ираком отвлекала Иран от афганского направления, и это было своеобразным плюсом для военно-политической ситуации в ДРА и вокруг нее. <...> Однако в новой обстановке, когда Ираку стало все труднее противостоять давлению Ирана и он может потерпеть поражение, разрастание конфликта способно привести к невыгодному для Советского Союза развитию событий, затронув интересы СССР, в том числе и интересы безопасности, как в международном, так и в региональном плане».

Поясняя, что имеется в виду, советским руководством выделялись следующие основные угрозы. Во-первых, в случае дальнейшего ухудшения ситуации возрастала реальная возможность вмешательства США в конфликт своими вооруженными силами, в том числе «под предлогом защиты монархических режимов в странах Персидского залива от «исламской революции»». При этом американцы могли рассчитывать на получение от правительств этих стран обращений о прямой помощи или инспирировать такие обращения. Это создало бы новый осложняющий момент в советско-американских отношениях и на международной арене. Во-вторых, победный для Ирана исход войны в определенной степени мог бы привести к «наращиванию его вмешательства во внутренние дела Афганистана».

В-третьих, поражение Ирака, с которым СССР имел Договор о дружбе и сотрудничестве, сказалось бы на престиже Советского

Союза в арабском мире. В случае утверждения у власти в Ираке проиранских сил отношения Ирака с Советским Союзом были бы, скорее всего, пересмотрены в сторону большего дистанцирования. По мнению советского руководства, такой исход ирано-иракской войны был бы сопряжен с «усилением позиции воинствующего панисламизма, с расширением практических действий Ирана по дестабилизации внутренней обстановки как в арабских, так и других странах, навязыванием им «иранской модели» развития». Не исключалась и «возможность активизации деятельности антисоветской направленности со стороны Ирана и поддерживаемых им мусульманских экстремистских группировок в регионе».

С учетом изложенного в записке ЦК рекомендовалось среди прочего «не меняя по существу линию СССР, исходящую из его долговременных интересов как в Ираке, так и в Иране и в регионе в целом»:

«в свете вскрывшихся фактов американо-иранских контактов и поставок американского оружия Ирану («Ирангейт») настораживать иранское руководство в отношении планов США вернуть Иран в орбиту своего влияния и помешать процессу налаживания советско-иранских отношений»;

«не отклоняя тенденций с иранской стороны к улучшению отношений с СССР и осуществлению собственных акций в этом духе, соизмерять наши шаги по развитию советско-иранских отношений с позитивными изменениями в позиции Ирана по вопросу войны с Ираком и по афганским делам»;

«активизировать контакты со странами Западной Европы с целью поиска общих подходов к конфликту, а возможно и совместных параллельных политических акций ООН и на других уровнях»¹¹.

20 июля 1987 г. вышла резолюция СБ ООН № 598, требовавшая немедленного прекращения огня. Три западные страны – США, Великобритания и Франция – настаивали на введении обязательного эмбарго на поставки оружия в отношении любой страны, не желавшей принять соглашение о прекращении огня, то есть, по сути, Ирана. Советский Союз и Китай отклонили это предложение. За этим стояло их нежелание загонять Иран в угол, отказываться от взаимовыгодных с ним отношений в экономической и военно-технической областях. Однако в рамках советско-иранских политических консультаций,

которые продолжались вплоть до середины февраля 1988 г., советской стороне так и не удалось убедить руководство ИРИ отказаться от линии на «войну до победного конца»¹².

Американцы не решались пойти на широкую эскалацию вооруженного конфликта с Ираном и принудить его к миру из-за возможного столкновения с СССР (который помогал обеим воюющим сторонам). Последний, в свою очередь, не мог перекрыть ирано-афганскую границу, ставшую к тому моменту основным «окном» на границе с ДРА для передачи помощи (в том числе и американской) афганской оппозиции. Было очевидно, что требовалось скоординированное давление сверхдержав на Иран в ирано-иракском и афганском конфликтах одновременно. И, в конце концов, оно началось параллельно с реальным продвижением к договоренностям по сокращению вооружений и Афганистану.

В начале декабря 1987 г. в Вашингтоне в ходе советско-американской встречи на высшем уровне, где был подписан бессрочный Договор о ликвидации ракет средней и малой дальности (РСМД), генсек ЦК КПСС Горбачев заявил американскому президенту Рейгану, что «по Афганистану в рамках комиссии Кордовеса существует принципиальное согласие о невмешательстве и гарантиях со стороны США и СССР, невмешательстве Пакистана, и было бы хорошо, если бы в списке числился и Иран», так как «если мы¹³ переждем в Ираке, то они могут чем-то ответить в Афганистане»¹⁴. Тем не менее, советский лидер выразил надежду, что «Существующее сходство американских и советских интересов на этот счет должно помочь найти взаимоприемлемые подходы»¹⁵.

В итоге, ИРИ оказалась в той или иной степени неудобной обеим сверхдержavam. Их попытки «умиротворения» ее агрессивной политики путем налаживания более тесных военно-технических и экономических связей провалились. Ко всему прочему, в то время СССР и США начали предпринимать активные дипломатические шаги, направленные на разрешение имевших место между двумя системами базовых противоречий. Дальнейшее балансирование между сверхдержавами за счет биполярного соперничества, как это имело место ранее, было теперь для ИРИ задачей трудновыполнимой – единственной его надеждой оставался Китай.

Тогда США решили использовать любой повод, чтобы провести демонстрацию силы и вынудить Китай отступить, а Иран капитулировать. Время для нее было выбрано на редкость удачное – 14 апреля 1988 г., когда во Дворце наций в Женеве был подписан пакет соглашений по Афганистану. Расчет делался на то, что этими договоренностями СССР вряд ли стал бы рисковать.

И действительно, американо-иранская конфронтация к тому моменту была в определенной степени выгодна Советскому Союзу. Как было сказано в отправленной через месяц записке Политбюро в ЦК КПСС по этому вопросу, на это имелись две причины. Первая состояла в том, что «Советский Союз, решая вопрос о выводе своих войск из Афганистана, не поступаетя интересами своих афганских друзей», так как «Пакистан связан Женевскими соглашениями и не может теперь переправлять американское оружие в Афганистан, не нарушая своих обязательств. Через Иран, с которым у американцев развивается конфронтация, это тоже будет затруднительно»¹⁶. Второй причиной была возможность совместного с США, а значит более эффективного давления на Иран, так как «иранцы в качестве метода «решения» афганской проблемы предлагали не больше и не меньше, как... поставить у власти в Кабуле правительство, составленное из деятелей фундаменталистско-шиитского направления и способное проводить такую же политику, как нынешнее правительство самого Ирана»¹⁷. Естественно, что в таких условиях СССР взял роль посредника между ИРИ и его оппонентами, а де-факто – присоединился к западной коалиции во главе с США, пытавшейся принудить ее к миру в ирано-иракском конфликте и отказу от «экспорта исламской революции».

Итак, 14 апреля 1988 г., в день подписания Женевских соглашений американский фрегат «Сэмюэль Б. Робертс» подорвался на иранской морской mine. В ответ американцами была спланирована военная акция против иранских объектов в Персидском заливе. Названная операцией «Богомол», она была проведена 18 апреля 1988 г. В тот же день иракские силы переняли инициативу, в очередной раз применив химическое оружие и деморализовав иранские войска. Это наступление стало первым в серии четырех, проведенных иракскими войсками с апреля по июль 1988 г., в ходе которых удалось практически полностью освободить территорию Ирака.

Теперь уже не только СССР, но и Китай призвал Иран согласиться на прекращение огня, хотя и осудил американское военное участие и вмешательство в Персидском заливе. Под председательством Китая в СБ ООН Тегеран, наконец, принял резолюцию № 598, и в Женеве начались мирные переговоры.

Вто же время ни сокращение военной помощи Ираку, ни даже заинтересованность в военно-техническом и торгово-экономическом сотрудничестве не стали основной причиной начала относительно стабильного развития отношений двух стран. По словам Хомейни, ею стало решение о выводе войск из Афганистана и «предоставление определенной свободы в совершении религиозных обрядов в некоторых республиках Советского Союза». В своем письме от 4 января 1989 г. имам прямо заявил Горбачеву: «Серьезный подход к исламу, возможно, навсегда избавит Вас от таких проблем, как Афганистан и т.п. Мы не отделяем себя от мусульман всего мира и всегда заботимся об их судьбе». Он также предостерег советское руководство, что ИРИ «как могущественный оплот исламского мира может с легкостью занять вакуум, образовавшийся в идеологической системе» советского общества, если оно не пересмотрит политику своих предшественников¹⁸.

25 февраля 1989 г. в Джамаране (Иран) состоялась встреча Хомейни с Шеварднадзе, привезшим ответное послание Горбачева. Иранский лидер, впервые со времен Исламской революции согласившийся лично встретиться с политиком иной страны, высказался в поддержку «нормализации отношений» между двумя странами, хотя и был «разочарован» формальным подходом генерального секретаря к обсуждавшимся проблемам¹⁹.

Через пару недель после смерти Хомейни, 22 июня того же года, Горбачев и президент ИРИ А. Хашеми-Рафсанджани подписали в Москве несколько документов, декларировавших, что «отношения двух стран вступили в новый этап» и будут теперь развиваться в русле «дружественного сотрудничества»²⁰. Однако на деле развитие экономического и военно-технического сотрудничества с Ираном к полному отказу иранцев от подогревания сепаратистских сил в советских мусульманских республиках, как и ранее, не привело.

В это время СССР взял курс на «односторонний выход» из региональных конфликтов, что, соответственно, дало его противникам,

«односторонние преимущества»²¹. Среди таковых оказался и Иран, который поспешил воспользоваться открывшимися возможностями расширения влияния на территории свободного теперь от советского «ограниченного контингента» Афганистана, а также мусульманских республик СССР, что в дальнейшем негативно повлияло на обстановку в последних²².

Примечания

¹ О начальном периоде отношений Советского Союза с Ираном после победы там 11 февраля 1979 г. «исламской революции» и создания Исламской Республики (ИРИ) см.: Паку М.В. «Исламский фактор» в советско-иранских отношениях (1979 – первая половина 1980-х гг.) // Вестник Московского Университета. Серия 8. История. М.: Издательство Московского университета, 2009. № 6. С. 44–56.

² Показательно, что летом 1986 г., когда иранцы захватили иракский п-ов Фао, практически перекрыв Ираку выход в Персидский залив, советский министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе в беседе с иракским министром иностранных дел Т. Азизом настаивал на том, чтобы иракцы пошли на безусловное перемирие: Iraqi operation to recapture Faao: «we showed the soviets». Fm Newton, Amembassy Baghdad to Secstate Wash. (DC). 19 April 1988. Confidential. // Wikileaks.org. Reference ID: #88BAGHDAD2144. Released 30 August 2011. // <http://wikileaks.org/cable/1988/04/88BAGHDAD2144.html>

³ Чебриков В.М. О всесоюзном совещании руководящего состава органов и войск КГБ СССР. Информация в ЦК КПСС № 1122-Ч от 11 июня 1986 г. С. 6. // Chebrikov's Report on KGB Conference. // NSA. Box 11 (March 1985–1990). Volkogonov collection. R8990.

⁴ См.: Постановление ЦК КПСС № СТ-14/52гс от 4 июля 1986 г. «О специальных радиопередачах на Иран». Л. 4 (Приложение. Записка зам. зав. Отдела пропаганды ЦК КПСС П. Слезко и зам. зав. МО ЦК КПСС Г. Корниенко в ЦК КПСС от 27 июля 1986 г. С. 2). Совершенно секретно. Особая папка. // Vladimir Bukovsky's Soviet Archive. Prepared for electronic publishing by J. Zaks and L. Chernikhov. // Archives of INFO-RUSS Internet site. Baltimore (MD): The Johns Hopkins University, 2005. // <http://psi.ece.jhu.edu/~kaplan/IRUSS/BUK/GBARC/buk.html>

⁵ См.: Постановление ЦК КПСС № П24/54 от 18 августа 1986 г. «Об усилении борьбы с влиянием ислама». Совершенно секретно. Особая папка // Там же.

⁶ Записка зав. Идеологическим отделом ЦК КПСС А. Капто в ЦК КПСС от 7 августа 1990 г. О постановлении ЦК КПСС «Об усилении борьбы с влиянием ислама» (№ П24/54 от 18 августа 1986 г.). 3 л. Совершенно секретно. Особая папка // Там же.

⁷ О «развитии (советско-иранских – М.П.) экономических отношений в более широких масштабах» см.: Иранская революция 1978–1979: Причины и уроки / Под ред. А.З. Арабаджяна. М.: Наука, 1989. С. 444.

⁸ Записка Э.А. Шеварднадзе, В.М. Чебрикова, С.Л. Соколова, А.Ф. Добрынина в ЦК КПСС от 29 декабря 1986 г. // NSA. Box 15 (April 1986–1988). REEADD. R (Unknown).

⁹ О предстоящем пленуме ЦК. Запись А.С. Черняева на заседании Политбюро ЦК 1 декабря 1986 г. // Politburo discussions Chernyaev's notes. /// NSA. Box 11 (March 1985–1990). Volkogonov collection. R2949.

¹⁰ Записка Э.А. Шеварнадзе, В.М. Чебрикова, С.Л. Соколова, А.Ф. Добрынина в ЦК КПСС от 29 декабря 1986 г.

¹¹ Там же.

¹² Записка А.А. Громыко в ЦК КПСС от 10 марта 1988 г. // Там же.

¹³ Имеется в виду Советский Союз.

¹⁴ Из бесед М.С. Горбачева и Р. Рейгана по Афганистану. 9 декабря 1987 г., третья беседа. С. 26–27 // Gorbachev and Reagan on Afghanistan. Memcon. /// NSA. Box 15 (April 1986–1988). REEADD. R13117.

¹⁵ Memcon. Draft. Secret/Sensitive. DECL: OADR. Oval Office, Wash. (DC), 9 December 1987. P. 18. Declassified by NARA: 14 January 2000. // Reagan/Gorbachev. 7–10 December 1987. Wash. (D.C.). /// NSA. Box 15 (April 1986–1988). REEADD. R (Unknown).

¹⁶ Приложение № 8 (Письмо в ЦК КПСС по Афганистану от 10 мая 1988 г.) // *Ляховский А.А.* Трагедия и доблесть Афгана. М.: ГПИ ИСКОНА, 1995. /// http://www.rsva.ru/biblio/prose_af/afgan_tragedy_and_glory/14.shtml#8

¹⁷ Там же.

¹⁸ Послание имама Хомейни М.С. Горбачеву. М.: Официальный сайт Посольства ИРИ в РФ, 2008 // http://www.iranembassy.ru/index_ru.html#top_point

¹⁹ Там же.

²⁰ См. Декларацию о принципах отношений и дружественного сотрудничества между Союзом Советских Социалистических Республик и Исламской Республикой Иран и Долгосрочную программу торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между Союзом Советских Социалистических Республик и Исламской Республикой Иран, на период до 2000 г.

²¹ *Брутенц К.Н.* Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М.: Международные отношения, 2005. С. 452.

²² Самый яркий пример – гражданская война в Таджикистане. О ключевой роли ИРИ в этом конфликте и миссии в Тегеран директора СВР Е.М. Примакова для его разрешения см.: *Примаков Е.М.* Мысли вслух. М.: Российская газета, 2011. С. 82.

А.А. КУРАПОВ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ АСТРАХАНСКОГО ГУБЕРНАТОРА И.С. ТИМИРЯЗЕВА ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ КАЛМЫКОВ В 1830–1840-е гг.

***Kurapov A.A. Activity and offers of Astrakhan
governor Timiryazev on reforming of religious life
of Kalmyk's 1830–1840th***

Аннотация / Annotation

В статье на материалах центральных и региональных архивов анализируется деятельность астраханского губернатора И.С. Тимирязева в 1830-е – 1840-е гг по реализации «Положения об управлении калмыцким народом» 1834 г, регламентирующего религиозную жизнь калмыков, его предложения по проведению миссионерской работы среди приверженцев буддийской конфессии. Приведены служебные записки, фрагменты личной переписки, официальные документы по данной теме.

In the article is analyzed on materials of the central and regional archives is analyzed the theme that is not considered earlier – participation of Astrakhan governor I.S. Timiryazev in 1830–1840th of 19th century in development and realizations of acts regulating a religious life of Kalmyk's. Service records, fragments of personal correspondence, official documents on the given theme are resulted.

Ключевые слова / Keywords

Калмыцкое ханство, Астраханский губернатор, И.С. Тимирязев, религиозные реформы, христианизация, Калмыцкая степь, Комиссия Калмыцких дел, Ламайское духовное правление, буддийская община, архивные фонды. Kalmyk khanate, the Astrakhan governor, I.S. Timiryazev, religious reforms, Kalmyk steppe, The Commission of Kalmyk affairs, Lamas spiritual board, a Buddhist community

Комплексная, всесторонняя оценка значения личности в истории предполагает разносторонний, системный анализ не только его политической деятельности, но и мотивации, эволюции взгляда

дов, подходов к принятию решения. Анализ фондов региональных и центральных архивов позволяет проследить эту эволюцию на материалах внутриведомственной переписки, черновиков, воспоминаний современников. Иван Семенович Тимирязев (1791–1867) – значительная фигура в российской и региональной – астраханской истории – астраханский губернатор в 1834–1844 гг., основатель Астраханского краеведческого музея, публичной библиотеки, первой еженедельной газеты.

И.С. Тимирязев

И.С. Тимирязев родился в дворянской семье, получил домашнее образование. Начал службу юнкером (1807) в лейб-гвардии Егерском полку, переведен в конную гвардию и произведен в корнеты. Участник войны 1812–1814 гг.¹ По окончании ее был назначен адъютантом к цесаревичу Константину Павловичу, при котором состоял до 1819 г., когда в чине полковника вышел в отставку. Принял участие в подавлении польского восстания. За отличие при штурме Варшавы 25–26 августа 1831 г. произведен в генерал-майоры с зачислением в свиту императора².

В 1834 г. И.С. Тимирязев был назначен «исправляющим должность астраханского военного губернатора и управляющим гражданской частью»³. Деятельность его в Астрахани нашла отражение не только в архивных документах и официальных отчетах, но и в воспоминаниях современников, проливающих дополнительный свет на его личность. Ф.И. Тимирязев дал такую характеристику отцу: «...относительно его десятилетнего управления Астраханским краем, оно не носило обычного рутинного характера уже потому, что, с свойственной ему энергией, горячностью и высокою добросовестностью, он весь предался местным интересам и полюбил эти интересы всею душою»⁴. В 1840 г. И.С. Тимирязев был произведен в генерал-лейтенанты, в 1844 г. отчислен от должности, и в 1846 г. уволен в отставку. Причиной ее стали нарекания на деятельность губернатора. Сенатская

ревизия, проведенная князем Г.Г. Гагариным, не подтвердила обвинения. По Высочайшему повелению от 26 октября 1853 г. И.С. Тимирязев был освобожден от всякого взыскания и вновь принят на службу. Став сенатором, последние годы жизни провел в Москве. Среди наград И.С. Тимирязева – ордена св. Владимира 2-й степени, св. Георгия 4-й степени, Белого орла, прусский орден «За заслуги», австрийский Леопольда, баварский Максимилиана и персидский Льва и Солнца⁵.

Важным направлением внутренней политики всех астраханских губернаторов являлось управление Калмыцкой степью – значительной административно-территориальной единицей губернии, обладавшей самобытным национальным укладом, социально-экономическим развитием и особой религиозной ситуацией. Рассмотрим эволюцию положения калмыцкого народа и буддийской общины в XVIII–XIX вв. и предложения И.С. Тимирязева относительно изменения их статуса.

Калмыцкое ханство – кочевое государственное образование, существовавшее на территории Астраханского края с 1650-х гг. по 1771 г. Территорию ханства определяли границы калмыцких кочевий: на севере – по Большому Иргису – до Саратова; на юге – вдоль р. Кумы, по побережью Каспия; на востоке – до Яицкого казачьего и

Гурьева городков; на западе – до междуречья Дона и Маныча. Самые ранние свидетельства о численности населения ханства относятся к 1733 г. По данным российских чиновников в ханстве насчитывалось до 300–320 тыс. чел (65 тыс. кибиток)⁶. Результатом формировавшихся на протяжении XVIII в. политических, административно-территориальных, религиозных противоречий между элитой Калмыцкого ханства и российским правительством становится откочевка в январе 1771 г. значительной части улусов ханства (30909 кибиток – 70% населения) во главе с наместником Убуши на территорию Синьцзянской провинции Китайской империи. Указом Екатерины II от 19 октября 1771 г. Калмыцкое ханство было ликвидировано⁷.

С 1771 г. территории, занимаемые Калмыцким ханством, были подчинены астраханскому губернатору, в улусах, приравненных к уездам, был введен институт приставов, наделенных административной властью, выполнявших надзорные функции. Управление калмыцкими делами было сосредоточено в структурной части Канцелярии астраханского губернатора – Калмыцкой экспедиции, позднее преобразованной в Калмыцкое правление. Административный статус Калмыцкой степи в значительной степени меняется в XIX в. Указом Павла I от 14 октября 1800 г. владелец Малодербетовского улуса Чучей Тундутов был объявлен наместником ханства, наделен традиционными атрибутами власти, при нем был восстановлен суд Зарго, руководствовавшийся местными законами⁸. Именно при Павле I впервые российским правительством был подтвержден высокий статус буддийского духовенства в калмыцком обществе и глава общины получил официальный статус. По указу «О свободном отправлении всех духовных обрядов калмыков» вводилась должность ламы, которым был утвержден наиболее авторитетный калмыцкий священнослужитель – Собин-багша⁹. Указом Александра I от 26 октября 1801 г. права наместника были подтверждены, вместе с тем наместник был подчинен астраханскому военному губернатору, при наместнике была учреждена должность Главного пристава, подчинявшегося Коллегии иностранных дел¹⁰.

Одним из важнейших направлений политики российского правительства в Калмыцкой степи в XIX в. было взаимодействие с буддийской общиной, которая являлась важнейшим институтом калмыцкого общества, активным участником социально-политической

жизни региона. Правительство всячески стремилось регламентировать жизнь общины и уменьшить ее влияние в калмыцком обществе. На протяжении XIX в. статус Калмыцкой степи и положение буддийской общины неоднократно менялись в результате административных реформ российского правительства. Так, по «Правилам для управления калмыцким народом» 1825 г. Калмыцкая степь была подчинена Министерству внутренних дел, которое занималось установкой и изменением организации управления, разделом улусов, финансированием расходов аппарата, назначением Главного пристава, подчинявшегося астраханскому губернатору. Во главе Калмыцкой степи устанавливалась Комиссия Калмыцких дел, возглавляемая астраханским губернатором. Духовенство в лице ламы активно принимало участие в Комиссии Калмыцких дел и национальном суде Зарго, Положение отдельно выделяло духовный суд и определяло его юрисдикцию¹¹.

Стремление учесть административные исторические традиции калмыцкого народа, его социально-экономическое положение, реалии времени приводит правительство к принятию нового нормативного акта. Таковым становится «Положение об управлении калмыцким народом», утвержденное 24 ноября 1834 г., активно реализуемое при участии И.С. Тимирязева, ставшего астраханским губернатором в этом году. Положение вводило самостоятельную систему областного и местного управления, не входившего в губернскую. Астраханский губернатор выступал как представитель МВД, в его Канцелярии учреждался Стол для производства дел, относящихся к калмыцкому народу¹². Положение 1834 г. фиксировало социальную структуру калмыцкого общества, состоявшую из двух сословий: привилегированное (нойоны, зайсанги, духовенство) и сословие простолюдинов. Значительно изменилось положение буддийского духовенства: ламу с 1834 г. утверждал лично император, вводился новый клерикальный орган: «Ламайское духовное правление»¹³.

И.С. Тимирязев становится астраханским губернатором в начале действия нового Положения, реализация которого вызывала нарекания и обращения губернатора в Министерство внутренних дел с проектами реформирования, в частности и статуса буддийской общины. Рассмотрим деятельность и предложения И.С. Тимирязева по этому вопросу.

В 1830-е гг. Министерство внутренних дел активизировало формирование штатов сотрудников, специализировавшихся на работе с приволжскими калмыками. Анализ интенсивности данной работы показал, что существовавшая к тому времени система подготовки штатов не оправдала себя – существовавшую на Аптекарском острове в Санкт-Петербурге Медицинскую школу, готовившую в том числе и переводчиков с калмыцкого, было решено закрыть в 1836 г. В связи с этим из Департамента исполнительной полиции МВД на имя астраханского губернатора 18 августа 1936 г. поступило предложение разработать проект создания в Астрахани специализированного калмыцкого училища¹⁴. В ответ И.С. Тимирязев и Совет управления Калмыцкого народа к ноябрю 1836 г. подготовили проект устава калмыцкого училища. Определяя целью училища распространение в калмыцком народе русского языка и подготовку штатов для калмыцкого управления, разработанный устав определял и особенности внутренней жизни училища. Обращает на себя внимание особая роль, отводившаяся буддийскому духовенству и буддийской идеологии в системе образовательных курсов.

По планам губернатора в штат училища необходимо было ввести преподавателя буддийского вероисповедания, которым мог стать один из буддийских священнослужителей-гелюнгов Ламайского духовного правления, назначенный ламой. Кроме того, на время буддийских праздников, вводился особый режим посещения учащимися занятий¹⁵. Предложенный вариант в значительной степени отличался от общей вероисповедной политики правительства России по отношению к буддизму вообще и к калмыцкому буддизму в частности. Данная редакция устава фактически приравнивала буддизм к православиям. Обращает на себя внимание и особая роль, отводившаяся Ламайскому духовному правлению, которое определяло преподавателя буддийского вероисповедания. Подобное расхождение общегосударственной и региональной вероисповедной политики сразу обратило на себя внимание Министерства народного просвещения, подвергнувшего проект устава резкой критике. В рецензии на проект чиновники министерства определяли предложение как «странное и несвоевременное».

Введение в перечень предметов наряду с преподаванием Закона Божьего – буддийского вероучения на национальной окраине импе-

рии рассматривалось как опасный нонсенс и участие буддийского священнослужителя предлагалось ограничить только проведением обрядов¹⁶. Результатом межведомственной переписки становится новый проект устава, разработанный главным попечителем калмыцкого народа к 1 ноября 1841 г. Предложенный проект стал правовой основой существования калмыцкого училища, открытого при здании управления Калмыцкого народа в Астрахани. Пять параграфов устава оговаривали участие в учебном и воспитательном процессе гелюнга, назначенного ламой. По уставу гелюнг дополнял штат вспомогательного персонала, являясь комнатным надзирателем и помощником преподавателя училища. Функции гелюнга сводились к обучению детей калмыцкому языку, кроме того, обязательным требованием к священнослужителю было хорошее знание русского языка для общения с чиновничеством и культурной интеграции воспитанников пансиона¹⁷.

Губернатор И.С. Тимирязев выразил свое мнение и по поводу миссионерской деятельности православной церкви среди калмыков. В своем рапорте министру Д.М. Блудову о положении калмыцкого народа от 5 марта 1836 г. губернатор отмечал приверженность калмыков буддизму и значительный авторитет духовенства в обществе¹⁸. Губернатор подчеркивал тесную связь духовенства и светской аристократии, обвиняя монашескую общину в преследовании личной экономической выгоды и в скрытом противодействии российскому государству. Несмотря на общую негативную характеристику калмыцкого общества, И.С. Тимирязев отвергал насильственную и агрессивную христианизацию. По мнению губернатора для принятия христианства калмыками потребуются десятки лет, для чего государству нужно коренным образом изменить быт калмыцкого народа, учредить калмыцкое училище¹⁹. Показателен сам вывод губернатора, к тому времени хорошо разбиравшегося в социально-политической и социо-культурной ситуации, сложившейся в Калмыцкой степи. Примечательно, что И.С. Тимирязев настаивал и на общем изменении тактики миссионерской работы. По мнению губернатора, проповедники должны изучать калмыцкий язык и основы буддийского вероучения: «...дабы каждый миссионер мог бы выставить преимущество учения христианского перед язычеством»²⁰.

Наличие механизма регулирования жизни буддийской общины в виде бюрократического аппарата Ламайского духовного правле-

ния позволило региональным властям реализовать одну из главных целей политики регламентации внутренней жизни Калмыцкой степи – контроль за внутрисловным распределением финансовых потоков. По предложению И.С. Тимирязева с 12 января 1837 г. Ламайское духовное правление начало сбор сведений о приношении храмам и духовенству. В обязанности казначеев калмыцких хурулов вменялось ведение оформленных по требованиям российской бюрократической системы того времени приходно-расходных книг с ежегодной отчетностью. С 23 января 1837 г. предоставление ежегодной отчетности решением губернатора становится обязательным для исполнения во всех буддийских монастырях Калмыцкой степи²¹.

Новым шагом к включению буддийской общины в систему Российской бюрократической системы становится разработанная И.С. Тимирязевым система наделения духовенства индивидуальными удостоверениями по аналогии с православным духовенством²². Смысл этого нововведения можно расценивать двояко. Главной задачей разработанного документа было ограничение правовой самостоятельности буддийской общины. Статус духовенства, дававший право на значительные привилегии в калмыцком обществе, находившийся в юрисдикции общины, с 26 февраля 1837 г. становится частью юрисдикции российского бюрократического аппарата. Немаловажной причиной обостренного внимания российского чиновничества к буддийским традициям принятия сана, функционирования отдельных монастырей, штату малых и больших хурулов было стремление регламентировать, а в дальнейшем значительно сократить численность калмыцкого духовенства. Обращает на себя внимание сама формулировка экстренно разработанного свидетельства для буддийского духовенства. В тексте одновременно присутствуют и Святая Троица и Далай-лама²³. Заверялось свидетельство печатью российского чиновника – «казенной печатью».

К деятельности И.С. Тимирязева по регламентации жизни калмыцкой буддийской общины относится участие в разработке законодательства 1847 г. «Положение об управлении калмыцким народом» было принято уже после отставки И.С. Тимирязева. Но общий ход подготовки подобных законодательных актов и ссылки на предложения губернатора в документах Российского государственного исторического архива свидетельствуют об активном участии губернатора в

его подготовке. Остановимся на регламентации религиозной жизни калмыцкого народа по Положению 1847 г. Роль астраханского губернатора в решении в том числе и религиозных дел значительно усиливалась, упразднялся национальный суд Зорго – в котором активное участие принимали и духовные лица. Приволжским калмыкам предоставлялась свобода вероисповедания, но упразднялось Ламайское духовное правление, не оправдавшее надежд по консолидации духовенства, верховная власть передавалась в руки ламы, кандидатуру которого предлагал губернатору Главный попечитель калмыцкого народа. Утверждал кандидатуру ламы лично император. Кроме ламы вопросы численности духовенства, количества хурулов, расследование уголовных преступлений духовенства возлагалось на Палату государственных имуществ. Определялся штат буддийского духовенства – 1489 чел.²⁴

Впродолжение характеристики истоков Положения 1847 г. необходимо проанализировать т.н. «Предложения астраханского военного губернатора» – письмо И.С. Тимирязева ламе калмыцкого народа Джамбо-бакши Габунг Намкиеву от 28 мая 1838 г. Данный документ, сохранившийся в фонде «Ламайского духовного правления» Национального архива Республики Калмыкия, хорошо характеризует как позицию самого губернатора, так и позицию российского чиновничества относительно буддийского духовенства. Обращает на себя внимание сама подача текста, содержащего планы по сокращению штата духовенства и количества монастырей. Губернатор ссылается на аудиенцию, на которой присутствовал лама и обсуждался наиболее важный вопрос о сокращении духовенства. Лама представлен в качестве союзника в проведении реформ и исполнителя распоряжений губернатора²⁵.

Письмо содержит также аргументацию в отношении необходимости сокращения штатов буддийского духовенства. Одним из основных аргументов, который привел И.С. Тимирязев, и будет приводиться в переписке российского чиновничества на протяжении всего XIX в., стал аргумент о финансовых злоупотреблениях в среде буддийского духовенства, о высокой стоимости религиозных ритуалов для простого народа. В качестве примера губернатор приводил дело о разорении гелюнгами владельцев административных частей Калмыцкой степи – Яндыковского, Икицохуровского улусов – Церен-Убуши

и Церен-Арши²⁶. Необходимо отметить, что приводимые И.С. Тимирязевым примеры в целом характерны для калмыцкой традиции – при серьезном заболевании представители аристократии и простолюдины действительно жертвовали монастырям скот и эти пожертвования могли быть весьма значительными. Вторым аргументом И.С. Тимирязева стало обвинение буддийской общины в возросшей политической активности – «...пишут разным калмыкам жалобы, вовлекают их в тяжбы и избирают их за труды»²⁷. Необходимо отметить, что в повседневной жизни Калмыцкой степи XIX в., при наличии небольшой прослойки грамотного населения, буддийские монахи выступали переводчиками, секретарями, делопроизводителями для владельцев и простолюдинов.

Еще одним веским, по мнению губернатора, аргументом стало сравнение положения калмыцкого духовенства с положением духовенства в других конфессиях – «...ни в одном народе разных исповеданий нет такой огромной массы духовенства»²⁸. Аргументация предвзяла предложения губернатора по реформированию калмыцкой буддийской общины. Основным лейтмотивом этих предложений становятся сокращение численности духовенства и строгая централизация общины. Руководствуясь этой «...мерю действительной надобности» И.С. Тимирязев предложил ламе рассмотреть вопрос о сокращении штатов в два раза, оставить в духовном звании лиц, имеющих положительные рекомендации у местной аристократии²⁹. Впервые губернатор предложил регламентировать внутреннюю жизнь монастырей – монахи не должны были отлучаться из хурулов (монастырей), вмешиваться в светские дела, влиять на население. За нарушение этого нового устава монастыря нес ответственность настоятель³⁰.

«Предложения астраханского военного губернатора» содержат еще два программных заявления, на реализацию которых будут направлены усилия российского чиновничества в последующие годы. Губернатор предложил сократить количество больших улусных хурулов до одного при ставке. Мотивацией этого предложения вновь становится аналогия с положением других концессий – «...у нас в России каждый губернский город имеет по одному главному собору»³¹. Вместе с тем настоящей причиной предлагаемого упразднения больших хурулов, кроме общего сокращения духовенства, становится

стремление уменьшить политическое влияние общины. Из числа багшей – настоятелей больших хурулов выбиралась кандидатура ламы, они же активно участвовали в социально-политической жизни улусов Калмыцкой степи. Упразднение хурулов предлагалось сопровождать упразднением должности багши, а следовательно сокращением участников политического процесса в регионе со стороны буддийской общины.

Кроме того, обращает на себя внимание предложение И.С. Тимирязева, затрагивавшее одну из основных задач российского правительства в Калмыцкой степи – вопрос перевода населения к оседлости. Отход от кочевого скотоводства, кочевого способа ведения хозяйства, быта рассматривался правительством как основной способ ассимиляции калмыцкого народа. Методы решения этой проблемы были разнообразны – от ассимиляции светской элиты, до внедрения новых методов ведения хозяйства, распространения земледелия. И.С. Тимирязев в 1838 г. предложил новое направление приведения к оседлости – через создание сети оседлых монастырей, как притягательных для населения центров духовной культуры. Тем самым губернатор дополнительно мотивировал необходимость сокращения штата малых монастырей. По его мнению, сосредоточение хурулов в улусных ставках в перспективе приведет население к стремлению селиться вблизи от крупных религиозных центров³².

По мнению О.М. Юштина – секретаря Астраханской духовной консистории, автора брошюры «Обзор мероприятий к распространению христианства между калмыками», предложения И.С. Тимирязева 1838 г. стали реакцией на обращение правительства к вопросу о численности духовенства. О.М. Юштин приводит сведения о докладе министра государственных имуществ П.Д. Киселева Николаю I, в котором было обращено внимание на «большое число духовных лиц в калмыцком народе». Результатом доклада стали рекомендации астраханскому губернатору И.С. Тимирязеву о необходимости поиска путей для сокращения штатов в тесном контакте с ламой калмыцкого народа³³.

Вследствие проводившейся Николаем I в 1830-е гг. политики по военизации государственного аппарата основным источником формирования губернаторского корпуса было высшее офицерство. Вместе с тем, участие военных губернаторов в жизни отдельных реги-

онов России было значительным и определяло внутреннюю политику на долгие годы. Астраханский военный губернатор И.С. Тимирязев сыграл большую роль в жизни региона. Участие его в регламентации жизни буддийской общины приволжских калмыков – тема, не раскрывавшаяся ранее в отечественной историографии. Обзор неопубликованных источников показал, что губернатор И.С. Тимирязев принимал активное участие в регламентации социально-политического статуса буддийской общины приволжских калмыков.

Тема российских религиозных реформ XIX в. в отношении буддийской общины приволжских калмыков сложна для изучения, поскольку требует не только привлечения многочисленных материалов региональных и федеральных архивов, но и анализа биографии основных участников этих реформ, многие из которых, как И.С. Тимирязев, принимали участие в них, руководя региональными органами власти. Именно инициатива, мотивация региональных чиновников во многом определяли политику России на национальных окраинах.

Примечания

- 1 Тимирязев Иван Семенович // Русский биографический словарь. СПб., 1919. С. 519.
- 2 Там же. С. 520.
- 3 Садовничий А.А., Баутин В.М., Дручек А.А. Жизнь и деятельность К.А. Тимирязева. Биографический очерк // Тимирязев К.А. Жизнь растения. М., 2006. С. 519.
- 4 Тимирязев Ф.И. Страницы прошлого // Русский архив. 1884. Кн. 1. Вып. 2. С. 319.
- 5 Тимирязев Иван Семенович // Русский биографический словарь. СПб., 1919. С. 520.
- 6 Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2007. С. 195.
- 7 Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань, 1922. С. 76.
- 8 Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. 26. СПб., 1830. С. 340.
- 9 Там же. С. 341.
- 10 Там же. С. 808.
- 11 Там же. Т. 40. СПб., 1830. С. 158–159.
- 12 Там же. Т. 10. СПб., 1836. С. 19.
- 13 Там же. С. 27.
- 14 Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 237. Л. 1 об.
- 15 Там же. Л. 28 об.
- 16 Там же. Л. 90.
- 17 Там же. Л. 163.
- 18 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 114. Д. 5. Л. 70.
- 19 Там же. Л. 71.

- 20 Там же. Л. 76.
- 21 Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. И-42. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.
- 22 НАРК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.
- 23 Там же. Л. 3.
- 24 ПСЗРИ. Т. 22. СПб., 1848. С. 364–365.
- 25 НАРК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.
- 26 Там же. Л. 3 об.
- 27 Там же. Л. 3.
- 28 Там же. Л. 6 об.
- 29 Там же. Л. 5.
- 30 Там же. Л. 6.
- 31 Там же. Л. 8 об.
- 32 Там же. Л. 9 об.
- 33 *Юштин О.М.* Обзорение мероприятий правительства к распространению христианства между калмыками. Астрахань, 1883. С. 31.

В.В. ЛОБАНОВ

СУДЬБА «АРХИЕПИСКОПА» МАТФИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА

***Lobanov V. V. Destiny of «Archbishop» Matthias
on materials of the investigation case***

Аннотация / Annotation

Статья освещает неизвестные страницы биографии одного из лидеров «обновленческого» раскола «архиепископа» Матфия (Бережного). Материалы его следственного дела свидетельствуют об общем кризисе обновленческого движения в начале 1930-х гг.

The article is devoted to the unknown page of biography of one of leaders of the «renovation» «archbishop» Matthias (Berezhnyi). The materials of his investigation case indicate an overall crisis renovations movement of the early 1930th.

Ключевые слова / Keywords

«Архиепископ» Матфий (Бережный), Русская Православная Церковь, «обновленческий» раскол, следственное дело, политические репрессии. «Archbishop» Matthias (Berezhnyi), Russian Orthodox Church, «renovation», investigation case, political repression.

Одним из последствий революционных потрясений XX в. стал так называемый «обновленческий» раскол в Русской Православной Церкви. Возникнув при непосредственном участии каратель-

ных органов на волне кампании по изъятию церковных ценностей (май 1922 г.), это разделение по замыслу партийных идеологов должно было разрушить РПЦ изнутри. Заявляя о необходимости обновления церковной жизни в соответствии с новыми социальными и политическими реалиями, реформаторы грубо искажали канонические нормы и вековые духовные традиции, стремились примирить христианство с коммунистической идеологией¹. По разным причинам – страх репрессий, дезориентация в сложной внутрицерковной обстановке, стремление к личной выгоде, и только в последнюю очередь идейные соображения – к расколу примкнули ряд епископов и значительная часть белого духовенства, на своем лжесоборе (1923 г.) отстранив от церковной власти законно избранного патриарха Тихона², находившегося в этот период в изоляции в ожидании суда.

Однако внутривнутриполитическая обстановка быстро менялась, вскоре начался период «религиозного нэпа», когда в тактических целях большевистское руководство уменьшило нажим на Церковь. Был освобожден патриарх Тихон, который предпринял серьезные шаги по борьбе с церковным разделением; многие из уклонившихся в раскол принесли покаяние, вернувшись в патриаршую Церковь. С этого момента начинается постепенное угасание обновленческого движения, лишенное властной поддержки оно вскоре оказалось в состоянии глубокого внутреннего кризиса, а с конца 1920-х гг. «обновленцы» подвергаются тем же гонениям, что и другие религиозные конфессии и течения.

Судьбы представителей обновленческого духовенства после 1925 г., когда состоялся II обновленческий собор, окончательно показавший невозможность воссоединения «обновленцев» с «тихоновцами», сложились по-разному: кто-то был расстрелян по приговору суда или умер в лагерях, кто-то сумел пережить эпоху «большого террора» и даже Великую Отечественную войну, чьи-то следы теряются в середине 1930-х гг.

К числу последних относится и «архиепископ» Матфей (Бережний)³, чье следственное дело, в числе других дел жертв политического террора, было передано в конце 1990-х – начале 2000-х гг. архивом УФСБ РФ по Москве и Московской области в Государственный архив Российской Федерации. Содержащиеся в нем данные позволяют существенно уточнить и дополнить имеющиеся в нашем распоряжении

сведения об этом обновленческом иерархе, которые на сегодняшний день очень скудны.

Так, краткая справка о нем содержится лишь в «Каталоге русских архиереев-обновленцев» митрополита Мануила (Лемешевского). Согласно ему «архиепископ» Омский Матфий (Бережной), год рождения не указан, женат, «имеет низшее образование», в прошлом сельский учитель. Обновленческая хиротония состоялась в 1924 г. в г. Киеве. Указано, что за пьянство и скандалы запрещался в священнослужении. Некоторое время (1926 г.) был викарием Воронежской епархии, до 1929 г. управлял Омской епархией, 1 октября 1929 г. возведен в сан архиепископа, а 7 апреля 1931 г. уволен на покой. Дальнейших сведений не имеется⁴. Отсутствуют и комментарии из базы данных Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, а также взятые из других источников, дополняющие многие словарные статьи в современном издании каталога митрополита Мануила.

Материалы следственного дела дают намного более подробную и точную информацию о Бережном и, кроме того, позволяют проследить его дальнейшую судьбу. Из анкеты арестованного можно узнать, что Матвей Семенович Бережный родился в 1884 г., в слободе Петровка Павловского района Центрально-Черноземной области⁵. На момент ареста проживал в селе Медведково Мытищинского района Московской области. Перечислен состав семьи: жена, дочь и трое сыновей. С 1914 г. священник⁶, а с 1923 г. – архиепископ обновленческой ориентации. На момент ареста – без определенных занятий. С 1915 по 1918 г. находился в плену в Германии. В 1925 г. осужден Особым совещанием при коллегии ОГПУ на 3 года концлагеря. Вновь арестован 27 февраля 1933 г.⁷

Из допросов обвиняемого и свидетелей также следует, что М.С. Бережный закончил Воронежскую духовную семинарию и в 1928 г. Московскую духовную академию (обновленческую). Действительно был обновленческим архиепископом в Омске в 1929-1930 гг., а весной-летом 1932 г. служил и проповедовал в соборе г. Орехово-Зуево⁸. Предыдущий срок отбывал в Соловецком лагере⁹.

Как мы видим, сведения из следственного дела о периодах служения «архиепископа» Матфия и времени обновленческой хиротонии отчасти не совпадают с данными митрополита Мануила (Лемешевского) и нуждаются в дальнейшем уточнении.

Какие же преступления инкриминировались обновленческому иерарху? Согласно обвинительному заключению, «архиепископ» Матфий летом 1932 г. прибыл в г. Орехово-Зуево для руководства приходами на территории бывшего Орехово-Зуевского округа¹⁰. «Ознакомившись со своей “работой”, БЕРЕЖНЫЙ начал заниматься к[онтр]р[еволюционной] агитацией среди верующих и попов, при каждом случае высказываясь против коллективизации с[ельского] х[озяйства] и развития тяжелой индустрии. <...> Вследствие систематической и совершенно открытой к[онтр]р[еволюционной] агитации БЕРЕЖНОГО к нему начали относиться подозрительно руководители церковной жизни – митрополиты ВИТАЛИЙ и МИХАИЛ¹¹, на почве чего между ними возникла склока. В результате этого БЕРЕЖНЫЙ из Орехово-Зуева переехал в Москву, где познакомился с руководителем Коопбюро Наркомзема – АЛЕКСЕЕВОЙ (чл. ВКП (б)), которой и был принят на должность директора совхоза «Коллективист» в Мытищинском районе... Директором указанного совхоза БЕРЕЖНЫЙ был с 19 ноября 1932 г. по 15 февраля 1933 г., одновременно поддерживая связь с попами Орехово-Зуева и Москвы»¹².

Таким образом, «архиепископ» Матфий обвинялся в систематической контрреволюционной агитации, а также злостной бесхозяйственности, которая нанесла крупный материальный ущерб совхозу «Коллективист», то есть в преступлениях, предусмотренных статьями 58/10 и 128 Уголовного кодекса.

По первому пункту обвинений следствие опиралось на показания свидетелей-обновленцев – двух священников и дьякона, которые единодушно характеризовали Бережного как «антисоветского человека», в своих проповедях и личных беседах неоднократно позволявшего себе выпады против советской власти. Так, священник А.А. Акципетров¹³ утверждал, что в июле 1932 г., во время обеда в церковной сторожке, в присутствии верующих Бережный говорил: «Колхозы кроме рабства кр[естья]нам ничего не дают, они их закабаляют, кр[естья]нин свободно вздохнуть не может». В другой раз по поводу выполнения пятилетнего плана М.С. Бережный якобы заявлял: «Соввласть иностранцам очки втирает своим пятилетним планом, он фактически провалился...». Одновременно, Акципетров обвиняет «архиепископа» Матфия в спе-

куляции церковными свечами, которые тот, со слов свидетеля, заставлял приобретать по завышенным ценам подчиненное ему духовенство¹⁴.

Священник В.Ф. Протопопов¹⁵ также сообщает об антисоветских взглядах Бережного, якобы предрекавшего через 2–3 года в СССР такой же кризис перепроизводства, как на Западе. Кроме того, Бережный, согласно показаниям Протопопова, не стеснясь в выражениях, характеризовал высший орган обновленческой церковной власти – Священный Синод. «Это продажная проститутка. Продали церковь и ведут ее к гибели. Церковью управляет не Синод, а ГПУ. Синод только одна ширма»¹⁶.

И, наконец, диакон Н.П. Михайлов¹⁷ на допросе, в частности, утверждал, что, по словам Бережного, советская власть держится только на народной темноте и «сколько бы Соввласть не закрывала церквей, а задушить... религию – ей не удастся, потому что мы пока еще живы и этого не допустим»¹⁸.

Несмотря на то, что большинство цитат соответствуют реальному положению вещей, вряд ли стоит доверять такого рода свидетелям. Как часто тогда бывало, их показания, скорее всего, даны под давлением следствия. Сам «архиепископ» Матфей обвинения в контрреволюционной агитации категорически отрицает, называя себя сторонником коллективизации и других мероприятий советской власти и выражая желание активно работать на благо СССР¹⁹. И, действительно, «систематическая, совершенно открытая антисоветская агитация», упомянутая в обвинительном заключении и в которой его изобличают «свидетели», давно бы привела «архиепископа» в места заключения. Особенно трудно поверить, чтобы Бережный позволял себе такое, уже побывав на Соловках, будучи осужденным за «контрреволюционную деятельность». Кроме того, обновленчество всегда отличалось исключительной лояльностью по отношению к советской власти.

Трудно судить, имело ли основания обвинение в злобной бесхозяйственности. Бережный подтверждает, что несколько месяцев был директором совхоза и сообщает, в частности, следующее: «я принял 4 лошади, 12 коров, 202 курицы, 42 свиньи. При сдаче же мною совхоза – в нем было в наличии: 1 лошадь (одна издохла и две прирезаны по случаю отсутствия кормов), 9 коров, 135 курей, свиней же совер-

шенно не осталось, т.к. из них 4 издохли, 9 зарезаны и 29 проданы». Согласно объяснению «архиепископа», такое сокращение численности скота, связано с нехваткой кормов, которыми совхоз на момент его вступления в должность обеспечен не был²⁰. Так или иначе, этих показаний следствию оказалось достаточно, чтобы сформулировать обвинение.

Так как согласно обвинительному заключению, «контрреволюционная деятельность Бережного полностью установлена», дело было передано на рассмотрение судебной тройки, которая постановила заключить Бережного Михаила Семеновича в исправительно-трудовой лагерь сроком на три года, считая срок с 27 марта 1933 г.²¹ Любопытно, что в выписке из протокола заседания тройки статья о злостной бесхозяйственности не фигурирует. Скорее всего, она была сочтена малозначительной, и обвинений в контрреволюционной агитации оказалось вполне достаточно для завершения дела. Приговор может показаться относительно мягким, но надо учитывать, что речь идет о начале 1930-х гг. и эпоха беспрецедентных политических репрессий еще впереди.

Такова внешняя канва событий. Однако изучение материалов следствия позволяет сделать выводы не только о методах его ведения, но и в целом о состоянии обновленчества в этот период. Еще функционировали обновленческие приходы, однако общее положение обновленцев было уже весьма плачевным. Об этом свидетельствует хотя бы то, что обновленческий архиепископ, по-видимому, испытывающий серьезные материальные проблемы, вынужден посвятить себя деятельности, мало соответствующей столь высокому «сану». Одновременно показательны для характеристики нравственного облика Бережного его слова об обстоятельствах приема на работу: «...Алексеевой я сказал, что являюсь служителем религиозного культа, но намерен это дело бросить и получить работу по советской линии»²².

Такое стремление было характерно для многих обновленцев. Так, Бережный сообщает, что, уже будучи заведующим совхозом, два раза ездил в Орехово-Зуево, где встречался с председателем тройки Орехово-Зуевского собора С.Е. Казаковым, священником того же собора В.А. Горским, священником В.Ф. Протопоповым (один из «свидетелей» по делу) и протодиаконном А. Мельниковым. Причина

поездки была весьма прозаичной – с Казаковым Бережный договаривался о продаже своих облачений. При этом Мельников и Горский расспрашивали, как он живет, причем последний просился в совоз сторожем. «Все они определенно мне завидовали», – замечает «архиепископ»²³.

Одновременно, отрицая обвинения в свой адрес со стороны следствия, М.С. Бережный стремится заверить ОГПУ в своей полной лояльности, заявляя, что не только не желал и не делал, а даже и не мыслил принести вред советской власти...²⁴

Подобный сервиллизм был также вполне типичен для обновленческого духовенства, а очень многие были и осведомителями карательных органов, что, тем не менее, не спасало их от репрессий. Дальнейшая судьба «архиепископа» Матфия неизвестна, не исключено, что его жизненный путь закончился трагически. Очень скоро, к концу Великой Отечественной войны, потерпит окончательное поражение и само обновленчество, закрыв тем самым одну из самых трагических страниц в истории Русской Церкви XX столетия.

Примечания

¹ Об «обновленческом расколе см.: *Левитин А.Э., Шавров В.М.* Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996; *Шкаровский М.В.* Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. СПб., 1999; «Обновленческий» раскол. (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики) / Сост. И.В. Соловьев. М., 2002; *Головушкин Д.А.* Обновленческое движение в Русской Православной церкви в 1905-1925 гг. Дис. ...канд. ист. наук. Ярославль, 2002; *Roslof, Edward.* Red Priests: Renovation, Russian Orthodoxy and Revolution, 1905–1946, Bloomington: Indiana University Press, 2002 и др.

² Тихон (Беллавин Василий Иванович; 1865–1925) – Патриарх Московский и всея России. Родился в семье священника. Окончил Торопецкое духовное училище (1878), Псковскую духовную семинарию (1884), Санкт-Петербургскую Духовную академию (1888). Занимал ряд епископских кафедр. В 1917 г. избран архиепископом Московским и Коломенским. Митрополит (1917). 5 (18) ноября 1917 г. Поместным собором Православной Российской Церкви избран и наречен Патриархом Московским и всея России. Неоднократно заключался под домашний арест (1918–1923). С мая 1922 г. находился под следствием в ожидании суда. Освобожден 27 июня 1923 г. В последние годы жизни предпринимал значительные усилия для борьбы с обновленческим расколом и легализации Высшего Церковного Управления. Скончался 7 апреля 1925 г. в день праздника Благовещения Пресвятой Богородицы. 9 октября 1989 г. Архиерейским собором Русской Православной Церкви причислен к лику святых.

³ Встречается также написание Матфей или Матвей. Фамилия часто искажена – Бережной или *Бережнов*.

⁴ Мануил (Лемешевский), митрополит. Каталог русских архиереев-обновленцев. (Материал для «Словаря русских архиереев-обновленцев (1922–1944 гг.) // «Обновленческий» раскол. (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). М., 2002. С. 817–818.

⁵ Воронежская губерния.

⁶ Возможно, священником Бережный стал раньше, так как дата – 1914 г. связана с его ответом на вопрос анкеты о роде занятий с начала Первой мировой войны до Февральской революции.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-342. Л. 3–4. Очень краткие сведения о М.С. Бережном на основании данных следственного дела (год и место рождения, где проживал на момент ареста) можно найти в Книге памяти Московской области. Также в Книге памяти Томской области содержатся сведения о Бережном Игнатию Семеновиче, 1894 г.р. Судя по месту рождения, это, вероятно, брат М.С. Бережного, арестованный 5 ноября 1932 г. по обвинению в членстве в контрреволюционной анархической организации. Приговор – 2 года. Реабилитирован в 1989 г. См.: База данных «Жертвы политического террора в СССР» (компакт-диск; 4 изд.). М., 2007.

⁸ Сам приход был староцерковническим, однако обновленцам было выделено место и имущество (ЦИАМ. Ф. 2303. Д. 20. Л. 282).

⁹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-342. Л. 5 об, 8 об, 10 об, 12 об–13.

¹⁰ Орехово-Зуевский округ – административно-территориальная единица на территории Московской области, существовавшая в 1929–1930 гг. Упразднен 30 июля 1930 г.

¹¹ Имеются в виду: Виталий (Введенский Владимир Лаврентьевич) – с мая 1930 г. председатель обновленческого Священного Синода, с 1935 – первоиерарх так называемых Православных (обновленческих) церквей в СССР. Михаил (Князьевский) – с ноября 1929 г. управляющий Орехово-Зуевским викариатством в «сане» митрополита Смоленского, с мая 1933 – обновленческий митрополит Московский и Московской области.

¹² ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-342. Л. 17–18.

¹³ Акипетров Александр Алексеевич, ок. 1871 г. р., обновленческий священник. В 1941 г. осужден «за введение в заблуждение органов». Материалы следственного дела изобличают его как секретного сотрудника ОГПУ (ГАРФ. Ф. 10035. Д. П-9729).

¹⁴ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-342. Л. 9–9 об.

¹⁵ Протопопов Виталий Федорович, 1900 г. р., обновленческий священник.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-342. Л. 11.

¹⁷ Михайлов Николай Павлович, ок. 1888 г. р., обновленческий диакон.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-342. Л. 13.

¹⁹ Там же. Л. 15 об–16 об.

²⁰ Там же. Л. 6 об.

²¹ Там же. Л. 20.

²² Там же. Л. 6.

²³ Там же. Л. 7–7 об.

²⁴ Там же. Л. 16 об.

С.А. ИВАНУШКИНА, П.С. КАБЫТОВ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.В. ГОЛЬМСТЕН ПО СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ. 1919–1929 гг.

*Ivanushkina S.A., Kabytov P.S. Golmsten's activity
on preservation historical and a cultural heritage
of the Samara province. 1919–1929*

Аннотация / Annotation

В статье анализируется самарский период жизни ученого, археолога Веры Владимировны Гольмстен, отмечен ее вклад в качестве директора двух музеев, а также выявлена ее роль в сохранении историко-культурного наследия региона.

The article analyzes the Samara period in the life of the scientist and archeologist Vera Golmsten. The article recognizes V. Golmsten's contribution as the director of two museums and identifies her role in preserving historical and cultural legacy of the region.

Ключевые слова/ Keywords:

Вера Владимировна Гольмстен, губернский музей, общество археологии, истории, этнографии и естествознания, музей, музейные коллекции, археология. V.V. Golmsten, provincial museum, the society of archeology, history, ethnography and natural science, museum, museum collections, archeology.

Огромный вклад в формирование музейного фонда Самарского края, особенно его этнографической коллекции внесла Вера Владимировна Гольмстен (1880–1942)¹. Под ее руководством в 1920–1930-е гг. было организовано десять археологических экспедиций по территории губернии. Открыто свыше 1 200 археологических памятников различных эпох от палеолита до средневековья. Найденные в ходе раскопок артефакты впоследствии становились экспонатами музея Самарского общества археологии, истории, этнографии и естествознания (далее – СОАИЭ).

Вера Владимировна Гольмстен, археолог, доктор исторических наук, исследователь древнейшей истории Урала и Поволжья, принадлежала к той категории ученых, которые думали не только о выживании в чрезвычайно тяжелых обстоятельствах, но и о сохранении

сокровищ русской культуры, спасении от уничтожения памятников археологии и этнографии.

Период с 1919 по 1929 г. связан для В.В. Гольмстен с Самарой. Она приехала сюда по приглашению Самарского губернского отдела народного образования летом 1919 г. и работала в течение 10 лет². Она читала лекции по археологии в Самарском университете, а с 1922 г. руководила одновременно двумя музеями: Самарским губернским и музеем Общества археологии, истории, этнографии и естествознания.

В.В. Гольмстен

На заседании Комитета по заведованию Самарским губернским музеем в сентябре 1919 г. В.В. Гольмстен обратилась с прошением о предоставлении ей должности заведующего историко-археологическим отделом музея. Принимая во внимание, что претендентов на эту должность не было, Гольмстен была «кооптирована в члены Комитета»³.

25 мая 1920 г. на общем собрании Общества археологии, истории и этнографии⁴ было заслушано заявление о том, что Вера Владимировна Гольмстен «была приглашена руководительницей по устройству выставки по Туркестану». За отсутствием средств выставка не состоялась, но «за это время у общества из разных пожертвований получился большой музей и библиотека» и Гольмстен предложили занять должность заведующей библиотекой и музеем общества⁵. 6 июня 1920 года В.В. Гольмстен была единогласно принята в члены Общества археологии, истории и этнографии⁶, которое было основано по инициативе преподавателей историко-филологического факультета и членов Самарского археологического общества. Члены общества планировали начать «исследование, изучение, собирание и сохранение памятников древности, старины и искусства края с точки зрения археологии, истории, этнографии и смежных с ним наук»⁷. Кроме того, в задачи СОАИЭ входило открытие музеев, организация выставок, научных и популярных лекций, издание научных трудов, организация отделений⁸.

В отчетах, написанных В.В. Гольмстен, содержится обширная информация о работе, проделанной членами археологической комиссии, выпускниками высших этнолого-археологических курсов СОАИЭ. В 1922–1923 гг. Гольмстен прочитала лекции по курсу археологии в Самарском университете, сделала доклад на конференции Археологического общества на тему «Результаты археологических исследований на Самарской Луке летом 1922 г.». Она же составила отчет для Главмузея об археологических исследованиях в Самарской губернии в 1921–1922 гг. Кроме того, она занималась систематизацией и подготовкой экспозиций в музее Археологического общества на основе материала, собранного летними экспедициями и экскурсиями⁹.

В феврале 1921 г. В.В. Гольмстен избрали ученым секретарем вновь образованной Музейной коллегии по заведованию Самарским губернским музеем. Под ее руководством с 1921 г. по 1923 г. была проведена инвентаризация материалов в фондах Губернского музея, которая предусматривала составление инвентарных книг, описей музейных экспонатов¹⁰.

В.В. Гольмстен уделяла большое внимание систематизации коллекций, так как материалы музея Общества АИЭ «представляли собой весьма разнородное собрание», которое необходимо было привести в «определенную систему»¹¹. В 1921 г. В.В. Гольмстен инициировала обмен экспонатами между Губернским музеем и музеем Общества археологии, истории и этнографии. Из художественного отдела Губернского музея Общество получило значительное количество картин и предметов западноевропейского прикладного искусства, главным образом фарфора. Губернский музей передал Обществу археологические и этнографические коллекции¹².

После сокращения штатного состава губмузея уже в феврале 1922 г. В.В. Гольмстен стала заведовать в губернском музее историко-археологическим отделом. 14 октября 1922 г. А.С. Башкиров подал заявление об освобождении его от должности заведующего Губернским музеем и от должности директора музея. Эти вакансии были заняты В.В. Гольмстен¹³. Таким образом, до конца 1920-х гг. В.В. Гольмстен совмещала должности директора Губернским музеем и заведующего музеем Общества археологии, истории, этнографии и естествознания.

В 1920-е гг. по инициативе В.В. Гольмстен возникли филиалы Губернского музея: Военный музей (1922)¹⁴, «Аксаковская комната» (1922), Криминальный музей (1923), «Старая Самара» (1923), Историко-революционный (1924)¹⁵. Тогда же Гольмстен вела работы по созданию в Губернском музее отдела краеведения. «Музей учитывал, – писала в отчете Гольмстен, – то большое значение, которое придается теперь краеведению, приступил теперь к выделению имеющегося у него материала краеведческого характера и собиранию недостающего»¹⁶.

В 1925 г. Гольмстен обратилась в Российский Исторический музей с просьбой передать музею Общества археологии, истории, этнографии и естествознания «материалы из запасного фонда, а также материалы двадцати погребений из раскопок профессора В.А. Городцова в Самарской губернии в 1925 г.»¹⁷. Эта передача артефактов была зафиксирована актом от 5 мая 1925 г. В музей Общества АИЭиЕ поступили предметы «из числа дублетов, имеющихся в Государственном Российском Историческом музее» в количестве 39 номеров¹⁸.

Параллельно с музейной работой В.В. Гольмстен руководила археологическими исследованиями, которые проводились в Самарской губернии с 1921 г.

В 1921–1922 гг. Самарская губерния оказалась в эпицентре голода. В Среднем Поволжье возник острый дефицит хлеба. Внутренние ресурсы губернии были исчерпаны.

26 апреля 1921 года В.В. Гольмстен получила открытый лист на право производства археологических исследований и раскопок в районе бассейна р. Самары¹⁹. Она прилагала много усилий, чтобы начатое в 1921 г. по инициативе ее учителя, известного ученого В.А. Городцова археологическое обследование губернии не прерывалось. «Восточный отряд под руководством В.В. Гольмстен проводил разведочные работы с 1 июля по 5 августа»²⁰.

В 1922 г. было создано Центральное Бюро Краеведения при Российской Академии наук. В.В. Гольмстен была избрана в состав ЦБК в 1924 г.²¹ В том же году она получила «Открытый лист № 47» на право производства археологических раскопок на территории Самарской губернии и на территории Самары – стоянка Постников овраг²².

Проведение археологических экспедиций в условиях экстремальной ситуации – голода, было делом чрезвычайно трудным. «В По-

волжье свирепствовал голод и эпидемии; не было карт, и опрос исключался ввиду редкости населения, что увеличивало работу по объезду местности»²³. Крестьяне продавали на базарах предметы быта, представляющие научную ценность. Коллегия Самарского губернского музея обратилась «в Губкомпомголод с просьбой выдать некоторое количество муки, в обмен на которую можно было бы получить у голодающего населения предметы, необходимые для образования систематических коллекций этнографии местного края»²⁴. Губкомпомголод выделил 40 пудов муки, из них, по отчету Гольмстен, было израсходовано 37 пудов 31 фунт. Наибольшее количество приобретено предметов чувашской коллекции – 91 №№ из них: одежды и украшений – 41, сельского хозяйства – 15, домашнего быта – 30, производств и промыслов – 7, верований – 5. В отчете В.В. Гольмстен писала: «большинство предметов поражают своим архаическим видом и свидетельствуют о крайней примитивности культуры, исключением являются вышивки, украшающие одежду, которые отличаются как сложностью композиции, так и точностью выполнения»²⁵. Тогда же были приобретены артефакты «татарской культуры – 18 №№, преимущественно одежда и украшения; мордвы – 9 №№; малороссов – 4 №№ и великороссов – 2 №№». Всего – 131 №№. Весь собранный материал был описан и систематизирован.

В 1922 г. во вновь образованную Комиссию по сбору этнографического материала вошли профессор П.А. Преображенский, член общества археологии, истории и этнографии – П.Н. Ефимов и В.В. Гольмстен – заведующая историко-археологическим отделом Губернского музея.

В 1922 г. проводилось обследование территории Самарской Луки. Выбор этого района Самарской губернии Гольмстен обосновывала тем, что в научной литературе отсутствовали сведения об «археологических памятниках». К тому же Самарская Лука находилась вблизи от Самары, что «являлось важным аргументом в связи с отсутствием средств на экспедицию»²⁶.

Согласно составленному плану летних работ 1923 г., в июне археологические исследования проводились на территории южной части Самарского уезда и северной части Пугачевского. Эти исследования стали основой для составления археологической карты, «на которой нанесено до 500 курганов и четыре стоянки бронзовой эпохи, от-

крытые на Бергах р. Иргиза»²⁷. В.В. Гольмстен также сообщала, что «весь материал, собранный экскурсиями, поступает в музей общества Археологии, где доступен для осмотра»²⁸.

В августе 1923 года В.В. Гольмстен вместе со слушателями археологических курсов провела раскопки на территории Бугурусланского уезда. Здесь «было вскрыто 8 курганов с погребениями различных культур»²⁹.

Научную значимость сохраняет описание обнаруженных погребений, составленное В.В. Гольмстен. Итоги этих работ освещались на страницах губернской газеты «Коммуна»: «Древнейшими из обследованных были погребения насельников Самарского края, живших здесь в III тысячелетии до нашей эры... Умерших своих, – комментировала В.В. Гольмстен, – они хоронили в скорченном положении, связывая: представление о смерти со сном, веря в очистительную силу огня, они посыпали покойников красной краской – символизация огня. Эта культура «курганов со скорченными и окрашенными костяками имела широкое распространение: в то время, в начале бронзовой эпохи, носители этой культуры населяли всю южную половину зап[адной] Европы и юг России, а наши места были восточной окраиной территории занятой ими»³⁰.

Погребения второго типа относились к «железной эпохе» и были обнаружены «в больших грунтовых ямах, на подстилке из кошмы и цветной ткани; женщин хоронили с украшениями... Черепа найденных костяков оказались сильно деформированными, что указывает на обычай уродовать формы головы, путем наложения особой твердой повязки»³¹. Данные захоронения относились «ко времени переселения народов, когда через наши степи катились одна за другой волны народов, переселявшихся из Азии в Европу. Один из этих народов задержался на время в теперешней Самарской губернии и оставил, как памятники своего пребывания здесь курганы, насыпанные над могилами своих умерших»³².

Материалы, полученные в ходе экспедиции членов СОАИЭ, имели огромное научное значение для изучения истории Самарского края, народностей, населявших территорию губернии, кочевников, проходивших через степные районы Поволжья в Азию. Экспедиции Гольмстен открывали новые возможности для изучения древностей Самарского края.

В ноябре 1923 года в периодической печати появилась статья В.В. Гольмстен «Музей общества археологии, истории и этнографии»³³, в которой она отмечает, что за четыре года своего существования члены СОАИЭ уделяли большое внимание созданию своего музея, формированию коллекции. Ценные собрания музейного фонда СОАИЭ, по мнению В.В. Гольмстен, составляли предметы бронзовой эпохи «преимущественно по древнему и современному быту (первобытная культура и этнография)»³⁴, обнаруженные при проведении летних археологических работ. Кроме того, в музее имелась «большая коллекция по каменному периоду Сибири»³⁵, что особенно важно при сравнении с находками самарских археологов того же времени. Интересными собраниями были представлены предметы скифской культуры и более поздними – болгарского царства, древнефинской и татарской культур. Этнографический отдел музея состоял из двух отделов: мусульманского Востока (Персия, Средняя Азия) и Буддийского Востока (Индия, Китай, Япония). Особую ценность, как считала Гольмстен, имела коллекция по культуре Египта³⁶.

В архивных источниках сохранилось 35 газетных статей, опубликованных В.В. Гольмстен в период с июня 1923 г. по февраль 1925 г. Значительное место отводилось теме исследования Самарского края: «К исследованию местного края»³⁷, «Наука и техника. Археологические раскопки в Самарской губернии»³⁸, «Раскопки в Бутурусланском уезде»³⁹, «200 000 лет тому назад»⁴⁰, «Из прошлого Самарской Луки»⁴¹, «Калмыки в Самарской губернии»⁴², «Чуваши и монголы»⁴³, «Старая Самара»⁴⁴, «Как заселялась Самарская губерния»⁴⁵, «Как заселялись наши степи»⁴⁶, «Из прошлого мордвы»⁴⁷, «Пугачевщина в Самарском крае»⁴⁸, «Что говорят забытые могилы»⁴⁹, «Серная гора»⁵⁰, «Село Усолье на Самарской Луке»⁵¹, «Культура и искусство. Царев курган»⁵², «Крепость Белый Яр»⁵³.

Часть статей была посвящена итогам археологических экспедиций⁵⁴. «Наука и техника. Новое в русской археологии», 4 публикации «В Обществе Археологии», «Немогенез проф. Берга», «Четырехлетие Высших этнолого-археологических курсов», «Экскурсия в Москву», «Наука и техника. Новое в самарской археологии».

В 1920-е гг. в своих статьях В.В. Гольмстен стала ярким пропагандистом идеи сохранения в музейных коллекциях памятников народной культуры. Музееведческая тематика находилась в прямой связи

с тенденциями развития науки и музейного дела⁵⁵. «Музей общества археологии, истории и этнографии», «Самарские музеи», «Историко-революционный музей», две статьи под заголовком «Губернский научный музей», «Используйте музеи», «Новое в Губмузее», «Экскурсии в музей», «Самарский музей революции».

В 1923 г. в «Известиях Самарского университета» была опубликована статья Веры Владимировны «Хронологическое значение эволюции древних форм». Затем, в середине 1920-х гг. вышли в свет несколько работ по древнейшей истории Самарского края: «Археологические памятники Самарской губернии», «Доисторическое прошлое Самарского края» и другие⁵⁶.

В.В. Гольмстен описала систему регистрации, систематизации, экспонирования музейных собраний. За годы работы в качестве заведующего двух музеев, будучи заместителем председателя Общества АИЭИ, непосредственно участвуя в археологических экспедициях как ученый, она считала своей обязанностью вести научную обработку музейного материала, предметов, найденных в ходе археологических экспедиций. В этой связи стал издаваться «Бюллетень Общества археологии, истории, этнографии и естествознания». В 1925 г. в нем появились три статьи В.В. Гольмстен: «Общество археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском государственном университете: История и деятельность», «Материалы по археологии Самарской губернии. 1. Древнеямное погребение», «Материалы по археологии Самарской губернии. 2. Керамика древних мест поселений Самарской Луки». В том же 1925 г. выходит «Краеведческий сборник». В нем Гольмстен опубликовала статью «Древний охотник Самарского края».

В «Бюллетене...» за 1926 г. вышла в свет статья Гольмстен «Музей Общества археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском государственном университете». И наконец в «Бюллетене...» за 1928 г. напечатана статья «Материалы по археологии Самарской губернии. 3. Некоторые типы погребений бронзовой эпохи»⁵⁷.

Со второй половины 1920-х гг. четко наметился процесс идеологизации краеведения, как и других отраслей отечественной науки. К началу 1930-х гг. были ликвидированы областные общества, занимавшиеся изучением местного края. Создавались областные бюро краеведения, как новый орган советской власти. «В 1929 г.

Самарское Общество археологии, истории, этнографии и естествознания было реорганизовано в «Самарское окружное краеведческое общество». Организацию краеведческих обществ возглавило Областное Бюро Краеведения, в которое вошли П.А. Преображенский, К.И. Каргер, С.В. Сохацкий, А.А. Стакан»⁵⁸. В.В. Гольмстен в состав нового общества не вошла.

В архивных материалах сохранился приказ № 14 от 21 сентября 1929 г.: «Согласно личного заявления зав. Облмузеем т. Гольмстен Вера Владимировна от занимаемой должности освобождена с 20 сентября с.г.... Основание: выписка из заседания Облоно № 84 от 9/IX – 1929 г.»⁵⁹

Таким образом, с отъездом Веры Владимировны Гольмстен закончилась целая эпоха в истории самарского краеведения и музейного строительства. Археологические находки сделанные в ходе экспедиций по Самарской губернии, обогатили науку подлинными памятниками древности. Успехи, достигнутые в области археологии положили начало археологическим и этнографическим коллекциям самарских музеев.

Среди учеников Гольмстен – известные советские археологи А.И. Треножкин, А.А. Марущенко, К.В. Сальников. С 1930 г. Вера Владимировна работала в Государственной академии истории материальной культуры и Эрмитаже. Умерла во время блокады в 1942 г. в Ленинграде.

Примечания

¹ Кузьминых С.В. Вера Владимировна Гольмстен: материалы биографии / С.В. Кузьминых, И.Е. Сафонов Д.А. Сташенков. Самара: ООО «Офорт», 2007. С. 6.

² Кузьминых С.В. Указ. соч. С. 115.

³ Научный архив Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина (НА СОИКМ им. П.В. Алабина). Ф. IV. Оп. 5. Д. 75. Л. 29.

⁴ С 1922 г. именуемое Самарское общество археологии, истории, этнографии и естествознания.

⁵ НА СОИКМ. Ф. XI. Оп. 1. Д. 12. Л. 45.

⁶ Там же. Ф. XI. Оп. 1. Д. 12. Л. 39.

⁷ Центральный Государственный Архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.

⁸ Там же. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

⁹ Отчет о состоянии педагогического факультета Самарского государственного университета за 1922–23 учебный год. С. 9.

¹⁰ НА СОИКМ им. П.В. Алабина. Ф. V. Оп. 4. Д. 1. Л. 1–141.

11 Гольмстен В.В. Музей Общества АИЭиЕ при СГУ // Бюллетень Общества Археологии, Истории, Этнографии и Естествознания при Сам. гос. ун-те. 1926. № 4. 1 марта. С. 1.

12 Там же. С. 1–2.

13 НА СОИКМ им. П.В. Алабина. Ф. IV. Оп. 1. Д. 17. Л. 62.

14 Там же.

15 Там же. Ф. IV. Оп. 1. Д. 17. Л. 46.

16 В Губмузее // Коммуна. 1924. 5 февраля.

17 Цит. по статье: *Крайнова Т.В.* Самарское Общество археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском государственном университете (1919–1929) // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара, 1995. С. 143–144.

18 НА СОИКМ им. П.В. Алабина. Ф. V. Оп. 1. Д. 84. Л. 101.

19 *Кузьминых С.В.* Указ. соч. С. 22.

20 Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 5; Там же. С. 24–25.

21 *Кузьминых С.В.* Указ. соч. С. 24.

22 Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 5; Указ. соч. С. 32.

23 *Крайнова Т.В.* Указ. соч. С. 141.

24 НА СОИКМ. Ф. V. Оп. 4. Д. 2. Л. 191.

25 Там же.

26 Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 5; Указ. соч. С. 26.

27 К исследованию местного края // Коммуна. 1923. 4 июня.

28 Там же.

29 Наука и техника // Коммуна. 1923. 22 августа.

30 Раскопки в Бугурусланском уезде // Коммуна. 1923. 2 декабря.

31 Наука и техника // Коммуна. 1923. 22 августа.

32 Раскопки в Бугурусланском уезде // Коммуна. 1923. 2 декабря.

33 Музей Общества археологии, истории и этнографии // Коммуна. 1923. 6 ноября.

34 Там же.

35 Там же.

36 Там же.

37 К исследованию местного края // Коммуна. 1923. 4 июня.

38 Наука и техника. Археологические раскопки в Самарской губернии // Коммуна. 1923. 22 августа.

39 Раскопки в Бугурусланском уезде // Коммуна. 1923. 2 декабря.

40 200 000 лет тому назад // Коммуна. 1923. 9 декабря.

41 Из прошлого Самарской Луки // Коммуна. 1923. 30 декабря.

42 Калмыки в Самарской губернии // Коммуна. 1924. 20 января.

43 Чуваши и монголы // Коммуна. 1924. 10 февраля.

44 Старая Самара // Коммуна. 1924. 3 февраля.

45 Как заселялась Самарская губерния // Коммуна. 1924. 17 февраля.

46 Как заселялись наши степи // Коммуна. 1924. 11 марта.

47 Из прошлого мордвы // Коммуна. 1924. 20 марта.

48 Пугачевщина в Самарском крае // Коммуна. 1924. 23 марта.

49 Что говорят забытые могилы // Коммуна. 1924. 6 марта.

50 Серная гора // Коммуна. 1924. 6 апреля.

51 Село Усолье на Самарской Луке // Коммуна. 1924. 16 апреля.

52 Культура и искусство. Царев курган // Коммуна. 1924. 3 июня.

53 Крепость Белый Яр // Коммуна. 1924. 29 июня.

⁵⁴ Наука и техника. Новое в русской археологии // Коммуна. 1923. 4 ноября; В Обществе Археологии // Коммуна. 1923. 4 декабря; Немогенез проф. Берга // Коммуна. 1924. 5 февраля; Четырехлетие Высших этнолого-археологических курсов // Коммуна. 1924. 28 марта; Экскурсия в Москву // Коммуна. 1924. 10 мая; Наука и техника. Новое в самарской археологии // Коммуна. 1924. 19 июля.

⁵⁵ Музей общества археологии, истории и этнографии // Коммуна. 1923. 6 ноября; Самарские музеи // Коммуна. 1923. 30 декабря; Историко-революционный музей // Коммуна. 1924. 12 января; Губернский научный музей // Коммуна. 1924. 29 сентября; Используйте музеи // Коммуна. 1925. 7 января; Новое в Губмузее // Коммуна. 1925. 15 января; Экскурсии в музей // Коммуна. 1925. 3 февраля; Самарский музей революции // Коммуна. 1925. 4 февраля.

⁵⁶ Кузьминых С.В. Указ. соч. С. 154.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Крайнова Т.В. Указ. соч. С. 158.

⁵⁹ НА СОИКМ им. П.В.Алабина. Книга приказов за 1929–1930. Л. 14.

А.В. ГОРДОН

«МЕСТА ПАМЯТИ» ПРОФЕССОРА Е.В. СТАРОСТИНА

***Gordon A.V. “Memorable places”
of professor Starostin E.V.***

Аннотация / Annotation

Статья посвящена вкладу Е.В. Старостина в изучение и публикацию в СССР трудов П.А. Кропоткина о Великой Французской революции 1789 г.

The article is devoted to the involvement of Starostin in the Soviet studies and publications about the works of Kropotkin on the Great French Revolution in 1789.

Ключевые слова / Keywords

Архивная наука, советская историография Франции, Великая Французская революция, Кропоткин П.А., Старостин Е.В. Archive science, Soviet historiography of French, the Great French Revolution, Kropotkin P.A., Starostin E.V.

Евгений Васильевич Старостин был моим ближайшим другом в самом буквальном смысле слова. Между нашими домами расстояние не больше 200 шагов, что, разумеется, облегчало общение, когда мы приступили к тесному сотрудничеству. «Местом памяти» оказалось творчество П.А. Кропоткина. Женя с начала 1960-х гг.

стал интенсивно трудиться над кропоткинской темой. И обращение к последней молодого историка, работавшего над своей кандидатской диссертацией, можно считать, если не научным подвигом, то гражданской позицией ученого, во всяком случае.

К началу историографических исследований Старостина кропоткинская тема была основательно «затоптана» ортодоксами сталинской версии марксизма. Не то что признавать вклад Кропоткина в отечественную историческую науку, возбранялось даже признавать элементарные факты его научной биографии (например, приоритет в изучении левых периода Французской революции). Кропоткина можно было только ругать. Появившаяся на закате «оттепели» статья Старостина «P.A. Kropotkin, historien de la Révolution Française» (Французский ежегодник, 1967)¹ явилась прорывом к объективному изучению творчества Кропоткина-историка и более того – открывала полосу общей «реабилитации» выдающегося русского ученого-мыслителя.

Тогда же, в конце 1960-х гг. началась реализация старостинского проекта издания труда Кропоткина «Великая французская революция», не выходявшего на родине историка около полувека. Евгений Васильевич при подготовке текста провел на основе рукописного наследия Кропоткина тщательную отработку различных вариантов произведения, сличил русское и французское издания (1-е франц. издание: *La Grande Révolution*. Paris, 1909), авторскую и редакторскую правку различных изданий.

Виктор Моисеевич Далин, замечательный советский историк-франковед, курировавший (и протезировавший) реализацию проекта по академической линии, привлек меня для написания примечаний в качестве специалиста по собственно революции (я незадолго защитил кандидатскую диссертацию по якобинской диктатуре). Так произошла наша встреча с Женей, переросшая в многолетнюю дружбу.

Опыт нашего первого сотрудничества оказался на редкость удачным. Работали мы дружно, с полным взаимопониманием, которое поддерживало творческий дух. Немалое значение имело взаимоуважительное отношение в случаях расхождения позиций, а позиции порой серьезно расходились, особенно у меня с Виктором Моисеевичем, ставшим ответственным редактором, автором методологической статьи к книге Кропоткина. Все это отразилось в на-

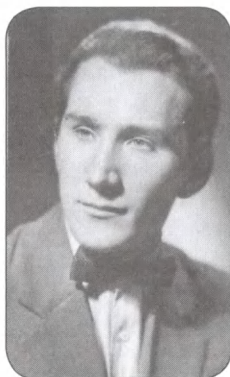
А.В. Гордон и Е.В. Старостин. Приблизительно 2007 г.

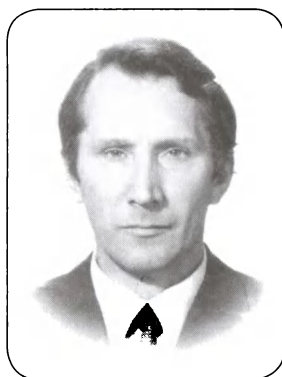
Евгений Старостин – суворовец. 1949 г.

Е.В. Старостин – лейтенант.

Е.В. Старостин – студент МГИАИ. 1960 г.

Е.В. Старостин – доцент МГИАИ. 1976 г.

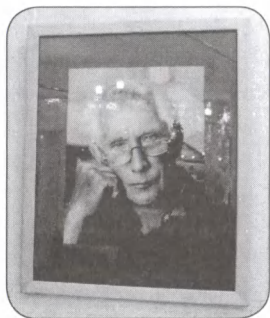
Во дворе МГИАИ. Май 1961 г.

Со студентами МАДИ. 1970 г.

Е.В. Старостин на могиле отца, погибшего в сентябре 1942 г.
Деревня Кривцы под Ржевом. Май 1976 г.

Портрет Е.В. Старостина на выставке его картин в Архиве Российской академии наук.
Сентябрь 2011 г.

Фото
из семейного архива
Старостиных

шем совместном издании. И на пользу делу! Можно сказать, все трое (нужно добавить еще редактора издательства Ю.И. Хаинсон, страстно «болевшую» за наше предприятие и шедшую нам в необходимых случаях навстречу) соперничали в совершенствовании своего вклада в наше коллективное «детище».

Главное, конечно, нас объединяли уважение к самому Кропоткину и убеждение, что его произведение должно быть издано на самом высоком научном уровне и уж абсолютно интегрально, без всяких купюр, вопреки существовавшей тогда практике изъятия одиозных для идеологической линии фрагментов. Получился в итоге монументальный труд, привлекший к творчеству Кропоткина и истории Французской революции многих и многих начинающих исследователей, включая студентов².

Еще одно «место памяти» – еще один кропоткинский проект Е.В. Старостина. Вот как описал историю проекта он сам, когда нашего французского коллегу и друга Сержа Абердама пару лет назад заинтересовала история нашей с Женей совместной работы «Кропоткин читает Жореса: Комментарии П.А. Кропоткина к труду Жана Жореса “Социалистическая история Французской революции”». Она была опубликована в виде статьи в юбилейном двуязычном издании «Великая французская революция и Россия» (1989):

Sacha, il est besoin de te rappeler qu'en preparant pour l'edition le livre Pierre Kropotkine La Grande Revolution Francaise je t'ai parle que celui avait laisse sur les pages des oeuvres J. Jaures beaucoup de notes – (innombrables par leurs qualites) En cette periode nous n'avons pas de temps les etudier de la facon detaillées: d'abord – lire, dechiffrer, traduire, classifier etc. Pierre les ecrivait pour soi, en colere, adregeant, coupant les mots. Ayant ecrit par crayons ces notes fussent pu copier avec d'une grande difficulte. Apres la publication du livre de Kropotkine et a cause de l'approches une Anniversaire de la Revolution, nous nous avons souvenu ce theme oublie (фр.)³.

Могу лишь присовокупить к этому, что вся черновая текстологическая работа всецело легла на плечи, точнее – глаза Жени. И я присоединился лишь на втором этапе, когда надо было соотнести кропоткинские маргиналии с сочинением Жореса и объединить все фрагменты целостным историко-филологическим анализом, чтобы представить сходство и различие двух концепций. Пролив новый и

совершенно неожиданный свет на творчество великих историков-современников, эта наша работа позволила выявить специфичность их подходов к важнейшему для демократической мысли наших стран событию (*événement-fondateur*). Четко обозначились два плана – национального своеобразия политических культур России и Франции и идеологической коллизии парламентского и анархистского направлений международного социалистического движения.

Старостин продолжал работать над кропоткинской темой и в последние десятилетия, но главное его внимание переключилось на архивоведение – методологию архивного дела, подготовку архивистов, описание, систематизацию фондов, издательскую деятельность. Этому и был посвящен наш последний разговор. Женя только что завершил большую работу по архивным фондам Русской Православной Церкви. Мыслилось продолжение, требовалась поддержка, обижало равнодушие церковной бюрократии.

Случилось это на 23 февраля 2011 г. Традиционно я поздравлял Женю с нашим военным праздником. Не только потому, что он закончил суворовское училище. В нем чувствовалась «военная косточка». И я проговорил ему по телефону куплет современной офицерской песни: «Россия нас не жалует ни славой, ни рублем, / Но мы ее последние солдаты. / Должны мы, значит, выстоять, покуда не помрем...».

Женя выстоял.

Примечания

¹ Старостин Е.В. К истории изучения П.А.Кропоткиным Великой Французской революции // Французский ежегодник. 1967. М., 1968. С. 293–303.

² Кропоткин П.А. Великая французская революция 1789–1793 / Примеч. А.В. Гордона, Е.В. Старостина. Ст. В.М. Далина, Е.В. Старостина. М., 1979. 575 с.

³ Саша, необходимо напомнить тебе, что готовя к изданию книгу Петра Кропоткина «Великая Французская революция», я говорил тебе о том, что на страницах произведений Жореса [было] множество пометок (ценность которых трудно переоценить). В тот период мы не имели времени для их подробного изучения: прежде всего, для чтения, расшифровки, перевода, классификации и т.д. Петр [Кропоткин] писал их для себя, в гневе обрывая и сокращая слова. Поскольку эти пометы сделаны карандашом, их копирование представляет собой большую сложность. После публикации книги Кропоткина и в связи с приближением годовщины Революции и мы вспомнили об этой забытой теме (перевод В.Б. Прозоровой).

Н.А. БУРАВЧЕНКО

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

Buravchenko N.A. Chronicle

Аннотация / Annotation

Информационное сообщение о деятельности Федерального архивного агентства и федеральных архивов: беседы, встречи, выставки, российско-финляндское и российско-китайское архивное сотрудничество.

Information about activity of Federal archival agency and federal archives: conversations, meetings, exhibitions, the Russian-Finnish and Russian-Chinese archival cooperation.

Ключевые слова / Keywords

Росархив, архивы, 1150-летие зарождения российской государственности, Венгерский культурный центр, ВНИИДАД, документы, Правительство Российской Федерации, КНР, комиссия, Научно-методического совет (НМС), перечень, семинар, Совет по архивному делу, Татарстан, Финляндия, электронный проект, ЮНЕСКО, Япония, реставрационный ремонт, Росохранкультура, аукционы, Лаборатория микрофильмирования и реставрации документов (ЛМРД) РГАНТД, Международный конгресс архивов. Rosarchiv, archives, the 1150th anniversary of origin of the Russian statehood, the Hungarian cultural center, VNIIDAD, documents, the Government of the Russian Federation, the Peoples Republic of China, the commission, Scientifically-methodical council (NMS), the list, a seminar, Council about archival business, Tatarstan, Finland, the electronic project, UNESCO, Japan, restoration repair, Rosohrankultura, auctions, Laboratory of microfilming and restoration of documents (LMRD) of RGANTD, the International congress of archives.

5 июля 2011 г. Комиссия в составе руководителя федерального архивного агентства А.Н. Артизова, заместителя начальника управления организации и обеспечения деятельности федеральных архивов – начальника отдела финансово-экономической работы и организации государственных закупок Росархива О.Р. Отводной, директора РГА ВМФ С.В. Чернявского, генерального директора ООО «Невисс – Комплекс» А.В. Швирикасова приняла выполненные ЗАО «Ремстройфасад» работы по реставрационному ремонту фасада главного здания Российского государственного архива Военно-Морского Флота (Санкт-Петербург, Миллионная ул., 36).

Все работы по ремонту фасада здания архива, являющегося памятником архитектуры и находящегося под охраной государства, были выполнены в относительно короткий срок и, по мнению специалистов, с исключительно высоким качеством.

9 августа 2011 г. Российскому государственному архиву литературы и искусства, Российскому государственному военному архиву и Государственному архиву Тульской области и.о. руководителя Росохранкультуры В.В. Петраковым были возвращены документы, похищенные из фондов этих архивов. Среди них – автографы высших военачальников СССР, пропажа которых из РГВА была выявлена в 2003 г., рисунки архитектора Я.Г. Чернихова, украденные из РГАЛИ в 2006 г., отдельные документы из фонда «Тульского губернского дворянского депутатского собрания» и др.

Одновременно Росархиву были переданы документы российского происхождения, снятые с зарубежных аукционов, фондовая принадлежность которых нуждается в специальном изучении.

В мероприятии приняли участие заместитель руководителя Росархива В.П. Тарасов, заместитель начальника управления организации архивных услуг Росархива Т.Е. Шабанова.

24 августа 2011 г. заместитель руководителя Росархива В.П. Тарасов и начальник отдела обеспечения сохранности и государственного учета документов Т.Е. Шабанова приняли участие в торжественном заседании, посвященном 75-летию Лаборатории микрофильмирования и реставрации документов (ЛМРД) РГАНТД.

С докладом о состоянии и перспективах развития Лаборатории выступил начальник ЛМРД О.А. Шанин. С приветственным словом к собравшимся обратился заместитель руководителя Росархива В.П. Тарасов, который подчеркнул большой вклад ЛМРД в обеспечение сохранности документов федеральных архивов. В рамках юбилейных мероприятий была подготовлена выставка, посвященная истории и различным направлениям деятельности Лаборатории, издан красочный буклет.

29 августа 2011 г. в Посольстве Финляндии в Москве состоялся семинар «Российско-финляндское архивное сотрудничество. 2001–2011 гг. Перспективы развития». На открытии семинара с приветственным словом выступил Полномочный Министр Посольства Микко Хаутала.

С основными докладами выступили руководитель Федерального архивного агентства А.Н. Артизов и генеральный директор Национального архива Финляндии Юсси Нуортева. Прозвучали доклады директоров РГИА, РГАДА, РГВИА, РГАСПИ, РГВА, РГАВМФ, представителей Национального архива Финляндии.

На семинаре были освещены основные направления сотрудничества российских федеральных архивов с Национальным архивом Финляндии.

30 августа 2011 г. руководитель Федерального архивного агентства А.Н. Артизов принял участие в заседании оргкомитета по подготовке и проведению празднования 1150-летия зарождения российской государственности, прошедшем под председательством заместителя Председателя Правительства Российской Федерации А.Д. Жукова.

На заседании были рассмотрены и одобрены общие подходы к организации празднования 1150-летия зарождения российской государственности.

сти и проект плана основных мероприятий, подготовленные Минкультуры России, а также вопросы международного сотрудничества в организации юбилейных мероприятий.

6–7 сентября 2011 г. в Москве по приглашению Федерального архивного агентства находилась делегация китайских архивистов во главе с заместителем начальника Государственного архивного управления КНР Ли Хепин. Цель приезда – изучение опыта работы государственных архивов с научно-технической документацией, а также опыта их сотрудничества с негосударственными архивными учреждениями. В ходе визита китайские архивисты посетили Российский государственный архив научно-технической документации, Российский государственный архив экономики и компанию «ОСГ Рекордс Менеджмент».

Делегацию принял заместитель руководителя Росархива В.П. Тарасов. Во время состоявшейся беседы стороны обменялись информацией об актуальном состоянии архивного дела в России и Китае, а также обсудили вопросы сотрудничества между архивными учреждениями двух стран.

6–7 сентября 2011 г. заместитель руководителя Федерального архивного агентства О.В. Наумов принял участие и выступил на заседании Научно-методического совета (НМС) архивных учреждений Сибирского федерального округа, проходившего в г. Абакан, Хакасия.

14 сентября 2011 г. состоялась встреча заместителя руководителя Федерального архивного агентства В.П. Тарасова с председателем Всеяпонской ассоциации принудительно интернированных Хидэюки Айдзава. Стороны обсудили вопросы выполнения Российской Федерацией договоренностей по Соглашению между Правительством Японии и Правительством СССР о лицах, находившихся в лагерях для военнопленных от 1991 г. В ходе беседы были также затронуты вопросы о процедуре рассекречивания документов о японских военнопленных и интернированных.

15 сентября 2011 г. в Национальном культурном центре «Казань» (Республика Татарстан, г. Казань) под председательством руководителя Федерального архивного агентства А.Н. Артизова состоялось VII заседание Совета по архивному делу при Федеральном архивном агентстве.

На заседание Совета прибыли руководители уполномоченных органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области архивного дела и архивов из 69 субъектов федерации, Росархива, федеральных архивов, ВНИИДАД, РОИА, организаций, представляющих негосударственный сектор архивного дела в Российской Федерации.

15 сентября 2011 г. под председательством руководителя Росархива, председателя Российского комитета программы ЮНЕСКО «Память мира» А.Н. Артизова в помещении «IT-парка» г. Казани состоялось очередное заседание комитета. В ходе заседания были обсуждены вопросы, связанные с созданием и ведением реестров уникальных памятников документаль-

ного наследия России, план работы Комитета на 2012 г., другие вопросы. На заседании в состав Российского комитета программы ЮНЕСКО «Память мира» включена директор Российского государственного архива литературы и искусства Т.М. Горяева.

15 сентября 2011 г. в Национальном культурном центре «Казань» (Республика Татарстан, г. Казань) состоялось организационное заседание некоммерческого партнерства, в котором приняли участие представители ведущих компаний в области обработки архивных документов: «Айрон Маунтен»; «Делис-архив»; «ОСГ Рекордс Менеджмент»; «ТЭЛОС – Объединенный архив – Архивная служба». В заседании принял участие руководитель Федерального архивного агентства А.Н. Артизов.

15 сентября 2011 г. заместитель руководителя Федерального архивного агентства В.П. Тарасов принял участие в торжественном открытии в Культурном, научном и информационном центре (КНИЦ) Венгерской Республики в Москве фотовыставки «Образы Венгрии», подготовленной Главным архивным управлением г. Москвы и Архивным институтом Культурного, научного и информационного центра Венгерской Республики в Москве.

16 сентября 2011 г. состоялась встреча премьер-министра Республики Татарстан И.Ш. Халикова с руководителем Федерального архивного агентства А.Н. Артизовым, в ходе которой были обсуждены вопросы развития архивного дела в республике.

21–22 сентября 2011 г. в Главархиве Москвы состоялось заседание Научно-методического совета архивных учреждений Центрального федерального округа Российской Федерации.

В работе Совета приняли участие и выступили заместитель руководителя Федерального архивного агентства О.В. Наумов и заместитель начальника Управления организации и обеспечения деятельности федеральных архивов Росархива О.Р. Отводная.

27 сентября 2011 г. в Выставочном зале федеральных государственных архивов (г. Москва, ул. Большая Пироговская, 17) состоялось торжественное открытие историко-документальной выставки «История страны, история архива. К 50-летию Российского государственного архива экономики».

На открытии выступили руководитель Федерального архивного агентства А.Н. Артизов, член Совета Федерации Н.И. Рыжков, директор ИРИ РАН, доктор исторических наук Ю.А. Петров, директор Российского государственного архива экономики Е.А. Тюрина.

28 сентября 2011 г. в Выставочном зале федеральных архивов в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Заневский проспект, д. 36) состоялось открытие историко-документальной выставки «Опыт плена 1914–1918 гг.», подготовленной Российским государственным военно-историческим архивом.

Экспозиция создана в преддверии столетнего юбилея Первой мировой войны 1914–1918 гг. и посвящена отображению образа пленя, сложившегося в коллективной памяти народов, участвовавших в ней.

28–29 сентября 2011 г. заместитель руководителя Федерального архивного агентства В.П. Тарасов принял участие в работе Научно-методического совета (НМС) архивных учреждений Приволжского федерального округа, проходившего в г. Оренбурге.

Состоялась встреча вице-губернатора – заместителя председателя Правительства Оренбургской области по социальной политике П.В. Самсонова с заместителем руководителя Федерального архивного агентства В.П. Тарасовым, в ходе которой были обсуждены вопросы развития архивного дела в области.

29 сентября 2011 г. под председательством руководителя Федерального архивного агентства А.Н. Артизова состоялось заседание коллегии Федерального архивного агентства, на котором были заслушаны информации директора РГИА Дальнего Востока А.А. Торопова об исполнении РГИА Дальнего Востока положений федерального закона от 22.10.2004 № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации», бюджетного законодательства Российской Федерации и начальника отдела международных связей Росархива К.Г. Черненко о XVII Международном конгрессе архивов.

29 сентября 2011 г. Федеральное архивное агентство сообщило, что Высший Арбитражный Суд Российской Федерации своим решением от 06.09.2011 №7889/11 отказал в удовлетворении заявления ОАО «ГМК „Норильский никель“» о признании недействующим приказа Минкультуры России от 25.08.2010 № 558 «Об утверждении Перечня типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков хранения» в части, в которой данным правовым актом на акционерные общества и другие коммерческие организации, которые не подведомственны федеральным органам государственной власти, включая заявителя, возлагаются обязанности по хранению документов, перечисленных в данном Перечне.

Приказ Минкультуры России от 25.08.2010 № 558 «Об утверждении „Перечня типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков хранения“», был зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации 08.09.2010, регистрационный № 18380 и повторно с приложением опубликован в «Бюллетене нормативных актов федеральных органов исполнительной власти». № 38. 19.09.2011.

В.В. БАХТИН

«ВСКРЫТЬ ПРИЧИНЫ, ВЫЗВАВШИЕ ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА К СОЗДАНИЮ ПОДПОЛЬНОЙ ДЕТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ “МСТИТЕЛЬ”»

***Bakhtin V. V.* “To determine the reasons which have caused school children to create the underground children’s organization “Avenger”**

Аннотация / Annotation

В статье на основе архивных документов рассматриваются результаты деятельности комиссии комитета ВКП (б) Центрально-Черноземной области по выявлению причин возникновения детской подпольной организации в городе Ельце.

In article are considered results of the commission activity of All-Union communist party of Bolsheviks committee of the Central Chernozem Region on revealing the reasons of the children's underground organization occurrence in Eletz.

Ключевые слова / Keywords

Архивный документ, молодежь, тоталитаризм, репрессии, сопротивление, комсомол, школа, неформальные группы. Archival document, youth, totalitarianism, reprisals, resistance, Komsomol, school, informal groups.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в СССР возник ряд детских подпольных организаций. В номере 2 журнала «Вестник архивиста» были опубликованы материалы о деятельности двух детских неформальных групп¹. Данная публикация является продолжением этой темы, но отражает реакцию власти на возникновение организации «Мстители».

Данная группа не была фантазией сотрудников ОГПУ–НКВД: она реально существовала и действовала. Она возникла в октябре 1931 г. и просуществовала до начала 1932 г. В состав организации

вошли дети диаметрально противоположных слоев общества: от представителей партийно-хозяйственной номенклатуры до раскулаченных и репрессированных. У пятерых детей родители были коммунистами, занимавшими различные должности от счетовода до члена Елецкого городского совета. 4 «мстителя» были «из бывших»: сыновья раскулаченных, торговцев, владельца сапожной мастерской, «контрреволюционного деятеля, осужденного к высылке на 3 года». Остальные пять человек – двое дети рабочих, двое – дети кустарей сапожников и один – сын служащего.

11 из 14 человек учились в школах и железнодорожном техникуме, остальные трое членов организации нигде не учились. Лидером неформальной группы был сын бывшего торговца А. Шилов. Школьники использовали внешние формы структурированных организаций. Проводились общие собрания, велись протоколы, избирались секретари, определялась повестка дня. На собраниях ими разрешались следующие вопросы: 1. О дисциплине; 2. О строжайшем выполнении всех заданий организации и отдельных поручений руководителя группы Шилова; 3. О расширении деятельности организации; 4. Об увеличении членских взносов и 5. О приеме новых членов.

Были установлены членские билеты, которые в целях конспирации заполнялись на немецком языке. Был избран казначей, который собирал вступительные и членские взносы.

На каждого члена возлагалась обязанность совершать одну кражу в неделю. Средства от взносов и краж планировалось направить на закупку оружия, которое было нужно для мщения всем, кто будет бороться или мешать деятельности организации. Действительно, «мстители» воровали по школам, на базарах и в квартирах граждан. На полученные таким образом средства купили ножи, два поломанных револьвера, одну исправную мелкокалиберную винтовку «Монте-Кристо». А один из участников – Б. Соломатин занимался производством самодельных пистолетов².

Организация «Мститель» находилась еще на стадии оформления. Кроме желания мстить тем, кто мешал их деятельности, никаких программных целей они не выработали. Ребята сами еще не вполне представляли, что получится из их организации. Коллективные нормы и ценности формировались спонтанно, но наблюдалась тенденция к криминализации.

Возникновение детской неформальной группы террористической направленности вызвало серьезное беспокойство среди партийных и комсомольских функционеров. Сам факт ее появления свидетельствовал о глубоком кризисе системы политико-идеологического воспитания. Особую тревогу вызывало активное участие комсомольцев, детей коммунистов в организации и деятельности подпольной группы.

На заседаниях партийных и комсомольских комитетов стали рассматриваться вопросы о неформальных детских организациях. При этом, как свидетельствуют архивные источники, партийные функционеры избегали излишней «шумихи» вокруг них, опасаясь возникновения подобных организаций или героизации членов группы.

Комитет ВКП (б) ЦЧО, пытаясь вскрыть причины появления «Мстителей», направил специальную комиссию в старинный город Елец³, которая фронтально обследовала городские учебные заведения, пионерские и комсомольские организации, культурно-просветительские учреждения.

Главный лейтмотив в отчете комиссии – на местах не выполняются решения вышестоящих органов. В документе неоднократно подчеркивается и акцентируется внимание на неисполнении различных решений. В докладной записке 7 раз упоминаются словосочетания: «не выполнено», «игнорировались», «не приняли». В частности, отмечается невыполнение следующих распорядительных документов – Постановления ЦК ВКП (б) и Обкома ВКП (б) о начальной и средней школе, Елецкого Горкома ВКП (б) о школе, Елецкого РК ВКП (б) от 5 февраля 1932 г. о перестройке руководства пионерской организацией райкомом ВЛКСМ.

Низкая исполнительность чиновников наблюдалась во все исторические эпохи, но данный факт свидетельствует и об отсутствии в начале 1930-х гг. эффективной бюрократической системы, способной оперативно реагировать на запросы власти.

Символом эпохи является интерпретация причин возникновения подпольных групп «засоренностью» педагогических кадров. Действительно, многие педагоги в те годы были выходцами из числа непролетарских слоев общества: духовенства, купечества, дворянства. Коллективизация внесла свои коррективы и «дополнила» учительские кадры «кулацкими элементами» и «лишенцами».

Кроме того, учительство соблюдало определенную резистентность. Школьные работники сохраняли дореволюционные педагогические традиции, не вступали в партию. Автор доклада с горечью писал, что ряд школ города не имеет в своем составе учителей-коммунистов.

Одновременно комиссия обратила внимание на проблему детского досуга. Обкомовские работники прекрасно осознавали, что неорганизованный досуг часто является одной из причин девиантного поведения подростков. Их знакомство с досугом в Ельце привело к формированию убеждения, что он не организован.

Наряду с этим тревогу вызывало и уклонение школ от воспитания дефективных детей. В докладе отмечено: «Вместо того, чтобы детей, испорченных улицей и семьей, взять под особое наблюдение и воспитательное воздействие школы – педагоги и даже заведующие школами всячески стараются сплавить их».

Информация в докладе показывает и негативные стороны повседневности сталинизма, большая часть которых тщательно замалчивалась в советской исторической науке: хулиганство, пьянство педагогов.

Более подробная информация о группе «Мстители» в архивах не обнаружена. Дальнейшая судьба членов организации не известна. В электронной базе «Жертвы политического террора в СССР» сведений о них нет.

Публикуемый документ извлечен из фондов бывшего партийного архива Воронежской области (ныне Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области – ГАОПИВО) и подобран для публикации по темам: молодежные неформальные организации в 1930-е гг.; государственная политика в социальной сфере, образовании; политико-идеологическое воспитание молодежи и педагогических кадров; повседневность советского общества.

В публикуемых источниках сохранены стиль того времени, характерные выражения и аббревиатуры. Орфографические и пунктуационные ошибки исправлены без оговорок.

№ 1

Докладная записка в Бюро обкома ВКП (б) ЦЧО

Поручением Культпропа Обкома ВКП(б) нам ставилась задача – не касаясь самой организации, вскрыть причины, вызвавшие детей школьного возраста к созданию подпольной детской организации «МСТИТЕЛЬ».

Эта трудная задача и без того осложнилась на месте тем, что мы ни в ГорОНО⁴, ни в райкоме ВЛКСМ, ни в горкоме ВКП (б) никакого материала, относящегося к этой организации, не нашли, хотя они и знали об ее существовании.

Следовательно, перед нами встала задача широкого, всестороннего обследования школ и изучения постановки в них работы.

По договоренности с Культпропом⁵ Горкома мы наметили фронтальное обследование школ и изучения постановки в них работы.

Чтобы не создавать шума вокруг организации «Мститель», мы избрали программой обследования – проверку выполнения школами решений ЦК и Обкома ВКП (б) о начальной и средней школе⁶, заострив особое внимание на политико-воспитательной работе школ, пионерорганизаций и комсомола.

Проведенное обследование (бригадами Культпропа и Райкома ВЛКСМ) под нашим руководством показало: хорошие решения Пленума и бюро Горкома ВКП (б) о школе и им же самим в значительной степени не выполнены.

Есть их решение об укреплении партийного и комсомольского руководства школами, между тем это решение остается до настоящего времени невыполненным: ряд школ и по сей день не имеют коммунистов в школе, ни в качестве заведующих, ни общественниками (ФЗС⁷ № 3 и № 7). Вместо того, чтобы за бездеятельность и за безобразную постановку работы в школе снять зав[едующего] школой, Райком переводит его в другую школу (ФЗС № 2 и № 6).

В отношении запрещения посылки в длительные командировки коммунистов-педагогов и руководящих работников органов народного образования и школ – эти решения игнорировались и продолжают игнорироваться самим Райкомом ВКП (б) и Райкомом ВЛКСМ. В момент обследования 10 общественников находятся безвыездно в деревне.

Пионервожатые, помимо посылки их на кампанейские работы, Райкомом ВЛКСМ сменялись за зиму по 4–5 раз.

Все это, вместе взятое, при совершенном отсутствии всякой работы по повышению квалификации обществоведов и пионервожатых привело к тому, что ряд школ в течение всей зимы остался без партийного и комсомольского руководства, а там, где оно было, это руководство было низко по качеству (обществоведы без достаточной марксистско-ленинской подготовки) и фактически не обеспечивало выполнение решений ЦК ВКП (б) о школе.

Не укрепленное в достаточной степени партийно-комсомольское руководство школами, систематически ослабляемое длительными мобилизациями коммунистов и комсомольцев на кампанейские работы, привело к фактической передаче руководства в ряде школ беспартийными и в большинстве старым педагогам, понимающим и сводящим свою роль в школах – только учителю, а не учителю—воспитателю нового поколения, будущих социалистических строителей. Воспитательную же роль они перекладывали на плечи обществоведов и пионервожатых (ФЗУ⁸ № 2, № 4, № 6, № 7).

При нашем посещении этих школ недисциплинированность, озорство, граничащее с хулиганством (драка, воровство, срезание проводов в школе и т.д.), особенно резко бросаются в глаза. При этом характерно отметить, что эти же школы наиболее засорены чуждыми по социальному происхождению и идеологии педагогами. Они же имеют в своем составе лиц, разложившихся в бытовом отношении (пьянство среди педагогов ФЗУ № 2), а поэтому и неудивительно, что как раз школы дают большее количество участников подпольной детской организации «МСТИТЕЛЬ».

Детский досуг как в школе, так и вне школы организован крайне слабо. Несмотря на наличие в городе детского кинотеатра, театра юного зрителя и при наличии в школах кинопередвижек, радиоустановок, школьники предоставлены все-таки улице.

Нам пришлось побывать во всех школах, и мы ни в одной не видели организацию разумного отдыха детей во время перемен. ФЗС № 3 (образцовая школа) только с нашим приездом организовала эту работу, что же касается детского досуга после школы и в выходные дни, то он организован еще хуже. Даже случайная организация отдельными школами коллективных посещений кинотеатра и постановок ТюЗа⁹ сводятся к роли голого развлечения, оставляя совершенно в стороне политико-воспитательное значение театра.

Экскурсии и прогулки практически не имеют места в работе школ. А как результат такой работы школ мы имеем такие факты: 1) учащий-

ся лезвием безопасной бритвы (во время урока) режет товарищу пальто, второму фуражку (ФЗС № 4), 2) один мальчик (во время перемены) грозит раскрытым ножом другому (ФЗС № 1); 3) председатель ДСУ¹⁰ (после уроков) дерется на улице со своим заместителем (ФЗС № 2) и т.д.

Все эти факты проходили на глазах бригад во время обследования и «как весьма обычная история» по заверению зав[едующего(ей)] уч[ебной] частью ФЗС № 4.

Казалось бы, что школы должны усилить воспитательную работу и в особенности среди трудновоспитуемых (дефективных) детей, мы же встречаем со стороны школ совершенное нежелание работать над трудновоспитуемыми. Вместо того, чтобы детей, испорченных улицей и семьей, взять под особое наблюдение и воспитательное воздействие школы – педагоги и даже заведующие школами всячески стараются сплавить их, и при переводе с семестра на семестр – это легко им дается.

В Ельце школы скомплектованы по четным и нечетным семестрам (ФЗС № 1 имеет 1, 3, 5, 7 и т.д., ФЗС № 2–3, 4, 6, 8 семестры). При переводе с семестра на семестр школа, переводя всех лучших учащихся, а трудновоспитуемых под маркой неуспевающих оставляет в этом семестре, а так как в следующей – в этой школе семестры меняются, а ребенок, естественно, передается в другую школу.

Как была поставлена в связи с этим работа пионерорганизации и комсомола? Выше мы видели, как Райком ВЛКСМ «укреплял» пионервожатых в школе, не лучше дело и с руководством повседневной работой пионерорганизации и комсомольских ячеек школ.

5 февраля 1932 г. на бюро райкома РК ВКП (б) вынесено решение о перестройке руководства пионерской организации. Райком ВЛКСМ его не выполнил. Несмотря на четкие директивы, данные в этом решении о перестройке работы Районного Дома ДКО¹¹ и превращении его в методический центр пионерской работы, он до настоящего времени по содержанию своей работы не является массовым детским клубом и фактически никакой методической работы не ведет.

Детская техническая [сельско]-[хозяйственная] станция до сих пор еще не повернулась лицом к родственным себе задачам и не стала действительной базой политехнизации школы в районе.

Театр юного зрителя, наряду с имеющимися достижениями в практической работе, таит в себе опасность – это стремление руководителей превратить ТЮЗ из самостоятельной организации – в профессиональную,

правда, отчасти на этот путь его толкает отсутствие материальной базы, но Райком ВЛКСМ борьбы с этим почти не ведет.

Несмотря на приближение весенне–летнего периода, Райком ВЛКСМ, Райбюро ДКО¹² и ГорОНО не приняли до сего времени надлежащих мер к подготовке мероприятий, обеспечивающих оздоровительную работу пионеров и школьников летом.

Единственно, что можно сказать положительного о работе детских организаций – это сдвиг в деле роста инициативы и творчества детворы в борьбе их за правильную организацию воспитательной работы в школе, за укрепление сознательной дисциплины в школе и выработку пролетарской идеологии в массах детворы. Но это опять относится лишь к отдельным школам и к заслугам отдельных пионервожатых, правильно понимающих и ставящих работу среди детворы (ФЗС №№ 3–5, 7). Что же касается Райкома ВЛКСМ или ГорОНО, эти заслуги приписывать им нельзя.

Еще хуже дело обстоит с руководством пионерорганизаций низовых партийных звеньев (мехзавод¹³, табачная фабрика, кожзавод¹⁴ и др[угие].). Мы расцениваем это положение как явно безобразное.

Таким образом, анализируя положение постановки работы школ в г. Ельце, мы приходим к выводу, что подпольная детская организация «МСТИТЕЛЬ» явилась в результате:

1. Отсутствия правильно поставленной воспитательной и внешкольной работы в школе, усугубляемой частыми перебросками и отрывом единственных коммунистов на кампанейские работы.

2. Значительной засоренности отдельных школ чуждыми по социальному происхождению и идеологии педагогами, понимающими свою роль в школе – только как учителя, а не учителя-воспитателя.

3. Существующей системы перебросок учащихся из школы в школу при семестровых переводах, когда каждая школа испорченного улицей и семьей ребенка под видом неуспевающего переводила в другую школу.

4. Слабого руководства комсомольских организаций и низовых партийных звеньев воспитательной работой в школе, и слабой работы пионерорганизаций.

5. Слабой педагогической квалификации пионервожатых и отсутствия работы по повышению этой квалификации.

6. Решение ЦК ВКП (б) о единоначалии¹⁵ и ответственности заведующих и преподавателей за порученную работу не получило еще действительного отражения в практике работы школ, ГорОНО еще не перестро-

ил работу по осуществлению указаний т[оварища] Сталина руководить школами в новой обстановке по-новому.

Наши практические предложения изложены (в прилагаемом при сем материале). Прочтите резолюцию¹⁶.

30/IV-32 г.

Воронеж.

Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2157. Л. 31–33. Машинопись. Копия.

Примечания

¹ Бахтин В.В. Молодежные неформальные организации Центрального Черноземья в начале 1930-х гг. // Вестник архивиста. 2010. № 2. С. 77–85.

² О Борисе Соломатине в документе имеется информация, что он из семьи раскулаченных. В электронной базе «Жертвы политического террора в СССР», возможно, упоминается его отец – Василий Иванович Соломатин, который родился в 1900 г. в д. Уваровка Становлянского р-на. Проживал в г. Елец. Приговор: освобожден по реабилитирующим обстоятельствам (более 6 мес. под стражей).

³ Елец впервые упоминается в русских летописях в 1146 г. В 1928–1934 г. входил в состав ЦЧО. В настоящее время – городской округ Липецкой области.

⁴ ГорОНО – городской отдел народного образования.

⁵ Культпроп — отдел культуры и пропаганды ленинизма при ЦК ВКП (б) (январь 1930 г. – май 1935 г.).

⁶ Постановление ЦК ВКП (б) «О начальной и средней школе» от 5 сентября 1931 г.

⁷ ФЗС – Фабрично-заводская семилетка.

⁸ ФЗУ – фабрично-заводское училище.

⁹ ТЮЗ – театр юного зрителя.

¹⁰ ДСУ – детское самоуправление.

¹¹ ДКО – Детская коммунистическая организация (пионерская организация).

¹² РайБюро (райбюро) ДКО – районное бюро Детской коммунистической организации.

¹³ мехзавод – механический завод.

¹⁴ кожзавод – кожевенный завод.

¹⁵ Постановление ЦК ВКП (б) «О мерах по упорядочению управления производством и установлению единоначалия» от 5 сентября 1929 г.

¹⁶ Не публикуется.

М.Ю. МОРУКОВ, С.С. ВОЙТИКОВ

ВЫДЕЛЕНИЕ ГОРОДА МОСКВЫ ИЗ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

**Morukov M. Yu., Voytsov S. S. Moscow City detachment
from the Moscow region**

Аннотация / Annotation

В статье исследуются причины и процедура выделения города Москвы из состава Московской области в самостоятельную административно-хозяйственную и партийную единицу.

The article is devoted to the reasons and procedure of Moscow City detachment from structure of Moscow region in independent administrative and party unit.

Ключевые слова / Keywords

Архивы, Главархив Москвы, органы власти Москвы и Московской области, И.В. Сталин, Л.М. Каганович. Archives, Glavarchiv, Moscow City and Moscow region government, I.V. Stalin, L.M. Kaganovich.

В 1926–1931 г. население Москвы, столицы СССР, увеличилось в полтора раза, а число рабочих более чем в два раза – на 700 тысяч человек. Из них, по данным статистики, 330 тыс. (в том числе 260 тыс. женщин) привлекли из бывших безработных (130 тыс.) и членов семей работающих (200 тыс.), остальные 370 тыс. составили иммигранты. За 1931 г. контингент снабжаемого городского населения увеличился по Москве с 2 млн 647 тыс. (данные на 1 января 1931 г.) до 3 млн. 366 тыс. (на 1 января 1932 г.)¹. Быстро росла и территория столицы: 24 405 га в 1928/29 г.; 25 456 га в 1931 г.; 28 520 га в 1933 г.²

Несмотря на огромный рост населения и значительное расширение территории, московское городское хозяйство оставалось в компетенции партийных и советских органов управления Московской областью (Московский комитет ВКП (б) и Московский Совет). При этом 1930 г. связан с практически полным отсутствием рассмотрения городских, в первую очередь хозяйственных вопросов в повестке дня Московского комитета ВКП (б) (МК). МК в том году полностью сконцентрировался на обеспечении столицы продовольствием, а также борьбе с правым

Статья подготовлена в рамках серии «Московская власть» Главного архивного управления города Москвы.

уклоном и ликвидацией перегибов в коллективизации «различных областей, в том числе и Московской области»³. В частности, много сил было направлено на исправление «ошибок» 1-го секретаря МК ВКП (б) Я.К. Баумана, который вынужденно ушел из Москвы из-за несвоевременного отречения и упорства в партийной «ереси»⁴. В данном контексте буквально напрашивалась необходимость кардинального решения вопроса о выделении Москвы из Московской области, и решаться этот вопрос должен был на высшем партийно-государственном уровне.

28 ноября 1930 г., едва ли не впервые, серьезный фрагмент речи секретаря Московского обкома ВКП (б) Л.М. Кагановича был посвящен непосредственно хозяйству столицы: «В отношении Москвы коммунальное хозяйство должно стать (это наш лозунг) образцом для всего [Советского] Союза. Московское коммунальное хозяйство должно стать лабораторией-школой, куда должны приезжать тысячи людей со всего Союза и учиться здесь, как управлять хозяйством. Можем ли мы с вами сказать, что мы сейчас находимся хотя [бы] близко от этой школы? Конечно, нет. Мы должны правду сказать. Достижения очень большие имеются. В отчете [...], в разных статистических материалах вы увидите, что мы удлинити трамвайную сеть, электросеть, водопроводную сеть и канализацию, что мы перемостили ряд улиц в Москве. Но ведь этого мало. Мы тратим огромные миллионы, и наша задача в том, чтобы мы предоставили максимум удобств для рабочего. Нужно смотреть не только на то, как дом снаружи выглядит, но и посмотреть внутри. Я вместе с т. Ухановым прошел в 2–3 квартиры нового рабочего дома, и вот жены рабочих жалуются, что дымоход дымит, вода в уборной не отливается, в полу щели в два пальца (доски рассохлись). Конечно, настроение того же самого рабочего было бы хорошее, но только вот дымоход дымит, вода не льется и т.д. и т.д. Вы скажете: «До того ли, неужели нам с вами заниматься тем, как льется вода в клозете, когда перед нами стоят более серьезные проблемы?» Но люди не понимают того, что строительство коммунизма, строительство социализма состоит в том, чтобы как можно лучше обставить рабочего, чтобы новые уборные были построены аккуратно и т.д. и т.д.

Наше коммунальное хозяйство – очень сложное хозяйство, но вместе с тем, товарищи, мы можем это сложное хозяйство охватить. В чем же дело? По моему мнению, для Москвы вопрос стоит специально: в

наших органах коммунального хозяйства в большей мере, чем в каких-либо других, сохранялись старые работники, работники земства, городской думы и городской управы. Эти люди не могут понять нашего хозяйства. Эти люди не могут понять, что трамвай сейчас надо проводить не только в центре; трамвай надо проводить в рабочих районах, причем коммунальное хозяйство вообще нужно развивать в соответствии с промышленным строительством». Дело в том, что в МКХ «было обнаружено вредительство». Впрочем, Л.М. Каганович признал неправильным обвинение исключительно руководителей, стоявших во главе коммунального хозяйства столицы. По его мнению, во многом вина в недостатках МКХ лежала в Моссовете и районных советах столицы. В условиях роста промышленности Л.М. Каганович констатировал необходимость «быстро форсировать коммунальное хозяйство»⁵. А для этого был нужен специальный орган, который смог бы полностью сконцентрироваться на коммунальном хозяйстве столицы, не «отвлекаясь» на коммунальное хозяйство области.

К тому же выделение Москвы из Московской области в плане партийном позволяло высшему руководству ВКП (б) максимально дистанцироваться от ошибок, возможных при проведении в жизнь решений по вопросам московского городского хозяйства. Фактически борьба с правым уклоном, активно проводившаяся вплоть до 1930 г. включительно, поставила под сомнение не только авторитет московской партийной организации и ее руководящего органа, но и непосредственно ЦК большевистской партии. Рассказывая о перегибах в коллективизации, Л.М. Каганович заметил 26 мая 1931 г. на районной партконференции Пролетарского района, что головоупяцтво оказалось характерно не только для отдаленных уголков страны, но и для МК: «...около [Северного] Ледовитого океана существует нарымское племя [...] Получаем такую радиограмму: «нарымское племя (а это, нужно сказать, кочевое племя) постановило перейти на сплошную коллективизацию. С комприветом — Пырь». Кто поручил этому Пырькину проводить сплошную коллективизацию, кто послал этого Пырькина — мне неизвестно. Но было бы неплохо, если бы эти Пырькины были около Ледовитого океана, но, к сожалению, очень много таких Пырькиных оказалось около Москвы-реки (Смех), и это там, где всего 3 минуты ходьбы до ЦК. В Москве наделали глупостей. Выходит так, что ЦК как будто бы ничего не знал. Это сообщение смущает: «А может быть, ЦК знал, но отыгрывался на бабах?» Давайте прямо поставим вопрос и разберем. К сожалению, получилось так, как говорится

в поговорке, «сапожник оказался без сапог», а МК, которое живет около ЦК, оказался без ЦК»; МК «делает ошибки», ЦК «неоднократно» спрашивает о ходе дела и получает ответ: «Все...прекрасно подготовлено». На деле оказывается иначе: «ЦК руководит всей страной, ЦК руководит всей международной политикой, ЦК имел все основания думать, что в Москве, где имеется пролетарская база, в Москве, где много пролетариев, в Москве, где имеется такой район, как Пролетарский, дело должно быть поставлено как следует (*Смех*), но, к сожалению, оказалось не так. И когда это обнаружилось, то сам Бауман вынужден был признать, что ошибка была допущена, что борьба с перегибом была слабая, что он должен уйти. Но, конечно, дело не в Баумане. Бауман сделал ошибку, и эта ошибка была исправлена»⁶.

Стоит обратить внимание на реакцию слушателей. Замечание о том, что в столице «дело должно быть поставлено как следует», неспроста вызвало смех. Судя по реалиям конца 1920-х – начала 1930-х гг., этот тезис действительно выглядел нелепым. Фактически выделение Москвы из Московской области создавало дополнительный слой руководителей, годных на роль «виноватых» в случае невыполнения постановлений партии и правительства по превращению столицы в подлинно «образцовый пролетарский город».

Так или иначе, итоговую точку в этом вопросе поставил, как это зачастую бывало в те годы, непосредственно генеральный секретарь ЦК ВКП (б) И.В. Сталин. На основе его доклада 20 февраля 1931 г. Политбюро приняло решение о выделении Москвы «в самостоятельную административно-хозяйственную единицу с собственным бюджетом» (*док. № 1*). После этого был принят ряд нормативных актов, на основании которых были созданы Московский городской исполнительный комитет для советского руководства столицей⁷ и Московская городская партийная организация – для партийного руководства.

Читателям предлагается 2 документа о выделении Москвы из состава Московской области из двух архивов — Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Центрального архива общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ). Авторский коллектив выражает глубокую признательность руководству и сотрудникам архивов и лично заместителю директора РГАСПИ В.Н. Шепелеву.

№ 1

**Из протокола № 27 заседания Политического бюро
Центрального комитета ВКП (б) «О топливе и свете в Москве»
и о выделении Москвы «в самостоятельную административно-
хозяйственную единицу с собственным бюджетом»**

пункт 34/50р⁸

20 февраля 1931 г.

СЛУШАЛИ:

О топливе и свете в Москве (т[Т]. Сталин, Каганович, Уханов, Ворошилов, Петерс, Рындин, Носов, Молотов, Каминский⁹).

ПОСТАНОВИЛИ:

а) Предложить Бюро МК и Президиуму Мособлисполкома в полуторамесячный¹⁰ срок представить в Политбюро свои предложения относительно улучшения хозяйства Москвы в целом; б) Признать необходимым выделение Москвы в самостоятельную административно-хозяйственную единицу с собственным бюджетом и провести соответствующее решение через Московский Совет и Московский областной съезд Советов.

Помета: «в срок в повест[ку]».

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 867. Л. 82. Подлинник.

№ 2

**Из протокола № 6 Объединенного пленума
МК и МКК ВКП (б) о выделении г. Москвы в самостоятельную
административно-хозяйственную и партийную единицу**

25 февраля 1931 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ:

Члены [Московского] обкома ВКП (б): тт. Амосов А.М., Асташов К.И., Апасов Н.И., Булганин Н.Д., Березина Т.Л., Володин В.Г., Волков П.Я., Весна А.А., Векличев Г.И., Гамарник Я.Б., Данилова Е.М., Денисов И.М., Давидсон Р.Е., Дмитриев Д.Д., Енов И.С., Иванов А.И., Каганович Л.М., Каминский Г.Н., Калыгина А.С., Коган Е.С., Корк А.И., Козьмин Д.Д., Кукин К.М., Козлов И.И., Кулагин, Комиссаров М.Н., Ко-

цен Е., Кочеткова В.Ф., Ковалев Л.И., Кузьмин Я.И., Лукьянов Д.Д., Логинов Д.И., Любасов Ф.И., Лаптева М.И., Мальцев К.А., Макаров А.Ф., Макарова С.М., Носов И.П., Никитина М.М., Петросян Г.С., Рындин К.В., Рубен Р.Г., Рябов А.Н., Стриевский К.К., Стасова Е.[Д.], Соловьев, Семенов П.А., Степанов С.И., Ситников С.И., Сулимов М.П., Уханов К.В., Убаревич И.И., Федин Н.М., Филатов Н.А., Хохлов В.С., Шуруп В.Я., Эйман Р.П., Юров (Юсфин) М.Д.

Кандидаты в члены [Московского] обкома ВКП (б): тт. Брике С.К., Маленков Г.М., Черняк И.М., Любимова С.Т., Болотин З.С., Азорнова Т.М., Тагенбаум М.Р., Эльтман К.И., Ярцев А.П., Хрулев А.В., Дичев И.Д., Юркин А.А., Кантор Х.Н., Кудряшев, Корчагин Г.И., Сорокин С.Л., Яшин Д.И., Эйдинов Г.Д., Немцов Л.Н., Персиц И.Е., Симак Н.В., Виноградова Е.А., Юрин А.А., Степанов И.Т., Прокофьев А.М., Щеголев, Черномордик Е.А., Савельева.

Члены ревкомиссии [Московского] обкома ВКП (б): тт. Артамонов, Глевицкая Е.Я., Журавлев И.Г., Иванов И.В., Нижегородцев В.Я., Рыжавская Е.В., Седой З.Я., Турлай А.А.

Кандидаты: тт. Панин М.В., Юргенев Г.И.

Члены Московской контрольной комиссии ВКП (б): тт. Архипов А.Н., Аппетер И.А.¹¹, Андреева Е.Ф., Альтшулер, Агранов, Аленов А.Ф., Афанасьев Л.И., Бодриков И.М., Бобе М.Ю., Буберг Я.Я., Березин Я.К., Борисов Н.В., Величенков П.П., Воронин А.А., Вяцер У.Л., Губельман М.И., Гуревич А.Н., Гордеев И.Г., Герасимов М.В., Галкин Ф.Н., Дубровинская, Дмитриев С.Д., Дуплик А.П., Жуков П.П., Жаров, Жуков Д.А., Замберг, Закутерин В.И., Иванов И.И., Каспирович А.Г., Куклев Н.Ф., Корольков М.Ч., Колесникова Н.Н., Кузнецов А.С., Козлов Ф.И., Либавский С.А., Лампе Я.К., Мерцлин, Металаев А.Д., Марциновский А.М., Мулыгина-Баташева Е.П., Назаров А.М., Немцев, Озол, Петруничев, Прокудин, Павочкина Е.С., Пикус М.И., Пресников, Рузлев, Рубаник С.Л., Родин, Строе Я.К., Салтыков А.М., Самойлов Ф.С., Степанов, Сядук, Снобков И.А., Титов А.И., Таранович А.О., Травников, Угрюмов Л.А., Фистов Д.И., Федоров, Чесноков А.С., Чамов, Чекряков, Шварцберг И.И., Шиллерт, Шумяцкий, Шульга В.А., Шмидель О.К., Шульгина, Шаденко, Герасимов А.Г., Волков В.Л.

СЛУШАЛИ:

Решение Политбюро ЦК ВКП (б) и Бюро МК о выделении Москвы в самостоятельную административно-хозяйственную единицу в составе Московской области (т. Каганович).

ПОСТАНОВИЛИ:

Объединенный Пленум МК и МКК приветствует инициативу Бюро МК в постановке и решении назревшего вопроса о выделении Москвы в самостоятельную административно-хозяйственную и партийную единицу и постановляет:

1. Одобрить решение Бюро МК от 23.И.[1931 г.] о выделении Москвы в самостоятельную административно-хозяйственную и партийную единицу в составе Московской области, на основе которого принято постановление объединенного пленума 2-го [Московского] областного съезда Советов и пленума Московского Совета.

2. Одобрить решение Бюро МК от 24.И.[1931 г.] о выделении из состава областной партийной организации Московской городской организации со своим городским комитетом во главе.

3. Одобрить решение Бюро МК о созыве для выбора городского комитета и ГКК, впредь до созыва установной¹² общегородской конференции представителей райкомов и РКК ВКП(б). [...]

Секретарь Московского обкома ВКП (б)

Л.М. Каганович

ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 13. Д. 4. Л. 2–4. Подлинник.

Примечания

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 81. Оп. 3. Д. 148. Л. 100–101.

² *Полетаев В.Е.* На путях к новой Москве. М., 1961. С. 25.

³ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 137. Л. 174.

⁴ Там же. Л. 130.

⁵ Там же. Д. 138. Л. 225–228.

⁶ Там же. Д. 136. Л. 82–83.

⁷ *Гарнюк С.Д.* Московская власть: Советские органы управления. М., 2011. 944 с.

⁸ Выписки направлялись Л.М. Кагановичу и К.В. Уханову.

⁹ Здесь и далее в документе выделенный курсивом текст вписан фиолетовыми чернилами.

¹⁰ Слово подчеркнуто красным карандашом.

¹¹ Так в тексте. Правильно: И.А. Апетер.

¹² Так в тексте.

ГЕНЕАЛОГИЯ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

А.А. КАЛИНИЧЕВ

ИЗ ИСТОРИИ РОДА КАЙДАНОВЫХ–ОЛЬХИНЫХ

***Kalinichev A.A. History of the new Russian aristocracy:
Kaidanov-Olhins***

Аннотация / Annotation

В статье исследуется история рода Кайдановых-Ольхиных – рода, явившегося ярким примером социальной мобильности представителей низших сословий разных национальностей: карелов, русских и украинцев. Представители рода получили потомственное дворянство, переходя от чина к чину в рамках петровской Табели о рангах. Октябрьская революция 1917 г. привела к эмиграции многих представителей этого рода.

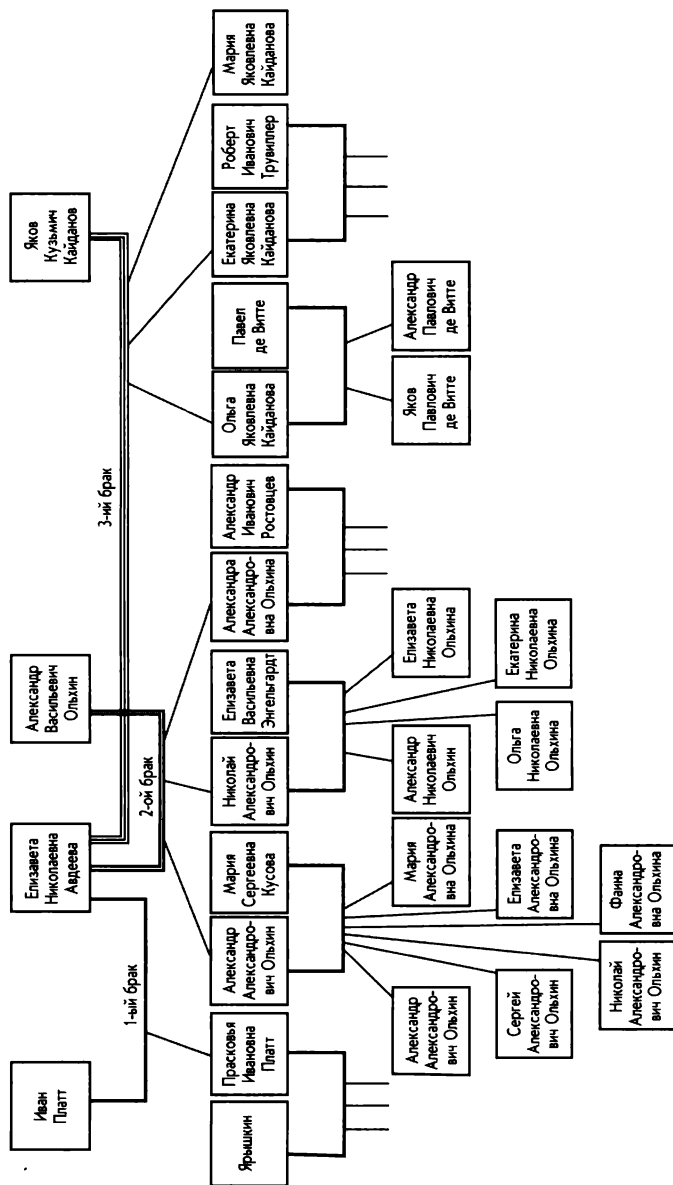
The author studies the history of the Kaidanov-Olhins family – the family which became a bright example of the social mobility of the lowers estates' representatives that were descended from different nationalities: Karelians, Russians and Ukrainians. They received a hereditary nobility through the Tables of ranks made by Peter I. The Russian October revolution led to emigration of several members of the family.

Ключевые слова / Keywords

Генеалогия, Кайданов, Ольхин, Ингерманландия, Белоостров, социальная мобильность, дворянство. Genealogy, Kaidanov, Olhin, Ingemanland, Valkeasaari, social mobility, geneology, nobles.

В семейство Кайдановых-Ольхиных, владевшее крупнейшим имением в Санкт-Петербургской губернии, вошли представители разных национальностей¹. История рода началась в XVIII в. Он не относился к старинным знатым русским родам или к национальной аристократии присоединенных к Российской империи новых территорий. Члены семьи стали представителями той новой российской элиты, которая, воспользовавшись предоставленной судьбой возможностью, смогла взойти по ступеням социальной лестницы, благодаря своей долгой и успешной службе на благо страны.

Императорская Россия была сословным государством, в котором социальная мобильность была жестко ограничена. Дворянское сосло-

Генеалогическая таблица рода Кайдановых-Ольгиных (XVIII-XIX вв.).

Составитель: Калининцев А.А.

Источник: РГИА. Ф. 1343. Оп. 26. Ч. 2. Д. 3581; Ф. 577. Оп. 35. Д. 1278; Ф. 1343. Оп. 23. Ч. 1. Д. 341.

вие находилось в преимущественном положении, так как оно служило опорой царской власти. Дав дворянскому сословию привилегии, власть получала взамен его лояльность для поддержания порядка в российском обществе и стабильной работы государственных институтов. Дворяне вне зависимости от своего происхождения² получали доступ в светское общество и местные дворянские сообщества, и пользовались многочисленными привилегиями. Они имели право владеть деревнями с крепостными и учиться в дворянских учебных заведениях, освобождались от налогов и обязанности служить на государственной службе или в армии и т.д.³ В то же время у них было право занимать государственные должности или служить офицерами в армии с возможностью продвижения до высоких чинов⁴.

Человеком, благодаря которому в роду Кайдановых-Ольхиных соединились ветви разных национальностей, стала Елизавета Николаевна Авдеева (род. кон. XVIII в. – ум. 1861 г.). В первый раз она вышла замуж за надворного советника Ивана Платта, от которого у нее родилась дочь Прасковья⁵. Овдовев, Елизавета Николаевна вышла замуж во второй раз за коммерции советника Александра Васильевича Ольхина (ум. 1815 г.).

Ветвь Ольхиных. Произошла от олонецких купцов. Будучи купцом, дед Александра Васильевича Ольхина сумел составить капитал, благодаря которому сам Александр Васильевич с 1792 г. состоял в купечестве⁶. Благодаря предприимчивости А.В. Ольхина, полученный таким образом капитал был пущен в коммерческий оборот и приносил хорошую прибыль, а его фабрикантская деятельность (в том числе на собственных столичных бумажных фабриках) была столь успешна, что за нее Ольхин получил ордена св. Владимира 4 степени и св. Иоанна Иерусалимского, а вскоре – и дворянство⁷. От брака Елизаветы Николаевны и Александра Васильевича Ольхиных родилось два сына: Александр (1812 г.) и Николай (1814 г.), а также дочь Александра (1816 г.).

Именно благодаря А.В. Ольхину Елизавета Николаевна и ее дети стали владеть вотчинами и фабриками в Санкт-Петербургской губернии и другим имуществом⁸. Они стали владеть недвижимостью за границей в Финляндии, когда коммерции советник Ольхин приобрел у наследников графа И.И. Шувалова усадьбу Кавантсаари и земли в двух волостях Муолаа и Валкъярви Выборгской губернии⁹. Общая

сумма сделки составила 80 000 рублей¹⁰. Позднее наследники Ольхина продали поместье Кавантсаари графу Карлу Густаву Маннергейму, деду маршала Финляндской республики¹¹.

Младший сын Александра Васильевича и Елизаветы Николаевны Ольхиных Николай (1814–до 1857 г.) обучался в высшем училище, впоследствии стал камер-юнкером и надворным советником, состоял в ведомстве Министерства иностранных дел и являлся чиновником 6 класса при главнокомандующем действующей армии. Н.А. Ольхин женился на Екатерине Васильевне (урожденной Энгельгардт) и имел от нее четырех детей: сына Александра и дочерей Ольгу, Елизавету и Екатерину¹².

Старший сын Александр (1812–1873) обучался в Артиллерийском училище, после окончания которого (1833 г.) был произведен в прапорщики с зачислением в полевую пешую артиллерию. Благодаря своим способностям он остался в том же училище для прохождения годичного курса «высших наук»¹³. После этого А.А. Ольхина перевели в 15 артиллерийскую бригаду, а затем – в 3 гвардейскую и гренадерскую артиллерийскую бригаду.

В начале 1840 г. он стал адъютантом начальника штаба в управлении генерал-фельдцейхмейстера и служил в этой должности до середины 1843 г. Постепенно дослужившись до чина полковника, он с 1852 г. стал членом различных комиссий по перевооружению войск. Следующим важным этапом в его военной карьере явилось назначение на службу в Финляндию, где с 1855 г. А.А. Ольхин получил чин генерал-майора и был заведующим полевой артиллерией вплоть до 1860 г.¹⁴ После перевода в Петербург в середине 1860 г. его назначили совещательным членом оружейной комиссии временного артиллерийского комитета. Он являлся членом других комитетов, а впоследствии стал совещательным членом оружейного отдела артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления. А.А. Ольхин закончил службу в чине генерал-лейтенанта, а в последней названной нами должности оставался вплоть до самой смерти¹⁵.

А.А. Ольхин принимал участие в подготовке крестьянской реформы в составе Петербургского губернского комитета, начавшего свою деятельность в 1858 г. В Петербургский губернский комитет входили 24 человека. А.А. Ольхин и барон Ю.Ф. Корф придерживались умеренных позиций и выступали против ущемления интересов крестьян

при наделении земель за выкуп. Они считали, что предоставленное помещику право разрешать выход крестьянам из сельского общества будет использоваться только в его интересах, а выкуп усадьбы не отдельными домохозяевами, а целой общиной негативно скажется на хозяйствовании крестьян. Также они выступали против предлагаемого некоторыми помещиками двенадцатилетнего срока временнообязанного состояния, считая, что столь длительный срок породит напряженные отношения между крестьянами и помещиками. А.А. Ольхин высказывался против выдвинутых некоторыми другими членами комитета «обязательных работ» в пользу помещика, полагая, что за этим скрывается обычная барщина¹⁶.

А.А. Ольхин был женат на потомственной дворянке Марии Сергеевне Кусовой (1817–1910). У них родилось три сына: Александр, Сергей и Николай и три дочери: Мария, Елизавета и Фаина.

Мария Сергеевна Ольхина (урожденная Кусова) являлась начальницей Мариинского института более 40 лет почти до самой смерти в 1910 г. в возрасте 93 лет. Мариинский институт занимался воспитанием благородных девиц. За свою безупречную службу она получала юбилейные знаки отличия. В 1901 г. императрица Мария Федоровна пожаловала ей бриллиантовую брошь, а в 1903 г. знак ордена Святой Великомученицы Екатерины 2 степени. Говоря о наградах М.С. Ольхиной, стоит отметить, что в 1876 г. император Александр II пожаловал ей 1 312 дес. пустопорожней земли из бывшей Сестрорецкой дачи в Петербургском уезде¹⁷.

Ветвь Кайдановых. После смерти второго мужа Елизавета Николаевна вышла замуж в третий раз за действительного статского советника Якова Кузьмича Кайданова (1779–1855).

Я.К. Кайданов был сыном дьячка, обучался в Киевской Академии, а затем – в Санкт-Петербургском Медико-хирургическом училище. Благодаря своим выдающимся способностям, он еще студентом получил назначение на должность репетитора при профессоре патологии и терапии, а после прохождения обучения ветеринарии за границей (1803–1807) был назначен ординатором в Санкт-Петербургский военный госпиталь. Затем Я.К. Кайданов стал адъюнктом ветеринарии в Медико-хирургической Академии. В этой должности он успешно боролся с эпизоотиями, например, среди скота в Витебской и Санкт-Петербургской губерниях. За «успешные выполнения препоручений»

такого рода Яков Кузьмич несколько раз награждался по Высочайшему повелению премиями и наградами. Занятия медициной позволили ему не только получить степень доктора медицины и должность ординарного профессора (1812 г.), но и стать членом Эрлангского физико-медицинского общества (1810 г.), корреспондентом Санкт-Петербургского Вольного Экономического общества (1817 г.), ординарным членом Императорского Московского общества испытателей природы (1818 г.), почетным членом Санкт-Петербургского фармацевтического общества (1819 г.).

Особенно любопытна его переводческая деятельность, в результате общественного признания которой Я.К. Кайданов был избран в 1819 г. действительным членом Санкт-Петербургского вольного общества любителей словесности, наук и художеств¹⁸. Среди его опубликованных переводов следует назвать труды Консбруха «Клиническая карманная книга для молодых врачей» (1803 г.), Эллизена «О желваках или сибирская язва» (1807 г.), Майера «Начальные основания опытной физики» (1809 г.), Энегольма «Карманная книга военной гигиены» (1812 г.)¹⁹, а также собственное сочинение на латинском языке «Tetractus Vitae» (1813 г.)²⁰

До чина действительного статского советника Я.К. Кайданов дослужился в 1828 г., а вскоре стал вице-директором Медицинского департамента Военного министерства. Во всех занимаемых им до этого момента должностях, а также на посту вице-директора медицинского департамента Я.К. Кайданов служил усердно и был награжден орденами св. Владимира 4 степени, св. Станислава 1 степени, св. Анны 2 степени и алмазными знаками этого ордена; пожалован перстнем с вензелем Его Императорского Величества, а также награжден знаками отличия за 20 и 25 лет беспорочной службы и бронзовой медалью в память 1812 г.²¹ В 1830 г. Я.К. Кайданов ушел в отставку по состоянию здоровья.

Брак с Елизаветой Николаевной являлся для него вторым по счету²² и был заключен около 1821 г.²³ К этому времени за супругой числилось «благоприобретенного имения» в Петербургском уезде столичной губернии 1099 крестьян мужского пола (м.п.), в Лодейнопольском уезде Олонецкой губернии (откуда происходили предки А.В. Ольхина) – 46 и в Тихвинском уезде Новгородской губернии – 12 душ м.п. Кроме того, ей принадлежали две «бумагопрядильные

фабрики», «меди и железоплющительный» завод и «деревянный на каменном нижнем этаже» дом в Санкт-Петербурге²⁴, располагавшийся на Выборгской стороне города²⁵.

Тогда же за Яковом Кузьмичом числилось 3 дворовые души м.п. и каменный дом в Петербурге (Литейная часть, 2 квартал, д. № 31)²⁶.

От их брака родилось три дочери: Ольга (1822 г.), Екатерина (1826 г.), Мария (1828 г.)²⁷ Известно, что уже в 1830 г. дети от А.В. Ольхина не жили в родительском доме. Александр учился в Артиллерийском училище, Николай – в высшем училище, а Александра находилась в пансионе²⁸. В это время только три малолетние девочки Кайдановы проживали со своими родителями Елизаветой Николаевной и Яковом Кузьмичом.

Дальнейшая судьба детей Елизаветы Николаевны от трех браков известна в неравной степени. Так, удалось установить, что ее дочь Прасковья Ивановна (урожденная Платт) после смерти своего отца осталась «без всякого состояния», получила некоторое приданое из имущества своего отчима А.В. Ольхина, вышла замуж за коллежского советника Ярышкина, имела нескольких детей и умерла раньше своей матери (до 1857 г.)²⁹

Дочь Елизаветы Николаевны Александра Александровна (урожденная Ольхина) получила назначенное ей приданое из имущества своего отца А.В. Ольхина и вышла замуж за тайного советника Александра Ивановича Ростовцева. О двух сыновьях Елизаветы Николаевны Ольхиной расскажем подробнее ниже, упомянем о ее дочерях от последнего брака.

Ольга Яковлевна (урожденная Кайданова) вышла замуж с приданным за генерал-майора Павла де Витте, родила двух детей – Якова и Александра Павловичей де Витте и умерла раньше своей матери Елизаветы Николаевны (до 1857 г.).

Екатерина Яковлевна (урожденная Кайданова) не получила приданого в деньгах при выходе замуж за отставного капитана Роберта Ивановича Трувиллера, имела детей и владела собственным домом, перешедшим ей от родителей (по всей видимости, это был дом отца)³⁰.

По причине того, что все дочери получили то или иное приданое, их обычно не называли в качестве основных наследников, которыми, как правило, являлись сыновья. От всех браков у Елизаветы Нико-

лаевны, как упоминалось выше, было лишь два сына – Александр и Николай Ольхины. Именно им предстояло унаследовать огромные вотчины, фабрики и заводы «имения, приобретенного [А.В.] Ольхиным и сохраненного [Я.К.] Кайдановым»³¹.

На грани банкротства. После смерти отца А.В. Ольхина в 1815 г. – А.А. и Н.А. Ольхины стали наследниками значительных частей составленного их родителями имения. Это было зафиксировано так называемым разделным актом от 3 июля 1819 г., причем примерная стоимость унаследованного обоими имущества составляла около 65 тыс. рублей³². Александр и Николай Ольхины сняли запрещение с принадлежавших им частей Белоостровской вотчины, «желая способствовать коммерческим оборотам» своей матери Елизаветы Николаевны³³. Свою сыновнюю любовь они подтвердили еще раз, продав принадлежащее им в Финляндии имущество на сумму более 37 тыс. рублей, которую они «обратили... на содержание... фабрик [матери] и этими бескорыстными действиями лишили себя всякой возможности что-либо приобрести»³⁴.

Все эти обстоятельства Елизавета Николаевна решила учесть при составлении завещания в 1857 г.³⁵ К этому времени ее сын Николай уже умер, и поэтому его вдова, Е.В. Ольхина, и дети должны были унаследовать причитавшуюся ему половину огромного имения Кайдановых-Ольхиных. Вторая половина по завещанию отходила старшему сыну – генерал-лейтенанту А.А. Ольхину.

Своим дочерям и другим наследникам Елизавета Николаевна решила передать различные денежные суммы. В тексте завещания предусматривались различные моменты хозяйственного управления имением, что характеризовало Елизавету Николаевну как женщину достаточно предусмотрительную. Однако, сделанный ею заем под залог всей Белоостровской вотчины с деревнями поставил впоследствии все имение в крайне трудное экономическое положение.

Примечания

¹ Вариант статьи на финском языке частично был опубликован в издании «Генеалогического общества Финляндии» «Генос» (*Kaliničhev A. Aateliksi Venäjällä: Kaidanov-Olhinien suku 1700-luvulta 1900-luvulle // Genos. 2010. № 4. S. 123–132.*). Материал готовился при поддержке фондов Turun yliopistosäätiö и Koneensäätiö.

² Царская власть признавала дворян из присоединенных к России территорий. Они становились членами верхушки общества вне зависимости от своей националь-

ности. Существует большое количество работ, посвященных дворянским родам разных национальностей Российской империи. См. например, об истории татарского княжеского рода Кара Мурза: *Баскаков Н.А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979. С. 178.

³ *Paaskoski J.* Vanhan Suomen lahjoitusmaat 1710–1826. Helsinki, 1997. S. 57.

⁴ Об истории принадлежавших к разным этническим группам дворянских родов на государственной и военной службе в России: *Баскаков Н.А.* Русские фамилии: Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи (1797–1836) Т. 1–10. СПб.; О службе в русской армии полковника Якоба Фредрика Густава Аминофа по происхождению финского шведа: *Fossi J.* Eversti Aminoff – tshetsheenien kauhu // *Partio Varsinais–Suomen reserviupseeri – ja reserviläispiirin lehti.* 2010. № 2. S. 15.

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 577. Оп. 35. Д. 1278. Л. 41.

⁶ Основателем династии Ольхиных был олонецкий посадский Кирокского погоста Елеазар Ольхин, который в 1742 г. стал петербургским купцом. В 1746 г. его сын, Василий, вместе с компаньонами построил плотину и мельницу для обдирки перловой крупы у подножия Белоостровских гор, на ручье Заболоцком, впадающем в р. Сестру. С течением времени Ольхин выкупил мельницу у своих компаньонов и приступил к изготовлению бумаги, построив рядом несколько бумажных фабрик. В 1774–1779 гг., ввиду большой пользы от действия ольхинских бумажных фабрик, казна выделила ему 62 дес. земли. Наследники Василия Елеазаровича расширили бумажное производство. В конце XVIII в. Александр Васильевич, внук Василия Елеазаровича, прокопал каналы и соединил все воды, вытекающие с Белоостровских гор. На них был построен целый каскад последовательно расположенных плотин с десятком бумажных фабрик. Об этом см.: *Логунцов М.А.* Судьбы в почтовой открытке // *Сестрорецкие берега.* 2006. № 20.

⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 26. Ч. 2. Д. 3581. Одно из первых упоминаний о бумажной фабрике Ольхиных относится к 1794 г. и принадлежит перу И.Г. Георги, по словам которого основным товаром была бумага на обои и картузы. Железоплавильный завод на Черной речке в то время принадлежал некоему англичанину. Заводское производство было направлено на удовлетворение нужд в металле Сестрорецкого оружейного завода. Таким образом, развитие требовавших значительных инвестиций отраслей промышленности в губернии зависело от казенных заказов. См.: *Георги И.Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного, с планом. СПб., 1996. С. 486.

⁸ РГИА. Ф. 577. Оп. 35. Д. 1278. Л. 44.

⁹ *Akiander M.* Om donationerna i Wiborgs län. Helsingfors, 1864. S. 186.

¹⁰ Считается, что причина, по которой Шуваловы решились на продажу принадлежавших им земель в Старой Финляндии, крылась в нестабильной политической ситуации на Карельском перешейке. Выкупив земли, Ольхин перевел повинности проживавших на них финских крестьян на контрактную основу. Он построил и лесопилку. Таким образом, к проводимой А.В. Ольхиным предпринимательской деятельности, включавшей производство бумаги, добычу руды и выращивание зерновых, добавилось изготовление и сбыт пиломатериалов. См.: *Paaskoski J.* Op. cit. S. 224.

¹¹ *Akiander M.* Op. cit. S. 157–158.

¹² РГИА. Ф. 1343. Оп. 26. Ч. 2. Д. 3581.

¹³ РБС. СПб., 1905. Т. 12. С. 257.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 258. Он умер в Петербурге 7 сентября 1873 г.

¹⁶ Никулин В.Н. Помещики Петербургской губернии накануне и после реформы 1861 г. // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2006. № 6. С. 20–26.

¹⁷ Логунцов М.А. «Сикстинская мадонна» Белоострова // Сестрорецкие берега. 2006. № 8.

¹⁸ РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Ч. 1. Д. 341. Л. 4–5.

¹⁹ РБС. СПб., 1897. Т. 8. С. 387.

²⁰ РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Ч. 1. Д. 341. Л. 4 об.

²¹ Там же. Л. 4 об.–5. Более подробно о научной и врачебной деятельности Я.К. Кайданова см.: Волков В.А., Куликова М.В. Российская профессура 18 – начала 20 вв. Биологические и медико-биологические науки. Биографический словарь. СПб., 2003; Калугин В.И. Яков Кузьмич Кайданов (1779–1855) // Ветеринария. 1955. № 12; Райков Б.Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. М.-Л., 1952. Т. 1.

²² От первого брака он имел трех дочерей. Об этом см.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Ч. 1. Д. 341. Л. 5 об.

²³ Там же. Это предположение основано на том, что их старшей дочери в 1830 г. было 8 лет.

²⁴ Там же.

²⁵ Сама Елизавета Николаевна называла его местоположение «Выборгской части 3-го квартала под №№ 290 и 291», а Н. Цылов, бывший некоторое время мировым посредником в ее вотчинах и составивший книгу об улицах Петербурга, причислил дом к Большому Сампсониевскому пр., Выборгской части во 2 квартале. Об этом см.: РГИА. Ф. 577. Оп. 35. Д. 1278. Л. 42 об.; Описание улиц Санкт-Петербурга и фамилии домовладельцев к 1863 г. / Сост. Цылов Н. СПб., 1862. С. 22.

²⁶ РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Ч. 1. Д. 341. Л. 5 об.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Ф. 577. Оп. 35. Д. 1278. Л. 43–44.

³⁰ Там же. Относительно Марии Яковлевны (урожденной Кайдановой) документы умалчивают, возможно, по причине ее смерти в младенчестве.

³¹ Там же. Л. 44.

³² Там же. Л. 41 об.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Калинин А.А. Ингерманландские финны в имении Кайдановых-Ольхиных Санкт-Петербургской губернии (1860-е гг.). Диссертация на соискание ученой степени лицензиата философии. Турку: Университет Турку, кафедра «Всеобщей истории». 1998. С. 265–276. Приложение 2.

Окончание следует

А.А. МИХАЙЛОВА

ИСТОРИЯ СЕРБИИ В МАТЕРИАЛАХ МЕЖОПШТИНСКИХ АРХИВОВ

***Mikhailova A.A. History of Serbia in materials
of intermunicipal archives***

Аннотация / Annotation

В статье исследуются особенности фондов межопштинских (межмуниципальных) исторических архивов Республики Сербия, содержащих документы по истории периода Нового времени, рассказывается о сети архивных учреждений в Сербии, приводится характеристика содержания основных фондов и анализируется степень их применимости к современным историческим исследованиям по истории региона указанного периода.

The present article offers a brief review of the archive materials from the Serbian historical archives which possess the documents from the period of Modern history. It describes the archives network in Serbia, characterizes the corpus of documents and analyses their applicability to the contemporary researches in this discipline.

Ключевые слова / Keywords

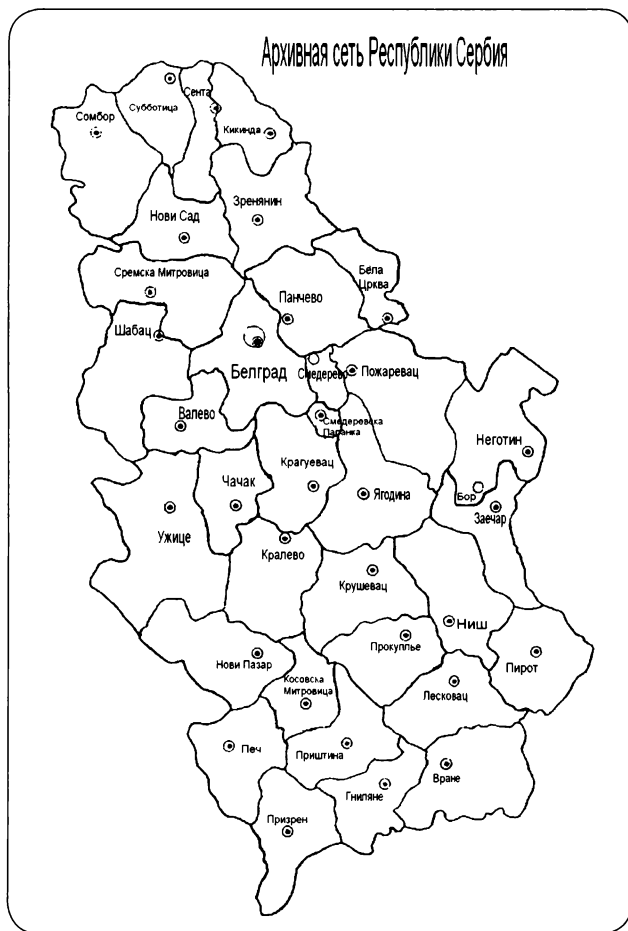
Архивоведение, Сербия, архивная сеть, административно-территориальное устройство, општина, источниковая база. Archive study, Serbia, archives network, administrative-territorial system, opština (municipality), source base.

История Сербии периода Нового времени в последние годы привлекает особое внимание историков и балканистов. Это объясняется тем, что многие проблемы, с которыми этому государству приходилось сталкиваться в последней трети XIX – начале XX в., вновь обрели актуальность. Речь идет о проблемах, связанных с политической культурой, с международными и межэтническими отношениями и с другими важными вопросами. В связи с этим у исследователей возникает потребность привлечения к работе исторических источников, что, в свою очередь, приводит к необходимости обращения к фондам исторических архивов Сербии.

Сведения о центральных архивах Сербии в исследовательской среде достаточно распространены, в то время как об окружных и межоп-

штинских (межмуниципальных) исторических архивах, рассредоточенных по стране, известно немного. Фонды этих архивов позволяют получить информацию о политическом, социальном и экономическом развитии отдельных областей, а также проследить всевозможные исторические процессы в их конкретных проявлениях. В связи с этим важно отметить, что формирование сербского государства в XIX в. происходило путем воссоединения отдельных территорий,

постепенно освобождавшихся от многовекового османского владычества. Таким образом, Новая история Сербии не является историей государства с застывшими формами, а скорей, представляет собой историю народа, создававшего это государство и определявшего его облик. В то же время, каждая область Сербии обладает своей историей, обуславливающей ход и развитие истории общенациональной.

Проблему обуславливает и эволюция методов исторических исследований, появление антропо-ориентированных и социокультурных подходов, заставляющие многих исследователей отказаться от панорамных оценок и событийных обобщений, и обратиться к более качественному и пристальному изучению специфики региона и его населения¹. Это приводит к необходимости расширения источниковой базы. В этом смысле фонды межопштинских архивов позволяют привлечь множество неизученных документов, которые могли бы обогатить современную историографию. Кроме того, подобные источники позволяют приблизиться к изучаемой исторической реальности и заглянуть внутрь механизмов, осуществлявших ход исторических процессов.

Содержание фондов сербских архивов обусловлено непростой историей становления архивного дела в Сербии. Несмотря на то, что еще в 1846 г. общество сербских ученых выдвинуло идею о сохранении документов церковей, монастырей, ремесленных объединений и частных лиц, первый закон об охране письменных памятников в Сербии был принят лишь в 1898 г.² На основе этого закона в 1900 г. был открыт Государственный архив в Белграде (ныне Архив Сербии)³. Однако в результате войн XX в. архивному наследию Сербии был нанесен непоправимый ущерб. В ходе военных действий и оккупаций ценные документы государственных учреждений, предприятий, церковей, школ нещадно уничтожались. Множество исторических документов было утрачено и из-за недооценки их значимости для науки и культуры. Все это сделало невозможным изучение некоторых подробностей сербской истории.

Активная деятельность по сбору архивных материалов и их систематизации началась после окончания Второй мировой войны. В 1948 г. на территории республики Сербия было открыто шестнадцать архивов. Современная архивная сеть Сербии состоит из более чем тридцати исторических архивов по всей стране⁴.

Важно отметить, что в период Нового времени некоторые территории современной Сербии находились в составе иных государственных образований. Поэтому, главный интерес представляют фонды тех архивов, которые отвечают за сохранность документов с областей, освобожденных сербами от турецкой администрации в XIX в. Таких архивов насчитывается около двух десятков.

Каждый архив собирает и хранит документы с определенной территории. В связи с этим, важно иметь представление о территориально-административном делении Сербии, и о том, как оно менялось, так как самые ценные и старые фонды состоят из документов органов власти, а, следовательно, обладают административными и территориальными характеристиками.

С обретением Сербией автономии в 1833 г., на освобожденных территориях распространилась сербская система территориально-административного деления. По решению Скупщины 1834 г. территория страны разделялась на несколько сердарств (областей), округов и срезов (уездов)⁵. Однако уже через год сердарства были упразднены, а территория княжества разделялась на округа, срезы и општина (муниципалитеты). В округ входило по 3–5 срезам, а почти каждый населенный пункт представлял собой општиную⁶. Такое деление сохранялось на протяжении всего XIX в., изменения претерпевали лишь названия, границы и количество этих единиц⁷. В XX в. административно-территориальная система Сербии многократно перекраивалась. Нынешнее ее устройство предполагает деление территории на округа и општина. Таким образом, исторические архивы, в ведомстве которых находятся все општина одного округа, имеют статус окружных, а те, которые объединяют лишь несколько општин, являются межопштинскими.

Фонды органов центральной и местной власти, как правило, состоят из документов окружного, срезского и општинского правлений, а также судебных органов⁸. Характерно, что в XIX в. судебные органы, помимо своего прямого назначения выполняли и координирующие функции по организации и информированию населения. Суд мог созвать на сбор военнообязанных или проинформировать население о предстоящей ярмарке⁹. Тем самым, документы этих институтов позволяют не только делать выводы об их роли в общественной жизни, но и почерпнуть сведения событийного характера.

О развитии национальной экономики, образования, здравоохранения и общественных отношений свидетельствует документация учебных заведений, учреждений культуры, общественных объединений, коммерческих организаций и предприятий. Важным источником для изучения Новой истории Сербии могут служить церковные книги регистрации рождений, смертей и браков, позволяющие проследить миграцию населения, связанную с военными конфликтами, с изменением границ и другими факторами. Почти в любом архиве можно найти документы личных, семейных фондов, мемуары, фотографии, а также собрание *Varia* (разное), где нередко обнаруживаются самые старые и уникальные документы. Многие архивы располагают подборками периодических изданий конца XIX – начала XX в., отражающих важные события, государственную политику, идейно-политическую борьбу и светскую жизнь сербского общества.

Межопштинские архивы осуществляют работу по изучению и публикации исторических документов, как в отдельных исследованиях, так и на страницах собственных ежегодников. Все больше архивов открывают собственные сайты в сети Интернет, где выкладывают информацию о содержании фондов и публикуют исторические документы¹⁰.

Одним из богатейших собраний письменных памятников обладает исторический архив Белграда, содержащий более 13 200 т документов, по истории сербской столицы. С конца XVII в. Белград представлял собой арену борьбы между австрийцами, турками и сербами¹¹. Столицей Сербского княжества он стал лишь в 1841 г.¹² В первой половине XX в. в состав Белграда вошел Земун и возникла острая необходимость в сохранении бесценных документов Земунского магистрата (с 1749 г.). В связи с этим в 1945 г. было принято решение об основании Исторического архива города Белграда. Старейшим документом архива является «Диалог османца и христианина о военно-политической ситуации» второй половины XVI в. на турецком языке. Самые ранние церковные книги, хранящиеся в архиве, относятся к 1721 г. Из XIX в. наибольшую ценность представляют фонды окружного и городского правлений (с 1839 г.), окружного и торгового судов (с 1860 г.), торговой палаты (с 1910 г.), более двух десятков разнообразных ремесленных объединений (с 1821 г.), личные и семейные фонды (с 1850 г.), карты, фотографии и многое другое.

С 1818 по 1841 г., а также в начале Первой мировой войны сербская столица располагалась в Крагуевце. Здесь были основаны первые национальные органы управления, учреждения образования и культуры. Однако отсутствие в крае архивных служб до 1948 г. стало причиной утраты и порчи огромного числа исторических документов. Кроме того, в ходе бомбардировок города силами НАТО в мае 1999 г. была разрушена часть здания архива, уничтожено и повреждено множество ценных документов¹³. На сегодняшний день в архиве хранится около 1 400 т материалов, содержащих сведения по истории края Шумадия¹⁴. Важнейшие документы находятся в фондах правлений одного округа (с 1839 г.), одного среза (с 1860 г.), шести општин (с 1850 г.), городской администрации (с 1896 г.), а также окружного и межопштинских судов (с 1844 г.)¹⁵. О развитии системы образования свидетельствуют фонды одиннадцати начальных школ (с 1853 г.), и одной женской школы (с 1887 г.). Документы ремесленных (с 1842 г.), купеческих (с 1912 г.), земельно-кредитных (с 1902 г.) объединений, объединения государственных служащих (1910 г.), а также коммерческого банка (с 1911 г.) позволяют проследить экономическое развитие края. В архиве имеются церковные книги (с 1837 г.), два десятка личных и семейных фондов XIX в., собрание мемуаров (с 1914 г.), плакатов (с 1900 г.), оттисков (с 1850 г.), карт (с 1901 г.), документы по рабочему движению (с 1875 г.) и *Varia* (с 1809 г.).

В историческом архиве г. Чачак собрано около 2 000 т документов. В фондах двух окружных правлений (с 1839 г.) содержатся сведения о расходах на нужды школ, больниц, оборону, о работе таможни и почты, о выплатах ветеранам войны 1876-1878 гг., о строительстве железной дороги, о злоупотреблениях чиновников, о борьбе с гайдуками, эпидемиями и пр. Единичные документы находятся в фондах первостепенного (с 1824 г.), окружного (с 1823 г.) и межопштинских судов (с 1839 г.), в частности, официальная переписка, сведения об уплате налогов, о работе школ, о земельных спорах, о преступлениях, о ремонте и строительстве дорог, о детях-беженцах (1914 г.) и пр. Фонды четырех начальных школ, гимназии, и женской ремесленной школы (с 1894 г.) тоже фрагментарны, в них хранятся записи с педагогических и школьных советов, годовые отчеты, учебные планы. К XIX – началу XX в. относятся также фонды двух больниц (с 1864 г.), овощеводческого объединения (с 1902 г.), кредитного учреждения (с

1901 г.), сберегательной кассы (с 1885 г.), ремесленных объединений, лесного хозяйства (с 1900 г.) и других организаций¹⁶.

В историческом архиве в Ужице собрано свыше 3 000 т документов, ценнейшие из которых содержатся в фондах правлений двух срезов (с 1836 г.) и трех општин (с 1839 г.). С середины XIX в. в крае наблюдался экономический подъем, на что указывают документы ремесленного и торгового объединений (с 1840 г.), общественной сберегательной кассы (с 1884 г.) и ряда других коммерческих организаций. К XIX в. относятся также фонды женской ремесленной школы (с 1867 г.), женского (с 1878 г.) и конноспортивного клубов (с 1895 г.), собрание плакатов (с 1854 г.) и документы патриотического объединения молодежи «Соколовство» (с 1911 г.).

Исторический архив Ниша содержит 4 000 т документов по истории города и его окрестностей. Самым раритетным документом архива является гравюра 1737 г., свидетельствующая о передаче турками ключей от нишской крепости австрийским завоевателям¹⁷. Впрочем, позднее турки не только вернули город, но и удерживали его до 1878 г. Деятельность системы управления краем отражена в документах двух окружных правлений (с 1845 г.), трех срезов (с 1836 г.), двух општин и одного окружного суда (с 1836 г.). Развитие образования прослеживается по документам четырех начальных школ, гимназии, школ женского ремесла (с 1884 г.) и торговли (с 1893 г.), образовательно-воспитательного учреждения и объединения учителей (с 1895 г.), созданного с целью координирования учебных планов и оказания взаимопомощи¹⁸. О развитии экономики свидетельствуют документы финансовых учреждений конца XIX в. и угольного предприятия (с 1903 г.). Досуговый сектор освещают документы народного театра (с 1890 г.) и конноспортивного клуба (с 1891 г.). В архиве имеется подборка газет конца XIX в. и фотографии (с 1876 г.).

Более 3 500 т документов хранится в историческом архиве Лесковца¹⁹. Вхождение Лесковца в состав Сербии в 1878 г. послужило толчком к его экономическому подъему и открытию здесь производственных предприятий, в первую очередь, ткацких фабрик. В связи с этим подавляющее число документов архива относится к текстильной индустрии и позволяет проследить историю развития этой отрасли в Сербии. В архиве хранятся микрофильмы с документами королев-

ских привилегированных фабрик по производству тканей из шерсти и хлопка, позамантерских и плетеных изделий (с 1895 г.), шерстепрядильной фабрики (с 1890 г.) и других предприятий. Они содержат переписку с иностранными партнерами, награды международных выставок и пр. Церковных книг (с 1879 г.) сохранилось немного, так как, проводя политику болгаризации населения, болгарские оккупанты уничтожали такого рода документы²⁰. Впрочем, анализ этих книг свидетельствует о притоке в край населения из Черногории, Герцеговины и других территорий после его освобождения от турок. Собрание *Varia* (с 1832 г.) содержит купчие, расписки, свидетельства об открытии трактира, больницы, акционерного общества и пр. В архиве также имеются микрофильмы о событиях Первой мировой войны на территории Лесковацкого среза.

В архиве «31 января» во Вранье содержится около 2 000 т документов. Этот край был освобожден от турок лишь в 1878 г., а позднее серьезно пострадал от оккупаций во время мировых войн, что отразилось на содержании фондов. Ранние документы входят в фонды окружного правления (с 1878 г.), окружного и срезского судов (с 1878 г.), банка, геологоразведывательного и ремесленных объединений (с 1878 г.), организации по насаждению лесов (с 1908 г.), монастыря Св. Прохора, гимназии, пяти начальных школ (с 1881 г.), в два личных фонда и в *Varia* (с 1878 г.). Самым старым документом архива является Книга добровольных пожертвований прихожан собора Святой Троицы во Вранье (1858 г.).

Фонды исторического архива в Заечаре содержат около 3 000 т документов, отражающих прошлое Тимокской краины. На этой территории неоднократно разворачивались военные действия, а край оказывался под властью турок, австрийцев, болгар, немцев²¹. Самым ранним документом является завещание на церковно-славянском языке в 1789 г.²² В архиве встречаются документы начала XIX в., в частности, свидетельства на недвижимую собственность турецких чиновников 1817, 1819 гг. Документы местной администрации содержатся в фондах правлений трех округов (с 1834 г.), двух срезов (с 1881 г.), четырех општин (с 1876 г.), а также окружного и срезского судов (с 1860 г.). Экономическое развитие края прослеживается по материалам фондов обществ торговой молодежи (с 1894 г.), промышленников (с 1895 г.), ремесленных объединений (с 1883 г.),

кредитно-сберегательного учреждения (с 1885 г.), двух банков (с 1908 г.) и филиала сельскохозяйственного общества (с 1885 г.). Образование представлено фондами двух начальных школ (с 1871 г.). Помимо прочего, в архиве собраны различные протоколы (с 1881 г.); плакаты, дипломы (с 1886 г.), сельские хроники (с 1889 г.), копии документов рабочего движения (с 1863 г.), мемуары (с 1833 г.), а также газеты (с 1889 г.), церковные книги (с 1837 г.) и другие документы религиозных учреждений.

В архиве Пожаревца хранится около 5 000 т документов по истории округа Браничево²³. Освободив этот город от турок, князь Милош Обренович построил в нем резиденцию для себя и своей семьи (в 1825 г.), что способствовало превращению Пожаревца в важный политический центр возрождавшейся Сербии. Самые ранние документы архива относятся ко второй половине XVIII в. Органы власти представлены фондами правлений одного округа (с 1839 г.), нескольких срезов и судов (с 1876 г.). С XIX в. сохранились также документы конного завода (с 1859 г.), тюрьмы (с 1865 г.) и ремесленно-рабочего объединения (с 1839 г.). Развитие профессионального образования в крае прослеживается на документах земледельческо-лесоводческой школы (с 1872 г.) и школ мужского и женского ремесла (с 1893 г.). Кроме того, в архиве хранятся документы творческих и досуговых заведений, таких как театр (с 1860 г.), читальни (с 1869 г.), музей (с 1895 г.), кинотеатр (с 1909 г.), певческие объединения (с 1867 г.), гимнастический и конный клубы (с 1891 г.), женские гуманитарные организации (с 1878 г.). Церковные книги, собранные в архиве, свидетельствуют о притоке населения в Пожаревец во второй половине XIX в. с приграничных территорий. В архиве имеются личные фонды, собрания фотографий и плакатов, подборка газет (с 1875 г.).

Около 4 500 т ценных документов собрано в историческом архиве в Ягодине. Важнейшие документы составляют фонды одного окружного правления (с 1839 г.), двух окружных (с 1823 г.) и двух општинских судов (с 1839 г.). О развитии системы образования можно судить на основе более чем трех десятков фондов начальных школ, четырех гимназий, одной экономической, одной педагогической и трех женских специальных школ. Ряд документов начала XX в. отражает работу финансово-кредитных организаций, банков, шести ремесленных, двух торговых и одного сельскохозяйственного объединений,

кормозаготовительного предприятия и предприятия по производству виноградной рассады. В архиве имеются церковные книги (с 1837 г.), сборники документов и мемуаров по рабочему движению (с 1904 г.), карт XVI–XX вв., плакатов, оттисков, фотографий, откупных (с 1823 г.)²⁴.

Свыше 1 660 т документов по истории Подринья содержит исторический архив в Шабце. В XIX в. этот город нередко называли Малым Парижем из-за того, что здесь быстро распространялись европейские веяния. Прошлое этого края прослеживается по документам одного окружного, шести срезских и одного општинского правлений конца XIX в. и одного окружного суда (с 1817 г.). Сфера образования представлена документами двух школ (с 1890 г.) и одной гимназии (с 1904 г.). В архиве также содержатся документы государственной больницы (с 1864 г.), торговой компании (с 1883 г.), церковные документы (с 1834 г.), семейные и личные фонды (с 1883 г.), собрание газетных вырезок (с 1828 г.), военные карты периода Первой мировой войны, мемуары о рабочем движении (с 1916 г.), плакаты (с 1903 г.), фотографии (с 1898 г.) и собрание *Varia* (с 1738 г.).

Помимо упомянутых учреждений на территории Центральной Сербии существуют исторические архивы в городах: Валево (1 790 т), Кралево (2 000 т), Крушевац (500 т), Прокупле (2 000 т), Пирот, Смедеревская Паланка (820 т), Смедерево (1 500 т) и Неготин (1 300 т)²⁵. В них также имеются документы XIX – начала XX в., отражающие прошлое этих уголков страны.

Общей чертой для всех архивов, особенно на юге страны, является немногочисленность письменных источников по истории Сербии до момента обретения ею независимости в 1878 г. Более существенную информацию о политическом и социально-экономическом развитии страны фонды межопштинских архивов демонстрируют, начиная с 1870–1880-х гг., когда жизнь сербского общества характеризовалась интенсивным государственным строительством в духе европеизации, что выражалось в развитии системы образования, здравоохранения, рыночной экономики, транспорта, общественных объединений и пр. Отражая эти процессы, материалы межопштинских архивов, позволяют почерпнуть сведения о политическом, экономическом и духовном прошлом сербского общества.

Примечания

- 1 Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб., 2002. С. 7.
- 2 *Ракић Х.* Педесет година Историјског архива у Лесковцу: 1954–2004. Лесковац, 2004. С. 7.
- 3 Споменица историјског архива „Тимочка крајина“ Зајечар 1948–2003. Зајечар, 2003. С. 5.
- 4 Решење о утврђивању територије архива // Службени гласник Републике Србије. 1996. № 7.
- 5 Зборник закона и уредаба по струци грађевинарској, министарство грађевине. Београд, 1895. С. 765.
- 6 *Đorđević S.* Sistem lokalne samouprave u Srbiji i Jugoslaviji (1804–2000) / Upređna iskustva lokalnih samouprava. Београд, 2002. С. 241.
- 7 Зборник закона и уредаба у Краљевини Србији. Београд, 1896. С. 152–154.
- 8 Два века првог суда у Србији. Београд, 2004. С. 11.
- 9 Исторически Архив Тимочка Крајина. Заечар. Ф. Општина Планиница фасц. IV. Оп. 2. Л. 1; Збирка Плаката фасц. I. Л. 1.
- 10 Список исторических архивов с сълкама на их Интернет страници на сайте Министарства културе РС [Електрон. ресурс]: <http://www.kultura.gov.rs/?jez=sc&p=164>.
- 11 *Ђоровић В.* Историјски лексикон. Београд, 2006. С. 52.
- 12 *Канић Ф.* Србија. Земља и становништво. I књ. Београд, 1986. С. 14.
- 13 *Радованивић Б.* Локација архива у рату и непосредној ратној опасности // Зборник радова са Међународног архивског скупа у Београду 15–16 маја 2000. Београд, 2000. С. 331.
- 14 *Радованивић Б.* Архивска зграда простор и опрема историјског архива Шумадије у Крагујевцу у функцији заштите архивске грађе // Tehnični in vsebinski problemi klasičnega in elektronskega arhiviranja. Maribor. 2005. № 4. С. 276–282.
- 15 Водич историјског архива Шумадије. Крагујевац, 1978.
- 16 *Василић В.* Водич Међуопштинског историјског архива Чачак. Чачак, 1988. С. 556.
- 17 *Ђенић М.* Збирка Вариа (1737–) // Пешчаник. 2008. № 6. С. 231.
- 18 Водич Историјског архива Ниш. Ниш, 1996. С. 193.
- 19 *Ракић Х.* Педесет година Историјског архива у Лесковцу: 1954–2004. Лесковац, 2004. С. 9.
- 20 Преглед фондова и збирке. Лесковац, 2004. С. 264.
- 21 Споменица Историјског архива „Тимочка крајина“ Зајечар: 1948–2003. Зајечар, 2003. С. 9.
- 22 *Педовић Н.* Два документа с краја XVIII века из Збирке Вариа историјског архива у Зајечару // Архивско наслеђе. 2004. № 2. С. 45.
- 23 60 година Историјског архива Пожаревац. Пожаревац, 2008.
- 24 *Vodič Istorijskog arhiva „Srednje Pomoravlje“ Svetozarevo.* Svetosarevo, 1984.
- 25 Архиви у Србији. Неготин, 2000.

НАУЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА «РОССИЙСКИЕ И СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

**Scientific historical year-book of the Belarus state
university «Russian and Slavic researches»**

Аннотация / Annotation

В статье представлена характеристика основных направлений редакционной деятельности научного исторического ежегодника «Российские и славянские исследования», включенного в Перечень ВАК Республики Беларусь.

In the article is presented the characteristic of the basic directions of editorial activity of a scientific historical year-book «Russian and Slavic researches», included in VAK list of Belarus.

Ключевые слова / Keywords

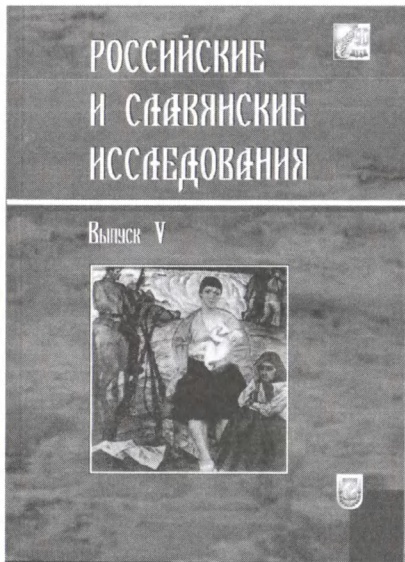
Источниковедение, историография, архивный документ, «Российские и славянские исследования», исторический факультет Белорусского государственного университета (БГУ), славистика, русистика. Source study, historiography, archival document, “the Russian and Slavic researches”, historical faculty of the Belarus state university (BGU), Slavic philology, Russian philology.

Первый выпуск ежегодника «Российские и славянские исследования» увидел свет в 2004 г. За недолгую историю своего существования сборник уверенно занял нишу первого в Беларуси специализированного славяноведческого периодического научного издания. Идея двух кафедр исторического факультета Белорусского государственного университета (БГУ) – кафедры истории России и кафедры истории южных и западных славян – воплотилась в пяти выпусках ежегодника.

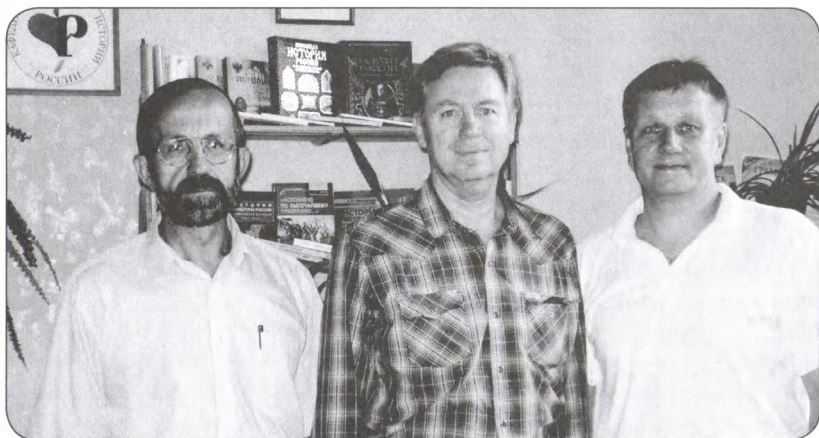
Полноценные исследования по истории России, истории южных и западных славян в Беларуси стали проводиться с 1921 г., со времени образования Белорусского государственного университета и приез-

да в Минск маститых историков, получивших образование и научную практику в университетах Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Харькова, Казани, Юрьева и др. Началось формирование в системе высшей школы этих научных направлений. Благодаря таланту Владимира Ивановича Пичеты, Антона Никитовича Ясинского, Митрофана Викторовича Довнар-Запольского, Федора Федоровича Турука, Николая Андреевича Янчука, Дмитрия Алексеевича Жаринова, Александра Антоновича Савича вопросы древней, средневековой, новой и новейшей истории славянства стали предметом научного инте-

Обложка ежегодника

Редколлегия ежегодника (слева – направо)
к.и.н., профессор Яновский Олег Антонович (отв. ред.);
к.и.н., доцент Сальков Анатолий Петрович (отв. ред.);
д.и.н., профессор Меньковский Вячеслав Иванович (зам. отв. ред.)

реса белорусских исследователей. За 1920-е гг. эти ученые сумели сформировать вокруг себя особые научные направления. Разумеется, разработки по научным проблемам славистики осуществлялись в тесной связи с проблематикой белорусской истории.

Однако уже с конца 1920-х гг. история Руси-России, как и общеславянская история в «чистом» виде, т.е. без привнесения проблематики национальной истории, была практически предана забвению. Это произошло после отъезда из Минска В.И. Пичеты и фактического изгнания из университета А.А. Савича, Д.А. Жаринова, М.В. Довнар-Запольского и др. Только в 1930-е гг. Алексей Петрович Пьянков, приглашенный на преподавательскую работу в Минск из России, пытался возродить научную школу историков – специалистов по российской медиевистике. Однако война нарушила уже было вновь наметившиеся контуры исторической славистики и русистики в Беларуси. Все послевоенные годы приоритетность в исследованиях белорусских историков безоговорочно оставалась за национальной историей. Разработкой вопросов истории южных и западных славян, истории российской и украинской занимались единицы.

И лишь с отсчетом первых лет суверенного развития Беларуси в среде белорусских историков стало утверждаться мнение о том, что необходимо расширить спектр исследовательских интересов, в первую очередь – за счет разработки вопросов общеславянской и общероссийской истории как тех направлений, которые позволяют глубже постичь особенности и общецивилизационные составляющие национальной истории.

Усиление интереса к исторической славистике и русистике следует считать закономерным и необходимым явлением. Закономерность заключается в том, что в Беларуси сформировалось профессиональное сообщество ученых, которым становится «тесно» в рамках только «своей» истории и установился достаточно широкий круг творческих связей с коллегами из России, Польши, Чехии, Украины, Болгарии и других стран. Необходимость же определяется тем, что преподавание в высшей школе российской, украинской, общеславянской истории предполагает компетентность, которая может быть достигнута только через личные исследовательские наработки тех, кто ежедневно входит в студенческие аудитории.

ВБГУ в 1998 г. были образованы кафедры истории России и истории южных и западных славян. В Республике Беларусь вновь началось формирование россиеведческих и славяноведческих исследовательских направлений. Возникла острая потребность в издании «толстого» научного журнала, сориентированного именно на российскую и славянскую проблематику. Редакция журнала попыталась сразу высоко поднять планку публикуемых материалов, одновременно отработывая структурную составляющую, форму и дизайн подачи авторских сочинений.

Можно с удовлетворением констатировать, что последующие четыре выпуска подтверждают правильность избранной стратегии. Все уже увидевшие своего читателя номера «Российских и славянских исследований» вобрали в себя разнообразие исторических материалов, сюжетов, временных периодов, авторских подходов и оценок. Редколлегия с удовлетворением может констатировать, что «толстый» научный журнал по проблемам истории России и славянского мира в целом состоялся. Он привлек к себе внимание как белорусских историков, так и их коллег из-за рубежа.

Редакционный портфель все время пополняется и даже возникла необходимость установления жесткой очередности в прохождении авторских материалов по пути научного рецензирования, скрупулезного редактирования и коллегиального редакционного обсуждения исследовательских параметров планируемых публикаций. С другой стороны, уже определился круг наиболее авторитетных авторов журнала, сотрудничество с которыми позволяет проследить развитие важных тем российской и славянской истории. Одновременно, будучи признанным ВАК Беларуси в качестве реферируемого журнала по историческим наукам, данное издание открыто и для молодого исследователя.

Традиционно в каждом номере ежегодника определяется ключевая, доминирующая тема публикуемых материалов. Так, второй выпуск можно считать «югославянским» и даже «черногорским»; третий – «скорининским»; материалы, опубликованные в четвертом выпуске, объединены двумя темами – история исторического образования в Беларуси и история Хорватии. В пятом номере связующей темой является история СССР.

Спектр отобранных материалов постоянно расширяется: это и международные, в том числе межславянские, отношения; и трансформация политической, экономической, социальной жизни; и историографические и источниковедческие исследования. Начиная с третьего выпуска, в ежегоднике постоянно публикуются архивные документы. Были опубликованы воспоминания и переписка главы польской делегации на рижской мирной конференции Я. Домбского, дневники и мемуары В.И. Пичеты, воспоминания деканов исторического факультета БГУ. Редколлегия считает важным продолжить публикацию работ об особенностях научного творчества и мировоззрения историков – славистов и россиеведов.

В публикуемых материалах достаточно большое место предоставляется исследованиям по отечественной – белорусской истории. Нам всегда крайне интересен зарубежный автор, работающий по белорусской проблематике. В целом же предпринимается попытка не просто разнообразить спектр публикуемых исследований, но представить в журнале наиболее востребованные современной исторической наукой направления. Редколлегия рассчитывает на то, что читатели не останутся безучастными и откликнутся на прочитанное.

Любой специалист-историк сможет найти в нашем журнале возможность опубликовать самый оригинальный по форме и содержанию материал. Сама структура, «отработанная» за пять номеров, побуждает к этому. Это могут быть и пространные статьи; и более скромные по тематике и объему сообщения и публикации; исторические портреты; источниковедческий и историографический анализ; научная критика и библиографическое описание. Редакция с благодарностью воспринимает «письма», обращенные к ней с предложениями и критикой: наиболее принципиальные обязательно публикуются. Для оперативного знакомства с ежегодником «Российские и славянские исследования» создан электронный сайт: <http://www.rsijournal.net/>. Мы стремимся быть открытыми перед своими коллегами, с пониманием относимся к их творческим замыслам и всегда заинтересованы в сотрудничестве.

*Редакционная коллегия
научного исторического ежегодника
«Российские и славянские исследования»*

Н. Ф. ПАЛАМАРЬ

ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОЙ РЕСТАВРАЦИИ ЦЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ АРХИВА РАН

***Palamar N.F. Features of scientific restoration
of important documents of the Russian Academy
of Sciences archive***

Аннотация / Annotation

В статье рассматриваются особенности научной реставрации ценных документов Архива РАН, которая проводится с использованием современного технологического оборудования и специальных реставрационных материалов. Для работы применяются приборы: «Preservation Pencil» – реставрационный карандаш; «Ultrasonic Humidifier Kit» – ультразвуковой генератор пара; «Book Suction Device» – вакуумная поверхность-клин; портативный рН/С-метр HI 9025С; контактный электрод HI 1413В; цифровая фотокамера Canon 50D; репроустановка Kaiser; программное обеспечение; специальные реставрационные бумаги и материалы.

The article is devoted to scientific restoration of important documents belonging to Archives of the Russian Academy of Sciences was occurred with use of the modern technological equipment and special restoration materials. At the restoration the following materials have been used, namely: devices “Restoration Pencil”, “Ultrasonic Humidifier Kit”, pH meter HI 9025C with contact electrodes HI 1413B, the digital camera Canon 50D, Reprovit installation, software product, special restoration papers and materials.

Ключевые слова / Keywords

Архив РАН, научная реставрация и идентификация ценных документов, реставрация, сохранность, документы, оборудование, материалы. Archive of the Russian Academy of Sciences, scientific restoration and identification of important documents, preservation, safety, documents, equipment, materials.

В рамках исследовательской программы: «Научная реставрация и идентификация ценных документов Архива РАН» по гранту РФФИ №09-06-00024а проводилось исследование состояния физической сохранности, причин деструкции и реставрация документов из фондов российских ученых С.И. Вавилова, В.П. Эфроимсона, Н.К. Кольцова, В.Л. Комарова, Н.Н. Славянова, Б.Л. Астаурова. Эти

документы поступили в Лабораторию реставрации в 2009 г. Основную часть составляли рукописи, выполненные на низкосортных видах газетной бумаги. Сильно пожелтевшие разорванные листы, с чернилами, проступающими на обратной стороне, были помяты, загрязнены, заклеены полосками пожелтевшей бумаги. Дополнительные проблемы представляли рукописные дневники, с отдельными загрязненными листами, но хорошим переплетом.

По результатам лабораторных анализов, изменение физической прочности данных документов, в первую очередь, было связано с активными окислительными реакциями. Уровень pH основы находится в диапазоне от 3,8 до 5,2. Измерения проводились портативным pH-метром HI 9025C с контактным электродом HI 1413V. Прибор позволяет определять водородный показатель не только в жидкой среде, но и локально, на поверхности бумаги. Таким образом, можно определить уровень pH основы и отдельного пятна загрязнения.

Основа этих документов содержит древесную массу и лигнин. Активно взаимодействуя с кислородом воздуха, лигнин окисляется сам и агрессивно воздействует на все окружение. Он провоцирует химические реакции в чернилах и на соседних листах. Старые архивные папки и коробки из технических материалов, в которых хранились документы, дополнительно способствовали накоплению и повышению концентрации кислотности. Химически нестабильные чернила при этом начинают либо проступать на обратную сторону документа, разъедая основу, либо начинают угасать, теряя интенсивность цвета. Основа документов требовала устранения деформации, удаления старых заплаток, восстановления механической прочности, химической стабилизации и очистки от разного рода загрязнений. С учетом всех перечисленных особенностей, стандартная водная обработка документов исключалась.

Для удаления следов предшествующего ремонта был использован прибор «Preservation Pencil» (реставрационный карандаш) с ультразвуковым генератором пара «Ultrasonic Humidifier Kit». Этот комплект создает повышенную влажность воздуха на небольшом участке около поверхности бумаги. Специальные сопла прибора образуют поток увлажненного воздуха разной площади, в соответствии с шириной дублировочной полосы. Интенсивность по-

дачи холодного пара подбиралась индивидуально для каждого вида бумаги. Микрочастицы холодного пара деликатно насыщали волокна бумаги, которые мгновенно начинают реагировать на повышенную влажность, а чернила еще какое-то время оставались стабильными и не реагировали на эту влажность. Текучие или слабые тексты документа были защищены изолирующим материалом (полиэтиленовой пленкой). Дублировочная бумага лучше набухает и становится «проволглой» при обработке в несколько заходов с небольшими интервалами. Через 5–7 минут начинает набухать клей под бумагой, и заплатка легко удаляется скальпелем. Затем клеевая полоса еще раз обрабатывалась холодным паром и тупым скальпелем счищались остатки клея.

Для удаления локальных пятен с водорастворимыми загрязнениями использовались реставрационные приборы: «Preservation Pencil» (реставрационный карандаш), «Ultrasonic Humidifier Kit» – ультразвуковой генератор пара и «Book Suction Device», так называемый, вакуумный «клин». Использование вакуумной поверхности позволяет интенсифицировать реставрационные процессы, но требует определенного навыка и концентрации внимания.

Небольшая по размерам (30×38 см), имеющая форму клина, рабочая поверхность прибора, позволяет реставрировать не только отдельные листы документов, но и листы книжных блоков без расшивки. Дополнительные поверхности прибора деликатно поддерживают книжный блок на развороте, позволяя работать с каждым листом на вакуумной поверхности, не травмируя шитье всего блока. Прибор укомплектован компрессором, создающим отрицательное давление на рабочей сетке клина.

В нашем случае, вся поверхность документа закрывалась пленкой, оставался только рабочий участок, размером с пятно загрязнения. Под это пятно подкладывался лист рыхлой фильтровальной бумаги. При включенном компрессоре вакуумной поверхности, на зону пятна сверху подавался холодный пар, который вместе с воздухом активно протаскивался через пятно грязи. Пятно предварительно слегка механически рыхлится, чтобы разрушить поверхностную пленку. Водорастворимые частицы под давлением воздуха и микрочастицы холодного пара выталкиваются из волокон бумаги и оседают на слое фильтровальной бумаги, которую надо менять по мере за-

грязнения. Поток воздуха, создаваемый вакуумной поверхностью, не дает влаге растекаться и создавать следы затеков. После удаления загрязнения, обработанный участок просушивается на вакуумной поверхности до полного высыхания и не требует дополнительного прессования.

На вакуумной поверхности также проводилась работа с химическими растворителями для локальной очистки пятен. Растворитель (спирт, бензин, гексан) наносился тонкой кистью только на пятно загрязнения. Активное движение воздуха в зоне обработки позволяет локализовать область действия раствора, не давая ему растекаться за границы загрязнения. Использование рыхлой фильтровальной бумаги в качестве прокладки под загрязнением снимает угрозу образования границы затеков при локальной очистке.

На вакуумной поверхности проводилась также локальная доливка бумажной массой утрат основы документов. Так как водная обработка данной группы документов была исключена, использование реставрационных приборов «Preservation Pencil» (реставрационный карандаш) и «Ultrasonic Humidifier Kit» – ультразвукового генератора пара в сочетании с вакуумной поверхностью дало хорошие результаты при локальной доливке бумажной массы. Документ сначала подвергался отдаленному увлажнению. Затем вся поверхность документа с двух сторон закрывалась полиэтиленовой пленкой, только участок утраты основы оставался открытым. Документ помещался на пленку Hollytex и на вакуумную поверхность. При включенном компрессоре вакуумного стола, утрата основы доливалась бумажной массой, слегка подсушивалась.

Затем документ освобождался от полиэтиленовой пленки, помещался между двумя листами Hollytex и высушивался в прессе между сукнами. Границы затеков влаги от доливочной массы не образовывались, так как документ предварительно был отдаленно увлажнен, и растекание доливочной массы было локализовано в границах утраты основы под действием обратного давления. Прибор «реставрационный карандаш» помогал поддерживать необходимый уровень влажности воздуха в зоне доливки. Выше перечисленные реставрационные операции проводились как для документов на отдельных листах, так и для работы с листами из дневников, без предварительной расшивки блока.

При проведении работ по очистке, удалению дублировочных полос, локальной обработке пятен и доливке бумажной массой основы, использовался специальный материал Holly-tech. Этот синтетический материал обладает хорошими отталкивающими свойствами, инертен, не вступает в химические реакции, при этом, прекрасно пропускает воздух, воду и растворители. Не имеет четко выраженной фактуры и обладает хорошей механической прочностью и упругостью. Выпускается разной толщины.

Даже ветхий документ, помещенный между двумя листами Holly-tech, оказывается надежно защищенным от механического воздействия, сохраняет свою форму при всех видах водной и химической обработки. Обладая хорошей степенью прозрачности, этот материал позволяет четко контролировать все процессы, происходящие в бумаге. Так же между двумя листами этого материала, документ можно помещать в пресс между сукнами для высушивания, а потом перемещать в картон для прессования и вылеживания. Тонкий Holly-tech позволяет прессовать и высушивать документ, сохраняя рыхлую фактуру поверхности документа при прессовании в сукне. Или сохраняет гладкую поверхность бумаги при прессовании между листами безкислотного картона. Плотный, упругий Holly-tech сохраняет гладкую фактуру документов даже при прессовании в сукнах и очень удобен при работе с крупноформатными документами, являясь своего рода упругой подложкой при перемещении документа.

При работе с документами Архива РАН середины XX в. приходилось решать определенный комплекс проблем, связанных с тем, что основа документов сильно окислилась и пересушена, а информация нанесена химически нестабильными синтетическими чернилами. Это означает, что основа требует нейтрализации кислотности, а чернила не допускают присутствия влаги. Такой комплекс проблем позволяет решить специальная реставрационная бумага японской фирмы Jrico. Отечественных аналогов, к сожалению, нет. Реставрационные бумаги изготовлены из натуральных, стабильных, эластичных волокон, и каждая серия бумаг имеет свою специальную программу.

Для реставрации хрупких, окислившихся документов с рукописным текстом, выполненным текущими чернилами, были использова-

ны реставрационные бумаги, устойчивые к кислотам, содержащие небольшой щелочной буфер, очень тонкие, с высокой степенью прозрачности серии 626. Все специальные японские реставрационные бумаги имеют шестизначное обозначение. Первые три цифры соответствуют конкретной программе, заложенной в их характеристику. Последние три цифры говорят о плотности, толщине и цвете данной бумаги. Эта бумага обладает способностью хорошо впечатываться в фактуру документа и при высыхании менять свои линейные характеристики вместе с реставрируемым документом, то есть, после высушивания, она не тянет слабую основу документа. Так как реставрационная бумага имеет программу стойкости к кислотам и не размокает от влаги, то это позволяет наносить клей (использовался пшеничный крахмал 6–8% концентрации), хорошо и равномерно растирать его на поверхности тонким слоем. Затем клей подсушивался, и в полусухом состоянии реставрационная бумага со слоем клея снималась с подложки и наносилась на обратную сторону сухого документа. Затем между листами Holly-tech, документ помещался в пресс между сукнами и через 2–3 часа сукна менялись на картон и документ полностью просушивался в прессе. Еще 14 дней документ вылеживался в прессе для стабилизации материала.

Таким образом, хрупкой кислой бумаге возвращалась механическая прочность. Небольшой щелочной буфер, содержащийся в использованной реставрационной бумаге, значительно тормозит окислительные процессы и слегка нейтрализует кислотность основы документа.

Эта же реставрационная бумага позволяет дублировать линии сгибов и разрывы основы, даже если на этих участках имеется рукописный текст. Клей наносится на реставрационную бумагу и подсушивается. Тогда чернила не реагируют на микрочастицы влаги, находящиеся в полусухом слое клея. При склеивании эта бумага становится более прозрачной и оставляет видимыми все фрагменты надписей в зоне заклейки. Конечно, эта операция требует определенных практических навыков.

Более плотные реставрационные бумаги этой серии прекрасно подходят для дублирования крупноформатных графических документов. Так как бумага не размокает от клея, то это позволяет передвигать весь большой дублировочный лист с клеем по обратной

стороне гравюры или рисунка. Хорошо приглаживать, убирая воздушные пузыри и мелкие складки, которые всегда усложняют дублирование крупноформатных документов.

Другой вид специальной реставрационной бумаги, которая использовалась при реставрации документов – это мягкие длиноволокнистые бумаги из натуральных волокон, без проклейки, предназначенные для восполнения утрат плотной основы документов, в том числе, и тряпичных, ручного отлива, серия 634. Они прекрасно совместимы, обладают способностью хорошо растягиваться или давать усадку во всех направлениях при прессовании между сукнами и принимать необходимую толщину, выравниваясь или расплющиваясь по толщине основы документа. За счет своих ориентированных в разные стороны волокон эти бумаги не надо стачивать скальпелем, они просто рвутся руками по форме утраты и легко вклеиваются в основу, прочно закрепляясь длинными волокнами, и впечатываются в фактуру реставрируемого документа, как в мокром виде, так и полусухом, при подклеивании. Несмотря на свою толщину, эта реставрационная бумага тоже обладает определенной степенью прозрачности и при дублировании сквозь нее проступает изображение всех архивных штампов, надписей и помет.

Была еще одна серьезная проблема при работе с архивными документами. Это сканирование и цифровая обработка. Повсеместное распространение бытовых сканеров и их относительно невысокая стоимость, приводят к тому, что и архивные документы, предназначенные для длительного хранения, активно сканируются. К сожалению, в бытовых сканерах в процессе использования, происходит нагревание поверхности, на которую помещают архивный документ. А это отрицательно сказывается на бумаге, резко сокращая ее жизнь. Кроме того, в процессе сканирования, бумага подвергается сильному световому стрессу. Щадящий режим экспонирования для музейных памятников допускает только 50 люкс. Уровень освещенности бытовых сканеров – от 200 люкс и больше.

Поэтому для деликатной цифровой обработки старых документов и фотографий из фондов Архива РАН была использована цифровая фотокамера Canon 50D и репроустановка Kaizer. Этот комплекс позволяет делать цифровые копии с документов любого формата, не подвергая их губительному воздействию инфракрасных и ультра-

фиолетовых лучей, а так же создавая щадящий световой режим при съемке.

После реставрации все документы были помещены в индивидуальные специальные упаковки. Каждый лист документа размещен в двойном бумажном паспорту из химически стабильного ватмана высокого качества. Такая упаковка позволяет исследователям изучать документ со всех сторон, не касаясь его основы руками. Одновременно она изолирует каждый лист от соседних документов, исключает их отрицательное влияние друг на друга. Каждое дело помещается в индивидуальную папку из химически стабильного бескислотного упаковочного картона. Если в деле имеется много отдельных листов разного формата, то они отделяются прокладками из бескислотного картона для длительного хранения.

После реставрации на все документы были составлены реставрационные паспорта, в соответствии с требованиями.

Д.А. МУСТАФИНА

ИЗДАНЫ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ДВОРЦОВЫХ ВОТЧИН НИЖЕГОРОДСКОГО И КАЗАНСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

***Mustafina D.A. Sources on stories of development
of a palace ancestral lands of the Nizhniy Novgorod
and Kazan Volga region are published***

Аннотация / Annotation

Рецензия посвящена сборнику, включающему материалы кадастра дворцовых вотчин Нижегородского края – сел Сергач и Лысково в последней трети XVII в. и ландратскую книгу села Лысково 1716–1717 гг.

The article is devoted to the collection which includes the cadastre materials of Nishegorodsky royal ownerships – villadges Sergach and Lyskovo due to the last third of 17th century and landrat book 1716–1717.

Ключевые слова / Keywords

Источники, писцовые описания последней трети XVII века, ландратская книга 1716–1717 гг., нижегородские дворцовые вотчины, села Сергач, Лысково, крестьянство, крестьянский двор, налогообложение, торговля предпринимательство, поташное производство. Sources, the cadastre materials of last third of 17th century, landrat book 1716–1717, Nishegorodsky royal ownership, villadges Sergach Lyskovo peasantry peasant coat imposition trade business potash production.

Выход в свет публикации текстов источников – это всегда событие, которое с неизменным интересом встречается как специалистами историками, филологами, географами, так и краеведами и широкой общественностью.

Изменившийся в последней четверти минувшего столетия ритм жизни общества не только усилил интерес к документальным материалам, но и способствовал закреплению традиции изучения и публи-

кации ценнейших многоплановых источников – писцового делопроизводства – незаменимых при изучении социально-экономической истории XVI–XVII вв. Благодаря этому в научный оборот введены результаты целого ряда валовых землеустроительных акций и учета населения, проведенных преимущественно агентами Поместного приказа и приказа Большого Дворца.

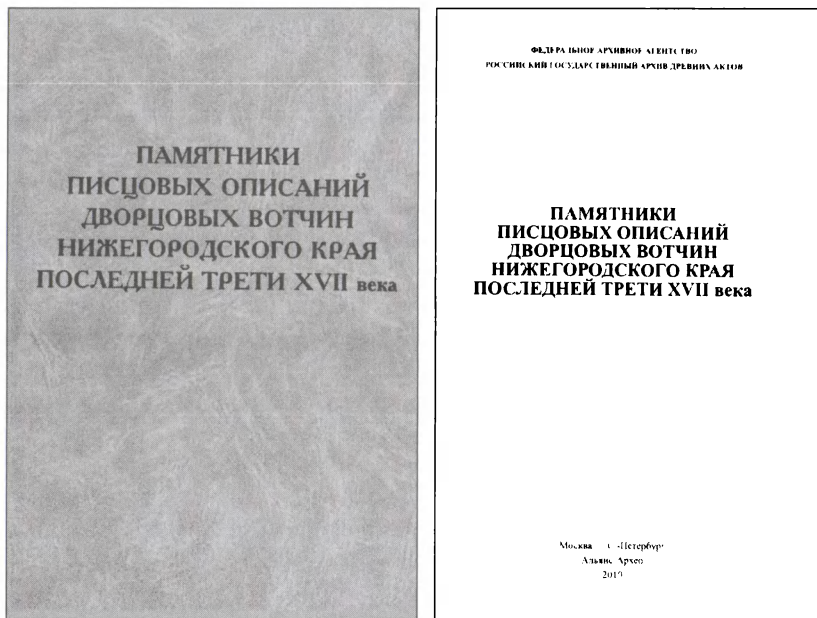
В 2010 г. в распоряжение исследователей поступило еще одно издание – «Памятники писцовых описаний дворцовых вотчин Нижегородского края последней трети XVII века»*. Книга представляет собой сборник, в который скомпонованы источниковые материалы о двух дворцовых селах – Сергач и Лысково с их деревнями Нижегородского и Курмышского уездов, условно составляющие два комплекса. В первый комплекс входят тексты двух переписей села Сергач и его деревень – это отписная книга 1667 г. и переписная книга 1679 г. Ко второму комплексу относятся материалы по истории села Лысково с деревнями – это писцовая регистрация 1680–1681 гг. и приведенные в Приложении ландратская перепись 1716–1717 гг. и два документа о предпринимательской деятельности крестьянина И.Г. Желвакова.

Особенностью публикации является то, что она объединяет памятники кадастрового характера, отражающие единый объект описания, и что эти писцовые акции были осуществлены по единым принципам и имеют схожую структуру регистрации информации. Подобное сведение в рамках одной публикации документов, отстоящих во времени на 35–37 лет и посвященных описанию населения одних и тех же селений, дает возможность для изучения динамики социально-экономических, демографических процессов и в силу этого составляет одно из главных достоинств издания.

Бесспорно, писцовые описания последней трети XVII в. и ландратская перепись первой четверти XVIII в. принадлежат к числу свидетельств прошлого, наиболее востребованных в воссоздании картины поступательного развития феодально-крепостнического хозяйства и демографических процессов в дворцовых вотчинах. Именно они отражают состояние и динамику изменений в основной массе дворцового населения в период развития товарного обращения и закладывания

---

* Памятники писцовых описаний дворцовых вотчин Нижегородского края последней трети XVII века / Сост. А.И. Комиссаренко (отв. сост.), Н.Ю. Болотина, А.Ю. Кононова. М.: СПб.: Альянс-Архео, 2010. 438 с.

Обложка и титульный лист книги

основ новых (капиталистических) отношений. Особенно заметно эти процессы проявились в торгово-промышленных селах Нижегородского и Казанского Поволжья, в частности в селах Сергач и Лысково, переведенных на специализированное ремесленное производство.

Включение в состав сборника наказной памяти дьяку приказа Большой казны о выдаче в 1698 г. трем крестьянам села Лысково вознаграждения за высокие показатели при сборе таможенных пошлин и «питейной» прибыли, а также присутствие в публикации явочной челобитной крестьянина села Лысково о побеге в 1709 г. крестьянина с его московского двора придает законченность «образу» дворцовой вотчины и позволяет судить о логике последующего закономерного развития промысловых сел, выразившегося в формировании торгово-капитала и социальном расслоении крестьянства.

Предложенные вниманию общественности рукописи извлечены из пяти фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА) – фонда 1321 (Материалы Генерального и Специаль-

ного межеваний по Нижегородской губернии), фонда 1209 (Поместный приказ), фонда 350 (Ландратские книги и ревизские сказки), фонда 396 (Оружейная палата) и фонда 158 (Приказные дела новых лет) – и из Рукописного отдела Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки (НГОУНБ РО). Данный факт указывает на то, что эта публикация не является следствием «сиюминутного решения» о введении в научный оборот материалов, «случайно» выявленных в процессе работы в архиве, а является итогом целенаправленных, состоявших из ряда этапов исследовательских поисков и изучения истории развития дворцовых вотчин. Указанное обстоятельство обусловило высокий академический уровень издания, продуманность его содержательного компонента, комплексное источниковедческое исследование уцелевших памятников и аргументированное определение их источникового потенциала.

Дело не только в том, что публикаторы проделали кропотливейшую работу по подготовке самих текстов источников к печати (специалисты знают, сколь трудоемким является этот процесс), но и в том, что они выполнили ряд условий, облегчающих последующее их использование.

В развернутой вводной статье А.И. Комиссаренко и А.Ю. Кононова суммировали результаты многоаспектных источниковедческих изысканий, осуществленных при работе с текстом публикуемых рукописей. Поскольку подлинники писцовых материалов погибли и сохранились лишь их копии XVIII в., постольку была проведена работа по датированию уцелевших вариантов описаний, сличению текстов (писцовых книг села Лысково и Лысковского уезда), определению их полноты и установлению преемственности принципов описания дворцовых сел с предшествующими регистрациями. Скрупулезное изучение текстов рукописей позволило выявить черту, отличавшую писцовые книги Большого дворца от материалов кадастра Поместного приказа, атрибутировать части списка 1727 г. писцовых книг села Лысково и Лысковского уезда.

При этом авторы привели характеристику объектов описания, выяснили круг задач, поставленных перед правительственными агентами, и использовали элемент метода членения материала на структурные компоненты (выделили формулы описания) для оценки информационных возможностей публикуемых памятников.

Подчеркнув особую роль дворцового хозяйства в экономике Российского государства (излишне говорить, что публикаторы прекрасно ориентируются в особенностях развития дворцовых земель в XVII–XVIII вв.) и указав на специфику организации писцовых описаний, методику их проведения в частных, монастырских и дворцовых владениях, они подвели итоги изучению происхождения и содержания подготовленных к печати текстов, кратко изложили состояние дел с публикацией кадастрового материала домениальных владений. В этом отношении их опыт заслуживает изучения и применения в практике введения в научный оборот результатов писцового делопроизводства.

Логическим продолжением предисловия является следующая за ним статья Н.Ю. Болотиной «История нижегородского села Лысково в первой четверти XVIII в. по материалам ревизий и ландратских описаний». В ней через рассмотрение источниковедческого потенциала двух разновидностей учетных материалов – подворной (ландратской) переписи и первой ревизии, через сопоставление их сведений с количественными показателями переписи 1678 г. воссоздан социально-экономический и демографический облик одного из торгово-промысловых поселений Нижегородского Поволжья. Своеобразие этому селению придавало и неоднократное изменение его статуса вследствие передачи из дворцового фонда в частные руки. При этом оно сильно выиграло, оказавшись в руках одного из умелых хозяйственников – Б.И. Морозова, организовавшего в Среднем Поволжье производство поташа, ценнейшего продукта, востребованного в сельском хозяйстве, стекольном, мыловаренном, ткацком, красильном производствах, лечебном деле и пользовавшегося большим спросом и за пределами государства. Привлечение данных фискального учета, составленных на основе единиц обложения разных систем – подворной и подушной, позволило автору статьи заострить внимание на возможности изучения истории отдельной семьи, ее структуры и численности, доли в ней взрослого трудоспособного населения, а также на изучении повседневной жизни конкретного человека.

Углубить представление читателя о величине пашни, находившейся в пользовании крестьянского двора в конце третьей четверти XVII столетия, позволит еще одна небольшая статья «Сведения о крестьянском тягле в писцовой книге села Лысково и Лыс-

ковского уезда 1680–1681 гг.», подготовленная А.Ю. Кононовой и приведенная, в свою очередь, до текста писцового комплекса. В ней изложены результаты систематизации и анализа данных о крестьянских наделах, свидетельствующие о закреплении за подавляющей частью (81,6%) дворов в селе Лысково жеребьев в полполполчети (0,75 десятин), об обоснованности выводов Е.Н. Швейковской и Ю.А. Тихонова о зависимости величины крестьянского надела от числа взрослых работников.

Одним словом, приведенные до текста памятников статьи указывают на основательную работу, выполненную до непосредственной публикации архивных единиц. Это наблюдение подтверждается и усиливается после ознакомления с особенностями камеральной обработки, с археографическими принципами, научно-критическими приемами передачи текстов и по мере погружения в ткань самих источников.

Составители не ограничились соблюдением рекомендаций, выработанных на ряде всероссийских конференций по изучению и подготовке к изданию писцовых книг и других массовых источников, а обогатили их, сопроводив публикацию текстуальными комментариями, написанными с привлечением архивных материалов и исследований отечественных историков. Подобный академический подход к передаче ординарных текстов, отличающихся однородным и повторяемым содержанием, тяготеющим к заданному стандарту, применен практически впервые и, безусловно, расширяет интеллектуальные горизонты читателя.

Обращает на себя внимание качественный уровень научно-справочного аппарата и разнообразие объектов указателей, сопровождающих издание. Наряду с «классическим» географическим указателем, правда, с вкраплением сведений о топографических объектах, приведены два именных и указатель профессиональных занятий тяглого населения. В основу именных указателей положен принцип деления фигурантов по социальной принадлежности: в отдельный указатель были сведены имена дворохозяев крестьян и бобылей дворцовых поселений и во второй – имена административных лиц. Благодаря этому удалось избежать смешивания качественно разной информации и распыления однотипных сведений в общем массиве. В преамбуле к указателям детально изложены принципы систематиза-

ции и передачи имен, отчеств, фамилий, прозвищ и ономастических сведений об индивидууме.

Понимание и осмысление текста средневековых источников неискушенным пользователем облегчит глоссарий, в котором объяснены вышедшие из употребления понятия и лексические нормы. Безусловно, публикацию «оживляют» иллюстрации, остается лишь сожалеть об их малочисленности. Возможно, следовало привести ландратскую книгу села Лысково 1716–1717 гг. в основной части (а не в приложении) и внести требуемые в этом случае коррективы в хронологический показатель в названии или же изыскать возможность для объяснения целесообразности принятой структуры издания. Вероятно, внимательный читатель обнаружит в книге типографские опечатки и в отдельных случаях даже выразит сомнения в правомерности членения текста на фразы, найдет примеры непоследовательности в расстановке знаков препинания и т.д. Однако эти замечания будут носить субъективный характер и не могут умалить значение проделанного труда, ибо в распоряжение широкого круга исследователей поступили уникальные по полноте и характеру сведений источники о социально-экономическом развитии одного из своеобразных регионов Российского государства – Нижегородского Поволжья.

ЩАПОВ ЯРОСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ

Shapov Yaroslav Nikolaevich

Аннотация / Annotation

Некролог Щапова Ярослава Николаевича (1928–2011) – видного советского и российского историка, стоявшего у истоков создания Российского общества историков-архивистов, первого председателя Правления Центрального совета РОИА.

Obituary of Shapov Yaroslav Nikolaevich (1928–2011) – the known Soviet and Russian historian who was at the beginnings of creation of the Russian society of historians-archivists, the first chairman of the board of Main board ROIA.

Ключевые слова / Keywords

Щапов Я.Н., историческая наука, Российское общество историков-архивистов, религия, краеведение. Shapov Ya.N., history science, the Russian society of historians-archivists, religion, local history.

31 августа 2011 г. скончался Ярослав Николаевич Щапов, видный ученый-историк и гражданин, член-корреспондент РАН (АН СССР), председатель и почетный член Императорского Православного Палестинского Общества, председатель Научного совета «Роль религий в истории» РАН, председатель двусторонней Комиссии историков России и Польши, руководитель департамента науки Российского дворянского собрания и секции истории Центрального (Московского) дома ученых, почетный гражданин Подольского района Московской области.

Ярослав Николаевич Щапов был первым председателем созданного в 1991 г. Российского общества историков-архивистов, заложив основы активного сотрудничества исследователей и хранителей

историко-документального наследия России. При его активном участии разрабатывался первый Закон об архивах Российской Федерации, решались вопросы доступа к архивным комплексам спецхранов, публикации и использования документов по церковной истории. В 1990-е гг. он стал во главе сложного процесса объединения усилий академической и церковной науки в совместных исследовательских и просветительских проектах.

По инициативе Я.Н. Щапова 1 июня 1992 г. в Москве состоялась знаменательная для исторической науки встреча представителей Российского общества историков-архивистов, Московского патриархата, Комитета Верховного Совета Российской Федерации по свободе совести, вероисповедания, милосердия и благотворительности, Росархива, государственных архивов, музеев, библиотек. Рекомендации, принятые по докладу Я.Н. Щапова, впервые в XX столетии охватили широкий круг вопросов, касающихся состояния сохранности и использования архивных и рукописных фондов церковного происхождения; использования по назначению церковных зданий, публикации документов по церковной истории.

Созданный его усилиями первый коллектив из академических, университетских и церковных ученых осуществил издание «Православной энциклопедии», нового комментированного издания «Истории Русской Церкви» митрополита Макария (Булгакова). В 1997 г. Ярослав Николаевич возглавил возрождение премии памяти митрополита Макария (Булгакова), взяв на себя руководство научной экспертизой трудов современных историков.

Ярослав Николаевич Щапов – автор восьми книг и 295 публикаций. Его труды по истории Древней Руси IX–XIV вв., посвященные исследованию проблем государства и права, культуры, развития связей с Византией и славянскими странами – весомый вклад в отечественную историографию.

Возглавляя созданный им при поддержке Администрации г. Подольска муниципальный музей истории усадьбы Щапово, он много сил отдал развитию краеведения, издал труды: «Усадьбы Южного Подмосковья. Материалы научно-практической конференции 29–30 марта 2000 года», «Щаповская сельскохозяйственная школа – переключка столетий» (К 100-летию ее основания); «Каталог выставки старинных и редких книг, настенных листов и эксли-

брисов»; «Село Александрово – поселок Щапово XVII–XXI века». В этих заботах Ярославу Николаевичу помогли многие его коллеги-историки, московские, подольские и местные краеведы, а также его супруга – профессор МГУ, доктор исторических наук Юлия Леонидовна Щапова.

Я.Н. Щапов был награжден орденом Дружбы народов, орденом преподобного Сергия Радонежского II степени. Ему присуждена академическая премия им. Б.Д. Грекова. В 1998 г. он стал кавалером ордена Почета. Посвященный ему юбилейный сборник «От Древней Руси к новой России» включил статьи сорока авторов – друзей, коллег и сподвижников Ярослава Николаевича. Выставка фотографий и документов «Семейный альбом» из наследия самобытного рода Щаповых организовали Союз журналистов Москвы, Главное архивное управление Москвы, объединение «Фотоцентр» в рамках реализации программы Правительства Москвы.

Ярослав Николаевич Щапов являл нам пример истинного интеллигента, носителя традиционной русской культуры, подвижника на ниве просвещения, гражданина и патриота своего Отечества, отдавшего служению ему всю свою жизнь.

Выражаем соболезнование родным и близким, скорбим по поводу понесенной тяжелой утраты.

**Правление Центрального совета
Российского общества историков-архивистов**

**Редакция и редакционная коллегия
журнала «Вестник архивиста»**

АЛЕКСЕЕВА ТАТЬЯНА АНДРЕАНОВНА

Alekseeva Tatyana Andreanovna

Аннотация / Annotation

Некролог Алексеевой Татьяны Андреевны – известного архивиста, заместителя директора РГАКФД, специалиста в области обеспечения сохранности и учета кинофото-видеодокументов.

Obituary of Alekseeva Tatyana Andreanovna – the known archivist, deputy director of RGAKFD, the expert in the field of safety and account maintenance cinema and photography documents.

Ключевые слова / Keywords

Алексеева Т.А., РГАКФД, кинофото-видеодокументы, обеспечение сохранности и учета кинофото-видеодокументов. Alekseeva T.A., RGAKFD, cinema and photography documents, safety and account maintenance of cinema and photography documents.

Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД) понес тяжелую утрату. На 64-м году жизни скоропостижно скончалась заместитель директора архива, главный хранитель фондов Алексеева Татьяна Андреевновна.

Татьяна Андреевновна работала в РГАКФД с 1980 г. Она организовывала и координировала работы, связанные с обеспечением сохранности и государственного учета кинофото-видеодокументов архива, участвовала в разработке и внедрении программ по обеспечению сохранности документов.

С 1994 г. она являлась заместителем председателя постоянно действующей комиссии по обеспечению сохранности документов архива, подготавливала и проводила заседания комиссии, обеспечивала контроль за выполнением принимаемых решений.

Татьяна Андреевновна являлась автором ряда инструкций и методических пособий по вопросам учета и обеспечения сохранности документов.

Она – постоянный участник различных конференций, круглых столов, научных заседаний, на которых выступала с докладами и сообщениями, представляя РГАКФД, в том числе и за рубежом. Неоднократно Т.А. Алексеева публиковалась в различных изданиях, была постоянным автором журнала «Вестник архивиста».

Т.А. Алексееву отличало исключительное трудолюбие, высокий профессионализм, принципиальность, ответственность за порученное дело. Она пользовалась большим уважением в коллективе. Татьяну Андреановну знали и ценили не только в архивах Москвы, но и во многих архивах Российской Федерации, СНГ, Европы. Она всегда щедро делилась опытом работы.

Плодотворная производственная и общественная деятельность Т.А. Алексеевой отмечена многими наградами и поощрениями. Она награждена нагрудным знаком «Отличник архивного дела», медалью «Ветеран труда», в 2007 г. получила Благодарность министра культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, имела многочисленные благодарности от Росархива и Администрации г. Красногорска.

Выражаем соболезнования родным и близким.

Помним, скорбим.

**Коллектив Российского государственного
архива кинофотодокументов**

**Редакция и редакционная коллегия
журнала «Вестник архивиста»**

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК АРХИВИСТА» В 2011 Г.

Проблемы архивоведения, источниковедения, документоведения, археографии

<i>Альтман М.М.</i> Из истории комплектования Российского государственного архива экономики документами личного происхождения	3
<i>Антонова О.Е.</i> Генеральный план реконструкции Москвы 1935 года: источниковедческий аспект.....	2
<i>Афиани В.Ю.</i> Из истории публикации и изучения научного наследия М.В. Ломоносова. К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова.....	4
<i>Баталин В.Н.</i> Проблемы восстановления кинодокументов РГАКФД первых лет российского кинематографа	3
<i>Белякова О.А.</i> Кинодокументы РГАКФД по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: современное состояние и перспективы обеспечения сохранности.....	3
<i>Борисова Л.В.</i> Информационные сводки Московского губернского политотдела ГПУ как исторический источник.....	2
<i>Глотова С.А.</i> Отражение распорядительной деятельности органов государственной власти и управления XVIII в. в документах Российского государственного архива древних актов	4
<i>Дадыгина Т.В.</i> Особенности комплектования РГАКФД видеодокументами	3
<i>Двоеносова Г.А.</i> Социально-политический анализ документа. Постановка проблемы.....	4
<i>Ермолаева А.В.</i> К вопросу организации делопроизводства и архивного дела в органах государственной власти и управления в постсоветский период	1, 2
<i>Забаровский В.И.</i> Источниковая база исследования музейной деятельности: на примере Центрального музея Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	3
<i>Иванова И.М.</i> Фотодокументы РГАКФД о коренных народах Севера и Сибири в 1920-е – 1930-е гг.: источниковедческий анализ.....	3
<i>Игумен Дамаскин (Орловский).</i> Церковно-государственные отношения и вопросы канонизации святых Русской Православной Церкви в постсоветский период российской истории	4
<i>Калантарова Н.А., [Алексеева Т.А.]</i> Из опыта организации работы с аудиовизуальными документами в Российском государственном архиве кинофотодокументов	3
<i>Квасов О.Н.</i> Источники изучения проблемы терроризма в начале XX в.	3

Козлов В.П. «Игра явлений» в дневнике Анатолия Черняева	1
Козлов Ф.Н. Информационный потенциал государственных архивов Чувашии на примере изучения государственно-церковных отношений в 1917–1941 гг.	2
Колышницына Н.В. Организация учебно-воспитательного процесса в Императорском С.-Петербургском историко-филологическом институте	3
Кошелева Е.Ю. Организация экспертизы ценности документов в органах государственного управления и самоуправления Саратовской губернии. Вторая половина XIX в. — 1917 г.	1
Лещёв Е.Н. Анализ основной источниковой базы изучения деятельности государственных органов по обеспечению безопасности границы Российской империи в Средней Азии. 1860–1917 гг.	1
Малышева Г.Е. О необходимости повышать информативность студийных описей кинодокументов, поступающих на хранение в Российский государственный архив кинофотодокументов.	1
Манькин В.А. Деятельность Главного архивного управления города Москвы по совершенствованию нормативно-правовой базы архивного дела в столице и внедрению автоматизированных архивных технологий 2004–2010 гг.	1
Моисеева Р.М. К вопросу об экспертизе ценности фотодокументов, передаваемых на постоянное хранение в государственные архивы на примере РГАКФД	3
Николаев Н.Н. Архивные коллекции рекламных материалов как источник по истории российского зарубежья XX века. Вопросы выявления, классификации, информационного анализа.	4
Пашкин А.Г. Особенности борьбы с преступностью в Ульяновской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: источниковедческий аспект.	3
Раздорский А.И. Приходо-расходные книги Разрядного приказа XVII – начала XVIII в. как источник по истории торговли, купечества и таможенного дела.	3
Романченко Е.В. Построение системы хранения документов в условиях финансового холдинга.	4
Сафронова А.М. Счета за книги, приобретенные в Екатеринбургскую библиотеку горного ведомства, как источник для реконструкции ее состава. 1734–1739 гг.	4
Серковская Л.В. Из истории Русского заграничного исторического архива (РЗИА): проблемы методологии, теории и практики исследований	2
Сидоренко Е.В. Регламентация управленческих процедур и их документирование — новая ступень постановки документационного обеспечения управления (ДООУ).	1
Солдатова О.Н. Документы Филиала РГАНТД – свидетельство трудового подвига советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	2

Томилин В.Н. Источники по изучению истории МТС Черноземного центра России послевоенного времени. 1946–1958 гг.	1
Трофимов Е.А. Игровой фильм как исторический источник. На примере изучения кинодокументов по истории Алжирской войны. 1954–1962 гг.	1
Трошина Т.И. Документы комиссий по истории революции и партии как исторический источник. На материалах испартов Архангельской и Вологодской губерний.	4
Чвикалов А.И. Архивные источники о дворянском, земском и городском самоуправлении во второй половине XIX – начале XX вв. в Центральном Черноземье: организационный и социальный аспекты.	4
Чурланова П.К. Использование документов архивного фонда Республики Дагестан.	4
Шабанова Т.Е., Хабибулина Г.А. О работе федеральных архивных учреждений по созданию и организации хранения страхового фонда копий уникальных и особо ценных документов архивного фонда Российской Федерации.	4
Шапошникова Н.А. Начальный период становления Главархива Москвы.	2
Шевельков А.И. Аграрная политика государства в Нечерноземной зоне РСФСР в архивных документах.	1
Шуваева Т.В. Советское кинолюбительское движение: из опыта приема в РГАКФД кинолюбительских фильмов.	3
Исторические исследования	
Артамонова Ж.В. Этапы формирования обвинений против лидеров троцкистско-зиновьевской оппозиции в 1934–1936 гг.	3
Баканов А.И. Расследование Золочевского погрома на Львовщине. По документам Государственного архива Российской Федерации. 1941 г.	1
Баталин В.Н., Малышева Г.Е. Первое десятилетие красногорского периода РГАКФД: 1953–1963 гг.	3
Бурдин Е.А. Кунеевский ИТЛ: проблема использования принудительного труда на строительстве Куйбышевского гидроузла. 1949–1958 гг.	4
Вах К.А. К истории назначения архимандрита Антонина (Капустина) начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме.	4
Волкова Е.А. Шифровальные секреты дипломатической переписки России в XVI–XVIII вв.	3
Волкова Е.В. Фотодокументы, передаваемые на постоянное хранение в РГАКФД из личного архива М.С. Напельбаума.	3
Иванов А.А. Советская контрразведка на Северном фронте гражданской войны (1918–1920 гг.): создание и деятельность.	4
Кабачков А.Н., Федотова И.Ю. Приказ НКВД № 00447. Массовые репрессии в г. Краснокамске в 1937–1938 гг.	1

Колоскова Е.Е. Русские военнопленные в Японии в 1904–1906 гг. в фотодокументах РГАКФД.....	3
Котков В.М. Первый Всероссийский съезд представителей военного и морского духовенства в документах Российского государственного исторического архива.....	2
Лебедев В.Д. Вклад великого князя Александра Михайловича в развитие Военно-Морского флота и авиации России.....	2
Матисон А.В. Брачные союзы православного духовенства уездных городов России в конце XVIII в.: Ржев и Осташков.....	4
Никонорова Т.Н. «Наш фильм... может стать серьезным оружием советской контрпропаганды». К истории создания кинофильма «Агония».....	1
Пашин В.П., Богданов С.В., Богданова Ю.С. Антиалкогольная кампания 1985–1987 гг. в СССР. По советским архивным документам и рассекреченным материалам ЦРУ.....	4
Раку М.В. «Исламский фактор» в советско-иранских отношениях. Вторая половина 1980-х гг.....	4
Серегина И.И. Кинодокументы РГАКФД: антирелигиозная кампания советского государства по вскрытию мощей православных святых в 1918–1930-х гг.....	3
Сучкова С.И. О составе и содержании фотодокументов из личного архива фотокорреспондента Б.Е. Вдовенко в РГАКФД.....	3
Чертилина М.А. Подписание Акта о безоговорочной капитуляции вооруженных сил фашистской Германии в фотодокументах РГАКФД.....	3
Научная публикация архивных документов	
Бахтин В.В. «Вскрыть причины, вызвавшие детей школьного возраста к созданию подпольной детской организации “Мститель”».....	4
Бухерт В.Г. «Мне хотелось бы теперь поработать в Вятке для улучшения архивного дела». Докладная записка П.Н. Луппова. 1918 г.....	1
Васильев Александр, протоиерей, Ромашин И.Е. «...Работая на началах самоуправления». Из истории женской общины «Отрада и утешение», преобразованной в сельхозартель «Добрыниха». 1918–1927 гг.....	2
Лейбович О.Л. Отзывы на доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» в Молотовской области. Март–апрель 1956 г.....	1
Моруков М.Ю., Войтиков С.С. Выделение города Москвы из Московской области.....	4
Рудельсон К.И. «Работа с вражескими трофейными документами была опасной...». Публикация <i>Н.С. Зелова, З.П. Иноземцевой</i>	2
Сапченко Л.А. «... Вы принадлежите России». Неопубликованное письмо Н.М. Карамзина мореплавателю И.Ф. Крузенштерну.....	2

Люди. События. Факты

Автор концепции истории русско-китайских отношений, руководитель РОИА. К 80-летию академика РАН В.С. Мясникова.....	2
Академический подход в изучении архивных документов. К юбилею В.Ю. Афиани.....	2
Амиантов Ю.Н. Документы советской эпохи. История и современность. К 90-летию Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ).....	1
Анфертьев И.А. Российскому историко-архивоведческому журналу «Вестник архивиста» – 20 лет. Из истории создания и деятельности на современном этапе	1
Белгородская Л.В. Загадка «Prince P.K.». К 170-летию П.А. Кропоткина.....	2
Бровина А.А., Лисевич Н.Г., Филиппова Т.П. Военные воспоминания советского ученого А.Ф. Ануфриева.....	2
Гордон А.В. «Места памяти» профессора Е.В. Старостина.....	4
Иванушкина С.А., Кабытов П.С. Деятельность В.В. Гольмстен по сохранению историко-культурного наследия Самарской губернии. 1919–1929 гг.	4
Куратов А.А. Деятельность и предложения астраханского губернатора И.С. Тимирязева по реформированию религиозной жизни калмыков в 1830–1840-е гг.	4
Лобанов В.В. Судьба «архиепископа» Матфия. По материалам следственного дела.....	4
От рядового хранителя фондов – до руководителя управления Росархива. А.В. Грошеву исполнилось 50 лет.....	2
Прозорова В.Б. «Профессор Степанский, небольшого роста, седой и улыбочивый, все время куда-то стремительно летел...».....	1
Тихонов В.В. «Если ты хочешь услышать этого великого ученого и мастера слова, то приезжай в Москву». Воспоминания А.И. Яковлева к 170-летию В.О. Ключевского.....	2
Худоназаров Д.Н. В поисках архива графа А.А. Бобринского в Южном Тироле. К 150-летию ученого.....	2, 3
Шумейко М.Ф. Из истории Витебского отделения Московского археологического института. К 100-летию со дня открытия.....	3
Из жизни Российского общества историков-архивистов	
6-й Пленум (четвертого созыва) Центрального совета Российского общества историков-архивистов. Информационное сообщение.....	1
V Всероссийский съезд Российского общества историков-архивистов. Информационное сообщение.....	2
Постановление V Всероссийского съезда Российского общества историков-архивистов об утверждении отчетного доклада Контрольно-ревизионной комиссии РОИА.....	2

Постановление V Всероссийского съезда Российского общества историков-архивистов о выборах председателя Правления Центрального совета РОИА (пятого созыва) и его заместителей	2
Постановление V Всероссийского съезда Российского общества историков-архивистов по отчетному докладу Центрального совета РОИА (2006 – 2011 гг.).....	2
<i>Самовтор С.В.</i> «Судьба страны – в судьбе семьи».....	3
Состав Центрального совета Российского общества историков-архивистов, избранный V Всероссийским съездом РОИА	2
Торжества в связи с 20-летием Российского общества историков-архивистов.....	1
Зарубежная архивная Россия	
<i>Гентике В.Л., Сабенникова И.В., Ловцов А.С.</i> Русское зарубежье на страницах специализированных журналов. Материалы к указателю. 2005–2010 гг.	1, 2
<i>Котюкова Т.В.</i> Туркестанское направление думской политики в Российской империи. По документам Центрального государственного архива Республики Узбекистан. 1906–1917 гг.	3
<i>Шмидт Вальдемар.</i> Танзанийские источники о переселенческом движении российских немцев в немецкую Восточную Африку.....	2
Генеалогия: отечественный и зарубежный опыт	
<i>Калиничев А.А.</i> Из истории рода Кайдановых–Ольхиных	4
<i>Федорова И.С.</i> Генеалогические запросы в Государственном архиве Кировской области: ретроспектива и современное состояние	3
Электронные архивы и документы	
<i>Коновалова А.В.</i> «Документация в информационном обществе: международный опыт управления документами». XVII международная научно-практическая конференция	2
Обзоры архивных фондов и коллекций	
<i>Аксютин Ю.В.</i> Фонд Московского областного бюро большевиков в Российском государственном архиве социально-политической истории. 1917–1918 гг.	3
<i>Тихомиров О.И.</i> Воспоминания Л.М. Кагановича о нижегородском периоде его работы в 1918–1919 гг. как исторический источник	2
Зарубежный опыт	
<i>Михайлова А.А.</i> История Сербии в материалах межопштинских архивов	4
Официальный отдел	
<i>Буравченко Н.А.</i> Хроника событий	1, 2, 3, 4

Методические рекомендации по разработке инструкций по делопроизводству
в федеральных органах исполнительной власти..... 1, 2, 3

В гостях у «Вестника архивиста»

Научный исторический ежегодник Белорусского государственного
университета «Российские и славянские исследования»..... 4

Историческое краеведение

Сосновская И.А. Страницы жизни и деятельности врача И.Н. Севастьянова.
По документам Государственного архива Орловской области и
Орловского краеведческого музея 3

Научные сообщения, информация

Васильев Д.М. Документы калининградских архивов о перемещении
немецкого населения в Германию во второй половине 1940-х гг. 2

Морозов К.Н. «Оппозиция и сопротивление российских социалистов
и анархистов большевистскому режиму (октябрь 1917 – сер. XX в.)».
О подготовке энциклопедического словаря 1

Паламарь Н.Ф. Особенности научной реставрации ценных документов
Архива РАН..... 4

Садовников С.И. Архивные исследования в контексте поисковой
работы по обнаружению и захоронению воинов Великой
Отечественной войны 1941–1945 гг. 1

Критика и библиография

Герасимов В.Л. Издана книга о маршале И.Т. Пересыпкине 1

Козлов В.П. Разговор двух историков..... 2

Котов Б.С. Тайная борьба за Черноморские проливы накануне
Первой мировой войны..... 3

Лавров В.М. За веру, Церковь и Родину 2

Мустафина Д.А. Изданы источники по истории развития
дворцовых вотчин Нижегородского и Казанского Поволжья 4

Плеханов А.М. Изданы документы о системе подготовки офицерских
кадров Русской императорской армии 2

Некрологи

Алексеева Татьяна Андреановна 4

Амиантов Юрий Николаевич..... 3

Рошаль Лев Моисеевич 1

Старостин Евгений Васильевич 2

Щапов Ярослав Николаевич 4

НАШИ АВТОРЫ

АФИАНИ Виталий Юрьевич – директор Архива РАН, г. Москва; 8-499-129-19-10; academ_archive@mail.ru

БАХТИН Виктор Викторович – доцент кафедры педагогики и социально-политических наук Воронежского государственного аграрного университета им. К.Д. Глинки, кандидат исторических наук, г. Воронеж; 8-920-444-08-20; vvbakhtin@rambler.ru

БОГДАНОВ Сергей Викторович – доцент кафедры философии Губкинского института (филиала) Московского государственного открытого университета, кандидат исторических наук, г. Москва; sv-bogdanov@mail.ru

БОГДАНОВА Юлия Сергеевна – переводчик, ассистент кафедры делового иностранного языка Белгородского государственного университета, г. Белгород; bogdanova@bsu.edu.ru

БУРАВЧЕНКО Нина Александровна – консультант (пресс-секретарь) Федерального архивного агентства, г. Москва; 8-495-606-23-29; buravchenko_na@gov.ru

БУРДИН Евгений Анатольевич – доцент кафедры музееведения исторического факультета Ульяновского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук, г. Ульяновск; 8-422-20-94-26, 8-909-359-94-40; burdin_e@mail.ru

ВОЙТИКОВ Сергей Сергеевич – ведущий научный сотрудник Центра научного использования и публикации архивного фонда Главархива Москвы, г. Москва, 8-495-678-73-89; spipaf@mail.ru

ВАХ Кирилл Алексеевич – генеральный директор Научно-издательского центра «Индрик», г. Москва; k_vach@mail.ru

ГЛОТОВА Светлана Александровна – преподаватель кафедры документоведения Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва; 8-903-152-11-02, 8-495-749-91-87; svgronina@yandex.ru

ГОРДОН Александр Владимирович – заведующий сектором ИНИОН РАН, доктор исторических наук, г. Москва; 8-499-120-61-33; gordon_aleksandr@mail.ru

ДВОЕНОСОВА Галина Александровна – заведующая кафедрой документоведения Казанского государственного энергетического университета, доцент, кандидат исторических наук, г. Казань; 8-843-519-42-98, +7-904-671-56-51; dvoenosovaga@yandex.ru

ИВАНОВ Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент Мурманского института экономики (филиал Санкт-Петербургской академии управления и экономики), г. Мурманск; +7-921-175-43-79; bishop-1985@list.ru

ИВАНУШКИНА Светлана Александровна – аспирант кафедры российской истории Самарского государственного университета, г. Самара; 8-846-278-09-05; ivanushkina@ssu.samara.ru

Игумен ДАМАСКИН (Орловский Владимир Александрович) – секретарь Синодальной комиссии по канонизации святых, кандидат исторических наук, г. Москва; 8-916-902-79-57; usrf04@mail.ru

КАБЫТОВ Петр Серафимович – заведующий кафедрой российской истории Самарского государственного университета, профессор, г. Самара; 8-846-334-54-03; kabpetr@ssu.samara.ru

КАЛИНИЧЕВ Андрей Альфеевич – исследователь-докторант кафедры всеобщей истории Университета г. Турку, лицензиат философии, г. Турку, Финляндия; +358-40-757-75-78; andkal@utu.fi

КУРАПОВ Андрей Алексеевич – заместитель директора по науке Астраханского государственного музея-заповедника, доцент, кандидат исторических наук, г. Астрахань; 8-851-225-90-00, 8-927-551-81-84; Akurapov78@rambler.ru

ЛОБАНОВ Вячеслав Викторович – старший научный сотрудник, ученый секретарь Центра истории религии и церкви Института российской истории Российской академии наук, кандидат исторических наук, г. Москва; 8-499-126-26-65; astol1@post.ru

МАТИСОН Андрей Викторович – заведующий отделом Главного архивного управления города Москвы, кандидат исторических наук, г. Москва; 8-916-537-75-74, 8-499-197-18-61; matisonav@yandex.ru

МИХАЙЛОВА Алена Алексеевна – соискатель научной степени кандидата исторических наук Уральского государственного университета им. А.М. Горького, г. Екатеринбург; +7-905-264-79-21; spb-privet@yandex.ru

МОРУКОВ Михаил Юрьевич – заместитель директора Центра научного использования и публикации архивного фонда Главархива Москвы, кандидат исторических наук, г. Москва, 8-495-678-73-89; cniiraf@mail.ru

МУСТАФИНА Дина Абдулбаровна – доцент Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат исторических наук, 422066, г. Казань, ул. Чистопольская, д.10/8, кв. 83; 8-843-233-73-53

НИКОЛАЕВ Николай Николаевич – соискатель Российского государственного гуманитарного университета, и.о. заместителя руководителя Росимущества; 8-495-606-60-20; congress@fromru.com, Nik2@bk.ru

ПАЛАМАРЬ Наталья Федоровна – заведующая лабораторией реставрации Архива Российской академии наук, г. Москва, 8-499-129-05-44, 8-916-981-65-26; palamar.n@mail.ru

ПАШИН Василий Петрович – заведующий кафедрой Юго-Западного государственного университета, профессор, доктор исторических наук, г. Курск; pashinvp@mail.ru

РАКУ Максим Валерьевич – аспирант секции истории и теории международных отношений кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва; +7-910-421-70-81; M.V.Raku@Hotmail.com

РОМАНЧЕНКО Елена Валерьевна – аспирант Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД), г. Москва; 8-916-612-75-80; ERomanch@rambler.ru

САФРОНОВА Алевтина Михайловна – доцент кафедры архивоведения и истории государственного управления Уральского государственного университета им. А.М. Горького, кандидат исторических наук, г. Екатеринбург; 8-343-240-51-03, 8-902-872-01-86; Alevtina.Safronova@gmail.com

ТРОШИНА Татьяна Игоревна – доцент кафедры социальной работы, докторант кафедры отечественной истории Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук, г. Архангельск; 8-818-264-14-44; 8-911-571-04-66; tatr-arh@mail.ru

ХАБИБУЛИНА Галина Александровна – заместитель начальника отдела обеспечения сохранности и государственного учета документов Федерального архивного агентства, г. Москва; 8-495-606-38-89; habibullina_ga@gov.ru

ЧВИКАЛОВ Алексей Иосифович – доцент кафедры социологии, психологии и теории социальной работы филиала Российского государственного социального университета (РГСУ) в г. Воронеже, кандидат исторических наук, г. Воронеж; 8-473-278-30-98; avtlit@rambler.ru

ЧУРЛАНОВА Патимат Курбановна – преподаватель Дагестанского государственного университета, г. Махачкала; raiskakisa@mail.ru

ШАБАНОВА Татьяна Евгеньевна – заместитель начальника управления организации архивных услуг – начальник отдела обеспечения сохранности и государственного учета документов Федерального архивного агентства, г. Москва; 8-495-606-38-89; habibullina_ga@gov.ru

Содержание

Проблемы архивоведения, источниковедения, документоведения, археографии

- Шабанова Т.Е., Хабибулина Г.А.** О работе федеральных архивных учреждений по созданию и организации хранения страхового фонда копий уникальных и особо ценных документов архивного фонда Российской Федерации 3
- Чурланова П.К.** Использование документов архивного фонда Республики Дагестан 14
- Двоеносова Г.А.** Социально-политический анализ документа. Постановка проблемы 22
- Романченко Е.В.** Построение системы хранения документов в условиях финансового холдинга 32
- Афиани В.Ю.** Из истории публикации и изучения научного наследия М.В. Ломоносова. К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова 46
- Глотова С.А.** Отражение распорядительной деятельности органов государственной власти и управления XVIII в. в документах Российского государственного архива древних актов 57
- Сафронова А.М.** Счета за книги, приобретенные в Екатеринбургскую библиотеку горного ведомства, как источник для реконструкции ее состава. 1734–1739 гг. 68
- Чвикалов А.И.** Архивные источники о дворянском, земском и городском самоуправлении во второй половине XIX – начале XX вв. в Центральном Черноземье: организационный и социальный аспекты 79
- Трошина Т.И.** Документы комиссий по истории революции и партии как исторический источник. На материалах испартов Архангельской и Вологодской губерний 96
- Николаев Н.Н.** Архивные коллекции рекламных материалов как источник по истории российского зарубежья XX века. Вопросы выявления, классификации, информационного анализа 109
- Игумен Дамаскин (Орловский).** Церковно-государственные отношения и вопросы канонизации святых Русской Православной Церкви в постсоветский период российской истории 122

Исторические исследования

- Матисон А.В.** Брачные союзы православного духовенства уездных городов России в конце XVIII в.: Ржев и Осташков 130
- Вах К.А.** К истории назначения архимандрита Антонина (Капустина) начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме 138
- Иванов А.А.** Советская контрразведка на Северном фронте гражданской войны (1918–1920 гг.): создание и деятельность 154
- Бурдин Е.А.** Кунеевский ИТЛ: проблема использования принудительного труда на строительстве Куйбышевского гидроузла. 1949–1958 гг. 167

Пашин В.П., Богданов С.В., Богданова Ю.С. Антиалкогольная кампания 1985–1987 гг. в СССР. По советским архивным документам и рассекреченным материалам ЦРУ	182	
Раку М.В. «Исламский фактор» в советско-иранских отношениях. Вторая половина 1980-х гг.	195	
Люди. События. Факты		
Курапов А.А. Деятельность и предложения астраханского губернатора И.С. Тимирязева по реформированию религиозной жизни калмыков в 1830–1840-е гг.	204	
Лобанов В.В. Судьба «архиепископа» Матфия. По материалам следственного дела.	216	
Иванушкина С.А., Кабытов П.С. Деятельность В.В. Гольмстен по сохранению историко-культурного наследия Самарской губернии. 1919–1929 гг.	224	
Гордон А.В. «Места памяти» профессора Е.В. Старостина	234	
Официальный отдел		
Буравченко Н.А. Хроника событий	240	
Научная публикация архивных документов		
Бахтин В.В. «Вскрыть причины, вызвавшие детей школьного возраста к созданию подпольной детской организации “Мститель”»	245	
Моруков М.Ю., Войтиков С.С. Выделение города Москвы из Московской области	254	
Генеалогия: отечественный и зарубежный опыт		
Калиничев А.А. Из истории рода Кайдановых–Ольхиных	261	
Зарубежный опыт		
Михайлова А.А. История Сербии в материалах межопштинских архивов	271	
В гостях у «Вестника архивиста»		
Научный исторический ежегодник Белорусского государственного университета «Российские и славянские исследования»	282	
Научные сообщения, информация		
Паламарь Н.Ф. Особенности научной реставрации ценных документов Архива РАН	287	
Критика и библиография		
Мустафина Д.А. Изданы источники по истории развития дворцовых вотчин Нижегородского и Казанского Поволжья	295	
Некрологи		
Щапов Ярослав Николаевич	302	
Алексеева Татьяна Андреевна	305	
Указатель материалов, опубликованных в журнале «Вестник архивиста» в 2011 г.		307
Наши авторы	314	

Contents

Archival, Source, Documents and Archeology issues

- Shabanova T.E., Habibulina G.A.** About work of federal archival establishments on storage creation and organization of insurance fund of copies unique and especially important documents of Russian Federation archival fund.....3
- Churlanova P.K.** Documents use in the Dagestan Republic archival fund..... 14
- Dvoenosova G.A.** The socio-political analysis of the document. The problem statement. 22
- Romanchenko E.V.** The system of documents storage construction in the conditions of financial holding.....32
- Afiani V.Yu.** From publication and studying of the scientific heritage history of M.V. Lomonosov. To the 300th anniversary of M.V. Lomonosov 46
- Glotova S.A.** Reflection of the administrative activity of the state structures in 18th century in documents of Russian state archive of ancient documents.....57
- Safronova A.M.** Invoices for books, purchased for the Ekaterinburg library of mining department, as the source for reconstruction its structure (1734–1739) 68
- Chvikalov A.I.** Archival sources about noble, rural and urban self-government in second half 19th – early 20th centuries in the central Chernozem region: organizational and social aspects 79
- Troshina T.I.** Documents of commissions on the history of the Revolution and the communist party as a historical source. According to materials of "Istpart" in Arkhangelsk and Vologda regions.....96
- Nikolaev N.N.** Archival collections of advertizing materials as a source of history of the Russian abroad of 20th centuries. Questions of detection, classification, the information analysis 109
- Hegumen Damaskin (Orlovskiy).** State and church relations and questions of sacred canonization of Russian orthodox church during the Post-Soviet period of the Russian history 122

Historical research

- Matison A.V.** Orthodox clergy matrimony of local Russian towns in the end of 18th century: Rzhev and Ostashkov.....130
- Vakh K.A.** On the history of assignment of archimandrite Antonin (Kapustin) as a head of the Russian ecclesiastic mission in Jerusalem.....138
- Ivanov A.A.** Soviet counterintelligence on the northern front of the Civil war (1918–1920): creation and activities 154
- Burdin E.A.** Kuibyshev hydroknot: problem of forced labour use on building of Kuibyshev hydroelectric complex. 1949–1958.....167
- Pashin V.P., Bogdanov S.V., Bogdanova Yu.S.** Antialcoholic campaign in USSR (1985–1987). On the Soviet archival documents and the declassified materials of CIA.....182
- Raku M.V.** "Islamic factor" in Soviet-Iranian relations. Second half of the 1980th.....195

People. Events. Facts.

<i>Kurapov A.A.</i> Activity and offers of Astrakhan governor Timiryazev on reforming of religious life of Kalmyk's 1830–1840 th	204
<i>Lobanov V.V.</i> Destiny of «Archibishop» Matthias on materials of the investigation case	216
<i>Ivanushkina S.A., Kabytov P.S.</i> Golmsten's activity on preservation historical and a cultural heritage of the Samara province. 1919–1929	224
<i>Gordon A.V.</i> “Memorable places” of professor Starostin E.V.	234

Official department

<i>Buravchenko N.A.</i> Chronicle	240
---	-----

Scientific publication of archival documents

<i>Bakhtin V.V.</i> “To determine the reasons which have caused school children to create the underground children’s organization “Avenger”	245
<i>Morukov M.Yu., Voytsov S.S.</i> Moscow City detachment from the Moscow region	254

Genealogy: domestic and foreign experience

<i>Kalininchev A.A.</i> History of the new Russian aristocracy: Kaidanov-Olhins	261
---	-----

Foreign experience

<i>Mikhailova A.A.</i> History of Serbia in materials of intermunicipal archives	271
--	-----

On a visit in “Herald of an archivist”

Scientific historical year-book of the Belarus state university «Russian and Slavic researches»	282
---	-----

Scientific reports, information

<i>Palamar N.F.</i> Features of scientific restoration of important documents of the Russian Academy of Sciences archive	287
--	-----

Criticism and bibliography

<i>Mustafina D.A.</i> Sources on stories of development of a palace ancestral lands of the Nizhny Novgorod and Kazan Volga region are published	295
---	-----

Obituaries

Shapov Yaroslav Nikolaevich	302
Tatyana Andreanovna Alekseeva	305

The index of materials published

in magazine “Herald of an archivist” in 2011	307
--	-----

Our authors	314
--------------------------	-----

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ к оформлению рукописей для представления в редакцию журнала «ВЕСТНИК АРХИВИСТА»

Редакция принимает к рассмотрению публикации, соответствующие профилю издания – источниковедение, архивоведение, документоведение, археография, обзоры фондов, рецензии (рецензируемая книга должна поступить в редакцию).

Присланные статьи в печатном варианте принимаются к рассмотрению только при наличии электронной версии.

Все присланные статьи (**info@vestarchive.ru**) должны быть оформлены в соответствии с данными требованиями:

Сопроводительное письмо должно содержать описание файлов.

Текст в файлах должен быть набран без каких-либо элементов форматирования и переносов. В состав электронной версии должны входить: файл, содержащий текст статьи, и файл(ы), содержащий(е) иллюстрации (если они имеются, в форматах **tif, jpg**). Не рассматриваются статьи, выполненные в виде одного файла с иллюстрациями, необходимо представить файлы на каждую иллюстрацию. Подписи к иллюстрациям выполняются отдельным файлом, их нумерация должна соответствовать нумерации в названии каждого файла иллюстрации. Растровые изображения должны иметь разрешение не менее **300 dpi**.

Файлы по эл. почте отправлять в виде **attachment** (приложения).

Файлы больших объемов архивировать общеизвестными архиваторами (**ZIP, RAR** и т.п.).

Рекомендуемый объем материалов – от 2 (**4 000** знаков, включая пробелы) стандартных страниц компьютерного набора) – до 20 (**30 000** знаков, включая пробелы) страниц. Статьи соискателей степени кандидата наук не должны превышать 0,5 п.л. (**20 000** знаков с пробелами и сносками), соискателей степени доктора наук – 0,8 п.л. (**30 000** знаков с пробелами и сносками).

Материалы предоставляются в следующем виде: редактор **Microsoft Office Word 1995 – 2003** (не использовать Word 2007, 2008); шрифт **“Times New Roman”**; основной текст – кегль **14**; интервал **1,5**; верхнее и нижнее поля – **2,5** см; левое поле – **3** см; правое поле – **1,5** см; отступ (абзац) – **1,25** см; параметры абзацев устанавливать только автоматически с помощью опций меню «абзац»; не вводить нумерацию страниц текста; не пользоваться колонтитулами, ручными переносами и отступами; обязательна проверка орфографии.

Подписано в печать 25.11.2011 г. Печать офсетная. Формат 60x84/16.

Объем 20 п.л. Тираж 1000 экз. Заказ 4016—11.

Отпечатано с пленок заказчика в ОАО «12 ЦТ».

117342, г. Москва, Севастопольский пр-т, д. 56/40.

Тел.: (495) 334-98-94.

ТРЕБОВАНИЯ

к порядку расположения (структуре) текста принимаемых к публикации редакцией журнала «Вестник архивиста» авторских материалов:

Фамилия, имя и отчество автора (полностью на русском и английском языках; жирным шрифтом, по центру);
сведения об авторе (полностью на русском и английском –
ученое звание, ученая степень, место работы/учебы, должность);
название статьи (полностью на русском и английском –
заглавными буквами, жирным шрифтом, по центру,
адрес электронной почты, контактные тел. автора (обязательно));

Аннотация статьи на русском

и английском языках (объем – до **500** знаков);

Ключевые слова на русском и английском языках (**5–7** понятий).

Оформление основного текста статьи:

Рукопись должна быть оформлена в соответствии
с Правилами издания исторических документов (М., 1990).

При первом упоминании лица обязательно перед фамилией указываются
инициалы (И.О., без пробелов); инициалы отделяются пробелом
от фамилии. Кавычки – только «русские», за исключением,
если в закавыченном фрагменте есть цитата.

Тире – только длинное, в двойных датах и номерах страниц
ставится без пробелов: **1910–1930; С. 3–6.**

Примечания – с красной строки, жирными буквами,
после текста и перед концевыми сносками.

В сносках обязательна библиографическая унификация: указание места
издания, года, тома, выпуска и т.д. в соответствии с ГОСТом 7.0.5–2008.

«Библиографическая ссылка».

Общие требования и правила составления».

Сноски в статье – только автоматические, концевые, пронумерованные
арабскими цифрами. Цифра сноски в конце предложения
ставится перед точкой¹. Шрифт сносок – **Times New Roman.**

Размер шрифта сносок – **12.**

В сносках фамилии И.О. авторов – курсивом.

При повторной ссылке на ту же книгу, ту же статью
или то же архивное дело – ссылка воспроизводится полностью.

Два и более источников в одной сноске отделяются точкой с запятой.

В многотомных изданиях место и год издания указываются
после номера тома. Год, том, номер журнала и т.п. разделяются
между собой и отделяются от соответствующих цифр пробелами:

1990. Т. 21. № 6. С. 53. или 1982. V. 69. № 9. P. 26.

Для обозначения номера как русского, так и иностранного журнала
употребляется «№». Перед годом после названия издательства
или города (если издательства нет) ставится запятая.

**РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИСТОРИКОВ-АРХИВИСТОВ ОРГАНИЗУЕТ ПОДПИСКУ
НА ПЕЧАТНУЮ ВЕРСИЮ ЖУРНАЛА**

«ВЕСТНИК АРХИВИСТА»

**ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**по Каталогу Агентства «РОСПЕЧАТЬ»
«ГАЗЕТЫ. ЖУРНАЛЫ»
в разделе «ИСТОРИЯ. ФИЛОЛОГИЯ»**

**ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС НА 2012 г.
(годовой комплект – 4 номера) ПЕЧАТНОЙ ВЕРСИИ
ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК АРХИВИСТА»**

32337

**НА ПОЛУГОДИЕ ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС
48655**

**по Каталогу «ПРЕССА РОССИИ»
ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ
88606 (полугодовой)
88625 (годовой)**

**Электронная версия журнала
«ВЕСТНИК АРХИВИСТА» в режиме on-line –
ООО «Научная электронная библиотека»:
<http://elibrary.ru>**

**Подписку на электронные и печатные версии журнала
в странах дальнего зарубежья можно оформить
через агентство «Ист Вью Информэйшн Сервисез, инк»:
www.eastview.com, sales@mosinfo.ru**

**The subscription to electronic and printing versions
of magazine in the far abroad countries can be issued
through agency "East View Information Services, inc.":
www.eastview.com, sales@mosinfo.ru**